U 66/203

И 66
203

Л. Н. Соболевъ.

Куропаткинская стратегія.

Краткія замѣтки
бывшаго командира
6-го сибирскаго армейскаго корпуса.

съ 6 планами и схемами.

С.-Петербургъ
„Русская Скоропечатня", Екатерининъ. каналъ, 94.
1910.

25

ВЪ СКЛАДѢ

В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

Четырехдневное сраженіе второй Маньчжурской арміи генералъ-адъютанта Гриппенберга. Хейготай-Сандепу съ 12 по 15 января 1905 г. съ картами, планами, схемами и чертежами. Составилъ Генеральнаго Штаба полковникъ *Галкинъ*. Спб. 1910 г. . . . . **2 р. 50 к.**

Нельзя не привѣтствовать появленіе этой книги, ибо она трактуетъ о событіи, мало извѣстномъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень важномъ... Въ печати до сего дня не появлялось подробнаго изслѣдованія этого интереснаго эпизода изъ минувшей войны... составленной на основаніи первоисточниковъ. Написана она легко и литературно, строго объективно и научно.

... достоинства ея (книги г. Галкина) огромны. Нужно думать, что она будетъ оцѣнена спеціалистами, какъ слѣдуетъ. Горячо желаемъ этой книгѣ возможно большаго успѣха.

К. *„Голосъ Москвы“ 1909 г. № 226.*

Русско-Японская война. Составл. англійскимъ генеральнымъ штабомъ. Вып. I. Переведъ генер. штаба подполк. баронъ *Винекенъ*. Спб., 1908 г. . . . **1 р. 50 к.**

То же. Вып. II. Отъ боя на Ялу до Ляояна. Спб., 1909 г. . . . . **2 р. 50 к.**

ОДОБРЕНО Цирк. Гл. штаба 1907 г. № 374.

Русско-Японская война 1904—1905 г. (съ отдѣльнымъ атласомъ схемъ). Составилъ генер. штаба полковникъ *В. Черемисовъ*. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. Спб., 1909 г. . . . . **3 р. 50 к.**

... Каждый, кто прочтетъ книгу г. Черемисова, оцѣнитъ безпристрастное, спокойное и полное достоинства отношеніе автора къ событіямъ войны и ихъ значенію.

Если, ко всему изложенному выше, добавить, что разсматриваемая книга написана легкимъ слогомъ и снабжена большимъ количествомъ чертежей, то само собой становится понятнымъ, почему трудъ г. Черемисова имѣетъ уже два изданія и почему мы смѣло рекомендуемъ его и для офицерскихъ библіотекъ, и для военныхъ училищъ.

М. Ковскій. „Рус. Инв.“ 1908 г., Лит. приложс. № 34.

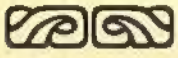
Л. Н. СОБОЛЕВЪ.

2/66
203

КУРОПАТКИНСКАЯ ✧ ✧ ✧ ✧ СТРАТЕГІЯ.

Краткія замѣтки ▫ ▫ ▫
бывшаго командира ▫ ▫
6-го сибирскаго армейскаго корпуса.

съ 6 планами и схемами.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
„Русская Скоропечатня“ Екатерининск. каналъ, 94.
1910.

2007099674

Многіе изъ участниковъ прошлой войны нашей съ Японіею, а также многіе изъ тѣхъ, которые имѣли возможность изучить эту кампанію по достовѣрнымъ источникамъ, будутъ удивлены заглавіемъ моихъ замѣтокъ.

Какая такая была стратегія у генералъ-адъютанта Куропаткина?—спросятъ они.

Никакой стратегіи въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ военное искусство, у него не было,—скажутъ они.

Японцы вели войну методически, любили обходы и въ рѣшительную минуту умѣли сосредоточить превосходныя силы. Они основательно устраивали глубокій прекрасно оборудованный тылъ. Они основательно готовились къ предстоящей имъ войнѣ и имѣли опредѣленный планъ.

Наше военное вѣдомство, во главѣ котораго достаточно продолжительное время стоялъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, отнеслось съ пренебреженіемъ къ мысли о возможности войны съ Японіею, не озаботилось составленіемъ хоть какого либо хорошо обдуманнаго плана войны, не обратило никакого вниманія на усиленіе путей подвоза и созданія

базы и не подготовило войска къ предстоявшей войнѣ.

Противники Куропаткина утверждаютъ, что онъ, облеченный полною мощью власти, выказалъ самое удивительное пренебреженіе къ законамъ стратегіи выработаннымъ вѣками, и что отсутствіе этой стратегіи въ теченіе войны, при той сложной и тяжелой обстановкѣ, въ которой очутилась наша армія на таинственномъ Дальнемъ Востокѣ, является первостепенною причиною всѣхъ нашихъ неудачъ въ южной Маньчжуріи.

Въ защиту нашего бывшаго вождя авторъ настоящихъ краткихъ замѣтокъ считаетъ своимъ долгомъ высказать мысль, что все же у него, Куропаткина, не могло не быть стратегіи, такъ какъ еще неизвѣстенъ тотъ главнокомандующій, у котораго совершенно отсутствовало бы представленіе о стратегіи. Была она, очевидно, и у Куропаткина. Изучать эту его стратегію, по мнѣнію автора замѣтокъ, не стоитъ труда, но очертить ее полезно, хотя бы для того, чтобы выяснить, по возможности точно, чего должно избѣгать, при извѣстной обстановкѣ, дабы не терпѣть, въ продолженіе всей кампаніи, изо дня въ день, лишь одни пораженія.

Командуя въ теченіе прошлой войны 6-мъ сибирскимъ корпусомъ, сформированнымъ изъ резервовъ, авторъ замѣтокъ естественно близко знакомъ съ тѣми дѣйствіями, которыя касались этого корпуса; онъ также знакомъ съ дѣйствіями бывшихъ боевыхъ сосѣдей 6-го сибирскаго корпуса, а по документамъ,

разсказамъ очевидцевъ и статьямъ, напечатаннымъ въ военныхъ журналахъ, ознакомленъ въ общихъ чертахъ съ дѣйствіями другихъ корпусовъ армій.

Авторъ считаетъ необходимымъ замѣтить, что выборъ заглавія для настоящихъ замѣтокъ поставилъ его въ немалое затрудненіе. Авторъ, тотчасъ же послѣ возвращенія изъ Маньчжуріи въ 1906 г., приступилъ къ составленію описанія боевыхъ дѣйствій 6 сибирскаго корпуса, но описаніе это было имъ пріостановлено неимѣніемъ въ его распоряженіи многихъ цѣнныхъ документовъ, получать копіи съ которыхъ изъ военныхъ архивовъ составляло для него почти неодолимый трудъ.—Другое дѣло, если-бы эти документы были уже напечатаны распоряженіемъ нашего генеральнаго штаба. Тогда авторъ замѣтокъ имѣлъ бы возможность, вмѣстѣ съ другими участниками войны, освѣтить ихъ истинное значеніе, отчего выиграло бы внутреннее содержаніе историческаго описанія вышедшей кампаніи.

Начатый трудъ пролежалъ два года безъ движенія, и хотя авторъ его располагалъ копіями почти 3.000 документовъ, но этого оказалась недостаточнымъ, чтобы представить трудъ въ законченномъ видѣ.

Одновременно съ развитіемъ труда выяснялся вопросъ о вліяніи, которое обнаруживали распоряженія Куропаткина на ходъ операцій, которыя развертывались на театрѣ военныхъ дѣйствій; при этомъ само собою напрашивался вопросъ о томъ, что въ сущности представляла изъ себя стратегія нашего бывшаго начальника?

Авторъ, потерявъ надежду описать должнымъ образомъ боевыя дѣйствія 6 сибирскаго корпуса, рѣшился составить замѣтки, въ которыхъ изложить, по его крайнему разумѣнію, въ чемъ именно заключалась сущность куропаткинской стратегіи.

Авторъ не можетъ согласиться съ тѣми, кто старается доказать, что у лица, которому было поручено отстоять достоинство Россіи и честь ея арміи, не было за время всей войны ни одной опредѣленной здравой военной мысли.

Куропаткинъ во время боевыхъ дѣйствій велъ не одну, а двѣ кампаніи: первую противъ японцевъ; вторую—противъ русскихъ генераловъ, своихъ подчиненныхъ.

Въ первой кампаніи онъ строго придерживался обороны, а если, какъ это было подъ Вафангоу, Шахэ, Сандепу и Мукденомъ, проявлялъ проблески наступленія, то тотчасъ же давалъ отбой, переходилъ къ оборонѣ и отступалъ. „Окопаться“, „упорно обороняться“ и „отступать“— вотъ бывшая его система веденія войны, прозванная въ арміи „оборонительно-отступательной“.

Во второй кампаніи онъ, почти съ самаго своего пріѣзда на театръ войны, началъ постепенное наступленіе на генераловъ, стараясь уронить ихъ въ глазахъ арміи и ослабить ихъ значеніе въ Петербургѣ. Рѣшительное нападеніе на генераловъ онъ началъ тотчасъ же, какъ водворился въ должности командующаго 1-ю маньчжурскою арміею, съ апрѣля 1905 г., то есть, слѣдовательно, еще тогда, когда

сильныя подкрѣпленія готовились въ Россіи для посылки на Сыпингайскія позиціи, когда армія такъ горячо желала продолженія войны, дабы вырвать, наконецъ, изъ рукъ счастливаго противника побѣду, и когда въ ней надлежало укрѣпить нравственное значеніе старшихъ начальниковъ, и безъ того разшатанное Куропаткинымъ, а не добивать его.

Въ защиту Куропаткина авторъ настоящихъ замѣтокъ позволяетъ себѣ остановиться на мысли, что нашъ бывшій вождь, вѣроятно, не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что его стратегія, такъ рѣшительно обнаруженная имъ при нападеніи на генераловъ, могла повлечь за собою ослабленіе, въ сильной, при томъ, степени, довѣрія войскъ къ ихъ начальникамъ и, слѣдовательно, упадокъ воинской дисциплины. Съ другой стороны, японцы могли легко узнать о дрязгахъ, водворившихся среди русскихъ генераловъ, что во всякомъ случаѣ для насъ было бы очень невыгодно. Въ этомъ отношеніи пребываніе Куропаткина въ арміи, послѣ смѣны его съ должности главнокомандующаго, было, какъ это кажется автору, крайне вредно, и эта сторона его дѣятельности будетъ, несомнѣнно, современемъ въ точности выяснена.

Храбрость и мужество Куропаткина въ нападеніи на начальниковъ русскихъ войскъ не имѣли предѣла, при чемъ, какъ это обнаружено документально, онъ не проявилъ склонности къ истинѣ, которую, вѣроятно, и не искалъ.

Можно полагать, что если бы Куропаткинъ былъ

въ состояніи обнаружить такую же храбрость и такое же мужество въ борьбѣ съ японскими генералами, то, быть можетъ, война не имѣла бы такого печальнаго исхода.

Все же онъ тогда, въ апрѣлѣ 1905 г., не рѣшался еще сдѣлать нападеніе на корпусъ офицеровъ и на армію. Тогда, вѣроятно, онъ не считалъ своевременнымъ унижать всю армію въ ея совокупности, во-первыхъ, потому, что еще разсчитывалъ во главѣ 1-й арміи вступить въ бой съ японцами, а во-вторыхъ, потому, что недовѣріе къ арміи, высказанное громко, не могло пройти для него тогда безнаказанно, и его вновь, пожалуй, лишили бы высокаго командованія.

Когда маньчжурскія арміи были расформированы, Куропаткинъ болѣе не сдерживался и сдѣлалъ общее нападеніе на нашу доблестную армію.

Къ несчастью, онъ проигралъ свою первую кампанію и, къ счастью, проигралъ и вторую, не обнаруживъ ни въ оборонѣ, ни въ наступленіи проблеска стратегическаго таланта.

Вопросъ первостепенной государственной важности, однако, былъ поставленъ ребромъ.

Какъ у насъ дома, такъ, въ особенности, заграницею еще не угасло мнѣніе о малогодности нашей арміи для наступательныхъ дѣйствій. Часть нашей прессы говорила, что наши генералы малоспособны, что нашъ генеральный штабъ не стоитъ на надлежащей высотѣ, что множество офицеровъ не соотвѣтствуютъ своему назначенію и что даже нашъ

солдатъ, котораго раньше всѣ хвалили, не проявилъ на войнѣ достаточно мужества и упорства.

Такимъ образомъ выходитъ, что наша вооруженная сила, отъ которой во многомъ зависитъ наше внѣшнее достоинство, наша безопасность и внутреннее спокойствіе, на самомъ дѣлѣ не представляетъ собою ту силу, на которую, при трудныхъ внѣшнихъ обстоятельствамъ, могли-бы положиться правительство и родина.

Положеніе, поистинѣ, грозное!

Такъ ли это въ дѣйствительности?

Страшныя пораженія, понесенныя нашими арміями въ войнѣ съ японцами—вотъ, говорятъ, неопровержимыя доказательства малогодности, въ боевомъ отношеніи, современной намъ нашей вооруженной силы.

Общественное мнѣніе и пресса, къ сожалѣнію, въ извѣстной мѣрѣ опирались на показанія лица, которое еще не успѣло вполѣ утратить къ началу 1906 г. своего обаянія, добытаго всесильной рекламой.

Въ февралѣ 1906 г. Куропаткинъ, въ своемъ прощальномъ обращеніи къ офицерамъ 1-й маньчжурской арміи, возвелъ на всѣ три арміи рядъ обвиненій, явно несправедливыхъ.

Разсматривая причины нашихъ неудачъ, онъ говоритъ, что прежде всего виноватъ въ нихъ онъ самъ, какъ старшій начальникъ. Это, конечно, неопровержимая истина, и за одну рѣшимость высказать

ее открыто бывшій нашъ вождь заслуживаетъ похвалы.

И какъ бывшій военный министръ, не принявшій никакихъ существенныхъ мѣръ къ тому, чтобы хоть сколько нибудь подготовить наши войска и театръ военныхъ дѣйствій къ войнѣ съ Японіею, и засимъ, при самомъ началѣ войны, будучи еще въ Петербургѣ, водворившій хаосъ въ нашей арміи тѣмъ, что вырывалъ отдѣльныя роты изъ полковъ и, составляя изъ нихъ сборные баталіоны, посылалъ на Дальній Востокъ, и какъ бывшій командующій маньчжурскою арміею, а впослѣдствіи главнокомандующій, Куропаткинъ проявилъ крупныя отрицательныя стороны своей дѣятельности.

Въ малоспособности никто не имѣетъ права упрекать Куропаткина, такъ какъ если судьбѣ не было угодно наградить его военными талантами, то и нельзя предъявлять къ нему большихъ требованій; но и при отсутствіи крупнаго таланта способный генералъ можетъ, при довѣріи къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ и къ войскамъ, при уваженіи къ нимъ и при извѣстной военной выдержкѣ и настойчивости, вести удачную войну.

Если-бы Куропаткинъ ограничился лишь самообвиненіемъ, мотивировавъ его какъ слѣдуетъ, на что у него имѣется много документовъ, то съ этимъ не трудно было бы примириться; но, занимаясь самоуниженіемъ, онъ бросаетъ въ лицо русской арміи тяжелыя обвиненія, никѣмъ еще не дока-

занныя и не могущія быть доказанными, такъ какъ онѣ совершенно не отвѣчаютъ истинѣ.

Въ числѣ причинъ нашихъ пораженій Куропаткинъ называетъ слѣдующія: недостаточно сознательное, особенно при наступленіи, веденіе боя, и главное—недостатокъ иниціативы, недостатокъ самостоятельности у частныхъ начальниковъ, недостатокъ боевого воодушевленія у офицеровъ и нижнихъ чиновъ, малое стремленіе къ подвигу, недостаточная взаимная выручка сосѣдей, недостатокъ непреклонной воли, отъ нижняго чина до старшихъ начальниковъ, доводить начатое дѣло до конца, не смотря ни на какія жертвы.

Сотни тысячъ убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ, небывалыя потери въ офицерахъ, исчисляемыя въ 6271 человѣкъ, свидѣтельствуютъ, однако, о честномъ и доблестномъ выполненіи офицерами и нижними чинами своего долга.

Въ представляемыхъ вниманію читателей замѣткахъ авторъ ихъ постарается, между прочимъ, выяснить вопросъ, насколько слѣдуетъ придавать вѣры обвиненіямъ Куропаткина, съ такимъ легкимъ сердцемъ, возведеннымъ на нашу доблестную армію.

Всѣ пораженія, понесенныя нами на маньчжурскомъ театрѣ войны во время нашей несчастной борьбы съ японцами, произошли, какъ это полагаетъ авторъ и какъ это въ достаточной степени уже установлено документальными данными, отъ многихъ сложныхъ причинъ, во главѣ которыхъ

надлежитъ поставить: 1) слабое и неискусное управленіе Куропаткинымъ военнымъ министерствомъ; 2) полное пренебреженіе къ дѣлу нашей подготовки къ войнѣ съ Японіею; 3) ошибочно направленная воля Куропаткина и его неумѣнье справляться съ массами войскъ, что было имъ обнаружено еще на большихъ маневрахъ подъ Курскомъ въ 1902 г., и 4) излишнее его самомнѣніе и его недовѣріе къ войскамъ и главнымъ своимъ сотрудникамъ, многіе изъ коихъ несомнѣнно были выше его на цѣлую голову.

I.

Ляоянъ былъ роковымъ для насъ пораженіемъ.

Главнокомандующій японскими арміями имѣлъ опредѣленный наступательный планъ, заключавшійся въ усиленной демонстраціи противъ нашего центра, въ угрозѣ нашему правому флангу и въ рѣшительномъ обходѣ нашего лѣваго фланга съ угрозою нашему пути отступленія.

Куропаткинъ не имѣлъ никакого плана. Онъ надѣялся на силу укрѣпленной позиціи, забывъ о томъ, что всякая такая позиція можетъ быть обойдена.

Онъ объявилъ на весь міръ, что отъ Ляояна не отступитъ, а когда дѣла его приняли тяжелый оборотъ, онъ заявилъ, что Ляоянъ будетъ его могилой.

„Въ ночь съ 20-го на 21-е августа“, пишетъ генералъ баронъ Бильдерлингъ въ своей запискѣ отъ марта 1906 г., „командующій арміей потребовалъ меня къ себѣ. Выслушавъ мой докладъ о дѣйствіяхъ 19-го и 20-го, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ сказалъ мнѣ, что на слѣдующій день, 21-го августа, онъ съ 1-мъ и 3-мъ сибирскими корпусами переходитъ въ наступленіе съ лѣваго фланга, съ тѣмъ, чтобы, нанеся ударъ на правый флангъ ар-

міи Куроки, отбросить его къ р. Тайцзыхе. Моя роль на этотъ день сводилась къ пассивной оборонѣ дер. Сыквантунь, составляющей неподвижную ось захожденія. Когда же вполнѣ обнаружится наше обходное движеніе—то перейти въ общее наступленіе. Такое рѣшеніе, согласованное съ заранѣе отданной на 20-е число диспозиціей и, какъ я сказалъ выше, вполнѣ отвѣчающее данной обстановкѣ, при энергичномъ и настойчивомъ выполненіи, ставило армію Куроки въ критическое положеніе и сулило намъ несомнѣнный успѣхъ. На прощанье генералъ-адъютантъ Куропаткинъ сказалъ мнѣ: „отъ Ляояна я не отступлю, Ляоянъ моя могила". Съ приподнятымъ духомъ и съ полной надеждой на то, что тяжелыя потери, понесенныя нами наканунѣ, окупятся успѣхомъ, вернулся я домой и отдалъ соотвѣтствующее распоряженіе, приказавъ частямъ 35-й пѣх. дивизіи удерживать Сыквантунь. Съ разсвѣтомъ 21-го я расположился на высокомъ холмѣ позади Сыквантуня и Нѣжинской сопки, откуда вся мѣстность впереди открывалась какъ на ладони и можно было слѣдить за обходнымъ движеніемъ нашихъ войскъ съ лѣваго фланга. Вскорѣ открылся артиллерійскій огонь; японцы начали усиленно обстрѣливать нашу позицію изъ осадныхъ орудій большого калибра бризантными гранатами и шрапнелью, не нанося однако намъ чувствительныхъ потерь. Съ лѣваго берега Тайцзыхе, передъ Ляояномъ, также доносился до насъ грохотъ орудій; повидимому бой разгорался по всей линіи.

„Между тѣмъ въ 9 час. утра ко мнѣ пріѣхалъ офицеръ съ полевой запиской начальника штаба арміи, въ которой было сказано, что командующій арміей приказалъ немедленно начать общее отступленіе отъ Ляояна. Что было причиной такого рѣ-

шенія, поразившаго всѣхъ насъ тяжелой неожиданностью, до сихъ поръ мнѣ неизвѣстно. Частная неудача, постигшая бригаду генерала Орлова, пріостановленное вслѣдствіе этого движеніе генерала барона Штакельберга, очищеніе нами ночью Нѣжинской сопки, не занятой однако японцами, не могло, мнѣ кажется, измѣнить принятое, наканунѣ вечеромъ командующимъ арміей, рѣшеніе перейти на слѣдующее утро въ наступленіе съ лѣваго фланга. Упорно продолжая бой 21-го и рѣшительно поведя атаку на правый флангъ Куроки, мы ставили переправившіяся на правый берегъ японскія войска въ критическое положеніе. Еще болѣе благопріятно складывались для насъ дѣла на лѣвомъ берегу р. Тайдзыхе. Оборонявшія Ляоянскую укрѣпленную позицію войска генерала Зарубаева блистательно отразили повторныя атаки японцевъ; всѣ траншеи на передовыхъ позиціяхъ нашихъ были завалены трупами японцевъ, войска ихъ настолько утомились, что болѣе не были въ силахъ драться и падали подъ нашими ударами. Все наступленіе ихъ было пріостановлено. Какъ выяснилось впослѣдствіи, японцы, видя критическое положеніе Куроки на правомъ берегу р. Тайцзыхе и невозможность овладѣть укрѣпленной позиціей нашей передъ Ляояномъ на лѣвомъ берегу, уже рѣшились отступить и не хотѣли вѣрить, когда китайцы сообщили имъ, что мы очистили Ляоянъ".

Овладѣніе Ляояномъ, и при томъ сильно укрѣпленнымъ, праздновалось японцами, какъ первая рѣшительная побѣда, одержанная надъ сосредоточенной русской арміей, что, конечно, страшно приподняло ихъ духъ и вселило увѣренность въ свои силы.

Пораженіе, нами понесенное, имѣло пагубное

вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій. Наши арміи дрались великолѣпно и несчастный случай съ 54-й дивизіей, конечно, не можетъ служить оправданіемъ нашему отступленію, предпринятому такъ несвоевременно.

Армія подъ Ляояномъ оказала мужество и большое упорство; но, къ сожалѣнію, именно этихъ военныхъ доблестей не оказалось налицо у Куропаткина. Онъ обнаружилъ недостатокъ непреклонной воли довести до конца, начатое имъ дѣло.

У Куропаткина мелькнула было мысль воспользоваться внутренними линіями, и если бы онъ довелъ до конца хорошо задуманный имъ планъ, основная мысль котораго состояла въ томъ, чтобы, отбросивъ Куроки на лѣвый берегъ р. Тайцзыхе, обратиться засимъ съ превосходными силами противъ арміи Нодзу и Оки, то предпріятіе его, вѣроятно, увѣнчалось бы успѣхомъ.

Куропаткинъ рѣшился отступить къ Тѣлинскимъ укрѣпленнымъ позиціямъ, но по совѣту ген. Случевскаго расположилъ свои войска на Мукденской позиціи. Болѣе соотвѣтственно было бы отступить къ Тѣлину, уничтоживъ желѣзнодорожное сообщеніе на всемъ пути отступленія; но онъ сохранилъ мосты, чѣмъ была облегчена японцамъ трудная операція подвоза довольствія, пополненіе рядовъ ихъ армій и присылка къ нимъ подкрѣпленій. Обидно было, что большой желѣзнодорожный мостъ черезъ р. Тайцзыхе былъ оставленъ въ пользованіе нашему врагу. Отступленіе было такъ неожиданно и такъ поспѣшно, что въ Ляоянѣ пришлось бросить значительное количество артиллерійскихъ снарядовъ.

Въ Россіи и за границей нашъ крупный неуспѣхъ подъ Ляояномъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе; но, къ крайнему удивленію, самъ Куропат-

кинъ былъ иного мнѣнія. Онъ полагалъ, что искуснымъ отступленіемъ спасъ нашу армію и что если это дѣло не было его побѣдою, то во всякомъ случаѣ это былъ его крупный стратегическій успѣхъ. Вотъ какъ онъ своеобразно понималъ основныя начала стратегіи. О нашемъ пораженіи подъ Ляояномъ, по его словамъ, не могло быть и рѣчи.

Когда я прибылъ въ половинѣ сентября 1904 г. подъ Мукденъ, въ штабѣ Куропаткина еще говорили о его стратегическомъ успѣхѣ подъ Ляояномъ. Я рѣшительно недоумѣвалъ. Такъ извращались здравыя понятія о стратегіи.

II.

Потерпѣвъ нѣсколько крупныхъ пораженій, Куропаткинъ черезъ мѣсяцъ послѣ Ляоянской операціи, не собравъ сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній о силахъ и расположеніи противника и о мѣстности предстоявшей дѣятельности, задумалъ наступать на Портъ-Артуръ.

Онъ, вѣроятно, надѣялся, что послѣ своего стратегическаго успѣха подъ Ляояномъ онъ и на Шахе достигнетъ успѣха. Не обдумавъ, какъ слѣдуетъ, плана наступательной операціи, онъ зато основательно обдумалъ свой приказъ по арміи. Онъ надъ нимъ много поработалъ и армія съ удовольствіемъ его прочла; но люди опытные, хорошо изучившіе нашего вождя, читая приказъ, покачивали головою. Вотъ этотъ знаменитый приказъ.

Приказъ войскамъ Маньчжурской арміи.

19 сентября 1904 года.

Г. Мукденъ, № 687.

Болѣе семи мѣсяцевъ тому назадъ врагъ вѣроломно напалъ на насъ въ Портъ-Артурѣ, ранѣе объявленія войны. Съ тѣхъ поръ много подвиговъ содѣяно русскими войсками на сушѣ и на морѣ, которыми справедливо можетъ гордиться наша родина. Но врагъ не только не поверженъ въ прахъ, но въ гордынѣ своей еще помышляетъ о полной побѣдѣ надъ нами.

Войска Маньчжурской арміи, неизмѣнно сильныя духомъ, до сихъ поръ не были достаточно сильны численно, чтобы разбить выставленныя противъ насъ японскія арміи.

Требовалось много времени, чтобы одолѣть всѣ препятствія и усилить дѣйствующую армію въ такой мѣрѣ, чтобы она съ полнымъ успѣхомъ могла выполнить возложенную на нее трудную, но почетную и славную задачу.

Вотъ почему, несмотря на многократное отраженіе атакъ японцевъ на наши позиціи у Ташичао, Ляньдяпеляна и на позиціяхъ у Ляояна, я не признавалъ своевременнымъ использовать эти успѣхи переходомъ въ наступленіе и приказывалъ отступать.

Вы покидали геройски обороняемыя вами позиціи, заваленныя грудами японскихъ труповъ, покидали ихъ не тревожимые врагомъ и, въ грозной готовности къ новому бою, отходили назадъ на подготовленныя заранѣе новыя позиціи.

Послѣ пятидневнаго боя подъ Ляояномъ, нанеся японцамъ тяжелыя потери, отстоявъ съ полнымъ

успѣхомъ всѣ передовыя и главную позицію, вы отошли къ Мукдену при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, атакованные вышедшею во флангъ арміею Куроки. Вы двигались по непролазной грязи, ведя бой днемъ и ночью, вытаскивая на рукахъ орудія и повозки, и отошли къ Мукдену, не оставивъ въ рукахъ противника ни одного орудія, не оставивъ плѣнныхъ, унося съ собою всѣхъ раненыхъ, сохранивъ всѣ обозы.

Я приказывалъ вамъ отступать съ горестью въ сердцѣ, но съ непоколебимою вѣрою, что отступленіе наше на подходящія подкрѣпленія было необходимо для одержанія надъ врагомъ, когда наступитъ для сего время, рѣшительной побѣды.

Державною волею Государя Императора для борьбы съ Японіею назначены силы, вполнѣ обезпечивающія за нами побѣду. Всѣ трудности, дабы передвинуть эти силы за 10.000 верстъ, самоотверженно преодолѣваются несокрушимою энергіею и талантомъ русскихъ людей всѣхъ вѣдомствъ, всѣхъ чиновъ и положеній, приставленныхъ къ этому дѣлу, небывалому въ исторіи войнъ по своей трудности.

Сотни тысячъ людей, многіе десятки тысячъ лошадей, повозокъ, милліоны пудовъ грузовъ непрерывною желѣзнодорожною рѣкою переливаются въ теченіе семи мѣсяцевъ изъ Европейской Россіи и Сибири въ Маньчжурію и съ теченіемъ времени этотъ потокъ все крѣпнетъ, все ширится.

Если окажется недостаточнымъ присланныхъ уже полковъ, придутъ новые, но непоколебимая воля Государя Императора, дабы мы побѣдили врага, будетъ неуклонно исполнена.

До сихъ поръ противникъ нашъ, пользуясь большею численностью и охватывающимъ насъ расположеніемъ своихъ армій, дѣйствовалъ по своей волѣ,

выбирая удобное для себя время для нападенія на насъ.

Но теперь уже настало желанное и давно ожидаемое время идти самимъ впередъ, на встрѣчу врагу. Пришло для насъ время заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ, ибо силы Маньчжурской арміи нынѣ стали достаточны для перехода въ наступленіе. Вы должны однако непрерывно помнить, что для побѣды надъ сильнымъ и храбрымъ противникомъ, кромѣ численности войска, необходима твердая рѣшимость всѣхъ чиновъ арміи, отъ мала до велика, одержать эту побѣду, какихъ бы жертвъ для сего ни потребовалось. Проникнитесь всѣ сознаніемъ важности побѣды для Россіи. Въ особенности помните, какъ нужна намъ она, дабы скорѣе выручить нашихъ братьевъ въ Портъ-Артурѣ, семь мѣсяцевъ геройски отстаивающихъ ввѣренную ихъ оборонѣ крѣпость.

Наша армія, крѣпкая единеніемъ съ Царемъ и всею Россіею, во всѣ войны, веденныя нами, свершала великіе подвиги на защиту Престола и Родины и заслужила почетную славу среди всѣхъ народовъ.

Помните ежечасно, что волею Государя Императора нынѣ вамъ ввѣрена защита достоинства Россіи и ея правъ на Дальнемъ Востокѣ. Помните ежечасно, что вамъ довѣріемъ Государя ввѣрено поддержаніе чести и славы всей русской арміи.

Державный Вождь русской земли молится со всею Россіею за насъ на новые самоотверженные подвиги.

Подкрѣпляемые этою молитвою, съ глубокимъ сознаніемъ важности выпавшей на насъ задачи, мы должны идти впередъ безтрепетно, съ твердою рѣшимостью исполнить свой долгъ до конца, не щадя живота своего.

И да будетъ надъ всѣми нами воля Господня.

Подписалъ: Командующій арміею генералъ-адъютантъ Куропаткинъ.

Этотъ напыщенный приказъ, заключавшій въ себѣ много крупныхъ неточностей, не произвелъ впечатлѣнія на начальствующихъ лицъ, но все же онъ былъ прочтенъ въ арміи, какъ было сказано выше, съ удовольствіемъ. Духъ арміи, вслѣдствіе понесенныхъ пораженій и господства оборонительно-наступательнаго направленія, не былъ, къ сожалѣнію, на надлежащей высотѣ; къ несчастью, этотъ духъ передавался на свѣжія войска, только что прибывшія изъ Россіи. Явленіе это я лично наблюдалъ, и въ послѣднихъ войскахъ распространилось мнѣніе о слабомъ командованіи Куропаткинымъ арміею.

Корпусные командиры, уже бывшіе въ дѣлахъ съ Куропаткинымъ, и начальники дивизій, за малыми исключеніями, не возлагали никакихъ надеждъ на командующаго арміей. Большинство высшаго начальства уже извѣдало на опытѣ стратегію Куропаткина и изучило его крайне неустойчивую волю, и въ арміи многіе открыто говорили, что подъ его начальствомъ мы не будемъ имѣть успѣха.

Меня, какъ свѣжаго человѣка, только что прибывшаго въ армію, крайне поразило это важное обстоятельство. Хотя я хорошо зналъ, что именно изъ себя представляетъ командующій Маньчжурскою арміею, но такъ какъ въ Россіи, откуда я только что пріѣхалъ, полагали, что Куропаткинъ пользуется громаднымъ авторитетомъ въ войскахъ, то дорогою въ Маньчжурію я неоднократно задавалъ себѣ вопросъ: правильно-ли я составилъ мнѣніе о нашемъ вождѣ? Я такъ хотѣлъ ошибиться, но на повѣрку оказалось, что такого авторитета онъ не имѣлъ.

Въ дни, предшествовавшіе началу наступленія на югъ, я находился близъ Мукдена, въ центрѣ развертывавшихся событій. Въ этотъ городъ прибылъ къ самому началу операціи Намѣстникъ Дальняго Востока, генералъ-адъютантъ Алексѣевъ, и у него было важное совѣщаніе. Какъ адмиралъ, онъ не сумѣлъ поставить нашъ флотъ на соотвѣтствующую высоту; незнакомый съ дѣйствіями сухопутныхъ войскъ, хотя и облеченный властью главнокомандующаго, какое онъ могъ дать повелѣніе Куропаткину? Онъ былъ въ Мукденѣ какъ въ лѣсу, и Куропаткинъ рѣшительно ему импонировалъ. Присутствіе Намѣстника среди насъ производило какое то странное недоумѣніе, и всѣ, конечно, понимали, что въ немъ не было ничего, что могло бы оттѣнить его, какъ облеченнаго высшею властью надъ арміею. Онъ не сѣлъ на коня и не появился среди войскъ. Мнѣ его искренно было жаль и все это произвело на меня невыразимо тяжелое впечатлѣніе.

III.

Задуманная наступательная операція не опиралась на твердыя основанія, а потому носила въ себѣ зародыши неуспѣха. Куропаткинъ, какъ сказано было выше, не располагалъ сколько-нибудь точными свѣдѣніями о силахъ и расположеніи противника. Войска получили очень неточную карту. Планъ операціи вовсе не былъ разработанъ. Это безусловная истина. Вѣроятно, онъ не былъ и обдуманъ, какъ слѣдуетъ.

Лично я не получилъ отъ Куропаткина ни одного соотвѣтствующаго указанія, и мнѣ данъ былъ имъ лишь одинъ совѣтъ о томъ, какъ слѣдуетъ

производить рекогносцировку, что я зналъ не хуже его и что изложено въ любомъ учебникѣ тактики. Передо мною сидѣлъ не командующій русской арміей, а словоохотливый профессоръ. Не весело было мнѣ, да и не поучительно было слушать Куропаткина. Однако онъ нѣсколько разъ повторялъ мнѣ, что я долженъ помнить, что мой 6-й сибирскій корпусъ составляетъ его стратегическій резервъ и что этотъ резервъ можетъ быть имъ двинутъ либо на одинъ изъ фланговъ, либо въ центръ развертывающейся арміи. Хотя я былъ очень доволенъ тѣмъ, что 6-му сибирскому корпусу скоро предстояло вступить въ бой, но все же я не могъ въ точности уяснить себѣ, что въ сущности изображаетъ изъ себя мой корпусъ: стратегическій ли резервъ командующаго арміей, какъ неоднократно мнѣ повторялъ вождь, или войска, какъ это значилось въ полученной мною его диспозиціи, назначенныя для охраненія тыла.

Какъ только армія двинулась впередъ, духъ ея сразу повысился и войсками овладѣло воодушевленіе—вотъ внутренній смыслъ всякаго наступательнаго движенія. Пораженія были забыты и явилась надежда на успѣхъ.

Армія, двинутая впередъ, состояла изъ трехъ крупныхъ группъ: Восточнаго отряда, Западнаго отряда и общаго резерва. Это была „экспедиція барономъ“, какъ мнѣ сказалъ Куропаткинъ, когда я его видѣлъ въ Мукденѣ и когда всѣ главныя распоряженія были уже окончены. Во главѣ Восточнаго отряда поставленъ былъ баронъ Штакельбергъ, во главѣ Западнаго—баронъ Бильдерлингъ, а старшимъ въ общемъ резервѣ былъ баронъ Мейендорфъ. На меня было возложено охраненіе тыла.

Восточный отрядъ былъ слѣдующаго состава:

баталіоновъ пѣхоты	73
саперныхъ баталіоновъ	3
сотенъ казаковъ	34
пулеметовъ	32
скорострѣльныхъ пушекъ	130
горныхъ орудій	16
мортиръ	6
горно-конныхъ орудій	
конныхъ орудій	

Отрядъ этотъ, посланный въ мало извѣстныя горы, былъ перегруженъ артиллеріею и обозомъ. Пулеметы слѣдовало бы дать не этому отряду, а Западному. Горной артиллеріи было очень мало и это былъ одинъ изъ крупныхъ недостатковъ организаціи Маньчжурской арміи. Бывшій военный министръ, Куропаткинъ, не позаботился о томъ, чтобы войска, которымъ предстояло дѣйствовать въ горахъ, были снабжены соотвѣтственной артиллеріей.

Западный отрядъ былъ составленъ такъ:

баталіоновъ пѣхоты	64
саперныхъ баталіоновъ	2
эскадроновъ и сотенъ	40
скорострѣльныхъ пушекъ	184
конныхъ орудій	6

Общій резервъ состоялъ изъ 4-го сибирскаго и 1-го армейскаго корпусовъ и отряда генерала Мищенко.

Составъ его былъ слѣдующій:

баталіоновъ пѣхоты	56
сотенъ казаковъ	20
саперныхъ баталіоновъ	2
скорострѣльныхъ пушекъ	144

поршневыхъ орудій	44
мортиръ	30
конныхъ орудій	18
конно-горныхъ орудій	2

Для охраны фланговъ были составлены особые отряды. Особые отряды были также составлены для охраны крайнихъ фланговъ.

Всего для охраны фланговъ было назначено:

баталіоновъ пѣхоты	$30^1/_2$
сотенъ казаковъ	43
саперныхъ баталіоновъ	$1^1/_4$
пѣшихъ орудій	62
конныхъ орудій	10

Для охраны тыла былъ назначенъ 6-й сибирскій корпусъ въ составѣ:

баталіоновъ пѣхоты	32
сотенъ казаковъ	6
саперный баталіонъ	1
скорострѣльныхъ пушекъ	96

Итого для охраны фланговъ и тыла было назначено $64^3/_4$ баталіона, 49 сотенъ казаковъ и 168 орудій, силы непомѣрно значительныя, особенно въ виду того, что 6-й Сиб. корпусъ имѣлъ тогда полный штатный составъ.

Для охраны ближайшаго тыла было бы цѣлесообразно имѣть два полка казаковъ съ конною батареею, такъ какъ въ тылу могли появиться лишь конные хунхузы. Изъ 6-го сиб. корпуса, отрядовъ генераловъ Дембовскаго и Коссаговскаго слѣдовало бы образовать отдѣльный отрядъ силою:

баталіоновъ пѣхоты	$48^1/_2$
сотенъ казаковъ	19
саперныхъ баталіоновъ	3
орудій	130

Этотъ отрядъ, выдвинутый впередъ съ началомъ наступательной операціи и оперируя на лѣвомъ берегу р. Хуньхэ въ связи съ Западнымъ отрядомъ, имѣлъ бы полную возможность, угрожая лѣвому флангу и тылу арміи Оку, поставить послѣднюю въ трудное положеніе, и оттянуть на себя значительную часть противника, обрушившагося на Западный отрядъ.

При такой комбинаціи на правомъ крылѣ Маньчжурской арміи было бы установлено единство дѣйствій. Западный отрядъ обратился бы въ центръ, общій резервъ могъ бы быть направленъ туда, гдѣ могъ бы образовать рѣшительное превосходство въ силахъ и гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ бы достигнутъ крупный успѣхъ. Если бы къ нашему правому крылу Куропаткинъ сумѣлъ сосредоточить, въ нужную минуту, свой резервъ, то изъ двухъ отрядовъ этого крыла: Западнаго и того, о которомъ было только что упомянуто, и резерва образовалась бы армія силою въ:

$168^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты
7 баталіоновъ саперъ
79 эскадроновъ и сотенъ
568 артилл. орудій.

Эта крупная армія была бы въ силахъ нанести пораженіе арміямъ Оку и Нодзу, а за симъ совокупною операціею съ Восточнымъ отрядомъ, въ которомъ, какъ мы видѣли, не считая отрядовъ, охранявшихъ лѣвое наше крыло, было 73 бат. пѣхоты. 3 сап. баталіона, 34 сотни казаковъ и 164 орудія. мы могли бы одержать успѣхъ надъ арміей Куроки.

Для того, чтобы достигнуть такого успѣха, а достигнуть мы его могли, такъ какъ мы имѣли тогда два преимущества передъ японцами: превосходство въ силахъ и инициативу—слѣдовало точно разсчи-

тать всѣ движенія и не посылать Восточный отрядъ въ неизвѣстныя горы. Никакого такого расчета для нашей наступательной операціи не было сдѣлано, и значительная часть арміи была направлена въ неизвѣстныя горы, а цѣлый корпусъ войскъ былъ оставленъ для охраненія тыла.

Разрозненныя же дѣйствія и частью бездѣйствіе привели къ катастрофѣ.

Восточному отряду было приказано сосредоточиться на линіи Падяцза, Хысунпу, Тайдямяуза, для атаки противника съ фронта и праваго фланга. Раіонъ наступленія былъ ограниченъ извѣстными, точно опредѣленными, дорогами, и было предписано въ первый день марша занять главными силами отряда линіи деревень Шихуйченъ-Тунсоу-Янтауза. На второй день марша главнымъ силамъ приказано было занять линію деревень: Пацзяцза-Кысунпу-Тайдямуза, выдвинувъ авангардъ на линію: перевалъ Уанфулинъ, Хоулоуцзыгоу, Ипшань, Сіутайпингоу: „Первоначальною цѣлью дѣйствій Восточнаго отряда, сказано въ диспозиціи, ставится овладѣніе позиціями противника у Баньяпуза“.

Западному отряду тоже было расписано, что занять въ первые два дня марша. Главнымъ силамъ на второй день марша приказано было занять линію деревень Линшиппу-Сахепу-Ліофантунь и приступить къ укрѣпленію этой позиціи.

Такая директива, данная Западному отряду, показывала, что уже на второй день наступательной операціи войска должны были подготовлять оборонительныя позиціи. Это приказаніе не могло послужить къ укрѣпленію духа войскъ. Войскамъ было объявлено, что они идутъ впередъ, на выручку геройскихъ защитниковъ Портъ-Артура; войскамъ было объявлено о томъ, что силы Маньчжурской арміи

стали достаточны для перехода въ наступленіе, и вдругъ приходится принимать мѣры обороны.

При современномъ оружіи и способахъ веденія войны войскамъ, при наступательной операціи, приходится въ нѣкоторыхъ случаяхъ прикрывать свое расположеніе траншеями, которыя возводятся очень скоро; но объ этомъ неосторожно было упоминать въ приказѣ по арміи; это было дѣло командировъ полковъ и бригадъ, а также и начальниковъ дивизій; этотъ пріемъ былъ хорошо усвоенъ войсками.

Въ арміи говорили, что Восточный отрядъ обходитъ правое крыло японцевъ, и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за этимъ обходнымъ движеніемъ.

Вдругъ стало извѣстно, что общій нашъ резервъ вводится въ боевую линію и что Восточный отрядъ натолкнулся неожиданно на отвѣсныя скалы и что его наступленіе пріостановлено.

Восточный отрядъ, какъ я говорилъ выше, былъ двинутъ въ горную малоизвѣстную страну. Надлежащей съемки этой мѣстности не было сдѣлано и отрядъ, по составу цѣлая армія, такъ неосторожно выдвинутый, потерпѣлъ полную неудачу, имѣя противъ себя ничтожныя силы.

По окончаніи операціи на рѣкѣ Шахе Куропаткинъ, назначенный главнокомандующимъ, высказывалъ мысль о томъ, что неудача Восточнаго отряда должна быть въ извѣстной степени отнесена къ тому обстоятельству, что военное министерство не послало въ армію достаточнаго числа топографовъ. Кто же мѣшалъ Куропаткину, когда онъ былъ еще военнымъ министромъ и когда война была неизбѣжна, а за симъ началась, выслать на театръ войны столь необходимыхъ топографовъ? Кто мѣшалъ ему, когда онъ ѣхалъ въ Маньчжурію командовать арміей—послать

туда же этихъ топографовъ? Этого онъ не сдѣлалъ. Но почему-же ни генералъ-квартирмейстеръ, ни начальникъ штаба арміи, ни онъ самъ лично не озаботился о томъ, чтобы была сдѣлана соотвѣтственная съемка этой крайне важной мѣстности? Въ арміи было достаточно строевыхъ офицеровъ, прекрасныхъ съемщиковъ. Слѣдовало бы сформировать пять или шесть рекогносцировочныхъ партій въ составѣ трехъ или четырехъ офицеровъ въ каждой и во главѣ ихъ поставить офицеровъ генеральнаго штаба. Отвлеченіе изъ строя 24 строевыхъ офицеровъ не принесло бы никакого ущерба частямъ арміи. На эти партіи слѣдовало бы возложить производство глазомѣрной съемки упомянутаго раіона, обслѣдованіе путей и позицій. Въ теченіе мѣсяца была бы составлена обстоятельная карта мѣстности, и тогда не случилось бы того, что цѣлые полки натыкались на отвѣсныя скалы или попадали въ неизвѣстные глубокіе овраги съ крутыми берегами и этимъ были лишены возможности помочь сосѣдямъ, вступившимъ въ бой съ противникомъ. На составленіе карты въ распоряженіи штаба командующаго арміей было болѣе пяти мѣсяцевъ времени.

Войска Восточнаго отряда получили карты, на которыхъ были бѣлыя пятна, означавшія то, что данный участокъ никѣмъ не былъ обслѣдованъ. По тѣмъ мѣстамъ, которыя были отмѣчены по картѣ такими пятнами, все же приходилось войскамъ двигаться, и вотъ тутъ-то они и натыкались на неодолимыя препятствія, о существованіи которыхъ никому не было извѣстно.

Въ Восточномъ отрядѣ произошла страшная путаница. 26-е сентября было употреблено на атаку горы Лаутхалаза. Гора эта не была взята, а на 27-е былъ назначенъ отряду отдыхъ.

Обходное движеніе Восточнаго отряда потерпѣло полную неудачу, и послѣдняя произошла отъ того, что самая операція не была обдумана какъ слѣдуетъ. О планѣ, конечно, не могло быть и рѣчи: мы вели всю войну безъ плана. Надо сказать правду: вмѣсто плана господствовали слабыя соображенія теоретика, мало знакомаго съ тою наукою, которая, на основаніи исторіи, учитъ, какъ нужно управлять войсковыми массами на театрѣ войны.

Войскамъ Восточнаго отряда было приказано, отбросивъ армію Куроки къ западу, отрѣзать японцевъ отъ Кореи.

Когда я писалъ эти строки, передо мною лежала карта, которою руководствовались войска во время своего наступательнаго марша къ Портъ-Артуру. На картѣ имѣются слѣдующія надписи: „Второе дополн. и исправ. изданіе Управленія Генералъ-Квартирмейстера Маньчжурской арміи къ 9 сент. 1904 года“... „Печатано въ Типо-Литографіи Штаба Заамурскаго округа Пограничной Стражи“... „Снималъ копію поручикъ Пограничной Стражи Зданкевичъ“. „Масштабъ 4 версты въ дюймѣ“. Если провести линію отъ Янтайскихъ копей на Фушунъ, то къ востоку отъ этой линіи будетъ расположена та мѣстность, по которой былъ двинутъ Восточный отрядъ. Карта этой мѣстности, за небольшимъ исключеніемъ, состоитъ изъ бѣлыхъ пятенъ.

Куроки, хорошо знавшій эту мѣстность, а быть можетъ ознакомленный съ диспозиціей Куропаткина черезъ своихъ шпіоновъ и, вѣроятно, снабдившій русскія войска проводниками, которые и завели насъ въ трущобы, не обратилъ особаго вниманія на барона Штакельберга и, оставивъ противъ него нѣсколько резервныхъ бригадъ, бросился съ гвардіей и полевыми дивизіями въ промежутокъ, образовав-

шійся между Восточнымъ и Западнымъ отрядами, стараясь тѣсно связаться съ арміей Нодзу. Японскіе генералы умѣли сосредоточивать превосходныя силы на полѣ битвы.

IV.

Японскій главнокомандующій, получивъ свѣдѣнія о положеніи нашего Восточнаго отряда, застрявшаго въ горахъ, рѣшилъ всѣми тремя арміями атаковать нашъ Западный отрядъ и выдвинутый Куропаткинымъ общій резервъ, причемъ конечною цѣлью арміи Оку назначилъ обходъ нашего праваго фланга и занятіе Мукдена.

Разрозненныя дѣйствія Западнаго отряда, 6-го сиб. корпуса, которому ежедневно давались приказанія непосредственно отъ Куропаткина, и отряда Дембовскаго, получавшаго тоже приказанія отъ него, повели къ страшному пораженію Западнаго отряда. 29 сентября Западный отрядъ удержался на Шахе только благодаря тому, что мною была выдвинута впередъ бригада 55 п. див., принявшая на себя наступавшихъ японцевъ и остановившая ихъ.

Куропаткинъ, въ своемъ прощальномъ обращеніи къ офицерамъ 1-й маньчжурской арміи, въ февралѣ 1906 г., между прочимъ говоритъ, что одной изъ причинъ нашихъ неудачъ въ послѣдней войнѣ была недостаточная взаимная выручка сосѣдей. Командиры корпусовъ и начальники дивизій, какъ можно надѣяться, точно выяснятъ, какую цѣну слѣдуетъ придавать этому тяжелому обвиненію, на которое рѣшился нашъ бывшій главнокомандующій.

Какъ бывшій командиръ 6-го сибирскаго армейскаго корпуса, я постараюсь опровергнуть это обвиненіе фактами, не подлежащими сомнѣнію.

24 сентября 1904 г. войска 6-го сиб. корпуса, за исключеніемъ 1-й бригады 55 пѣх. дивизіи и 2-хъ батарей, двинулись, по приказанію командующаго арміей, изъ-подъ Мукдена на югъ. 26-го числа корпусъ, по его же приказанію, расположился въ раіонѣ селеній Тутай-Тасудепу-Лапьшапу. 26-го числа Куропаткинъ приказалъ корпусу перейти въ раіонъ селеній Шоуялинза-Пендіанза-Лапьшапу. Въ этотъ день мною получена слѣдующая телеграмма отъ командующаго арміей: „Въ случаѣ перехода противника въ рѣшительное наступленіе противъ Западнаго отряда мною предоставлено генералу Бильдерлингу, если потребуется помощь 17-му корпусу, обратиться къ Вамъ за содѣйствіемъ. Благоволите исполнить это, но отнюдь не мелкими частями и по возможности не дробя бригады и дивизіи. Помните, что Вы составляете мой стратегическій резервъ".

Положеніе 6-го сиб. корпуса было не изъ легкихъ, такъ какъ къ нему не прибылъ еще назначенный въ его составъ полкъ Оренбургскихъ казаковъ, а конно-охотничьи команды еще не были сформированы при пѣхотныхъ полкахъ, отчего чрезвычайно страдала служба связи. Неприбытіе въ эти дни къ корпусу 6-го Восточно-Сибирскаго сапернаго баталіона не давало возможности связаться съ сосѣдями телеграфомъ и телефономъ. Не прибыли также къ корпусу артиллерійскіе парки.

Къ этому времени обстановка была слѣдующая: правѣе насъ, на довольно значительномъ разстояніи, уступомъ назадъ, находилась часть корпуса генерала Дембовскаго; къ югу отъ насъ, уступомъ впередъ, былъ расположенъ правый флангъ 17 армейскаго корпуса; передъ фронтомъ корпуса конные отряды генерала Грекова и полковника Стаховича

вели перестрѣлку съ противникомъ и маневрировали.

27-го сент. къ корпусу прибылъ 6-й Вост. Спб. саперный баталіонъ и къ корпусу былъ приданъ временно одинъ паркъ 31-ой парковой артиллерійской бригады.

Утромъ 28-го сентября начальникъ Западнаго отряда увѣдомилъ меня, что его передовыя части, подъ натискомъ противника, отходятъ назадъ; для обезпеченія своего праваго фланга онъ просилъ продвинуть впередъ части 6-го спб. корпуса. Въ 12 ч. дня въ тотъ же день получено приказаніе Куропаткина, въ которомъ предписывалось: войскамъ корпуса продвинуться впередъ на линію селеній Шоулиниза-Куалинтунь, выставивъ авангардъ силою въ одну бригаду съ артиллеріей у селенія Уанчжуанцзы.

Къ вечеру 28-го сент. войска корпуса уже заняли свои новыя позиціи. Генералъ Грековъ и полковникъ Стаховичъ обратились къ начальнику моего авангарда съ просьбою о поддержкѣ. Я разрѣшилъ выдвинуть три баталіона впередъ, къ сел. Сунцзятатай.

Какъ только войска устроились на новыхъ позиціяхъ, была получена полевая записка отъ начальника Западнаго отряда, въ которой онъ просилъ меня выслать въ его распоряженіе, въ качествѣ поддержки, бригаду пѣхоты съ артиллеріей. Въ ночь на 29-го сент. вторая бригада 55 пѣх. дивизіи была мною двинута къ д. Ліухтангоу.

Съ утра 29 числа, какъ 1-ая бригада 72-й дивизіи, расположенная у сел. Уанчжуанцзы, такъ и 2-ая бригада 55-й дивизіи, находившаяся въ раіонѣ 17-го корпуса, вступили съ противникомъ въ бой, имѣя цѣлью: первая—прикрыть отступленіе отряда

полк. Стаховича, а вторая — прикрыть отступленіе совершенно разстроенныхъ частей 17-го корпуса.

Несмотря на большое превосходство противника въ силахъ и неоднократныя его атаки, войска корпуса отразили всѣ нападенія японцевъ и, удержавшись на позиціяхъ, дали возможность частямъ 17-го корпуса отступить.

Потери 6-го сиб. корпуса въ бояхъ 29-го сент. были весьма тяжелыя. Именно:

	Офицеровъ.	Нижн. чин.	Итого.
Убито . . .	11	358	369
Ранено . . .	34	1220	1254
Всего			1.623

Съ наступленіемъ темноты командующій 55-ой дивизіей, находившійся при Епифанскомъ полку, прикрывъ отступленіе частей 17-го корпуса и убѣдившись, что всѣ части этого корпуса отступили, приказалъ бригадѣ отходить медленно назадъ, что и было исполнено въ порядкѣ. Во время этого отхода было получено приказаніе: 2-ой бригадѣ 55-й дивизіи присоединиться къ войскамъ своего корпуса, и 30 сент., въ 9 ч. 35 м. утра, бригада прибыла въ сел. Пендіанза.

Начальникъ Западнаго отряда сообщилъ вечеромъ 29-го же числа о своемъ рѣшеніи отвести свои войска на линію р. Шахэ, гдѣ занять позицію до линіи селеній Кудяза-Даліантунь на правомъ флангѣ.

Въ виду приказанія командующаго арміей, переданнаго телеграммой начальника штаба арміи о томъ, что 6-й сибирскій корпусъ долженъ оставаться уступомъ за правымъ флангомъ Западнаго отряда, корпусъ расположился 30-го сентября въ раіонѣ селеній Ланьшанпу-Пендіанза-Васюнджуандзы, что было

въ четырехъ верстахъ уступомъ за правымъ флангомъ 17-го корпуса.

Изъ этого видно, что Куропаткинъ, направивъ впередъ Западный отрядъ, ввелъ въ бой части 6-го сибирскаго корпуса лишь тогда, когда сказанный отрядъ былъ уже разбитъ противникомъ.

Отряды генераловъ Дембовскаго и Коссаговскаго безъ всякаго дѣла стояли вдали отъ мѣста кровопролитныхъ боевъ. Ихъ очередь будто еще не настала.

Это называется вводить войско въ бой пакетами. При такомъ способѣ веденія войны, войска, даже превосходящія противника, общею числительностью всегда бываютъ биты.

Несмотря на крайнее утомленіе послѣ боя, послѣ ночного перехода, исполненнаго подъ дождемъ и при сильной грозѣ, по размытымъ дорогамъ, войска корпуса тотчасъ же по прибытіи на позицію принялись ее укрѣплять.

Такимъ образомъ войска 6-го сибирскаго корпуса, занявшія 29-го сентября съ боя значительный раіонъ, были вынуждены отойти на сѣверъ лишь вслѣдствіе категорическаго приказанія командующаго арміей: „держаться уступомъ за правымъ флангомъ Западнаго отряда“.

Результаты боевъ корпуса 29-го сентября получили слѣдующую стратегическую оцѣнку въ полевой запискѣ начальника Западнаго отряда изъ Ханченпу 1-го октября: „Благодаря Вашему движенію впередъ мнѣ удалось удержаться на линіи Шахэ, несмотря на то, что въ 10-мъ и 17-мъ корпусахъ пришлось ввести въ дѣло всѣ резервы“.

Замѣчаніе о томъ, что одной изъ причинъ неудачъ въ послѣдней войнѣ была недостаточная выручка сосѣдей, никоимъ образомъ не могло отно-

ситься до 6-го сибирскаго корпуса въ періодъ первыхъ дней его боевой дѣятельности. При дальнѣйшемъ изложеніи боевъ на Шахе и подъ Мукденомъ читатели убѣдятся, что этотъ упрекъ нашего бывшаго главнокомандующаго вовсе не касается находившагося подъ моею командою корпуса.

Хотя въ описанномъ случаѣ войска корпуса исполнили приказаніе, данное свыше, но исполненіе бываетъ разное, а бригада 55-й пѣх. дивизіи показала ясно, что она ничего не пожалѣетъ, никакихъ жертвъ, для того, чтобы оказать помощь сосѣдямъ. Помощь, которая была оказана Стаховичу, была оказана безъ всякаго почина сверху. На этотъ разъ такое самостоятельное, хотя вполнѣ сообразное съ обстановкою рѣшеніе, къ удивленію, не вызвало замѣчанія Куропаткина, который одобрялъ лишь то, что онъ приказывалъ и что считалъ нужнымъ, и мы увидимъ, когда будемъ описывать бой подъ Хоулиномъ, какъ смотрѣлъ нашъ бывшій вождь на самостоятельный починъ, который рѣшался проявить командиръ корпуса.

Я долженъ сказать, что многіе изъ моихъ ближайшихъ подчиненныхъ, хорошо изучившіе наклонности Куропаткина, находили ошибочнымъ съ моей стороны постоянное стремленіе помочь сосѣдямъ, часто въ ущербъ себѣ. Такъ извращались священныя понятія о боѣ подъ давленіемъ обстоятельствъ, ничего общаго не имѣющихъ съ здравыми началами войны.

V.

На правомъ флангѣ нашего Западнаго отряда складывалась грозная стратегическая обстановка. Въ 9 час. вечера 29-го сентября мною была получена

полевая записка начальника этого отряда, въ которой заключалось слѣдующее важное извѣстіе: „Командующій арміей просилъ меня предупредить васъ о возможномъ обходѣ сегодня нашего праваго фланга арміею Оку, чтобы ваше высокопревосходительство были готовы заблаговременно встрѣтить своими войсками этотъ ударъ". Одновременно съ этимъ мною была получена записка отъ начальника штаба арміи, которая начиналась словами: „По полученнымъ свѣдѣніямъ можно ожидать, что японцы предпримутъ сегодня обходъ нашего праваго флланга".

Такимъ образомъ наступательное движеніе войскъ 6-го сибирскаго корпуса, занявшаго 29-го сентября раіонъ, ограниченный — къ сторонѣ противника селеніями Сиыьтайцзы-Сандіоза-Хунлинпу-Ліутхангоу, по всей вѣроятности, заставилъ японцевъ сосредоточить превосходныя силы на лѣвомъ своемъ флангѣ, дабы во что бы то ни стало отбросить наши войска къ востоку и захватить Мукденъ.

При такой стратегической обстановкѣ войскамъ 6-го сибирскаго корпуса, только что высадившимся изъ вагоновъ и сформированнымъ изъ резервныхъ частей, пришлось вступить 1-го октября въ рѣшительный бой съ арміей Оку, заключавшею въ своемъ составѣ 3-ю, 4-ю и 6-ю дивизіи, причемъ въ виду неимѣнія конницы, корпусу пришлось дѣйствовать, съ закрытыми глазами.

30-го сентября вечеромъ войска 6-го сибирскаго корпуса, согласно приказанія командующаго арміей, вошли въ составъ Западнаго отряда.

Какъ было упомянуто выше, правѣе Западнаго отряда дѣйствовалъ 6-й сибирскій корпусъ, который до вечера 30-го сентября былъ въ непосредственномъ подчиненіи Куропаткина, какъ стратегическій резервъ арміи, а правѣе 6-го сибирскаго

корпуса дѣйствовалъ, или правильнѣе бездѣйствовалъ, отрядъ генерала Дембовскаго, тоже состоящій въ непосредственномъ подчиненіи командующаго арміей.

Дѣйствія этихъ трехъ отрядовъ были разрозненныя; но вотъ 30-го сентября меня подчинили начальнику Западнаго отряда. Дѣло было сдѣлано на половину. Вслѣдъ за симъ Куропаткинъ подчинилъ мнѣ отрядъ Дембовскаго. Вышло такъ, что три корпусныхъ командира, имѣвшіе одинаковыя права, были подчинены другъ другу, по старшинству, конечно. Я былъ возведенъ, такъ сказать, въ корпусные командиры второй степени, а Бильдерлингъ— 3-й степени. Дембовскому досталась младшая степень. Это нагроможденіе командованія надъ командованіемъ не сулило ничего хорошаго по своему существу; но вышло такъ, что эти три корпусные командира, хотя одинъ изъ нихъ занималъ временную должность начальника Западнаго отряда, дѣйствовали дружно, не вступая между собой въ пререканія. Это была счастливая случайность; но все-же жаль, что не была образована, съ самаго начала нашей наступательной операціи, сильная Западная армія, которая была бы руководима сильною волею.

Куропаткинъ, какъ мы говорили, ежедневно отдавалъ приказанія о томъ, куда долженъ былъ двинуться 6-й сибирскій корпусъ. Корпусъ двигался, кромѣ перваго дня, чрезвычайно малыми переходами, и въ общемъ, до подчиненія его начальнику Западнаго отряда, долженъ былъ располагаться уступомъ за правымъ флангомъ этого отряда. Корпусъ топтался на одномъ почти мѣстѣ, томился въ бездѣйствіи, хотя и возвелъ нѣсколько оборонительныхъ полевыхъ позицій, а между тѣмъ Западный отрядъ, составленный всего изъ двухъ корпу-

совъ, 10-го и 17-го, былъ атакованъ войсками двухъ японскихъ армій, Оку и Нодзу, и, конечно, не могъ не потерпѣть крупнаго пораженія. Отряды Дембовскаго и Коссаговскаго въ это время совершенно бездѣйствовали. Вмѣсто того, чтобы противоставить этимъ двумъ арміямъ противника 168 баталіоновъ съ соотвѣтственною конницею и артиллеріею, Куропаткинъ противоставилъ имъ всего 66 баталіоновъ съ артиллеріею и конницею.

Одно изъ главныхъ правилъ стратегіи — быстро сосредоточить превосходныя силы на полѣ битвы — совершенно было забыто Куропаткинымъ. До 1 октября онъ забылъ о существованіи отряда Дембовскаго. Объ отрядѣ Коссаговскаго онъ такъ и не вспомнилъ до конца боевъ и забылъ также о томъ, что въ Мукденѣ и Тѣлинѣ оставалась въ бездѣйствіи 1-я бригада 55-й дивизіи, имѣвшая наивысшій боевой составъ.

Главнокомандующій японскими арміями, маршалъ Ойяма, видя, что нашъ Восточный отрядъ застрялъ въ горахъ, понесъ большія потери и что, во всякомъ случаѣ, не могъ подать руку помощи развернувшемуся общему резерву Куропаткина, противъ котораго дѣйствовала армія Куроки, приказалъ арміи Нодзу, наступая съ частью войскъ Оку по мандаринской дорогѣ и желѣзнодорожной линіи, удерживать нашъ Западный отрядъ съ фронта, а большею частью арміи Оку ударить намъ во флангъ, отбросить наши войска отъ желѣзной дороги и занять у нихъ въ тылу Мукденъ.

Вотъ какова была стратегическая обстановка къ 1-му октября.

Въ приказѣ по Западному отряду отъ 30 сентября, подписанномъ въ 6 час. вечера, было предписано 6-му сиб. корпусу съ разсвѣтомъ 1-го октя-

бря выдвинуться главными силами на линію селеній Шоуялинза-Даліантунь, при чемъ войскамъ 10 и 17 корпусовъ было приказано упорно оборонять позиціи на линіи р. Шахе. Такимъ образомъ лишь 6-му спб. корпусу изъ всѣхъ корпусовъ Маньчжурской арміи пришлось вести наступательный бой 1-го октября. Предстояла трудная, но почетная задача, и долженъ былъ произойти встрѣчный бой между моимъ корпусомъ и войсками арміи Оку.

Неимѣніе конницы въ корпусѣ и, слѣдовательно, невозможность знать о томъ, что находится впереди корпуса и противъ его праваго фланга, невозможность связаться съ нашею конницею, которая дѣйствовала самостоятельно неизвѣстно гдѣ и не давала намъ свѣдѣній объ обстановкѣ, крайне затрудняли наши дѣйствія. Мы знали лишь то, что японцы, занявъ противъ нашего фронта и праваго фланга селенія Линшинпу, Чанлинпу, Безымянную, Вучжапинъ, Сандіоза и Сантайцзы, готовились атаковать 6 спб. корпусъ двумя или даже тремя дивизіями.

Войскамъ корпуса, направляемымъ на линію Шоуялинза-Даліантунь, приходилось двигаться въ мѣшокъ, при полной неизвѣстности о томъ, какія силы противника находятся передъ нашимъ фронтомъ и какія—передъ нашимъ правымъ флангомъ.

Хотя западнѣе 6 спб. корпуса былъ расположенъ отрядъ генерала Дембовскаго, но этотъ отрядъ не могъ непосредственно обезпечить правый флангъ корпуса, такъ какъ, получивъ 30 сентября директиву занять 1 октября главными силами селеніе Кенсынпу, онъ долженъ былъ двигаться въ 9—10 верстахъ сѣверо-западнѣе этого фланга корпуса. Конному отряду Грекова было приказано перейти главными силами по направленію Таваньганпу-Сандепу, прикрывать правый флангъ отряда Дем-

бовскаго и постараться вытѣснить противника изъ селенія Сандепу, отстоявшаго отъ праваго фланга 6-го сиб. корпуса въ 18—20 верстахъ.

Изъ этого видно, что фронтъ и правый флангъ 6-го сиб. корпуса были совершенно оголены, что создавало корпусу, получившему наступательную задачу, очень тяжелую обстановку.

Въ 5 час. утра 1-го октября войска корпуса, согласно данной мною диспозиціи, начали наступленіе. Передовыя части двинулись въ 3 часа утра. Правая колонна подъ начальствомъ командовавшаго 72-й дивизіей, ген.-маіора Туганъ-Мирзы-Барановскаго, отъ сел. Лапышанпу направилась на сел. Шоуляшза; лѣвая колонна, подъ начальствомъ командовавшаго 55-й дивизіей, ген.-маіора Ляймшнга, двинулась отъ селенія Пендіанза въ направленіи на Даліантунь, слѣдуя западнѣе сел. Кудяза; общій резервъ, подъ начальствомъ ген.-маіора Болотова, былъ направленъ, въ виду невыяснившейся обстановки, за серединою боевого порядка. Въ колоннахъ и резервѣ было по бригадѣ пѣхоты съ соотвѣтственнымъ числомъ артиллеріи, но безъ конницы. Долженъ сознаться, что я крайне досадовалъ на то, что Куропаткинъ откомандировалъ отъ корпуса для охраны Мукдена и Тѣлина 1-ю бригаду 55-й дивизіи. Какъ бы мнѣ пригодилась эта бригада въ рѣшительномъ бою, въ который мы шли! Охрана пѣхотою двухъ упомянутыхъ городовъ была совершенно безполезна.

Когда 6-й сиб. корпусъ формировался въ Европейской Россіи и дивизіи были собраны въ лагерные сборы подъ Моршанскомъ и Тамбовомъ, я просилъ придать дивизіямъ, для поучительности сборовъ артиллерію и конницу. Просьба моя Главнымъ Штабомъ и Военнымъ Министромъ не была уважена и

всѣ восемь полковъ 6 сиб. корпуса, каждый въ составѣ 4000 человѣкъ, не видѣли ни одного эскадрона конницы, ни одной пушки до вступленія въ бой съ японцами.

Такъ готовили корпусъ, формировавшійся изъ резервныхъ частей, на войну. И недоумѣвалъ и, конечно, былъ этимъ крайне недоволенъ. И вотъ эти полки, по прибытіи ихъ на театръ военныхъ дѣйствій, Куропаткинъ направляетъ въ бой, не придавъ корпусу конницы.

Положеніе было крайне тяжелое, зато успѣхъ корпуса въ бояхъ его на Шахэ былъ неожиданно крупный и лишь омрачился крупными потерями.

Въ 5 ч. 40 мин. утра, когда почти разсвѣло, началась сильная канонада на Шахэ, на фронтѣ 17-го корпуса. Къ 7 ч. утра обѣ колонны моего корпуса уже развернулись на линіи Шоуялинза-Даліантунь и начался бой.

Около 8-ми час. утра я получилъ приказаніе отъ начальника Западнаго отряда начать наступленіе на фронтъ Хулшпу-Сюнцзятатай, имѣя цѣлью занять оба указанные пункта, причемъ мнѣ было приказано выступить немедленно и донести. Такимъ образомъ директива корпуса была измѣнена и значительно расширена, а обстановка ухудшилась: корпусу угрожали главныя силы арміи Оку, правый флангъ корпуса былъ оголенъ неудачно данными задачами Домбовскому и Грекову, а такъ какъ 17-й корпусъ не продвигался ни на шагъ впередъ, то и лѣвый флангъ моего корпуса, по мѣрѣ движенія впередъ, оказался бы совершенно оголеннымъ.

Подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ противника правая колонна начала медленно наступать и къ 9 час. утра выбила противника изъ д. Сштайзы.

Артиллерія 6-го сиб. корпуса развернулась и открыла канонаду, которая къ 11-ти час. почти затихла. Къ 11-ти часамъ Куликовскій полкъ съ боя занялъ с. Вучжаншъ, обезпечивъ тѣмъ справа наступленіе колонны 55-ой пѣх. дивизіи; вслѣдъ за симъ правою колонною было занято сел. Сандіоза.

Въ 12 ч. 30 м. начался страшный ливень и разразилась сильная гроза. Увязая въ лишкой маньчжурской грязи, войска корпуса продолжали наступленіе.

Колонна Лаймишга, въ составѣ Юхновскаго и Епифанскаго полковъ, повела атаку на селенія Чанлишпу и Безымянную, что западнѣе первой. Селенія были заняты большими силами противника.

Геройски веденная Юхновцами и Епифанцами атака была встрѣчена значительно превосходными силами противника.

Теперь мы знаемъ эти силы. Противникъ самъ началъ наступленіе и произошелъ встрѣчный бой, отъ исхода котораго зависѣла судьба всей операціи на Шахэ.

Если бы японцы сумѣли отбросить войска моего корпуса и совершенно бы ихъ разбили, то, по всей вѣроятности, нашъ Западный отрядъ былъ бы оттѣсненъ отъ желѣзной дороги и Мукденъ попалъ бы въ руки нашего счастливаго противника.

Мужество, храбрость и стойкость частей 6-го сибирскаго корпуса одолѣли рѣшительнаго врага.

Подпустивъ насъ на близкое разстояніе, японцы открыли учащенный ружейный и пулеметный огонь, а ихъ артиллерія осыпала насъ шимозами и шрапнелью.

Понеся большія потери, полки лѣвой колонны дрогнули и подались назадъ. Тогда командующій дивизіей, ставъ во главѣ шедшихъ сзади поддер-

жекъ, лично повелъ ихъ, но и эта атака не увѣнчалась успѣхомъ и войска дивизіи отошли къ Даліантуню. Командующій дивизіей былъ раненъ.

Потери лѣвой колонны были весьма значительны: офицеровъ убито 2, ранено 32; нижнихъ чиновъ убито 237, ранено 1106. Общая потеря—1377 чел. Припомнимъ, что въ бою 29-го сентября эти полки понесли потерю въ 1623 чел. Итого одна бригада моего корпуса въ два дня потеряла 3000 чел. Половина состава офицеровъ выбыла изъ строя.

Дабы подкрѣпить войска лѣвой колонны, мною былъ посланъ изъ резерва 286-й Кирсановскій полкъ съ одной батареей, причемъ остатки Юхновскаго полка были отведены въ резервъ. Къ 5-ти час. вечера вся боевая линія корпуса вновь была готова къ наступленію; но въ виду утомленія войскъ и быстро наступившей темноты, а главное въ виду того, что въ резервѣ у меня оставался всего одинъ свѣжій полкъ, 17-й же корпусъ продолжалъ оставаться на мѣстѣ, я рѣшился пріостановить наступленіе и приступить къ укрѣпленію занятыхъ позицій.

Само собою разумѣется, что если бы въ составѣ войскъ 6-го сиб. корпуса 1-го октября была 1-я бригада 55-й дивизіи, безполезно, какъ это было сказано выше, оставленная въ тылу для охраны Мукдена и Тѣлина, и если бы 30-го сент. утромъ, отнюдь не позже, мнѣ былъ подчиненъ отрядъ ген. Дембовскаго, то, притянувъ этотъ отрядъ своевременно, бой могъ бы принять большее развитіе и успѣхъ могъ бы быть полнѣе. Японцы были сильно утомлены къ 1 октября, такъ какъ нѣсколько дней подрядъ вели бои, и мнѣ казалось, что, проявивъ мы большее упорство на правомъ флангѣ арміи, мы могли бы тамъ имѣть крупный успѣхъ.

Неудачно задуманная, плохо обдуманная и крайне неумѣло веденная Куропаткинымъ наступательная операція, какъ это многіе и предвидѣли, привела къ неудачѣ.

Съ 22-го по 29-го сент. Западный отрядъ, въ составѣ всего двухъ корпусовъ, 10 и 17-го, и отряда конницы, велъ наступательныя и отступательныя операціи и, несмотря на проявленныя мужество и храбрость, понесъ крупное пораженіе. Успѣха трудно было ожидать, такъ какъ противъ этого отряда японцы сосредоточили превосходныя силы.

Съ 22-го по 29-ое сент. 6-й сиб. корпусъ, составлявшій стратегическій резервъ командующаго арміей, ничего не дѣлалъ въ боевомъ отношеніи. 24-го числа войска корпуса, за исключеніемъ одной бригады, были выдвинуты впередъ и засимъ, личнымъ распоряженіемъ Куропаткина, передвигались съ мѣста на мѣсто на весьма короткія разстоянія. 29-го сент. войска корпуса были введены въ бой для прикрытія отступленія Западнаго отряда, что онѣ и исполнили вполнѣ успѣшно.

Съ 22-го сент. по 1-ое октября отрядъ Дембовскаго, руководимый Куропаткинымъ, слабо маневрировалъ, вдали отъ 6-го сибирскаго корпуса, на сѣверо-западѣ и западѣ.

Съ 22-го сентября по 1-е октября отрядъ Коссаговскаго совершенно бездѣйствовалъ.

1-го октября 10 и 17 корпуса, не имѣя возможности наступать, получили оборонительную задачу. 6-й спб. корпусъ въ этотъ день получилъ наступательную задачу. Начавъ наступленіе до разсвѣта и окончивъ его съ наступленіемъ темноты, войска корпуса заняли линію Даліантунь-Шоуялинза и отбросили армію Оку, намѣревавшуюся обойти нашъ правый флангъ.

Это не подлежащая никакому сомнѣнію историческая истина, и я высказываю ее не потому, что это непосредственно касается бывшаго подъ моимъ начальствомъ корпуса, а потому, что это было такъ на самомъ дѣлѣ и что это высказывали бывшій начальникъ Западнаго отряда и Куропаткинъ.

Итакъ, когда дѣйствовалъ Западный отрядъ, 6-й сиб. корпусъ бездѣйствовалъ, а когда былъ введенъ въ бой 6-й сиб. корпусъ, бездѣйствовалъ Западный отрядъ. Бездѣйствовали также отряды Дембовскаго и Коссаговскаго.

Лишь вечеромъ 1-го октября, когда бой между мною и Оку окончился, отрядъ Дембовскаго началъ сближаться съ противникомъ

Около 2-хъ часовъ дня, слѣдовательно очень поздно, Дембовскій получилъ отъ начальника Западнаго отряда записку, въ которой значилось: „энергичнымъ наступленіемъ во флангъ и тылъ противника содѣйствовать атакѣ 6-го сибирскаго корпуса, наступающаго на д. Сюнцзятатай“.

Движеніе Дембовскаго было крайне медленно. Въ 5 час. вечера правая колонна отряда перешла въ наступленіе отъ сел. Паусентунь на сел. Лидіутунь. При наступленіи темноты Лидіутунь былъ взятъ безъ боя. Лѣвая колонна отряда въ 7 час. вечера, когда уже стемнѣло, заняла безъ боя сел. Фуцзячжуанзы. Движенія отряда были нерѣшительны, запоздалыя.

Разрозненные марши, разрозненные бои — вотъ чѣмъ можно очертить этотъ періодъ военныхъ дѣйствій на правомъ крылѣ Маньчжурской арміи.

Куропаткинъ наложилъ свою тяжелую руку на это крыло, что и привело къ разрозненнымъ движеніямъ и боямъ, а если бы не мужество Западнаго отряда, имѣвшаго дѣло съ двумя японскими арміями, и не

удачный отпоръ 6-го сибирскаго корпуса, данный арміи Оку, предпринявшей обходное движеніе, то вся наступательная операція, такъ неумѣло начатая и веденная Куропаткинымъ, окончилась бы катастрофою подобно той, которую мы въ февралѣ слѣдующаго 1905 г. испытали подъ Мукденомъ

2-го октября 1904 г. я получилъ отъ начальника Западнаго отряда собственноручную полевую записку слѣдующаго содержанія:

„Позволяю себѣ по долгу службы и по дружбѣ выразить вамъ мою глубокую признательность за своевременную и энергичную поддержку, оказанную намъ вчера ввѣреннымъ вамъ 6-мъ корпусомъ, которая дала возможность Западному отряду и въ особенности 17-му корпусу выдержать горячій бой съ главными силами противника и удержаться на всѣхъ занятыхъ позиціяхъ".

Записка эта еще разъ показываетъ, что укоръ Куропаткина, сдѣланный войскамъ за недостаточную взаимную выручку сосѣдей во время прошлой войны, не можетъ быть обобщенъ и не имѣетъ прочнаго основанія.

Изъ изложеннаго видно, что войска 6-го сибирскаго корпуса въ теченіе первыхъ своихъ боевыхъ дней оказали нѣсколько разъ существенную поддержку своимъ боевымъ товарищамъ.

VI.

Итакъ 6-й сиб. корпусъ, восемь полковъ котораго были сформированы изъ резервныхъ частей, остановилъ движеніе главныхъ силъ арміи Оку, направлявшихся на Мукденъ и имѣвшихъ цѣлью отбросить наши войска отъ желѣзной дороги.

Рѣшеніе маршала Ойямы обойти правое крыло нашей арміи, отбросить его къ востоку и занять въ тылу нашей арміи желѣзную дорогу, лишивъ ее многочисленныхъ запасовъ, собранныхъ въ Мукденѣ, вполнѣ отвѣчало той обстановкѣ, которая сложилась въ послѣдніе сентябрьскіе дни 1904 г.

Дѣйствительно, Восточный отрядъ, заключавшій въ своемъ составѣ, считая и отрядъ Реннен-кампфа, 90 баталіоновъ, 52 эск. и сотни, 194 орудія и 32 пулемета и имѣвшій приказаніе обойти правое крыло противника и отбросить послѣдняго отъ Кореи, потерпѣлъ къ 1 октября полную неудачу и уже отступалъ на сѣверъ.

Западный нашъ отрядъ въ составѣ, включая въ него отрядъ Грекова, 66 баталіоновъ, 40 эскадроновъ и сотенъ и 190 орудій, въ цѣломъ рядѣ горячихъ боевъ, имѣя противъ себя арміи Нодзу и Оку, т. е. превосходныя силы, и отбивая въ послѣдніе дни сентября атаки двухъ армій, потерпѣлъ рядъ неудачъ и, потерявъ много артиллерійскихъ орудій и понеся значительныя потери, удержался на правомъ берегу р. Шахэ только благодаря тому, какъ это офиціально мнѣ сообщилъ начальникъ этого отряда, что 6-й сиб. корпусъ оказалъ ему своевременную и энергичную поддержку.

Нашъ общій резервъ, сдѣлавшійся по ходу разыгравшихся событій нашимъ центромъ и составленный изъ 1-го армейскаго и 4-го сиб. корпусовъ и конницы, всего силою въ 58 баталіоновъ, 20 сотенъ и 230 орудій, лично руководимый Куропаткинымъ, испыталъ крупный неуспѣхъ и не потерпѣлъ катастрофы только благодаря тому, что 4 сиб. корпусъ искуснымъ и упорнымъ сопротивленіемъ задержалъ наступленіе главныхъ силъ арміи Куроки, грозившихъ прорывомъ

въ направленіе сѣвера, на Хуньхе, и отбросомъ Восточнаго отряда въ горы.

Такимъ образомъ мы видимъ, что мужествомъ, упорствомъ и храбростью двухъ резервныхъ корпусовъ, 4-го сибирскаго, сформированнаго въ Сибири, и 6-го сибирскаго, сформированнаго въ Московскомъ военномъ округѣ, былъ совершенно парализованъ смѣлый планъ противника.

Это тоже историческая истина, и я высказываю ее не потому только, что она касается корпуса, которымъ я имѣлъ честь командовать, а потому, что это истина, подтверждаемая неопровержимыми фактами и скрѣпленная документами.

Полки бывшаго моего 6 сиб. корпуса добросовѣстно постарались оправдать надежду, выраженную Верховнымъ Вождемъ арміи, при прощаніи съ войсками корпуса передъ ихъ уходомъ на Дальній Востокъ.

Его Императорское Величество 27 іюня 1904 г., послѣ смотра двухъ бригадъ корпуса въ Моршанскѣ, сказалъ: „Объ бригады представились въ отличномъ состояніи; надѣюсь, что черезъ четыре дня въ Тамбовѣ и прочія бригады представятся не хуже. Я ѣхалъ въ Моршанскъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, не предполагая, чтобы, при столь малочисленности кадровъ, въ столь короткое время, можно было бы достигнуть такихъ отличныхъ результатовъ. Глазъ у Меня опытный и Я съ удовольствіемъ выражаю вамъ, что объ бригады не только ни въ чемъ не уступаютъ видѣннымъ Мною постояннымъ частямъ войскъ, но во многомъ производятъ еще лучшее впечатлѣніе. Убѣжденъ, что объ дивизіи исполнятъ свой долгъ въ предстоящемъ имъ дѣлѣ“.

Куропаткинъ напрасно полагалъ, что онъ можетъ

оправдать свой общій неуспѣхъ также и тѣмъ, что въ Маньчжурскую армію посылали много резервныхъ войскъ. Резервныя войска, правильно веденныя, оказываются въ бою не хуже постоянныхъ войскъ, а часто и лучше ихъ, если послѣдними плохо руководятъ.

Общее руководство Куропаткина было очень неискусное и слабое, что и повело къ тому, что славная русская армія, составлявшая гордость родины, понесла страшныя, почти небывалыя пораженія. Куропаткинъ же, стремясь оправдать свои неуспѣхи, старался наложить тѣнь на войска и ихъ начальниковъ, возводя на нихъ тяжелыя обвиненія, ими не заслуженныя. Онъ не останавливался даже передъ очевидною неправдою.

Мнѣ очень тяжело это высказывать о генералѣ, занимавшемъ въ русской арміи высшія должности: должность военнаго министра и главнокомандующаго, и носящаго на своихъ плечахъ вензеля Государя Императора; о генералѣ, который могъ бы не безъ успѣха исполнить данное ему порученіе, если бы не былъ такъ избалованъ своею блестящею карьерою, если бы не обладалъ излишнимъ самомнѣніемъ и не пренебрегалъ бы тѣми истинами, которыя твердо установлены стратегіею.

VII.

На разсвѣтѣ 2-го октября японцы открыли артиллерійскій огонь по нашимъ позиціямъ; наша артиллерія стала отвѣчать и завязалась оживленная артиллерійская перестрѣлка. Противникъ сталъ насѣдать на 17 корпусъ, тѣсня его правый флангъ; этотъ послѣдній началъ медленно подаваться на свои

тыловыя позиціи. Между 6-мъ и 17-мъ корпусами образовался промежутокъ, въ который могли ворваться японцы. Начальникъ Западнаго отряда телеграфировалъ мнѣ, что правый флангъ 17-го корпуса обстрѣливается косыми шрапнельными выстрѣлами, а начальникъ штаба 17-го корпуса прислалъ мнѣ записку, въ которой говорилъ, что противникъ наступаетъ въ промежутокъ Даліантунь-Линшинпу, и просилъ оказать содѣйствіе демонстраціею противъ лѣваго фланга противника. Вслѣдъ за симъ баронъ Бильдерлингъ телеграфировалъ мнѣ о томъ, что правый флангъ 17-го корпуса подъ напоромъ противника началъ отходить отъ Линшинпу.

По полученіи перваго извѣстія объ угрозѣ правому флангу 17-го корпуса, я приказалъ направить влѣво 40 скорострѣльныхъ пушекъ и обстрѣлять площадь передъ фронтомъ этого корпуса, а также двинуть изъ корпуснаго резерва Мценскій полкъ для занятія позиціи, съ которой отходили мои сосѣди. Усилена была оборона Даліантуня и занята мѣстность влѣво отъ этой деревни. Свѣдѣнія о натискѣ японцевъ оказались преувеличенными.

Изъ этого можно еще разъ усмотрѣть, что войска 6-го сиб. корпуса всегда охотно оказывали поддержку своимъ боевымъ товарищамъ.

Нужно замѣтить, что войска Маньчжурской арміи съ 22-го сентября много поработали и въ горячихъ бояхъ съ японцами понесли большія потери. Войска эти утомились физически и нравственно. Утомились также и войска нашего противника; но духъ ихъ поддерживался на должной высотѣ сознаніемъ одержаннаго общаго успѣха.

Куропаткинъ отдалъ приказаніе черезъ капитана генер. штаба Семенова о томъ, чтобы 3-го октября Западный отрядъ вмѣстѣ съ 6-мъ сиб. корпусомъ

и отрядомъ Дембовскаго произвелъ наступленіе и отбросилъ японцевъ на югъ. Въ силу этого по войскамъ Западнаго отряда былъ отданъ приказъ отъ 10-ти ч. ночи 2-го октября за № 11. Въ немъ было сказано: „Завтра, 3-го октября, командующій арміей приказалъ перейти въ рѣшительное наступленіе". 6-му корпусу было указано наступать въ направленіи Ліутхангоу-Чанліутхангоу. Всѣмъ корпусамъ и отрядамъ было приказано начать артиллерійскую подготовку съ разсвѣтомъ.

Этотъ приказъ я получилъ въ полночь. Я и штабъ не спали ночь, такъ какъ до разсвѣта оставалось всего нѣсколько часовъ, а надлежало составить диспозицію и сдѣлать много нужныхъ распоряженій.

Съ разсвѣтомъ загремѣла канонада, а засимъ, послѣ артиллерійской подготовки, 6-й сиб. корпусъ началъ наступленіе. Въ 11 ч. 10 м. дня мною была получена полевая записка отъ начальника штаба Маньчжурской арміи, посланная изъ Хуаншаня въ 7 час. 40 мин. утра, такого содержанія: „Командующій арміей приказалъ западному отряду сегодня въ наступленіе не переходить и ограничиться удержаніемъ занятыхъ позицій. Приказаніе объ этомъ посылается генералу Бильдерлингу".

Въ 11 ч. 26 м. мною была полученъ приказъ по Западному отряду отъ 10 ч. дня за № 12 такого содержанія: „Въ виду новой директивы командующаго арміей предлагаю наступленіе ограничить прочнымъ утвержденіемъ на нынѣ занимаемыхъ позиціяхъ. 6-му сиб. корпусу принять снова уступное положеніе относительно 17-го, а 5-му свое прежнее положеніе для обезпеченія праваго фланга отряда. Генералу Грекову продолжать развѣдку".

Такимъ образомъ мнѣ было предложено поки-

нуть позиціи, съ бою взятыя войсками корпуса, и отступить, на что я вовсе не былъ склоненъ.

Долженъ сознаться, что операція на Шахе, поскольку она касалась моего корпуса, лично руководимаго до 1-го октября Куропаткинымъ, и поскольку я былъ освѣдомленъ о дѣйствіяхъ Западнаго отряда, а также Восточнаго отряда и общаго резерва, лично руководимаго командующимъ арміей, произвела на меня, какъ на свѣжаго, только что прибывшаго въ армію человѣка, самое тягостное впечатлѣніе. Я пришелъ къ твердому убѣжденію что вся эта операція велась крайне неосновательно, что ни одинъ вопросъ, какъ бы онъ ни былъ важенъ, не разсматривался и не разрѣшался, какъ слѣдуетъ, и что приказанія, какъ для наступательныхъ движеній, такъ равно и для занятія оборонительныхъ позицій, принимались независимо отъ какого бы то ни было плана, часто безъ всякаго соображенія съ обстановкою, а являлись послѣдствіемъ безконечныхъ нервныхъ колебаній.

Я долженъ сознаться, что, когда я получилъ приказаніе Куропаткина изъ Хуаньшаня, я рѣшился не исполнить его и, во что бы то ни стало, хотѣлъ и въ этотъ день отбить у японцевъ какую-нибудь позицію, дабы закрѣпить успѣхъ корпуса, достигнутый 1-го октября, и показать противнику, что мы обладаемъ на правомъ нашемъ крылѣ достаточными силами не только для обороны.

Лѣвый мой сосѣдъ, 17-й корпусъ, какъ это мнѣ было хорошо извѣстно, такъ какъ съ нимъ была установлена тѣсная связь, получивъ приказаніе начать наступленіе въ 8 час. утра, не начиналъ своего наступленія. Когда мои войска двигались впередъ, то они видѣли, что на позиціи 17-го корпуса все было спокойно и нижніе чины мирно варили

себѣ чай въ котелкахъ. Впослѣдствіи оказалось, что наступленіе 17-го корпуса было отмѣнено, о чемъ мнѣ своевременно не дали знать.

Правый мой сосѣдъ, такъ называвшійся отрядъ Дембовскаго, собрался крайне медленно. Я получилъ отъ офицера, посланнаго изъ моего штаба въ штабъ отряда для связи, телеграмму отъ 8-ми час. 20 мин. утра изъ лѣсочка у сел. Таусчунхе, въ которой было сказано: „Части 5 корпуса, которыя ушли по ошибкѣ за понтонный мостъ, что у дер. Айдяпу, еще не вернулись, движеніе не начато; поджидаютъ прихода войскъ, ушедшихъ за мостъ".

Въ 12 ч. 15 м. Куликовскій полкъ 6-го спб. корпуса, послѣ сильной артиллерійской подготовки, началъ наступленіе на сел. Вучжапинъ. Въ это время у д. Сантайза показалась голова 5-го спб. корпуса.

Вслѣдъ за симъ я получилъ слѣдующую полевую записку отъ часа дня за № 71 отъ Начальника Западнаго отряда.

„Дабы не подвергнуть фланговому огню позицію 17-го корпуса, прошу ваше высокопревосходительство не принимать уступнаго порядка сѣвернѣе линіи Даліантунь-Шоулинза, имѣя авангарды выдвинутыми еще къ югу. Такое относительное положеніе прошу сохранять до полученія новаго распоряженія или если противникъ не станетъ угрожать вашему правому флангу значительными силами. Если вы вынуждены будете отходить назадъ, то прошу срочно предупредить меня. Возможно, что до окончательнаго рѣшенія командующаго арміей о переходѣ въ наступленіе я вынужденъ буду отойти на линіи Подовяза-Кудяза, но сѣвернѣе этой линіи отходъ недопустимъ. Прошу васъ поставить объ этомъ въ извѣстность генерала Дембовскаго".

Мое рѣшеніе не исполнять приказаній Куропат-

кина и Бильдерлинга оказалось вполнѣ отвѣчающимъ обстановкѣ и желанію послѣдняго оградить 17 корпусъ отъ фланговаго ружейнаго и артиллерійскаго огня.

Въ 1 ч. 20 м. дня дер. Вучжанинъ была занята съ бою Куликовскимъ полкомъ. Я тотчасъ же приказалъ пріостановить наступленіе и ограничиться прочнымъ занятіемъ позиціи у д. Вучжанинъ. Позиція эта имѣла весьма выгодное положеніе, такъ какъ, во-первыхъ, защищала фронтъ 17-го корпуса отъ фланговаго огня противника, а, во-вторыхъ, артиллерія, поставленная въ Вучжанинѣ, обстрѣливала фланговымъ огнемъ японскую позицію у Безымянной и у Чанлиншу.

Въ виду этого я рѣшился удержать Вучжанинъ, несмотря на его выдвинутое положеніе.

Въ 11 часу ночи командующій 17 корпусомъ телеграммой № 8 увѣдомилъ, что японцы не обстрѣливали корпуса перекрестнымъ огнемъ, какъ это было въ предыдущіе дни.

Послѣ полуночи я получилъ отъ Начальника Западнаго отряда полевую записку за № 69, отправленную изъ Суятуня въ 11 ч. 20 м. ночи, слѣдующаго содержанія:

„Въ развитіе приказа моего № 12 прошу не оголять сразу праваго фланга 17-го корпуса отходомъ назадъ въ уступное положеніе, дабы не подвергнуть этого фланга боковому артиллерійскому огню. Прибылъ Кромскій полкъ съ батареею. Оставилъ его до вечера въ распоряженіи генерала Волкова, но съ тѣмъ условіемъ, что полкъ этотъ можетъ быть введенъ въ бой лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ. Вечеромъ полкъ направится къ вамъ. Кромскій полкъ съ батареей прибылъ въ полномъ порядкѣ; остановилъ ихъ для отдыха и обѣда“.

Въ ту же ночь, поздно, я получилъ телеграмму отъ Дембовскаго за № 8, въ которой было сказано: „Отрядъ расположился въ раіонѣ деревень: Сынтайза, Сандіоза и Сехобетай. Атаку, веденную съ большой настойчивостью 5 баталіонами на деревню Уанчжуанлинза, усиленную укрѣпленіями, за поздним временемъ, хотя и взято было нѣсколько окоповъ, пришлось прекратить. Войска были отведены въ указанныя деревни. Всѣ себя вели безукоризненно...“.

Въ полевой запискѣ, помѣченной 7 ч. 20 м. утра 4-го октября, Начальникъ Западнаго отряда сообщилъ мнѣ: „Вчерашнее удачное дѣйствіе корпуса и въ особенности артиллеріи значительно способствовали удержанію позиціи 17 корпуса“.

Рядъ фактовъ, изложенныхъ выше и подкрѣпленныхъ неподлежащими сомнѣнію документами, показываетъ, что 6-й сиб. корпусъ, дѣлая свое дѣло, вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми способами оказывалъ полное содѣйствіе и помощь своему боевому сосѣду, 17-му армейскому корпусу, и я имѣю основаніе думать, что если бы генералы, командовавшіе въ войнѣ съ японцами корпусами, захотѣли бы съ фактами въ рукахъ опровергнуть возведенное Куропаткинымъ обвиненіе на войска въ томъ, что одною изъ причинъ нашихъ пораженій была недостаточная выручка сосѣдей, то изъ этихъ словъ осталось бы очень мало, а командующіе арміями могли бы доказать, что Куропаткинъ, вопреки данному обѣщанію, часто, да притомъ въ самыя тяжелыя минуты, не только имъ не оказывалъ помощи, но даже ослаблялъ ихъ.

VIII.

Въ своемъ прощальномъ обращеніи къ офицерамъ 1-й маньчжурской арміи Куропаткинъ говоритъ, что одна изъ причинъ нашей общей неудачи войны 1904 — 1905 г. заключалась въ недостаткѣ боевого воодушевленія у офицеровъ и у нижнихъ чиновъ.

Сколько мнѣ извѣстно, въ началѣ войны это воодушевленіе было, но за симъ, по мѣрѣ выясненія способа веденія войны, которому слѣдовалъ Куропаткинъ, когда только и были слышны его приказанія: „окопаться“, „упорно обороняться“, „отступать“, „сжигать запасы“, а вслѣдъ за симъ вновь: „окопаться“, „упорно обороняться“ и „отступать“, и когда Куропаткинъ ушелъ изъ-подъ Ляояна, не испробовавъ всѣхъ средствъ, дабы сломить японцевъ, и когда, по словамъ авторитетнаго участника ляоянскаго боя, барона Бильдерлинга, „японцы, видя критическое положеніе Куроки на правомъ берегу Тайдзыхе и невозможность овладѣть укрѣпленной позиціей передъ Ляояномъ на лѣвомъ берегу, уже рѣшились отступить и не хотѣли вѣрить, когда китайцы сообщили имъ, что мы очистили Ляоянъ“— въ арміи явилось недовѣріе къ Куропаткину и воодушевленіе, весьма естественно, поохладѣло и у офицеровъ и у нижнихъ чиновъ.

Вновь прибывшія въ армію части, не успѣвшія еще ознакомиться съ духомъ войскъ маньчжурской арміи, стремились впередъ, желая побѣды, но ихъ тотчасъ же охлаждалъ Куропаткинъ.

Когда прибылъ на театръ войны ввѣренный мнѣ 6-й сибирскій корпусъ, я зналъ, что начальники частей, офицеры и нижніе чины не были лишены воодушевленія и стремились во что бы то ни стало

побѣдить японцевъ. Всѣ за малыми исключеніями, рвались въ бой.

Я долженъ сказать, что это мое мнѣніе вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ и ни мало не преувеличено. Доказать это можно множествомъ примѣровъ.

Вотъ 8-я рота 220 пѣх. Ешфанскаго полка 55-й дивизіи 6-го сибирскаго корпуса. Рота эта прибыла на театръ войны въ составѣ, нѣсколько превышавшемъ 220 чел. 29 сентября 1904 г. рота вмѣстѣ съ своимъ полкомъ была двинута впередъ и, принявъ на себя отступавшія части 17-го корпуса, заняла позиціи и отразила всѣ горячія атаки противника. Наступленіе послѣдняго было остановлено. Въ этотъ день рота потеряла убитыми 4 нижн. чина и ранеными 65 нижн. чиновъ, кромѣ того были ранены командиръ роты, капитанъ Трошинъ, и прапорщикъ Карповъ.

1-го октября эта же рота, въ составѣ полка, вновь наступала. При этомъ наступленіи было убито 5 нижн. чиновъ, ранено 73 и безъ вѣсти пропало 15 нижн. чиновъ; раненъ былъ командовавшій ротою, подпоручикъ Лукьяновъ.

Рота, потерявъ въ два дня боя 3-хъ офицеровъ, изъ коихъ двухъ ротныхъ командировъ, и 162 нижн. чина, окопалась, и готова была упорно обороняться и идти впередъ, если бы это ей было приказано. Рота въ бою дралась съ большимъ воодушевленіемъ.

Что-же еще хотѣлъ Куропаткинъ?

Эта рота, пополненная людьми, дралась прекрасно въ люнетѣ № 11, у южной Безымянной, на позиціи 6-го сибирскаго корпуса, въ тяжелые мукденскіе дни, и люди роты неоднократно выходили изъ люнета на вылазку. Въ эти трудные февральскіе дни японцы осыпали позиціи корпуса артиллерійскими снарядами, въ числѣ которыхъ были 11-ти

дюймовые осадные; осыпали ихъ пулями, а гарнизонъ люнета и другихъ укрѣпленій и окоповъ не имѣлъ ни одного блиндажа, въ которомъ можно было бы хотя временно укрыться не только отъ снарядовъ осадной артиллеріи, но даже отъ шимозъ.

Эта рота, совмѣстно съ другими частями, занимавшими позицію, выдержала многократныя атаки, произведенныя японцами и днемъ и ночью.

Когда мы отступали отъ Хуньхе къ Тѣлинской укрѣпленной линіи, эта 8 рота въ составѣ двухъ баталіоновъ епифанцевъ блестяще прикрыла отходъ войскъ 1-го армейскаго корпуса, входившаго въ составъ 1-й маньчжурской арміи и бывшаго тогда нашимъ боевымъ сосѣдомъ, и въ виду японской гвардіи заняла 11 послѣдовательныхъ позицій, отходя съ упорнымъ боемъ лишь подъ давленіемъ превосходныхъ силъ противника.

Это было 25-го февраля 1905 г. Въ этотъ день рота понесла слѣдующія потери: нижнихъ чиновъ убито 20, ранено 76; ранены командиръ роты, штабсъ-капитанъ Сергѣевъ, и подпоручикъ Петряевскій. Дѣло впрочемъ не въ томъ, что эта рота понесла большія потери, а въ томъ, что она доблестно исполнила данную ей нелегкую задачу.

Что-же еще было нужно?

Въ теченіе прошлой войны эта рота потеряла 6 офицеровъ и 266 нижнихъ чиновъ, не считая тяжко заболѣвшихъ отъ крайне тяжелыхъ условій войны. Конечно, не многія роты моего корпуса понесли такія тяжкія потери, такъ какъ не всѣ были поставлены въ такія сложныя боевыя условія, но всѣ роты доблестно вели себя во время войны.

Я бы могъ привести сотню самыхъ достовѣрныхъ фактовъ и доказать, что части 6-го сибирскаго корпуса, пѣхота коего была сплошь сформирована изъ

резервовъ, велп себя за все время войны мужественно и не только ни одна часть не уступила японцамъ въ теченіе всей войны ни одной траншеи, но части корпуса проявили прекрасныя качества при наступательныхъ бояхъ, которые, къ сожалѣнію, были такъ рѣдки въ минувшую войну. Войска корпуса ни на минуту не теряли надежды на окончательную побѣду.

Успѣхи 6-го сибирскаго корпуса несомнѣнно будутъ оцѣнены будущимъ историкомъ; но они потонутъ въ общемъ неуспѣхѣ войны. Я располагаю точными свѣдѣніями о каждой ротѣ, батареѣ и командѣ корпуса; имѣю данныя о подвигахъ каждаго офицера и очень многихъ нижнихъ чиновъ. Въ составленіи этихъ свѣдѣній принимали самое дѣятельное участіе младшіе офицеры и нижніе чины, причемъ эти свѣдѣнія провѣрены документами и свидѣтельскими показаніями. Конечно, много истинно геройскихъ подвиговъ нашего солдата унесено въ могилу.

Укору Куропаткина въ недостаткѣ боевого воодушевленія въ войскахъ 6-го сибирскаго корпуса, какъ не соотвѣтственному истинѣ, я не придаю никакого значенія.

Стоя во главѣ 6-го сиб. корпуса и хорошо зная нашего вождя, я не поддавался его вліянію и дѣлалъ все, чтобы спасти воодушевленіе корпуса до конца войны. Къ моему счастью, Куропаткинъ ни разу во всю войну не посѣтилъ ни одной позиціи корпуса.

Необходимо замѣтить, что боевое воодушевленіе у высшаго начальства не могло долго продержаться на надлежащей высотѣ, такъ какъ Куропаткинъ чрезвычайно ревниво слѣдилъ за корпусными командирами и командующими арміями и какъ только замѣчалъ, что кто-либо изъ нихъ проявлялъ иниціа-

тиву, а въ особенности самостоятельность, онъ съ большимъ искусствомъ лишалъ это лицо самостоятельности и гасилъ инищіативу.

Я никогда не былъ поклонникомъ Куропаткина, а тѣмъ болѣе во время войны, когда ясно видѣлъ тотъ страшный вредъ, который онъ приносилъ общему русскому дѣлу въ Маньчжуріи своею неспособностью водить въ бой массы войскъ и своимъ недовѣріемъ къ каждому генералу, кто проявлялъ искру военнаго таланта; когда видѣлъ, что онъ, не обладая устойчивою волею, старался все подчинить своей волѣ и вмѣшивался во всѣ мелочи, включительно до дѣйствій охотничьихъ командъ и до числа выстрѣловъ изъ орудій. Зная его хорошо, я твердо рѣшился не исполнять тѣхъ его приказаній, которыя не соотвѣтствовали обстановкѣ, или въ томъ случаѣ, когда являлись новыя обстоятельства. Я этого не скрывалъ и это ему стало извѣстно. Мнѣ прекрасно было знакомо „Положеніе о полевомъ управленіи войскъ“, предвидѣвшее именно подобные случаи. Ст. 763 этого положенія говоритъ: „При измѣнившихся или непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ командиру корпуса предоставлено отступать отъ точнаго исполненія данныхъ ему указаній, донося о томъ командующему арміей“. Исполненіе мною этой статьи возбудило противъ меня Куропаткина, который, какъ всѣ слабые волею люди, не выносилъ противорѣчій

4-го октября получено было радостное извѣстіе о взятіи, въ ночь съ 3-го октября, войсками центра высоты „съ деревомъ“, причемъ были захвачены 12 орудій и въ штыковомъ бою переколота масса противника. Этотъ частный успѣхъ оживилъ войска и явилась надежда на болѣе крупную побѣду. Я пожалѣлъ, что наступательное движеніе Западнаго отряда, назначенное на 3-е октября, было отмѣнено

Куропаткинымъ. Если бы это движеніе не ограничилось однимъ занятіемъ войсками 6-го корпуса Вучжаншна, то вмѣстѣ съ случайною операціею за обладаніе „высоты съ деревомъ“, оно могло бы имѣть значеніе одержаннаго крупнаго успѣха, но Куропаткинъ точно смутился своимъ успѣхомъ и приказалъ поглубже зарываться въ землю. Объ этомъ онъ неоднократно писалъ командирамъ корпусовъ.

7-го октября мною получена отъ Начальника Западнаго отряда полевая записка отъ 12 ч. 30 м. дня за № 91 слѣдующаго содержанія: „Командующій арміей приказалъ сегодня крѣпко держаться на занимаемыхъ позиціяхъ, усиленно укрѣплять ихъ и подготовлять новыя оборонительныя линіи въ тылу. Предлагаю усилить по ночамъ бдительность и принимать всевозможныя мѣры для огражденія войскъ отъ внезапныхъ ночныхъ атакъ. Прошу усилить по ночамъ дѣятельность охотничьихъ командъ въ цѣляхъ тревожить противника...“

Это была копія съ приказанія командующаго арміею.

Сознаюсь откровенно что я не отдалъ приказанія о выборѣ и подготовкѣ новыхъ оборонительныхъ линій въ тылу, такъ какъ мы употребляли всѣ силы на приведеніе въ должный видъ той позиціи, на которой корпусъ расположился послѣ боя 3 октября, что требовало продолжительнаго времени; сколько я могу припомнить, ни одинъ корпусъ не исполнилъ этого приказанія. Когда мнѣ было приказано занять позицію 10-го корпуса Южная Безымянная-Сахепу-Шанланза, я убѣдился, что на этомъ участкѣ была одна позиція и не было никакой другой укрѣпленной позиціи въ тылу.

Тревога и безпокойство Куропаткина и смущеніе его передъ японскими генералами, при сложившейся

тогда обстановкѣ, были мало основательны и во всякомъ случаѣ не могли способствовать подъему духа нашихъ войскъ.

Не успѣлъ онъ разослать свое тревожное приказаніе, какъ японцы очистили Сахену.

IX.

9-го октября начальникъ Западнаго отряда, основываясь на приказаніи командующаго арміей, сообщилъ мнѣ слѣдующее распоряженіе: „При укрѣпленіи позиціи прошу обратить вниманіе на сооруженіе такихъ опорныхъ пунктовъ, которые въ конструктивномъ отношеніи представляли бы безусловную трудность для атаки ихъ. Это дастъ возможность не заполнять сплошь промежутковъ между ними окопами, что избавитъ отъ растяжки частей и сохранитъ резервы. Прошу усиливать опорные пункты и окопы, устраивая передъ ними въ самыхъ широкихъ размѣрахъ засѣки, волчьи ямы и проволочныя заграждения“...

Это распоряженіе Куропаткина должно быть признано вполнѣ цѣлесообразнымъ, такъ какъ вело за собою сохраненіе сильныхъ резервовъ и возможность, если къ тому наступитъ благопріятная минута, выхода изъ укрѣпленной линіи для перехода въ наступленіе. Къ сожалѣнію, однако, онъ вскорѣ забылъ это указаніе, и мысль эта осталась неисполненною. Мы же, его подчиненные, не могли никогда предугадать, какія требованія къ намъ будутъ предъявлены. Сегодня онъ предъявлялъ одно требованіе, завтра другое, противоположное вчерашнему, а послѣ завтра — совершенно новое, ничего не имѣвшее общаго со вчерашнимъ и съ тѣмъ, что онъ требовалъ третьяго дня.

Тѣмъ временемъ охотничьи команды корпуса производили тщательныя развѣдки японскаго расположенія. Эти команды, строевые офицерскіе чины штабовъ дивизій и корпуснаго штаба рвались впередъ, и мнѣ почти ежедневно докладывали о тѣхъ офицерахъ, особенно генеральнаго штаба, которые участвовали въ поискахъ охотничьихъ командъ, часто весьма опасныхъ. Это настроеніе передавалось въ войска, которыя уже имѣли случай узнать, что японцевъ можно бить. Войска хорошо знали, что Начальникъ Западнаго отряда, близко знакомый съ боевой дѣятельностью корпуса, неоднократно благодарилъ корпусъ за эту дѣятельность. Всѣ знали также, что Куропаткинъ игнорировалъ эту дѣятельность и посмѣивался надъ тѣмъ, что молодецкій 219 п. Юхновскій полкъ, двинутый 29 сентября въ раіонъ дѣйствій 17 корпуса, наступалъ въ ротныхъ колоннахъ на сближенныхъ интервалахъ; но онъ не зналъ того, что полкъ двигался въ этомъ строю только потому, что ему сообщили, что далеко впереди была часть 17 корпуса, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эти части отошли назадъ, и Юхновцы были неожиданно осыпаны градомъ пуль и вслѣдствіе этого понесли тяжкія потери. Полкъ не имѣлъ ни одного взвода конницы, такъ какъ 6 сиб. корпусъ тогда не имѣлъ еще ни одного коннаго солдата. Все же полкъ свое дѣло сдѣлалъ; японцы увидѣли двигавшіяся колонны пѣхоты и пріостановили свое наступленіе.

Насмѣшка Куропаткина, а за симъ произнесенная имъ рѣчь передъ какою-то частью страшно обидѣли полкъ. Глумиться надъ мужествомъ резервнаго полка, направленнаго въ первый бой послѣ его сформированія на выручку полевыхъ, уже обстрѣлянныхъ, войскъ и при томъ при обстановкѣ совершенно не-

извѣстной и по незнакомой мѣстности, было по крайней мѣрѣ неосторожно.

Охотничьи команды 6-го сиб. корпуса проявили смѣлость и предпріимчивость. Офицеры и нижніе чины рвались въ бой и искали подвиговъ.

Опишу одинъ изъ первыхъ подвиговъ небольшой команды.

По моему приказанію, для выясненія силъ и расположенія японцевъ, занимавшихъ сел. Безымянную, расположенную между Вучжанпомъ и Чанлишпу, была направлена, въ ночь съ 8 на 9 октября, развѣдочная команда изъ 65 нижнихъ чиновъ, руководство которой было поручено подполковнику генеральнаго штаба Гиссеру, состоявшему въ штабѣ корпуса. Съ нимъ направился на смѣлый поискъ старшій адъютантъ начальника артиллеріи корпуса, штабсъ-капитанъ Воротынцевъ.

Для отвлеченія вниманія японцевъ, одна изъ охотничьихъ командъ должна была открыть рѣдкій ружейный огонь съ фронта; въ это время развѣдочный отрядъ долженъ былъ пробраться черезъ цѣпь сторожевого охраненія японцевъ и съ тыла ворваться въ занятое противникомъ селеніе.

Ночь была лунная. Дождавшись минуты, когда спрятался мѣсяцъ за тучи, развѣдочный отрядъ ползкомъ сталъ пробираться черезъ впереди лежавшее болото, обогнулъ линію непріятельскихъ аванпостовъ и приблизился къ намѣченному селенію. Трудно было подойти къ послѣднему, не обнаруживая своего присутствія; неубранный съ поля сухой гаолянъ издавалъ шумъ, когда къ нему прикасались; порывы вѣтра могли донести до японцевъ неосторожный звукъ отъ движенія команды въ 65 человѣкъ; мѣшали также бродившія по полямъ собаки, которыя своимъ лаемъ могли легко выдать присутствіе людей

команды. Отъ тайны зависѣлъ успѣхъ. Обойдя селеніе съ тыла и остановившись въ 400 шагахъ отъ него, Гиссеръ выдѣлилъ 20 человѣкъ команды съ Воротынцевымъ во главѣ, а самъ расположился съ остальной командой цѣпью, придвинувшись еще на 100 — 200 шаговъ впередъ, причемъ, въ видахъ предупрежденія охвата японцами высланной команды, расположилъ своихъ охотниковъ такимъ образомъ, чтобы можно было или своевременно подойти на выручку своихъ, или встрѣтить японцевъ атакою во флангъ. Для соблюденія полнѣйшей тишины отдано было приказаніе разрядить ружья и работать исключительно штыкомъ.

Тяжело было резерву оставаться въ выжидательномъ положеніи, въ полномъ невѣдѣніи того, что дѣлается впереди, а между тѣмъ необходимая предусмотрительность вынуждала оставить значительный резервъ внѣ селенія.

Воротынцевъ со своими людьми сталъ ползкомъ приближаться къ селенію. Положеніе становилось крайне рискованнымъ. Затаивъ дыханіе, команда медленно двигалась впередъ. Вдругъ явственно обрисовались японскіе часовые. Вопросъ о томъ, замѣчаютъ ли они движеніе смѣльчаковъ и выжидаютъ ихъ приближенія съ тѣмъ, чтобы всѣхъ перебить, волновалъ каждаго и поджигалъ смѣлость. Около сорока минутъ пришлось употребить на то, чтобы доползти до селенія съ правой стороны. Отправивъ пять человѣкъ къ лѣвой сторонѣ селенія, Воротынцевъ оставилъ караулъ изъ трехъ человѣкъ на углу селенія, самъ отправился вдоль наружной стѣнки перваго двора и, дойдя до воротъ, осторожно прокрался внутрь двора. Оказалось, что въ тыльной сторонѣ стѣнки двора, составлявшей фронтъ противъ команды Гиссера, у бойницъ стояли четыре

часовыхъ. Нельзя было терять ни одной минуты. Быстро составивъ планъ нападенія, Воротынцевъ оставилъ пять человѣкъ у воротъ, а съ остальными семью охотниками внезапно бросился на этихъ часовыхъ. Охотники схватили ближайшихъ двухъ часовыхъ, зажавъ имъ, согласно отданнаго заранѣе приказанія, рты руками. Японцы занимали узкое мѣсто между стѣнкою двора и фанзою: захватить одновременно всѣхъ четырехъ часовыхъ не представлялось возможнымъ; двое изъ нихъ молча бѣжали.

Одинъ изъ захваченныхъ, отличаясь большою силою, началъ отчаянно бороться. Воротынцевъ, опасаясь тревоги, ударилъ его шашкою по ногѣ, а одинъ изъ охотниковъ хватилъ его прикладомъ по головѣ; послѣ чего обоихъ японцевъ схватили и двинулись изъ селенія къ своему резерву. Къ счастью, убѣжавшіе часовые, испуганные появленіемъ русскихъ съ тыла, были настолько ошеломлены, что не подняли тревоги. Добывъ языка безъ выстрѣла и безъ потерь, развѣдочная команда спѣшно добралась до своихъ аванпостовъ, гдѣ раненый японецъ умеръ, а другого доставили въ штабъ корпуса.

Плѣнный далъ очень важное показаніе. Мы узнали, какая часть расположена противъ насъ.

Охотничьи команды 6-го сиб. корпуса продолжали дѣлать ежедневные поиски и въ штабахъ собирались любопытныя и крайне важныя свѣдѣнія о противникѣ и его расположеніи.

Противъ юго-восточной стороны сел. Вучжанинъ находилось сел. Безымянное, сыгравшее важную роль въ бою 1-го октября. Это селеніе, уже намъ извѣстное и расположенное въ 800 — 1.000 шагахъ отъ Вучжанина, было занято небольшимъ японскимъ отрядомъ, поддерживавшимъ боевую связь между ча-

стями арміи Оку, расположенными въ селеніяхъ Чанлиншу и Пхаоцзылянъ. Японскіе стрѣлки, укрыто располагавшіеся на крышахъ фанзъ и на деревьяхъ этого селенія, и обстрѣливая непрерывнымъ огнемъ сел. Вучжанинъ, били на выборъ всякаго, кто неосторожно попадалъ въ поле ихъ зрѣнія. Жизнь баталіона кулишовцевъ, составлявшихъ гарнизонъ Вучжанина, была трудная. Оттуда тянулись носилки съ ранеными и убитыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ возможность нападенія противника на это селеніе, стоявшее особнякомъ отъ позиціи корпуса, вызывала напряженное нервное вниманіе со стороны гарнизона. Явилась настоятельная необходимость занять Безымянную, чтобы тѣмъ укрѣпить наше положеніе въ Вучжанинѣ, расположенномъ на флангѣ японской позиціи. Независимо сего, укрѣпленная позиція Вучжанина могла послужить исходнымъ пунктомъ для нашего наступленія во флангъ японцамъ. Въ ночь съ 11 на 12 октября я возложилъ на капитана генеральнаго штаба Надежнаго производство развѣдки подступовъ къ сел. Безымянной съ сѣвера. Развѣдка выяснила, что это селеніе сильно укрѣплено: наружныя стѣны, сѣверная и западная, приспособлены къ двухъярусной оборонѣ и впереди имѣются искусственныя загражденія.

Въ ночь съ 12 на 13 октября охотничья команда 220-го Епифанскаго полка получила приказаніе, подъ руководствомъ капитана генеральнаго штаба Сытина, изслѣдовать расположеніе противника на линіи селенія Чанлиншу-Безымянная. Къ этой командѣ присоединился, какъ охотникъ, есаулъ 10-го Оренбургскаго казачьяго полка Плотниковъ, назначенный для поддержанія связи отъ штаба Западнаго отряда, корнетъ 51 драгунскаго Черниговскаго полка Савинъ и вольноопредѣляющійся того же полка

Гуліанъ. Команда смѣло двинулась впередъ. Винтовки не были заряжены. Капитанъ Сытинъ съ людьми подползъ на самое близкое разстояніе къ противнику, изслѣдовалъ его расположеніе и опредѣлилъ мѣстоположеніе окоповъ. Команда спокойно возвратилась назадъ.

Ходили и одиночные офицеры. Одинъ молодецъ подходилъ къ самому Чанлишпу и принесъ въ корпусный штабъ кусокъ бикфордова шнура, отрѣзанный имъ на позиціи японцевъ, вѣроятно, въ сферѣ искусственныхъ заграждений.

Офицеры рвались въ бой, рвались къ подвигу. Нижніе чины шли всюду, куда ихъ вели, и выказывали храбрость и настойчивое мужество.

Слова Куропаткина о томъ, что въ арміи былъ недостатокъ боевого одушевленія, а у офицеровъ и нижнихъ чиновъ было мало стремленія къ подвигу, никоимъ образомъ, какъ я уже говорилъ, не могутъ быть отнесены къ 6-му сиб. корпусу. Какъ бывшій командиръ этого корпуса, очень близко знакомый съ боевою жизнью частей корпуса и не отлучавшійся ни на одинъ день отъ войскъ корпуса за все время войны, я отвергаю это обвиненіе, какъ не отвѣчающее истинѣ.

Въ виду собранныхъ о противникѣ свѣдѣній, я приказалъ въ ночь съ 13 на 14 октября захватить врасплохъ укрѣпленное селеніе Безымянное, расположенное, какъ было сказано, къ западу отъ сел. Чанлишпу, а вслѣдъ за симъ, въ ту же ночь, взять и сильно укрѣпленную позицію Чанлишпу.

Для взятія этихъ укрѣпленныхъ позицій было назначено семь пѣшихъ охотничьихъ командъ, усиленныхъ до состава 200 нижнихъ чиновъ каждая.

Командамъ этимъ даны были слѣдующія задачи:

1) команды 217 пѣх. Кромскаго, 220 пѣх. Епи-

фанскаго и 285 пѣх. Мценскаго полковъ, подъ общимъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Сытина, должны были произвести развѣдку отъ линіи Даліантунь-Куалишпу въ направленіи на Чанлишпу съ цѣлью отвлечь вниманіе противника отъ Безымянной;

2) команды 219 пѣх. Юхновскаго и 286 пѣх. Кирсановскаго полковъ, подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Надежнаго, должны были, выйдя изъ Вучжанпна и двигаясь на востокъ къ кладбищу, у послѣдняго свернуть на югъ и ворваться въ Безымянную;

3) команды 287 пѣх. Тарусскаго и 288 пѣх. Кулпковскаго полковъ, подъ начальствомъ подполковника генеральнаго штаба Гиссера, должны были, выйдя изъ сел. Вучжанпна, подойти къ Безымянной съ юга и юго-запада и оттуда ворваться въ селеніе, по возможности одновременно съ отрядомъ капитана Надежнаго;

4) послѣ взятія Надежнымъ и Гиссеромъ Безымяннаго, оба отряда, подъ начальствомъ Гиссера, должны были двинуться къ Чанлишпу, стараясь зайти японцамъ въ тылъ, а три команды Сытпна силою въ 600 чел. должны были смѣло броситься на Чанлишпу съ сѣвера.

Таковы были мои указанія, которыя я далъ собравшимся у меня Гиссеру, Сытину и Надежному. Я имъ замѣтилъ, что взятіе Безымянной и Чанлишпу намъ крайне важно, такъ какъ по выполненіи этой операціи противникъ, несомнѣнно, будетъ вынужденъ очистить Лишшишпу и Ламатунь. Они поклялись исполнить приказаніе и я имъ вѣрилъ. Я обѣщалъ ихъ поддержать, въ случаѣ необходимости, полкомъ пѣхоты, выдвинутымъ изъ резерва. Со всѣ-

ми тремя отрядами штабъ корпуса установилъ прочную живую связь.

Передъ наступленіемъ охотничьихъ командъ была произведена, въ теченіе полутора часа, артиллерійская подготовка, въ которой принимали участіе всѣ батареи, расположенныя на фронтѣ Шоуялинза-Даліантунь. Отъ выстрѣловъ мортирной батареи въ Чанлишпу произошелъ пожаръ. Японцы намъ не отвѣчали. По всей вѣроятности, они не успѣли еще пополнить израсходованные ими въ бояхъ снаряды.

Эта артиллерійская канонада произвела тревогу у нашего противника и у нашихъ боевыхъ сосѣдей. Болѣе всѣхъ встревожился командующій нашей арміей.

Хотя Куропаткинъ прислалъ мнѣ приказаніе черезъ Начальника Западнаго отряда о томъ, чтобы атаки на Чанлишпу не производить безъ его на то распоряженія, но я въ виду того, во-первыхъ, что это дѣло было подготовлено и что взятіе Чанлишпу никому, кромѣ японцевъ, не могло принести вреда, и японцы, какъ это было сказано выше, были бы тогда вынуждены очистить Линшишпу и Ламатунь, что для насъ было бы очень выгодно, а, во-вторыхъ, въ виду того, что въ приказаніяхъ Куропаткина, послѣдовавшихъ послѣ окончанія операціи на Шахе, встрѣчались крупныя противорѣчія: то онъ требовалъ частныхъ успѣховъ, то таковые строго воспрещалъ, а то передавалъ самыя удивительныя соображенія—я приказалъ начать наступленіе, взявъ все дѣло на свою личную отвѣтственность.

Впослѣдствіи я пожалѣлъ о томъ, что приказалъ обстрѣливать артиллеріею позицію противника и подготовить тѣмъ наступленіе. Если бы не было этого страшнаго орудійнаго грома, быть можетъ, нашъ вождь и не узналъ бы, что войска пошли на штурмъ.

Куропаткинъ соединился со штабомъ телефономъ и потребовалъ меня; но въ штабѣ оставался полковникъ Постовскій. Онъ спросилъ, что такое затѣвается въ корпусѣ, и когда узналъ, что войска начали наступленіе на Чанлинпу, то отдалъ категорическое приказаніе немедленно прекратить наступленіе и отвести войска назадъ. „Быть можетъ, это уже поздно?“—спросилъ Куропаткинъ. Постовскій вмѣсто прямого отвѣта сказалъ, что между штабомъ корпуса и отрядами установлена прочная связь.

Вмѣшательство командующаго арміей и воспрещеніе брать Чанлинпу заставили меня послать слѣдующія полевыя записки начальникамъ отрядовъ: „Вслѣдствіе категорическаго приказанія командующаго арміей, только что переданнаго по телефону, о воспрещеніи штурмовать дер. Чанлинпу, прошу ограничиться по отношенію къ ней лишь рекогносцировкой, но отнюдь въ нее не входить, а дер. Безымянную можно занять, если это не представитъ особаго труда“.

Куропаткинъ умѣлъ гасить всякую инпціативу, умѣлъ давить всякое проявленіе самостоятельности.

Въ числѣ причинъ нашей общей неудачи въ прошлой войнѣ Куропаткинъ во главѣ ихъ ставитъ: недостаточно сознательное, особенно при наступленіи, веденія боя и главное—недостатокъ инпціативы, недостатокъ у частныхъ начальниковъ самостоятельности.

Но вѣдь онъ остерегался всякаго частнаго успѣха и къ этому его, повидимому, побуждало чувство самосохраненія. Всѣмъ извѣстно его отношеніе къ Гриппенбергу во время операціи подъ Сандепу.

На совѣщаніи, происшедшемъ между Гиссеромъ и Надежнымъ послѣ полученія моей полевой записки, было рѣшено, что главный ударъ надлежитъ нане-

сти съ сѣвера въ виду того, что именно съ этой стороны нападеніе возможно выполнить наиболѣе неожиданно. Для наступающаго тутъ представлялись довольно тяжелыя условія, такъ какъ онъ долженъ былъ проходить передъ фронтомъ сторожевого охраненія японцевъ по мѣстности, отрѣзанной отъ с. Вучжанинъ трудно проходимымъ болотистымъ ручьемъ.

Такимъ образомъ труднѣйшая роль въ этой операціи выпала на долю отряда капитана Надежнаго; отрядъ же подполковника Гиссера долженъ былъ выполнить демонстративную роль. Рѣшеніе это было вполнѣ правильное, такъ какъ противникъ проявлялъ наибольшую бдительность именно на послѣднемъ направленіи, вынужденный къ тому ночными поисками охотниковъ—куликовцевъ изъ Вучжанина.

По окончаніи артиллерійской канонады, когда стемнѣло, началось наступленіе нашихъ охотниковъ. Въ это время со стороны Безымянной была открыта ружейная стрѣльба, производившаяся, видимо, наугадъ. Это, однако, заставило предположить, что противникъ ожидаетъ нападенія. Въ виду этого капитаномъ Надежнымъ было выслано два дозора, по два человѣка въ каждомъ, къ сел. Чанлиппу и къ сел. Безымянная для выясненія характера принятыхъ японцами мѣръ.

Развѣдчики, посланные къ с. Чанлиппу, донесли, что со стороны этого селенія былъ слышенъ говоръ многихъ голосовъ и стукъ забиваемыхъ кольевъ. Очевидно, тамъ производились работы по устройству искусственныхъ заграждеій. Изъ числа людей, высланныхъ къ с. Безымянная, вернулся только одинъ, а его товарищъ былъ убитъ часовымъ, на котораго они наткнулись у сѣверной опушки селенія.

Все это показывало, что дѣйствовать нужно было крайне осторожно, такъ какъ предстоявшая операція

была трудна въ виду того, что противникъ бодрствовалъ на позиціи Чанлишпу и всегда могъ обрушиться съ фланга на нашъ отрядъ, который былъ отдѣленъ отъ Вучжапина болотомъ. Между тѣмъ благодаря лунному свѣту, ночь была, свѣтлая и контуры отдаленныхъ предметовъ явственно вырисовались.

Отъ кладбища, на которомъ охотники замѣтили сотни тѣлъ юхновцевъ, не погребенныхъ съ 1 октября, кирсановская команда была двинута Надежнымъ развернутымъ фронтомъ, имѣя уступомъ за обоими флангами по половинѣ команды юхновскаго полка. Наканунѣ этотъ путь былъ обрекогносцированъ Надежнымъ. Наступленіе производилось медленно, больше ползкомъ и частью пригнувшись.

Со стороны Чанлишпу явственно доносились говоръ и шумъ; казалось, одинъ неосторожный звукъ выдастъ близкое сосѣдство нашихъ охотниковъ и тогда могла наступить невыгодная для насъ развязка. Время подвигалось медленно; нервное напряженіе людей усиливалось. Около трехъ часовъ утра Надежный подвелъ свой отрядъ скрытно къ д. Безымянной. Во главѣ охотниковъ, ободряя ихъ примѣромъ личной храбрости, онъ первымъ ворвался въ сѣверную опушку деревни, проведя людей по узкому перешейку между озерами, открытыми имъ наканунѣ. Побѣдное „ура“ всполошило оплошавшихъ часовыхъ. Черезъ нѣсколько секундъ изъ фанзъ и изъ-за заборовъ началась бѣшеная, но безпорядочная ружейная трескотня. Охотники заняли главную улицу селенія.

Видя, что дѣло пропграно, японцы очистили селеніе, уклонившись отъ штыковой схватки. Отойдя къ сторонѣ Чанлишпу, они залегли въ окопахъ въ 600—800 шагахъ отъ Безымянной и открыли по ней частый огонь. Со стороны Пхаоцзына и промежуточныхъ

окоповъ начался сильный ружейный огонь. Приходилось готовиться къ контръ-атакѣ.

Организовать оборону деревни было пока невозможно вслѣдствіе темноты. Въ виду этого, а также того, что часть команды ускользнула изъ рукъ начальниковъ въ темнотѣ въ пересѣченной деревнѣ, Надежный вывелъ обѣ команды на восточную опушку д. Безымянной, обращенную къ сторонѣ Чанлиншу, не обращая вниманія на продолжавшуюся еще стрѣльбу изъ фанзъ въ самой деревнѣ. Было очевидно, что не всѣ японцы покинули селеніе. Онъ расположилъ команды въ неглубокой выемкѣ, тянувшейся какъ разъ вдоль селенія. Отвѣчая рѣдкимъ огнемъ на стрѣльбу японцевъ, онъ приказалъ возводить окопы. Въ селеніи, какъ резервъ, былъ оставленъ всего одинъ взводъ, такъ какъ съ минуты на минуту ожидалось прибытіе отряда подполковника Гиссера, которому Надежный послалъ донесеніе объ успѣшномъ занятіи селенія.

Людьми резерва былъ разобранъ штурмфалъ и уничтожены проволочныя сѣти, загораживавшія входъ въ деревню со стороны Вучжанина.

Непрерывный огонь противника съ разныхъ сторонъ, возможность охвата расположенія съ обоихъ флланговъ, темнота и ожиданіе перехода японцевъ въ наступленіе напрягли нервы людей до высокой степени, особенно въ виду того, что послѣдніе впервые были въ ночномъ дѣлѣ; но доблестный начальникъ отряда, Надежный, показывалъ примѣръ мужества и стойкости. Наконецъ прибылъ отрядъ подполковника Гиссера. Надежный стоялъ впереди окопа и отдавалъ приказанія; но пуля его подстерегла—онъ былъ тяжело раненъ въ животъ навылетъ. Рана эта не оказалась смертельною только потому, что Надежный случайно четверо сутокъ не былъ поса-

женъ на санитарный поѣздъ. Сколько погибло раненыхъ въ животъ только потому, что ихъ преждевременно подвергали безпокойствамъ въ ужасныхъ вагонахъ.

Операція захвата Безымянной стоила намъ не дорого: тяжело были ранены капитанъ Надежный и подпоручикъ Глабездинъ. Два нижнихъ чина было убито, 11—ранено.

X.

Чтобы показать образецъ приказаній, которыя получались войсковыми начальниками послѣ нашего неудачнаго обхода японцевъ со стороны Кореи, привожу циркулярное предписаніе Куропаткина командирамъ корпусовъ отъ 13-го октября:

ПОЛЕВОЙ ШТАБЪ
МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМІИ.

УПРАВЛЕНІЕ
ГЕНЕРАЛЪ-КВАРТИРМЕЙСТЕРА.
Отдѣленіе Оперативное.
13 октября 1904 г.
№ 10.710
кварт. г. Хуаньшань.

Циркулярно,
весьма секретно.

Командиру 6-го сибирскаго корпуса.

Во время боевъ съ 28 сентября было нѣсколько случаевъ, что командиры корпусовъ принимали на себя рѣшеніе вопроса объ отступленіи съ указанныхъ имъ для упорной обороны позицій и не подъ напоромъ противника, а только въ ожиданіи его атаки, и отводили ввѣренныя имъ войска назадъ, даже не предупреждая сосѣдей.

Таковыя дѣйствія отражались весьма невыгодно на ходѣ операціи всей арміи и потому не могутъ быть терпимы въ будущемъ.

Я понимаю, что сильный противникъ можетъ заставить наши войска того или другого изъ корпусовъ отойти назадъ, но признаю это возможнымъ не ранѣе того, какъ будутъ исчерпаны всѣ силы и средства, до личнаго примѣра включительно, дабы отстоять порученныя оборонѣ позиціи. Увѣренъ, что при твердой рѣшимости отстоять эти позиціи онѣ и будутъ сохранены за нами, ибо русскія войска всегда съ успѣхомъ оборонялись даже противъ несравненно сильнѣйшаго противника, а у насъ, къ сожалѣнію, бывали случаи, что отступали и передъ слабѣйшимъ непріятелемъ.

Предваряю, что въ будущемъ, если кто либо изъ командировъ корпусовъ допуститъ безъ разрѣшенія начальниковъ отрядовъ, коимъ они подчинены, или безъ моего разрѣшенія, если они подчинены мнѣ, отступленіе съ ввѣренныхъ имъ для упорной обороны позицій и не подъ напоромъ противника, а лишь въ ожиданіи его атаки, то будетъ мною неукоснительно привлеченъ къ отвѣтственности по закону за неисполненіе приказанія командующаго арміей въ военное время.

Равнымъ образомъ и переходы въ наступленіе, не представляющіе собою естественнаго послѣдствія одержаннаго успѣха надъ нападавшимъ противникомъ, а образующіе отдѣльную операцію корпуса или отряда, не могутъ быть допущены безъ моего разрѣшенія, такъ какъ, будучи предприняты несвоевременно, могутъ нарушить общій планъ дѣйствій въ данное время всей арміи.

Затѣмъ со стороны старшихъ начальствующихъ лицъ нерѣдко поступаютъ ко мнѣ заявленія о томъ, что войска понесли большія потери и утомлены, при чемъ, не принимая въ разсчетъ, что и японцы безъ сомнѣнія несутъ не меньшія нашихъ утомленіе и

потери, высказывается мнѣніе о невозможности продолжать бой и чувствуется недостатокъ увѣренности въ благопріятномъ для насъ исходѣ боя.

Въ отвѣтъ на это напоминаю командирамъ корпусовъ великіе примѣры и уроки для насъ въ Севастопольской оборонѣ, 50 лѣтъ тому назадъ и геройскую защиту Портъ-Артура въ настоящее время.

Предлагаю напомнить это всѣмъ чинамъ корпусовъ и указать при этомъ, что, дабы сравняться съ Севастополемъ, намъ остается еще 10 мѣсяцевъ и 15 дней.

Подписалъ: Генералъ-Адъютантъ Куропаткинъ.

Это циркулярное предложеніе было мною получено 14 октября въ 1 часъ и 40 м. дня. Не могу скрыть того, что когда я читалъ эту бумагу, меня охватило недоумѣніе и я былъ подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ ощущеній. Это вѣдь была не простая бумага, а предложеніе того лица, которому Государь ввѣрилъ судьбы арміи и который становился главнокомандующимъ. Конецъ предписанія меня особенно смутилъ.

Меня поразило то обстоятельство, что нашъ вождь ни единымъ словомъ не обмолвился о причинахъ неудачи наступательной операціи, а обрушился на командировъ корпусовъ за плохую оборону. Точно не было никакого наступательнаго движенія. Точно командиры корпусовъ при наступленіи, если считать, что оно было, дѣйствовали безошибочно и не вызывали никакихъ замѣчаній. Мнѣ кажется, что это предписаніе ясно обнаруживаетъ всю суть стратегіи Куропаткина, направленіе которой было оборонительно-отступательное.

Когда было получено это предписаніе, въ арміи уже хорошо знали всѣ существенныя черты нашего неудачнаго наступленія въ направленіи на Портъ-

Артуръ и всѣ знали, что первостепенная причина неуспѣха этого предпріятія заключалась въ томъ, что главныя силы арміи были посланы по неудачно выбранному направленію, въ малоизвѣстную горную страну и при условіи непмѣнія соотвѣтственныхъ свѣдѣній о силахъ противника и его расположеніи. Плохо соображенный планъ наступленія, непмѣніе хорошихъ картъ мѣстности и плохая развѣдывательная служба штаба арміи—вотъ три главныя причины нашей общей неудачи.

Всѣ хорошо знали, что правое крыло развернувшейся арміи было составлено изъ четырехъ другъ отъ друга независимыхъ отрядовъ, именно:

1) Западнаго отряда,
2) 6-го сиб. корпуса,
3) отряда Дембовскаго и
4) отряда Коссаговскаго.

Всѣ знали, что эти отряды разной силы были руководимы Куропаткинымъ, который, вплоть до 30 сентября, посылалъ первымъ двумъ отрядамъ ежедневно свои директивы, назначая ночлеги, повидимому забывъ на это время отряды Дембовскаго и Коссаговскаго. Мы понимали, что если бы эти четыре отряда были сведены въ два отряда, которые бы маневрировали въ тѣсной между собою связи, или были бы сведены въ одну руководимую одной волей армію, то получилась бы грозная сила, которая конечно, справилась бы съ арміями Оку и Нодзу, особенно въ томъ случаѣ, если бы Куропаткинъ своевременно поддержалъ ее своимъ резервомъ.

Выше мы видѣли, что разрозненныя дѣйствія этихъ четырехъ отрядовъ и посылка ихъ въ бой пакетами принесли пользу лишь нашему противнику, и что это происходило отъ неудачнаго общаго руководства Куропаткина.

Когда, послѣ общаго перехода къ оборонѣ, именно 6-й сиб. корпусъ и отрядъ Дембовскаго были подчинены Начальнику Западнаго отряда, то результатъ получился отличный, такъ какъ на слѣдующій же день, 1-го октября была отброшена армія Оку, нацѣлившаяся было на Мукденъ.

Всѣ прекрасно знали, что разрозненныя дѣйствія общаго резерва, лично руководимаго Куропаткинымъ, чуть-чуть не привели къ катастрофѣ и что 4 сиб. сиб. корпусъ оградилъ армію отъ прорыва.

Вся операція на Шахэ потерпѣла неудачу отъ неумѣнья нашего бывшаго вождя управлять массами войскъ. Операціи грозила полная катастрофа, но усиліями корпусныхъ командировъ, праваго крыла и центра, армія была спасена отъ полнаго пораженія. Куропаткинъ, какъ мнѣ кажется, не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ сущности имъ же предпринятой и такъ плохо обдуманной крупной операціи, а такъ какъ операція была очень неудачна, то онъ счелъ справедливымъ обвинить корпусныхъ командировъ и при томъ только въ томъ, что они неудачно обороняются. Развѣ это не удостовѣряетъ въ томъ, что всѣ мысли и вся дѣятельность Куропаткина были направлены къ одной цѣли—оборонѣ и, какъ неизбѣжнаго послѣдствія обороны—къ отступленію.

Указаніе командующаго арміею въ № 10.710 на Севастополь и Портъ-Артуръ смутило меня и, вѣроятно, всѣхъ тѣхъ, кто ознакомился съ этимъ документомъ. Трудно было понять, какое существуетъ сходство между обороной осажденной крѣпости, въ особенности обложенной со всѣхъ сторонъ, и полевою войною, а указаніе чинамъ корпуса: на-то, „что, дабы сравняться съ севастопольцами, намъ остается еще 10 мѣсяцевъ и 15 дней“— многихъ привело въ полное недоумѣніе. Всѣмъ было

извѣстно, что осада Севастополя, какъ это принято считать, продолжалась 11 мѣсяцевъ. Война съ Японіей началась въ концѣ января и ко дню подписанія № 10.710 прошло $9^1/_2$ мѣсяцевъ, да, по словамъ автора предписанія, осталось еще $10^1/_2$ мѣсяцевъ. Думали-думали и ничего не выходило. Выходила какая то безсмыслица, никому непонятная.

Какъ бы то ни было, полагали, однако, что Куропаткинъ бросаетъ всякую мысль о наступленіи и запрется за укрѣпленную кордонную линію, которую будетъ отстаивать въ продолженіе 10 мѣсяцевъ и 15 дней, и что поэтому онъ приказалъ всѣмъ объявить и о Севастополѣ, и о Портъ-Артурѣ, и о 10 мѣсяцахъ и 15 дняхъ.

Все же было любопытно разгадать загадку этихъ чиселъ.

Повидимому, это былъ слѣдующій ариѳметическій разсчетъ. Предписаніе № 10.710 было подписано 13 октября. Въ бумагѣ означено 28 сентября, какъ бы начало новой оборонительной эры. Съ 28 сентября по 13 октября пятнадцать дней. Прибавляя эти 15 дней къ 10 мѣсяцамъ 15 днямъ, мы получаемъ ровно 11 мѣсяцевъ. Все, что геніально, то просто. Подсчетъ на бумагѣ оказался очень простымъ. Когда я произвелъ эту рабуту и получилъ 11 мѣсяцевъ, я развеселился.

До 13-го октября войну сравнивали съ отечественной войной 1812 г., а съ этого числа стали ее уподоблять севастопольской осадѣ; но для чего было упомнинать о Портъ-Артурѣ—эта была загадка, которую, вѣроятно, никто до сего времени не разгадалъ.

16-го октября я получилъ отъ Куропаткина изъ Хуаньшаня телеграмму за № 780 слѣдующаго содержанія:

„Прошу неустанно день и ночь смѣнными командами продолжать работы по усиленію позиціи и созданію опорныхъ пунктовъ. За типъ опорныхъ пунктовъ предлагаю принять ляоянскіе форты; вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаю нынѣ же приступить къ устройству теплыхъ землянокъ для войскъ. Объ успѣхѣ работъ по укрѣпленію позиціи и устройству землянокъ доносить мнѣ въ два дня разъ. То, что сдѣлано, недостаточно".

Любопытно то, что Куропаткинъ не зналъ, что было сдѣлано на моей позиціи: самъ онъ на позиціяхъ не показывался и въ октябрѣ никого отъ себя не присылалъ въ мой корпусъ, а отчетъ только что былъ составленъ. Я былъ несказано радъ тому, что Куропаткинъ забылъ о своемъ приказаніи подготовить новыя оборонительныя линіи въ тылу. И безъ того, а особенно съ постройкой теплыхъ землянокъ, было очень много работы.

XI.

Послѣ крупной неудачи, постигшей насъ въ знаменитыхъ операціяхъ подъ Ляояномъ, Куропаткинъ, считавшій этотъ неуспѣхъ успѣхомъ, такъ какъ будто онъ своевременнымъ отступленіемъ спасъ армію и благополучно довелъ ее до Мукдена, имѣлъ смѣлость всеподданнѣйше довести до свѣдѣнія Государя Императора о томъ, что одною изъ причинъ этой удачной неудачи было недостаточное, вслѣдствіе неясности цѣлей и причинъ войны, военное одушевленіе въ нашихъ войскахъ.

Я не былъ въ сраженіи подъ Ляояномъ, а потому не знаю, чего не хватало для того, чтобы одушевленіе войскъ было достаточно; но во всякомъ случаѣ

оно было, что и не отвергаетъ самъ бывшій командующій арміею. Полагаю, однако, что если въ войскахъ не было того особаго воодушевленія, которое такъ свойственно войскамъ, когда ихъ ведутъ къ побѣдамъ, то это было только потому, что ими командовалъ Куропаткинъ, со стратегіею и тактикою котораго уже успѣли ознакомиться войска. Въ чемъ состояла его стратегія? Какъ мы уже видѣли, она была очень не хитрая. „Окопаться“, засимъ „упорно обороняться“, а послѣ этого „отступать“; засимъ вновь „окопаться“, вновь „упорно обороняться“ и неизмѣнно „отступать“, а главное имѣть въ виду „терпѣніе“, „терпѣніе“ и „терпѣніе“. Къ этому иногда прибавлялось: „сжечь запасы“, „подготовить въ тылу новую оборонительную позицію“ и т. под., все въ томъ же оборонительно-отступательномъ духѣ.

Когда же, вслѣдствіе причинъ, быть можетъ, не зависѣвшихъ отъ нашего бывшаго вождя, приходилось наступать, то наступательная операція являлась либо запоздалою, какъ это имѣло мѣсто подъ Вафангоу, либо совершенно необдуманною, какъ это было на Шахэ.

Куропаткинъ говоритъ, что для войскъ были неясны причины и цѣли войны. Японія, не объявляя еще войны, нанесла намъ тяжкое военное оскорбленіе, такъ мало вязавшееся съ рыцарскимъ духомъ Самураевъ. Это оскорбленіе и было главнымъ поводомъ объявленія нами войны. Такъ это и понято было русскою арміею. Что касается до цѣли войны, то всякому солдату были понятно, что цѣль войны заключается въ томъ, чтобы разбить врага и нанести ему полное пораженіе; прочія цѣли достигаются этимъ пораженіемъ.

Россія вела разныя войны и войска не знали истинныхъ цѣлей войнъ и настоящихъ причинъ.

Когда они еще были мало благоустроенными и шли при Императрицѣ Елизаветѣ противъ войскъ Фридриха Великаго — много они знали о цѣли войны? Когда славный Суворовъ велъ свои дружины въ Италію и когда его войска на поляхъ Нови и Требіи покрыли себя неувядаемою славою—какія государственныя цѣли воодушевляли войско? Когда Императоръ Александръ I, послѣ крайне тяжелой, разорившей Россію, но побѣдоносной войны 1812 г., повелѣлъ своимъ войскамъ вступить въ предѣлы Германіи—много ли знали войска объ истинной цѣли продолженія войны? Война 1849 г. противъ венгерцевъ развѣ была понятна войскамъ? но имъ совершенно было понятно, что надо побѣдить врага. А завоеваніе Туркестана? Развѣ понимали войска тѣ цѣли, которыя имѣло правительство, посылая ихъ вглубь Средней Азіи? Куропаткинъ хорошо знаетъ, что войны, которыя мы вели въ Туркестанѣ, благодаря необозримымъ степямъ и страшнымъ пескамъ, были очень тяжелыя, и тѣмъ не менѣе одушевленіе войскъ отъ начала и до конца этихъ войнъ было на надлежащей высотѣ, особенно тогда, когда во главѣ ихъ стояли такіе умные и храбрые генералы, какъ Черняевъ, Кауфманъ, Абрамовъ и Скобелевъ.

Куропаткинъ не стоялъ близко къ войскамъ и не посѣщалъ войска на позиціяхъ во время боя. Извѣстное мнѣ исключеніе было на Шахэ, въ первыхъ числахъ октября 1904 г. Онъ ни разу не посѣтилъ позиціи моего корпуса, никого изъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ не присылалъ на эти позиціи и лишь разъ или два прислалъ на позицію Сахепу своего адъютанта Шереметева, который и провелъ на ней нѣсколько сутокъ, знакомясь съ суровою боевою обстановкою войскъ корпуса. Войска моего 6-го Сиб. корпуса видѣли Куропаткина у его вагона, когда

онъ ихъ пропускалъ церемоніальнымъ маршемъ. Нѣкоторыя части корпуса вовсе его не видѣли за все время войны. Лишь разъ онъ пріѣхалъ въ ст. Тхоусяитунь, въ которомъ былъ расположенъ штабъ 6 сиб. корпуса и нѣкоторыя части корпуса. Когда пріѣхалъ въ армію командующій 3-ю маньчжурскою арміею, генералъ баронъ Каульбарсъ, то онъ осмотрѣлъ всѣ позиціи корпуса, не исключая самыхъ передовыхъ. Когда мы расположились на Сипингайскихъ позиціяхъ, новый главнокомандующій, генералъ адъютантъ Линевичъ, обошелъ рѣшительно всѣ позиціи 6-го корпуса, не пропустивъ ни одного окопа. То же онъ сдѣлалъ и въ другихъ корпусахъ.

Подъ Тюренченомъ, на Ялу, должно было разыграться первое боевое столкновеніе наше съ японцами. Куропаткинъ туда не заглянулъ, а между тѣмъ, во главѣ японскихъ войскъ тамъ былъ командующій I-й арміей Куроки.

Подъ Вафангоу онъ не былъ, а японскими войсками тамъ начальствовалъ командующій 2-ю арміею Оку.

Въ бою подъ Дашичао Куропаткинъ не былъ, уѣхавъ чуть-ли не наканунѣ боя, а японскими войсками командовалъ тотъ же Оку.

Подъ Ляояномъ онъ оставался внѣ выстрѣловъ и войска не видѣли его на позиціяхъ. Впрочемъ, онъ сдѣлалъ было попытку посѣтить одинъ изъ фортовъ Ляоянской укрѣпленной позиціи.

Въ половинѣ седьмого часа вечера 18 августа, какъ пишетъ очевидецъ В. А. въ своемъ прекрасномъ очеркѣ, озаглавленномъ „Куропаткинъ. Изъ воспоминаній о русско-японской войнѣ“, Куропаткинъ сѣлъ на бѣлаго коня и съ многочисленною свитою готовился посѣтить боевую позицію. Поѣхали. Солнце заходило за горизонтъ. Когда оставалось нѣсколько

верстъ до позиціи, Куропаткинъ подозвалъ къ себѣ генерала Маслова.

„Масловъ, пишетъ В. А., спѣшившійся, какъ вся уже почти свита Куропаткина, подходитъ къ его стремени и, приложивъ руку къ большому козырьку своей фуражки, слушаетъ, что говоритъ ему командующій арміей. Онъ говоритъ приблизительно слѣдующее:

„Ну вотъ теперь и вашъ чередъ насталъ. На вашу долю выпадетъ много трудовъ и опасностей, но я на васъ надѣюсь. Вы останетесь въ Ляонѣ до конца...

„Что это значитъ?—смущенно думаю я, стоя у дерева на одномъ уровнѣ съ командующимъ арміей, съ трудомъ улавливая выраженіе его лица, жадно ловя его слова и торопливо занося ихъ въ свою книжку, на листахъ которой я уже съ трудомъ различаю въ темнотѣ начертаніе словъ.

„Подъѣзжаетъ нѣсколько ординарцевъ.

„Любимый сотрудникъ Куропаткина, полковникъ Сиверсъ, при свѣтѣ пламени спички читаетъ ему донесеніе. Отдѣльныя слова ихъ жадно ловятся, связываются между собой и оживленно комментируются свитой.

„Говорятъ, генералъ Штакельбергъ проситъ свѣжую бригаду, чтобы перейти въ наступленіе... Говорятъ, у японцевъ уже нѣтъ патроновъ. Ихъ упорство сломлено и ихъ обозы начинаютъ уже отходить къ Айсяндзяну... Штакельбергу отказано.

„Николай Николаевичъ,—раздается голосъ Куропаткина, зовущій Сиверса,—напишите Зарубаеву, чтобы онъ послалъ на подкрѣпленіе красноярцевъ баталіонъ тобольцевъ съ толковымъ штабъ-офицеромъ.

„Сиверсъ пишетъ, а Куропаткинъ, покуривая папиросу, говоритъ собравшимся у его стремени офи-

церамъ свиты своимъ спокойнымъ, немного тягучимъ голосомъ:

„Богъ дастъ, завтрашній день будетъ для насъ такой же хорошій, какъ нынче, а послѣ завтра мы ихъ и погонимъ.

„Я слышу это отчетливо своими ушами и радуюсь. Вѣдь у насъ еще резервъ не тронутъ.

Вызывается очередной ординарецъ и высылается впередъ узнать о положеніи дѣлъ.

„Донесеніе привезите на фортъ № 4; мы туда поѣдемъ, говоритъ ему вслѣдъ Куропаткинъ. И когда онъ исчезаетъ въ темнотѣ, Куропаткинъ трогаетъ своего коня, мы переѣзжаемъ дорогу и цѣлиной ѣдемъ на фортъ № 4. Мы ѣдемъ въ темнотѣ, лишь порой освѣщаемые и ослѣпляемые вспышками молніи. Справа бой затихаетъ. На фонѣ ружейной трескотни уже выдѣляются теперь отдѣльные орудійные выстрѣлы и они становятся все рѣже и рѣже.

„Мы ѣхали впередъ сперва довольно бойкой рысью, но потомъ остановились, свернули направо, опять остановились, вернулись назадъ, поѣхали влѣво... Фортъ № 4, видимо, намъ не давался въ руки. А тутъ еще и ливень насъ догналъ. Мы остановились въ полѣ, во мракѣ, какъ сбитая съ толку отара, не зная, что дѣлать, гдѣ укрыться отъ дождя, который не оставилъ уже на насъ ни одной сухой нитки, доказавъ лишній разъ, что всѣ пальто промокаютъ. Послѣ короткаго совѣщанія и непродолжительныхъ новыхъ поисковъ дороги въ фортъ № 4-й, рѣшено было ѣхать въ Ляоянъ, который свѣтилъ намъ огоньками станціи и поѣзда командующаго арміей. По дорогѣ Куропаткинъ остановился у какихъ-то интендантскихъ складовъ и вошелъ въ маленькій деревянный сарайчикъ, свѣтившійся единственнымъ огонькомъ. Говорятъ, что тамъ въ это время находился генералъ

Зарубаевъ. О чемъ они совѣщались и что было рѣшено на этомъ совѣщаніи, въ то время мнѣ осталось неизвѣстнымъ.

„Промокшіе, продрогшіе, усталые и унылые мы вернулись въ Ляоянъ, темный, мрачный и безлюдный. Штабъ уже выѣхалъ. Въ отчетномъ отдѣленіи квартирмейстерской части мнѣ показали телеграмму, отправляющуюся въ Петербургъ. Она содержала нѣкоторыя стратегическія соображенія командующаго арміею, но о ходѣ боя въ теченіе дня не говорила ни слова. Очевидно, въ немъ не разобрались и его себѣ не представляли.

„Смутное предчувствіе надвигающейся бѣды росло во мнѣ все сильнѣе. Оно зародилось еще тамъ, на полѣ, подъ пихтами китайскаго кладбища, гдѣ разсчитывалъ увидѣть, какъ полководцы руководятъ боемъ. Но я не видѣлъ. Наша группа, съ генераломъ въ сѣромъ кителѣ на бѣломъ конѣ во главѣ, по своему пассивному отношенію къ ней, по этимъ мимолетнымъ, случайнымъ, подчасъ мелкимъ и ненужнымъ замѣчаніямъ и распоряженіямъ, походила больше на группу туристовъ, выѣхавшихъ любоваться эффектнымъ, грандіознымъ зрѣлищемъ, чѣмъ на штабъ командующаго арміей, на средоточеніе ума, воли и сердца сражающейся арміи. Еще тамъ, глядя на молчаливую, сутуловатую фигуру Куропаткина, на спокойствіе, вѣявшее отъ него, я подумалъ: этотъ человѣкъ или очень хорошо разсчиталъ свою игру и увѣренъ въ успѣхѣ ея, или же онъ ровно ничего не понимаетъ въ сложной обстановкѣ битвы“.

Во время этой экскурсіи ни одинъ снарядъ противника не достигъ до штабной группы, о пуляхъ нечего и говорить, и тотъ красивый сарайчикъ, въ которомъ укрылся Куропаткинъ, не былъ подъ вы-

стрѣлами японцевъ. Дѣло, впрочемъ, не въ томъ, а въ томъ, что командующій арміей ѣхалъ по дорогамъ неизвѣстнымъ, не зная, въ какомъ направленіи расположенъ фортъ № 4-й, и никто изъ его обширной свиты не могъ ориентировать вождя маньчжурской арміи, такъ какъ никто не былъ знакомъ съ мѣстностью, и, вѣроятно, никто изъ ближайшихъ его сотрудниковъ не былъ здѣсь ни разу. Это указываетъ на то, что между штабомъ арміи и позиціей не было установлено надлежащей связи; вѣроятно, въ свитѣ не было и офицера отъ того корпуса, который занималъ сказанный фортъ.

Впрочемъ, отъ этой поѣздки на фортъ нельзя было ожидать какой-либо существенной пользы. Въ ночное время ни Куропаткинъ, ни кто либо изъ чиновъ его штаба не могъ видѣть ни сосѣднихъ фортовъ, ни промежуточныхъ между ними окоповъ, ни расположеніе артиллеріи, ни противника. Онъ лишь увидѣлъ бы, какъ расположены роты, занимавшія фортъ, но вѣдь онъ зналъ, сколько тамъ стоитъ ротъ и какой части войска. Конечно, онъ увидѣлъ бы людей этихъ ротъ, но вѣдь офицеръ и нижніе чины могли подумать, что вотъ храбрый генералъ пожаловалъ къ намъ ночью, когда сраженіе уже утихло и большая часть людей расположилась на отдыхъ, страшно истомленная непрерывнымъ боемъ. Вышло даже хорошо, что дождикъ и незнаніе той дороги, которая могла бы привести къ цѣли путешествія, помѣшали прибыть ему на фортъ. Другое дѣло, если бы Куропаткинъ съ небольшою, конечно, свитою, пріѣхалъ на фортъ днемъ, во время разгара боя; тогда онъ могъ бы воодушевить войска и ознакомился бы съ положеніемъ дѣлъ на значительномъ участкѣ нашей оборонительной позиціи.

Онъ даже не пожелалъ стать во главѣ корпу-

совъ, которые были направлены для отраженія обхода нашего лѣваго фланга, предпринятаго арміею Куроки, и которые, веденные искусно и рѣшительно впередъ, могли бы опрокинуть эту армію въ р. Тадзыхе.

А мѣсто его тогда было именно среди этихъ войскъ. Въ своемъ циркулярномъ предписаніи отъ 13 октября, о которомъ было упомянуто выше, онъ прямо говоритъ, что позицію командиръ корпуса можетъ покинуть „не раньше того, какъ будутъ исчерпаны всѣ силы и средства до личнаго примѣра включительно“; но онъ покинулъ Ляоянскую укрѣпленную позицію, не истощивъ всѣхъ средствъ и не показавъ примѣра, какъ надо вести войска въ бой.

Куропаткинъ, какъ это извѣстно всѣмъ, не пожелалъ раздѣлить съ войсками труды операціи подъ Сандепу, а присутствіе его во главѣ его стратегическаго резерва въ бояхъ 12—15 января 1905 г. было безусловно необходимо и могло бы повлечь за собою пораженіе японцевъ.

XII.

Я не буду описывать операцію подъ Сандепу, въ которой лично не участвовалъ и съ которой знакомъ лишь изъ разсказовъ участниковъ и изъ копій съ документовъ, мнѣ сообщенныхъ.

Операцію эту предполагалось исполнить въ началѣ декабря 1904 г., когда еще не знали объ истощеніи силъ славнаго Портъ-Артурскаго гарнизона и когда, слѣдовательно, на театръ военныхъ дѣйствій южной Маньчжуріи не могла подойти 3-я японская армія Ноги.

Постоянныя колебанія главнокомандующаго и его нерѣшительность были всѣмъ хорошо извѣстны въ арміи и это вліяло на настроеніе начальствующихъ лицъ и духъ арміи.

Когда Куропаткинъ былъ командующимъ Маньчжурской арміей, онъ не призывалъ къ совѣту корпусныхъ командировъ и все дѣлалъ согласно личнаго своего воззрѣнія. Когда были сформированы три маньчжурскія арміи и назначены командующими этими арміями Линевичъ, Гриппенбергъ и Каульбарсъ, онъ началъ собирать послѣднихъ для обсужденія стратегическихъ вопросовъ. По вопросу о предполагавшемся переходѣ въ новое наступленіе переговоры главнокомандующаго тянулись безконечно долгое время. Къ этимъ переговорамъ и совѣщаніямъ были привлечены, кромѣ начальника штаба Главнокомандующаго и его генералъ-квартирмейстера, начальники штабовъ 3-хъ армій и генералъ-квартирмейстеры армій и другія второстепенныя лица. Совѣщанія эти выяснили, что въ умѣ Куропаткина не было вполнѣ яснаго представленія о томъ, что именно онъ желаетъ и какими средствами полагаетъ воспользоваться для достиженія успѣха. Плана у него не было и планъ не былъ выработанъ совѣщаніемъ. А время шло и переписка увеличивалась. Точно верхи арміи были начальниками канцелярій сложнаго, какого-то неопредѣленнаго учрежденія.

Воля—это высшее проявленіе человѣческаго существа—отсутствовала совершенно. Исполнители задуманнаго предпріятія, корпусные командиры не были привлечены къ подготовительной работѣ, да они и не знали, что именно предполагалось.

Военные агенты иностранныхъ державъ были освѣдомлены несравненно болѣе, чѣмъ корпусные командиры. Имп кишѣлъ штабъ главнокомандую-

щаго и часть ихъ находилась при штабахъ армій. Съ ними вмѣстѣ была цѣлая стая иностранныхъ корреспондентовъ. Присутствіе агентовъ и корреспондентовъ въ штабахъ затрудняло работу послѣднихъ и вело къ раскрытію военныхъ тайнъ.

Я былъ очень счастливъ, что въ моемъ корпусѣ, во время осенней операціи на Шахе и во время стоянки на позиціи Южнаго Безымяннаго—Сахепу-Шанланза, не было ни одного военнаго агента, ни одного корреспондента. Ко мнѣ было пріѣхалъ, передъ самымъ началомъ мукденской операціи, корреспондентъ одной изъ самыхъ распространенныхъ берлинскихъ газетъ, но въ тотъ же день я просилъ его выѣхать изъ раіона расположенія корпуса.

На третій день мукденской операціи, именно 14 февраля, ко мнѣ былъ присланъ военный агентъ Аргентинской республики, Ростіани, и я былъ въ недоумѣніи, для чего собственно прибылъ въ нашу армію этотъ господинъ? Этотъ агентъ оказался лицомъ очень освѣдомленнымъ и зналъ объ общемъ положеніи дѣлъ на театрѣ войны гораздо болѣе, чѣмъ я, такъ какъ корпуснымъ командирамъ сообщали очень скудныя свѣдѣнія о томъ, что происходило въ сосѣднихъ арміяхъ и тѣхъ отрядахъ, которые были расположены на флангахъ укрѣпленной позиціи. Мы знали достаточно хорошо о томъ, что дѣлалось въ сосѣднихъ корпусахъ, ибо для связи съ послѣдними сами посылали особо избранныхъ офицеровъ, которые и доносили о событіяхъ.

Ростіани сказалъ, что къ нему относились съ большимъ вниманіемъ штабы главнокомандующаго и командующаго арміей. Мнѣ было приказано разрѣшить ему посѣтить позицію моего корпуса и онъ побывалъ въ тыловой части позиціи Шанланзы. Засимъ онъ обратился ко мнѣ съ просьбою сообщить

ему порядокъ занятія боевой позиціи и расписаніе на ней войскъ корпуса. Я, конечно, не исполнилъ этого желанія господина Ростіани и замялъ разговоръ, начавъ разспрашивать его о земледѣльческой культурѣ Аргентинской республики и о положеніи тамъ русскихъ переселенцевъ. Мой собесѣдникъ, мужчина молодой и очень красивый, былъ мною недоволенъ и въ тотъ же день исчезъ, чему я несказанно обрадовался. Черезъ два дня онъ, однако, вновь появился въ штабѣ моего корпуса, и начальникъ штаба сказалъ мнѣ, что Ростіани не скрылъ отъ него того обстоятельства, что въ штабѣ главнокомандующаго онъ добылъ всѣ необходимыя для него свѣдѣнія.

Свѣдѣнія эти, конечно, нужны были Ростіани для своего отчета военному министру республики; но вѣдь японскіе шпіоны могли и выкрасть у него собранныя имъ военныя свѣдѣнія, имѣвшія первостепенное значеніе. Это было сдѣлать въ сущности не трудно, такъ какъ на службѣ иностранныхъ военныхъ агентовъ были китайскіе переводчики, большая часть которыхъ, вѣроятно, состояла шпіонами у японцевъ. Кромѣ того, съ этими агентами были въ тѣсной связи соотвѣтственные корреспонденты, у которыхъ тоже были китайскіе переводчики и прислуга. Въ числѣ послѣднихъ были, конечно, и японцы, окитаившіеся по наружности.

Все это было очень подозрительно. Мы всѣ знали, что японцы, готовясь къ войнѣ съ нами въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, приняли самыя основательныя мѣры къ тому, чтобы окружить нашу армію чрезвычайно искусно составленною сѣтью военныхъ развѣдчиковъ.

Вся армія знала еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ о готовящемся наступленіи противъ японцевъ, а засимъ сталъ распространяться слухъ о томъ, что цѣлью

наступленія будетъ обходъ лѣваго крыла противника. Весьма вѣроятно, что обстановка составленія наступательныхъ предположеній и крайняя болтливость давали полную возможность японцамъ узнать намѣренія Куропаткина и принять соотвѣтственныя мѣры противодѣйствія. И дѣйствительно: японцы поспѣшили удлинить свое лѣвое крыло и дошли почти вплоть до рѣки Хуньхе, имѣя въ виду заставить насъ сдѣлать широкій размахъ въ обходъ ихъ лѣваго фланга либо атаковать въ лобъ прочно укрѣпленныя ими позиціи.

Къ концу ноября стали утверждать что будто нашъ главнокомандующій окончательно остановился на рѣшеніи наступать противъ лѣваго крыла противника; однако, говорили, что твердо рѣшено выждать прибытія на театръ войны 16 армейскаго корпуса.

Наступленіе, слѣдовательно, отлагалось въ долгій ящикъ.

Японцы, между тѣмъ, не дремали. Независимо удлиненія своихъ укрѣпленныхъ позицій на западъ, они поспѣшили покончить съ Портъ-Артуромъ, дабы по возможности поскорѣе освободить армію Ноги.

Никогда не представлялась намъ болѣе удобная минута для перехода въ наступленіе съ надеждою на успѣхъ; но Куропаткинъ колебался. Намѣреніе его выждать прибытія на театръ войны 16-го корпуса могло измѣнить слагавшуюся обстановку въ пользу японцевъ и въ ущербъ намъ: къ намъ прибылъ бы одинъ корпусъ, а къ японцамъ, въ случаѣ паденія Портъ-Артура, могла бы подойти цѣлая армія, гордая своимъ успѣхомъ и воодушевленная побѣдою. Тогда перевѣсъ въ силахъ перешелъ бы на сторону нашего противника.

Пропалъ ноябрь, проходилъ декабрь; Куропат-

Вашему Высокопревосходительству
командующему русскими войсками!

Одинъ изъ командующихъ японскими войсками имѣетъ честь передать Вамъ слѣдующее увѣдомленіе:

Въ солокъ минутъ десять часовъ пополудни 20го Декабря (по русскому календарю) между обоими уполномоченными изъ наступительныхъ и оборонительныхъ войскъ въ Портъ-артурѣ. уже было окончено въ деревнѣ Шюй-си-инъ подписать условію объ открытіи крѣпости П. ар.

Пользуясь этимъ случаемъ наше японское войско благоговѣйно выражаетъ свое почтеніе.

Одинъ изъ командующихъ
Японскими войсками
3го Января 1905 г.

кинъ не принималъ никакого рѣшенія. Вдругъ стало извѣстно, что Портъ-Артуръ палъ.

Лично мнѣ это стало извѣстно изъ слѣдующаго объявленія, которое въ нѣсколькихъ экземплярахъ было разбросано японцами передъ самою цѣпью нашего сторожевого охраненія. *)

Изъ этого обстоятельства и изъ многихъ другихъ, всѣмъ извѣстныхъ, которыя я здѣсь не считаю нужнымъ приводить, можно было усмотрѣть, что японцы были очень предусмотрительны и что многіе офицеры и нижніе чины ихъ арміи достаточно хорошо владѣли русскимъ языкомъ. Вѣроятно, они имѣли переводчиковъ изъ числа русскихъ подданныхъ, людей, конечно, не съ русской душой.

Наше военное вѣдомство, такъ неудачно руководимое бывшимъ военнымъ министромъ Куропаткинымъ, какъ извѣстно, палецъ о палецъ не ударило для того, чтобы имѣть хотя бы нѣкоторое число молодыхъ людей, основательно знакомыхъ съ японскимъ языкомъ. У насъ даже не было принято никакихъ мѣръ для подготовки переводчиковъ китайскаго языка. Удивительно то, что министерство Куропаткина не могло не сознавать, что намъ неизбѣжно придется выдержать борьбу съ японцами, а самъ министръ, вмѣсто того, чтобы исполнить свой прямой долгъ по подготовкѣ войскъ къ войнѣ, занимался политикою, полагая, что его политика будетъ въ силахъ отвратить войну.

Съ китайцами намъ пришлось вести войну въ 1900 г. и министерству Куропаткина было, конечно, не безызвѣстно, что на необъятномъ пограничномъ протяженіи Сибири было много русскихъ людей, хорошо знакомыхъ съ китайскимъ языкомъ; но военное вѣдомство даже не озаботилось составленіемъ списка

*) Объявленіе напечатано на особомъ листѣ.

этимъ лицамъ, дабы привлечь ихъ, на извѣстныхъ условіяхъ, въ случаѣ войны въ войска. Такая непростительная ошибка повторилась и въ 1904 г. Нужно надѣяться, что въ настоящее время наше военное вѣдомство, наученное горькимъ опытомъ послѣдней войны, приняло всѣ мѣры къ подготовкѣ необходимаго числа переводчиковъ китайскаго и японскаго языковъ.

Такая подготовка должна быть исполнена въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, такъ какъ никто не знаетъ, какія событія могутъ возникнуть на Дальнемъ Востокѣ.

Японцы, вступивъ на путь завоевательной политики, не остановятся на этомъ пути; въ виду же того, что наше военное вѣдомство, насколько это намъ извѣстно, ничего пока не сдѣлало существеннаго для того, чтобы прочно укрѣпить наше положеніе на Дальнемъ Востокѣ, не взирая на опытъ войны 1904—1905 г., японцы несомнѣнно постараются докончить то, что они не успѣли сдѣлать въ прошлую войну, то-есть отторгнуть отъ насъ всю Восточную Сибирь, что, при извѣстной политической обстановкѣ можетъ представиться возможнымъ.

Для японцевъ, въ политическомъ и военномъ отношеніи, такое рѣшеніе вопроса будетъ дѣломъ первостепенной государственной важности, такъ какъ при этомъ условіи они могутъ надѣяться на полное присоединеніе къ ихъ имперіи Монголіи и Маньчжуріи.

Я прошу читателя не подумать, что я преувеличиваю—я это говорю совершенно сознательно.

Японцы уже овладѣли Корейскою имперіею. Когда они овладѣютъ Маньчжуріею и Монголіею и нашими областями Дальняго Востока, то общее населеніе ихъ имперіи достигнетъ ста милліоновъ жителей.

Припомнимъ исторію Россіи. Русскій народъ, такъ долго страдавшій отъ разныхъ кочевыхъ племенъ,

проходившихъ черезъ его земли, собрался наконецъ и образовалъ сильную монархію. Въ борьбѣ съ сосѣдями и во взаимной враждѣ, на что указываетъ нашъ лѣтописецъ Несторъ въ своихъ словахъ: „порядка у насъ нѣтъ“, этотъ народъ привыкъ къ выносливости и закалилъ свою волю. И вотъ совершилось какъ бы чудо. Русскій народъ сплотился и сразу проявилъ свою могучую силу. Образовалось колоссальное государство, которое въ самомъ началѣ своего существованія уже угрожало Царьграду. При Ярославѣ Великомъ могущество Россіи было уже прочно и русскій народъ получилъ законы. Европейскія державы искали сближенія съ нами и мы стали больше обращать свои взоры на западъ.

Между тѣмъ, на Дальнемъ Востокѣ зажигалось новое могущество - военная и политическая сила монголовъ.

Мы всѣ хорошо знаемъ, чѣмъ окончилась борьба этихъ двухъ новыхъ политическихъ силъ. Своимъ невниманіемъ къ Востоку, Русь поплатилась монгольскимъ рабствомъ.

Хоть исторія не склонна часто повторяться, но мы должны зорко наблюдать за развитіемъ могущества Японіи и въ особенности Китая и обязаны принять всѣ мѣры къ тому, чтобы надлежащимъ образомъ встрѣтить новую грозную опасность, а также къ тому, чтобы не допустить Китай заключить военное соглашеніе съ Японіею.

Мы знаемъ, что Японія, кромѣ своего сильнаго флота, дѣятельно подготовляетъ свою армію, которая, развернувшись въ Маньчжуріи, можетъ представить силу въ 2.000.000 человѣкъ. Она въ концѣ войны 1904—1905 гг. выставила армію свыше 1.000.000 человѣкъ. Китай еще долгое время не будетъ въ силахъ сравняться въ военномъ отношеніи съ японцами и

долгое время будетъ находиться подъ вліяніемъ Японіи.

Намъ надлежитъ стать твердо на нашей границѣ на Дальнемъ Востокѣ и помнить, что безъ проведенія второй колеи великаго сибирскаго пути и созданія непрерывнаго воднаго пути черезъ Сибирь мы не будетъ стоять твердо на этой важной для насъ окраинѣ.

XIII.

Паденіе Портъ-Артура произвело сильное впечатлѣніе на нашу армію, хотя для всѣхъ было ясно, что это паденіе было неизбѣжно.

Куропаткинъ, повидимому, забилъ тревогу. Онъ еще не остановился на рѣшеніи предпринять наступательное движеніе, какъ потому, что еще не успѣлъ окончательно обдумать это предпріятіе, такъ и потому, что ожидалъ, какъ это было сказано выше, прибытія на театръ войны 16 корпуса. Однако, онъ счелъ своевременнымъ послать отрядъ конницы для производства капитальнаго разрушенія желѣзно-дорожныхъ сооруженій въ тылу японской арміи и для захвата и истребленія собранныхъ въ Инкоу запасовъ. Чтобы освѣтить это предпріятіе и мысли, вложенныя въ него главнокомандующимъ, считаю полезнымъ привести копію съ его предписанія, даннаго генералъ-адъютанту Мищенко. Предписаніе это было подписано Куропаткинымъ 24 декабря 1904 г. и значится подъ № 3.401. На поляхъ его было написано: „Спѣшно. Совершенно секретно. Въ собственныя руки".

„Признавая въ настоящее время крайне важнымъ," пишетъ Куропаткинъ, „кавалерійскимъ набѣгомъ произвести капитальную порчу желѣзной дороги въ раіонѣ Хайченъ-Ташичао-Гайджоу, при чемъ особен-

но важное значеніе будетъ имѣть разрушеніе такихъ капитальныхъ сооруженій, какъ мостовъ у Гайджоу и станціонныхъ сооруженій, а также захватить Инкоу, уничтожить собранные тамъ японцами запасы, поселить панику въ тылу японской арміи, я приказалъ сформировать конный отрядъ въ составѣ:

Урало-Забайкальская дивизія . . .	21 сотня
Кавказская конная бригада	12 сотенъ
Бригада 4-й Донской казач. дивизіи	12 „
26 Донской казачій полкъ	6 „
Отдѣльная кавалерійская бригада .	12 эскадр.
Приморскій Драгунскій полкъ . .	6 „
Пограничная стража	4 сотни.
Полуэскадронъ развѣдчиковъ . . .	½ „
4 охотничьи команды 1-го сибирскаго корпуса	4 ком.
1-я и 2-я Забайкал. казач. батареи	12 оруд.
20-я конная батарея	6 „
½ батареи поршневыхъ орудій 4 спб. арт. див.	4 „

Всего 72 ½ сотни, 4 команды, 22 орудія.

„Начальство надъ этимъ отрядомъ возлагаю на ваше превосходительство.

„Набѣгъ этотъ надо произвести возможно внезапно быстро и энергично. Раіонъ движеній, дѣйствій и времени предоставляется вполнѣ выбору вашего превосходительства.

„Всѣмъ означеннымъ частямъ приказано быть въ полной готовности, прибыть на мѣсто, которое вы укажете, къ назначенному времени, съ возможно полнымъ числомъ рядовъ, обративъ особенное вниманіе на ковку.

„Вмѣстѣ съ симъ предписано 25 декабря перейти и поступить въ ваше распоряженіе:

„2-й отдѣльной кавалерійской бригадѣ въ д. Синкайхе,

„Приморскому драгунскому полку въ д. Ладяпу,

„Охотничьимъ командамъ 1-го Спб. корпуса въ д. Дачжуанхе.

„Означеннымъ частямъ пришазано взять съ собою на людяхъ по 200 патроновъ и 24 тысячи патроновъ на полкъ въ двуколкахъ; вьючный обозъ и подрывное имущество; хлѣбъ и фуражъ при себѣ на одинъ день, освободивъ вьюки отъ всего остального имущества. Независимо сего, дано приказаніе генералъ-маіору Ухачъ-Огоровичу приготовить вьючный транспортъ съ сухарями, крупой, солью, чаемъ, сахаромъ и зерновымъ фуражемъ на два дня и выслать его къ вечеру въ д. Сыфантай въ ваше распоряженіе.

„Затѣмъ, въ деревнѣ же Сыфантай къ вечеру 26-го декабря будетъ образованъ складъ съ 5-ти дневнымъ довольствіемъ на весь вашъ отрядъ и 60 головъ рогатаго скота должны быть теперь же распоряженіемъ главнаго интенданта подогнаны въ Сыфантай въ ваше распоряженіе.

„Временное командованіе Урало-Забайкальской казачьей дивизіей возложено на командира бригады 4-й Донской казачьей дивизіи генералъ-маіора Абрамова.

„Командованіе сводной 3-хъ полковой драгунской дивизіей—на командующаго Спбирской казачьей дивизіи генералъ-маіора Самсонова. Кромѣ того, въ ваше распоряженіе командируется генералъ-маіоръ Баумгартенъ.

„Предоставляю вамъ полную свободу въ дѣлѣ выполненія возлагаемой задачи, обращаю ваше внима-

ніе, что японцы могутъ имѣть свою конницу въ сборѣ и произвести нападеніе на одну изъ нашихъ колоннъ, дѣйствуя въ превосходныхъ силахъ, или же, не втягиваясь въ бой съ нашей конницей, при удобномъ случаѣ атаковать обозъ отряда или его арріергардныя части.

„При такой обстановкѣ можетъ быть, вамъ придется прежде исполненія вышеуказанныхъ цѣлей уничтожить конницу противника, а затѣмъ уже исполнить первоначальныя назначенія, что, впрочемъ, будетъ зависѣть вполнѣ отъ вашего усмотрѣнія.

„При движеніи впередъ полагалъ бы имѣть лѣвую колонну болѣе сильной, какъ ближайшую къ противнику; возвращеніе же отряда назадъ, можетъ быть, удобнѣе исполнить правымъ берегомъ р. Ляохе, гдѣ отрядъ лучше будетъ обезпеченъ довольствіемъ, хотя, впрочемъ, направленіе въ этомъ случаѣ останется за вами".

Подписалъ: главнокомандующій генералъ-адъютантъ Куропаткинъ.

Скрѣпилъ: Начальникъ Штаба генералъ-лейтенантъ Сахаровъ.

Куропаткинъ сдѣлалъ на предписаніи слѣдующую приписку: „Наиболѣе важной изъ порученныхъ вамъ задачъ считайте разрушеніе желѣзной дороги на указанномъ выше участкѣ. Такъ какъ дѣйствія на желѣзной дорогѣ будутъ происходить въ мѣстности, лишенной продовольственныхъ средствъ, то я прибавляю къ обозу вьючному, везущему двухдневный запасъ, еще транспортъ изъ двуколокъ съ двухдневнымъ запасомъ на лошадей и четырехъ-дневнымъ на людей. Эти повозки, съ обозными лошадьми, не отстанутъ отъ отряда, а по освобожденіи ихъ отъ груза составятъ вашъ санитарный транспортъ".

Изъ 153 эскадроновъ и сотенъ было назначено

въ набѣгъ $72^1/_2$, тогда какъ можно было свободно послать 100, такъ какъ лишь лѣвое крыло нашей позиціи нуждалось въ конницѣ; войска же, расположенныя на фронтѣ позиціи въ ней почти не нуждались, да при томъ на фронтѣ можно было оставить половинное число конно-охотничьихъ командъ.

Изъ числа конно-охотничьихъ командъ, сформированныхъ при пѣхотныхъ полкахъ, въ набѣгъ можно было бы назначить половину командъ, что составило бы силу въ 5.000 человѣкъ конной пѣхоты, смѣло ѣздившей на китайскихъ лошадяхъ. Эти 5.000 пѣхоты, посаженной на коней, могли бы съ успѣхомъ охранить многочисленный обозъ отряда и дали бы возможность конницѣ выполнить возложенную на нее задачу. Впрочемъ, для охраны обширнаго обоза не потребовалось бы болѣе 2.000, а остальныя 3.000 конно-охотниковъ составили бы три баталіона пѣхоты и могли быть употребляемы съ боевой цѣлью.

На самомъ же дѣлѣ, отрядъ Мищенки представлялъ изъ себя обозъ, прикрытый конницей, что заранѣе не сулило ему никакого успѣха.

Такъ неудачно употреблялъ Куропаткинъ нашу конницу для выполненія правильно поставленной чрезвычайно важной стратегической задачи. Если бы 100 сотенъ и эскадроновъ, распредѣленные по нѣсколько колоннъ, могли дѣйствовать быстро и свободно, зная, что ближайшій тылъ обезпеченъ сильнымъ отрядомъ конно-охотниковъ, то желѣзно-дорожныя сооруженія и наиболѣе важные мосты были бы несомнѣнно основательно разрушены и тогда былъ бы крайне затруднителенъ подходъ арміи Ноги къ нашей кордонной укрѣпленной позиціи и была бы нарушена правильная подача довольствія японской арміи.

XIV.

6-го января 1905 года въ Чансаматунѣ Куропаткинъ подписалъ, наконецъ, наступательныя директивы тремъ командующимъ арміями, выработанныя имъ съ большимъ трудомъ.

Обсуждая эти директивы, когда онѣ были получены къ исполненію, лица, владѣвшія даромъ пониманія сущности большихъ военныхъ операцій, а таковыя въ арміи были, но, къ сожалѣнію, къ числу ихъ нельзя было причислить Куропаткина, пришли въ полное недоумѣніе, какъ потому, что сущность директивъ не отличалась ясностью, такъ и потому, что, слѣдуя точно ихъ указаніямъ, намъ пришлось бы для одержанія успѣха надъ противникомъ уложить на полѣ битвы добрую половину арміи. Даже и такая страшная жертва могла бы не повлечь за собою крупный успѣхъ, особенно въ томъ случаѣ, если наступательная операція, какъ это всегда дѣлалъ Куропаткинъ, была-бы почему-либо пріостановлена и не доведена до конца.

Вотъ первая половина этого удивительнаго документа.

„Нынѣ закончилось сосредоточеніе къ Мукдену Своднаго стрѣлковаго и начато сосредоточеніе 16-го армейскаго корпуса. Съ этими подкрѣпленіями мы получаемъ превосходство въ силахъ, достаточное для перехода въ наступленіе.

„Первоначальною цѣлью наступленія я ставлю оттѣсненіе японскихъ арміи за р. Тайцзыхе съ нанесеніемъ возможнаго пораженія.

„Первоначальнымъ предметомъ для дѣйствій выбираю армію Оку.

„Въ зависимости отъ успѣха дѣйствій 2-й и 3-й арміи по овладѣнію лѣвымъ флангомъ расположенія

японцевъ по р. Шахе должны начаться и развиваться дѣйствія 3-й и 1-й армій противъ позицій, занятыхъ арміями Нодзу и Куроки.

„Въ виду большой силы японскихъ позицій, атака съ фронта будетъ сопряжена съ серьезными потерями. Поэтому ранѣе начала атаки тѣхъ или другихъ участковъ японскихъ позицій надо добиваться такого положенія, при которомъ подготовка атаки и производство ея велись не только съ фронта, но и съ фланга.

Опредѣляю слѣдующія общія задачи для нашихъ армій:

„2-ая маньчжурская армія овладѣваетъ линіею непріятельскихъ укрѣпленій Сандепу-Лідіутунь-Татай-Тиньяцзы и затѣмъ линіею укрѣпленій по р. Шахэ-Цунлуняитунь-Тадусампу. Въ зависимости отъ дѣйствій противника и успѣховъ, достигнутыхъ 3-й маньчжурской арміей, 2-я маньчжурская армія, прикрывшись сильнымъ заслономъ въ направленіи къ югу, развиваетъ свои дѣйствія въ направленіи на линію Шуантайцзы-Шилихэ и на высоты, что южнѣе сел. Шилихэ.

„3-я маньчжурская армія овладѣваетъ линіею непріятельскихъ укрѣпленій Чанлинпу-Линшинпу и затѣмъ линіею непріятельскихъ укрѣпленій по р. Шахэ отъ Линшинпу до Хунлинпу включительно. Въ зависимости отъ дѣйствій противника и успѣховъ, достигнутыхъ 2-й маньчжурской арміей, 3-я маньчжурская армія развиваетъ свои дѣйствія въ направленіи на линію Хоутхайская-Хунбоашаньская сопка.

„1-я маньчжурская армія содѣйствуетъ овладѣнію войсками 3 арміи Хоутхайскою сопкою и овладѣваетъ высотами у селеній Чесанлинза (Двугорбая сопка) и Шэшаньцза.

„Въ зависимости отъ дѣйствій противника и до-

стигнутыхъ 2-й и 3-й арміями успѣховъ, 1 армія при содѣйствіи войскъ 3 маньчжурской арміи развиваетъ свои дѣйствія въ направленіи позицій у деревень Тапу-Саньцзяцзы-Шанлюхэдзы, занимавшихся нами 27—29 сентября.

„Во время сихъ дѣйствій на 1-ю маньчжурскую армію возлагается охрана лѣваго фланга нашихъ арміи и на 2-ю армію охрана праваго фланга.

„Всѣ арміи оказываютъ возможно полное содѣйствіе другъ другу.

„Поддержка огнемъ, а также войсками одной изъ арміи при атакѣ тѣхъ или другихъ участковъ непріятельской позиціи другою арміею опредѣляется по соглашенію командующихъ арміями между собою. Въ числѣ особо важныхъ случаевъ содѣйствія признаю необходимымъ перечислить слѣдующіе:

„При дѣйствіяхъ войскъ 2-й арміи, 3-я армія содѣйствуетъ артиллерійскимъ огнемъ подготовкою атакъ на позиціи противника, находящіяся въ сферѣ дѣйствія огня батарей 3-й арміи, и содѣйствуетъ войсками 2 арміи овладѣнію позиціи у Паоцзыянъ.

„Войска 2-й арміи содѣйствуютъ огнемъ успѣху атаки войскъ 3-й арміи на позиціи у Чанлишпу и Хунлишпу.

„Войска 1-й арміи оказываютъ 3-й арміи содѣйствіе огнемъ и войсками для овладѣнія Хоутхайскою сопкою.“

„Войска 3-й арміи по овладѣніи Хоутхайскою сопкою оказываютъ 1-й арміи содѣйствіе огнемъ и войсками по овладѣнію позиціи на Двурогой горѣ и другихъ у селеній Ченсанлишпиза-Шэшаньцза: оказаніе въ перечисленныхъ случаяхъ размѣра содѣйствія какъ огнемъ, такъ и войсками тоже подлежитъ соглашенію между собою командующихъ арміями.

„Во время дѣйствій нашихъ армій надо быть непрерывно готовыми встрѣтить контръ-атаку противника.

„Начинаетъ дѣйствія 2-я маньчжурская армія.

„Первымъ днемъ наступленія опредѣляю 12 января.

„Въ мое непосредственное распоряженіе назначаются: 16 армейскій корпусъ, 3 сибирскій корпусъ, кромѣ 10 и 12 В. Сиб. стрѣлковыхъ полковъ, и 72 п. дивизія 6 спб. корпуса.

„Части эти, составляя стратегическій резервъ армій, будутъ первоначально расположены въ раіонѣ ст. Суятунь, ст. Байтапу и сел. Хуаньшань.

„Указанія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ армій будутъ даны въ зависимости отъ успѣха нашихъ дѣйствій".

Развѣ это директивы главнокомандующаго, умѣющаго управлять массами войскъ и давать имъ точныя задачи? Если бы я позволилъ себѣ рѣзко выразиться о бывшемъ нашемъ вождѣ, то сказалъ-бы, что это не директива вождя трехъ армій, а разсужденіе человѣка, очень немного понимающаго въ стратегіи и современной тактикѣ. Если бы слушающій лекціи въ академіи генеральнаго штаба, при рѣшеніи стратегической задачи на заданную тему, представилъ проектъ такой директивы, то единогласнымъ постановленіемъ конференціи онъ былъ бы исключенъ изъ академіи безъ права когда-либо въ нее поступить. Къ сожалѣнію, это имѣло мѣсто не въ академіи, а въ Маньчжуріи, гдѣ русскимъ войскамъ кровью приходилось платить за ошибки своего вождя.

Было время, давно уже минувшее, когда двѣ враждовавшія арміи располагались другъ противъ друга въ параллельныхъ линіяхъ, укрѣпляли вы-

бранныя имп позиціи и за симъ разбивали другъ другу лбы; но вѣдь тогда ни одна армія не имѣла дальнобойной артиллеріи и нашихъ винтовокъ — и все же такой способъ войны не соотвѣтствовалъ здравымъ началамъ стратегіи, что и доказалъ блистательно Фридрихъ Великій, обходя укрѣпленныя позиціи противника и заставляя его принимать бой въ открытомъ полѣ при условіи неожиданной для него обстановки. Законы стратегіи вѣчны, незыблемы, и горе тому, кто этого не понимаетъ.

Русско-японская война во многомъ походила на позиціонныя войны среднихъ вѣковъ, съ тою разницею, что нашъ главнокомандующій выказывалъ намѣреніе разбить себѣ лобъ объ укрѣпленныя позиціи японцевъ, а японцы горячо атаковали наши позиціи подъ Ляояномъ и Мукденомъ съ фронта для того лишь, чтобы удержать на нихъ наши войска и заставить насъ притянуть къ атакованнымъ позиціямъ резервы, а за симъ, пользуясь нашею оплошностью, обойти нашъ флангъ и угрожать тылу.

Прошу читателя взять карту и внимательно прослѣдить по ней указанія Куропаткина, имѣя въ виду, что всѣ перечисленные въ директивахъ пункты и линіи были сильно укрѣплены, что японцы имѣли огромное число пулеметовъ, а у насъ таковыхъ было самое ограниченное число, а также и то обстоятельство, что нѣкоторыя позиціи японцевъ были такъ прочно укрѣплены, что вызывали постепенную атаку.

При умѣломъ веденіи войны и рѣшимости довести бой до конца, передовыя укрѣпленныя позиціи лѣваго крыла японцевъ могли бы быть взяты, но о дальнѣйшія позиціи пришлось бы разбивать себѣ лобъ и вести противъ нихъ постепенную атаку, что не можетъ быть признано правильнымъ въ по-

левой войнѣ и что лишь умѣстно въ войнѣ крѣпостной.

„Способомъ для дѣйствій опредѣляю охватъ лѣваго фланга арміи Оку“—это вѣдь не есть стратегическій обходъ, а такимъ обходомъ можно было лишь заставить японцевъ покинуть укрѣпленныя позиціи у Сандепу и Лидіутуня. Тактическій охватъ всегда вызываетъ большія потери, между тѣмъ какъ стратегическій обходъ, при превосходствѣ въ силахъ и искусномъ его веденіи, приводитъ къ крупнымъ результатамъ и часто безъ большихъ потерь.

Для того, чтобы атаковать линію Сандепу-Лидіутунь-Татай-Тиньяцзы съ надеждою на успѣхъ, нужно было имѣть не менѣе трехъ корпусовъ, а для того, чтобы охватить лѣвый флангъ арміи Оку, имѣя въ виду, что къ этому флангу японцы могли подать часть своихъ резервовъ, двухъ корпусовъ было совершенно недостаточно.

На фронтѣ 2-й маньчжурской арміи были расположены 8-й и 10-й корпуса обыкновеннаго состава. по 32 баталіона пѣхоты въ корпусѣ. Для охвата лѣваго фланга арміи Оку были назначены два слабые корпуса: Сводно-стрѣлковый и 1-й сибирскій, каждый въ составѣ 24 баталіоновъ. Такимъ образомъ наступленіе было начато съ недостаточными силами, что совершенно не соотвѣтствовало обстановкѣ. Японцы, придерживаясь глубокаго расположенія войскъ, легко могли подать къ своему лѣвому флангу резервы, что въ дѣйствительности и случилось.

Во время безконечныхъ переговоровъ и совѣщаній съ командующими арміями послѣдніе единогласно заявили, что для успѣха предположеннаго наступленія необходимо семь корпусовъ, съ чѣмъ согласился и Куропаткинъ. Давъ обѣщаніе

Гриппенбергу помочь ему своимъ стратегическимъ резервомъ, обѣщаніе свое, какъ извѣстно, онъ не исполнилъ.

Для выполненія первоначальной задачи, возложенной на 2-ю маньчжурскую армію, были двинуты 1-й сибирскій и сводно-стрѣлковый корпуса и 14 пѣхотная дивизія 8-го корпуса. 15-я пѣхотная дивизія 8-го корпуса и 10-й корпусъ имѣли свою особую задачу.

Относительно послѣднихъ частей Куропаткинъ письменно сообщилъ слѣдующее: „не дозволять расходовать 15-ю пѣх. дивизію и 10-й корпусъ ихъ начальникамъ".

„Куропаткинъ".

„Никому".

Значитъ и Командующій 2-й арміею не могъ касаться этихъ частей.

Съ перваго же дня наступленія выяснилось, что во 2-й арміи не остается надлежащаго резерва; но командующій арміей твердо надѣялся, что Куропаткинъ, согласно своему обѣщанію, подастъ впередъ, въ видѣ подкрѣпленія, свой стратегическій резервъ и что такимъ образомъ въ наступательной операціи примутъ участіе почти шесть корпусовъ.

Мы до сихъ поръ не вполнѣ знакомы со всѣми тѣми документами, которые могли бы раскрыть картину руководства военными дѣйствіями прошлой войны изъ Петербурга. До сихъ поръ еще распространено мнѣніе, что Куропаткинъ во многихъ случаяхъ былъ лишенъ свободы дѣйствій. Онъ самъ объ этомъ говорилъ, и я лично это слышалъ отъ него по поводу такъ неудачно исполненнаго наступательнаго марша въ направленіе Вафангоу—Портъ-Артуръ. Какъ извѣстно, прискорбное дѣло подъ Вафангоу дало возможность арміи Оку, при первомъ

боевомъ столкновеніи съ противникомъ, одержать крупный успѣхъ.

Если бы Куропаткинъ послалъ тѣ же силы мѣсяцемъ раньше, то армія Оку не могла бы такъ свободно исполнить крайне трудную операцію высадки, какъ она это сдѣлала. Наше бездѣйствіе дало возможность этой японской арміи произвести высадку въ условіяхъ мирнаго времени.

Будущій историкъ, располагая всѣми безъ исключенія документами, выяснитъ въ точности, была ли стѣснена свобода дѣйствій Куропаткина и кто былъ причиною этого стѣсненія.

Относительно Вафангоуской операціи выяснено то обстоятельство, что не Петербургъ руководилъ этимъ предпріятіемъ, имѣвшимъ цѣлью если не полное освобожденіе портъ-артурскаго гарнизона отъ осады, то во всякомъ случаѣ облегченіе его положенія, а руководилъ ею Намѣстникъ Дальняго Востока, Алексѣевъ, облеченный въ то время правами главнокомандующаго. Алексѣевъ предложилъ Куропаткину двинуть войска достаточной силы либо въ направленіи на Портъ-Артуръ, для оказанія непосредственнаго содѣйствія осажденному гарнизону, либо въ направленіи на Корею, для оттѣсненія арміи Куроки. Куропаткинъ, какъ извѣстно, очень долго, по причинамъ еще не выясненнымъ, не исполнялъ этого повелѣнія и наконецъ послалъ отрядъ недостаточной силы лишь тогда, когда армія Оку окончила высадку, въ тылу Портъ-Артура.

Это важное обстоятельство, конечно, побудитъ историка войны возложить отвѣтственность за полную неудачу исхода операціи подъ Вафангоу на Куропаткина, особенно въ виду того простого соображенія, что послѣдній, въ томъ случаѣ, если это предпріятіе шло совершенно въ разрѣзъ съ его мнѣ-

ніемъ и не соотвѣтствовало стратегической обстановкѣ, могъ и не исполнить даннаго ему приказанія, для чего, конечно, нужно было обладать достаточнымъ запасомъ мужества. Куропаткинъ точно забылъ, что законъ предоставляетъ командующему арміею право вести самостоятельно операціи и разрѣшаетъ не исполнять приказанія главнокомандующаго въ томъ случаѣ, если явились новыя обстоятельства или измѣнилась обстановка, но, конечно, подъ личною своею отвѣтственностью.

XV.

Что же, въ сущности, побудило Куропаткина предпринять наступательныя дѣйствія противъ японцевъ 12 января? Вопросъ этотъ до сего времени остается невыясненнымъ, но можно полагать, что Куропаткинъ ввелъ 2-ю армію въ бой безъ всякой надежды на успѣхъ.

Вотъ что случилось въ самомъ началѣ нашего наступленія и что стало мнѣ извѣстно 14 января.

12 или 13 января главнокомандующій приказалъ командующему 3 арміей, барону Каульбарсу, спѣшно послать одного изъ адъютантовъ или ординарцевъ съ запискою къ командиру 10-го корпуса. Въ запискѣ этой значилось повелѣніе Куропаткина отнюдь не начинать наступленія. Это было вмѣшательство въ свободу дѣйствій командующаго 2 арміи, которое не можетъ быть оправдано никакими соображеніями. И дѣйствительно, командующій 2 арміею, имѣя всего четыре корпуса, вдругъ по неизвѣстнымъ ему причинамъ былъ лишенъ права распоряжаться цѣлымъ корпусомъ. Кромѣ того и 15 дивизія была обречена на бездѣйствіе. Вышло

такъ, что вмѣсто того, чтобы подкрѣпить Гриппенберга своимъ стратегическимъ резервомъ, главнокомандующій ослабилъ его на 48 баталіоновъ. Если бы 10-й корпусъ былъ двинутъ впередъ и если бы 15-я дивизія не бездѣйствовала, то Сандепу было бы взято—это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Что побудило Куропаткина къ такому неловкому шагу? Въ точности мнѣ это неизвѣстно, но мнѣ кажется, что не ошибусь, если замѣчу, что Куропаткинъ, пребывавшій въ теченіе всей прошлой войны подъ гнетомъ воли главнокомандующаго японцевъ, былъ приведенъ въ страшное смущеніе полученнымъ имъ частнымъ путемъ, быть можетъ, не безъ тайнаго содѣйствія японцевъ, извѣстіемъ о томъ, что нашъ противникъ твердо рѣшился атаковать нашъ центръ и прорвать его. Нижеслѣдующее обстоятельство, мнѣ лично извѣстное, можетъ подтвердить это соображеніе.

72 пѣх. дивизія, состоявшая въ моемъ 6 сиб. корпусѣ, была въ то время, какъ это было сказано выше, включена въ составъ стратегическаго резерва главнокомандующаго, какъ боевая часть, на которую можно было положиться въ случаѣ крайнихъ обстоятельствъ и которая за все время войны доказала, что возлагавшіяся на нее надежды имѣли полное основаніе. Эта дивизія дѣятельно готовилась принять участіе въ предстоявшей наступательной операціи. Духъ ея былъ прекрасный. Всѣ чины дивизіи жаждали успѣха, который былъ такъ необходимъ какъ для родины, такъ и для арміи.

И вотъ эта славная дивизія, рвавшаяся впередъ, получила 13 января, т. е. на второй день наступательной операціи, непосредственно отъ Куропаткина приказаніе приготовить полевые госпитали и

обозы къ отходу назадъ въ виду сосредоточенія японцами большихъ силъ къ западу отъ желѣзной дороги и возможности прорыва ими промежутка между расположеніями 2 и 3 арміи.

Не такого приказанія ожидала дивизія. Оно подорвало бодрость ея духа, и начальствующія лица дивизіи были, наконецъ, вынуждены признать, что армія, руководимая Куропаткинымъ, была обречена на постоянныя неудачи и что въ душѣ ея старшаго вождя не было надежды на успѣхъ, а господствовалъ духъ унынія и пораженія. А между тѣмъ въ числѣ начальствующихъ лицъ этой дивизіи было много такихъ, которые высоко цѣнили главнокомандующаго и вѣрили ему.

Нужно замѣтить, что бывшій нашъ вождь во время войны, когда человѣкъ неизбѣжно обнаруживается вполнѣ со всѣми своими достоинствами и недостатками, обладалъ удивительнымъ искусствомъ подрывать въ корнѣ всякое къ нему довѣріе со стороны тѣхъ, кто непосредственно къ нему прикасался и кто имѣлъ отвѣтственное положеніе въ арміи.

6-го января, какъ было сказано выше, Куропаткинъ подписалъ свои директивы, такъ всѣхъ смутившія и такъ мало отвѣчавшія сложившейся на театрѣ войны обстановкѣ. На этомъ онъ, однако, не успокоился. Только что онъ подписалъ эти директивы, онъ въ развитіе ихъ спѣшно составилъ особыя „Указанія“ командующимъ 1, 2 и 3 арміями и подписалъ ихъ 8 января.

Прошу читателя внимательно прослѣдить текстъ этихъ указаній по картѣ, хотя бы для того, чтобы убѣдиться въ полной неосновательности стратегическихъ и тактическихъ соображеній нашего бывшаго главнокомандующаго.

Въ этихъ указаніяхъ онъ говоритъ о томъ, что

нашъ противникъ на лѣвомъ своемъ крылѣ особенно сильно занялъ и укрѣпилъ Сандепу и Лидіутунь. И туда то именно онъ направилъ 2-ю маньчжурскую армію.

Конечно, русскія войска привыкли безропотно исполнять приказанія своего начальства, но вѣдь офицеры и вообще начальствующія лица не лишены способности размышлять, и всѣ прекрасно сознавали, что вмѣсто того, чтобы лѣзть на штурмъ сильно укрѣпленныхъ позицій, было бы гораздо умнѣе широкимъ розмахомъ на западъ обойти эти позиціи и заставить противника принять бой при условіи атаки спѣшно построенныхъ имъ окоповъ, а не временныхъ укрѣпленій.

Всѣ это понимали, кромѣ самого Куропаткина.

Въ своихъ указаніяхъ онъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: „Кромѣ сильно укрѣпленнаго фронта, японцы имѣютъ еще нѣсколько послѣдующихъ укрѣпленныхъ линій и группъ: Хунлинпу, Цунлунянтунь по р. Шахэ, Тадусампу и др. укрѣплены весьма серьезно; группа на линіи д.д. Ендоуніулу, Наньулигай, Шилихэ; группа Шэшаньцзы, Иншоутунь, Тунсанхо, Шаушимпоцзы; высоты Туминцзы-Шуанлунсы; линія Цуньо-Ляоцзаньнью и далѣе на юго-востокъ, на Бенсиху; линія Шантайцзы-Ванлутунь-Сянланьцы-ст. Янтай-Сятайцзы-Гудзядзы копи Янтай; линія Даиншань-Дацзыфанъ-Тяньхепу-Чжантайцзы-Цзусандопу и далѣе къ Сыквантуню; группа у желѣзнодорожнаго моста и проч. . . . . “

Предположимъ, что усиліями и мужествомъ наши войска исполнили бы успѣшно часть возложенной на нихъ задачи и отбросили бы армію Оку отъ ея передовой позиціи, причемъ нами была бы занята линія Сандепу-Лидіутунь. При этомъ войска, конечно, понесли бы потери, превосходящія тѣ потери, кото-

рыя мы понесли при незаконченной атакѣ Сандепу и окрестныхъ селеній. Положимъ, что мы потеряли бы только 20.000 ч. Прошу читателя сдѣлать приблизительный подсчетъ, во что обошлась бы намъ операція оттѣсненія японскихъ армій за рѣку Тайцзыхе, что ставилъ главнокомандующій „первоначальною цѣлью наступленія“. Что бы стоила намъ „окончательная“ цѣль?

XVI.

Въ то время японская армія, по свѣдѣніямъ штаба главнокомандующаго, имѣла въ общемъ слѣдующій составъ:

1-я арм.	Куроки	68	бат.,	21	эск. и	204	оруд.
2-я „	Оку	60	„	29	„	234	„
3-я „	Нодзу	50	„	11	„	168	„
	Итого	178	бат.,	61	эск. и	606	оруд.

Составъ нашихъ трехъ армій былъ слѣдующій:

1-я маньч.	132	бат.	43	эск. и	сотни	376	оруд.
2-я „	123	„	92	„	„	440	„
3-я „	75	„	18	„	„	404	„
Резервъ							
Главноком-го	42	„	—	„	„	120	„
Итого . .	372	бат.	153	эск. и	сотн.	1240	оруд.

Для наглядности привожу слѣдующую таблицу:

	русскіе	японцы.
баталіоновъ.	372	178
эскадроновъ и сотенъ . . .	153	61
артиллерійскихъ орудій. .	1240	606

Изъ этого усматривается, что мы тогда имѣли болѣе, чѣмъ двойное число баталіоновъ, эскадроновъ, сотенъ и артиллерійскихъ орудій.

У насъ было всего 44 пулемета, у японцевъ болѣе 200.

Незадолго до начала наступленія всѣ части нашей арміи были укомплектованы до штатовъ военнаго времени; лишь Сводно-стрѣлковый, 8 и 16 корпуса имѣли некомплектъ.

Общее число штыковъ въ нашей арміи было около 300.000; но если бы главнокомандующій проявилъ настойчивость, то легко и быстро могъ бы добиться 330.000 штыковъ, такъ какъ масса нижнихъ чиновъ болталась въ тылу, а тылъ подъ высшимъ его наблюденіемъ былъ безпорядочно оборудованъ. Кромѣ того очень много людей было занято разными хозяйственными дѣлами, такъ какъ войска были вынуждены сами заботиться о значительной части своихъ хозяйственныхъ надобностей, на что, конечно, нужно было не мало людей и что слѣдовало возложить на интендантовъ и частью на инженерное вѣдомство.

Японцы въ то время, несмотря на то, что число ихъ баталіоновъ было всего 178, имѣли около 200.000 штыковъ. Произошло это оттого, что ихъ военный министръ хорошо обдумалъ устройство тыла и армія пользовалась искусно составленною имъ системою пополненія рядовъ частей войскъ на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Онъ думалъ о войнѣ основательно, а мы сами себя ослабляли во время боя только потому, что не дали себѣ труда быть сильными.

Японцы ожидали скораго прибытія изъ Портъ-Артура арміи Ноги, а къ намъ еще долгое время не могли подойти свѣжія войска, а также люди, назначенные на пополненіе рядовъ.

Итакъ число штыковъ въ арміяхъ противниковъ было слѣдующее:

	Число баталіоновъ	Число штыковъ.
Русская армія . .	372	330.000
Японская армія. .	178	200.000

Изъ этого не трудно усмотрѣть, что наше значительное превосходство въ силахъ, которое было въ дѣйствительности, давало намъ надежду разсчитывать если не на овладѣніе штурмомъ всѣми перечисленными въ „директивѣ“ и „указаніи“ позиціями и укрѣпленными линіями, то на одержаніе побѣды надъ японскою арміею въ полѣ. Если бы Куропаткинъ отказался отъ мысли штурмовать всѣ позиціи и укрѣпленныя линіи, то могъ бы одержать надъ противникомъ блестящую побѣду; но онъ все свое вниманіе обращалъ именно на штурмы и въ своихъ директивахъ между прочимъ говоритъ: „Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы встрѣтимъ сильно укрѣпленные опорные пункты, придется примѣнять и постепенную атаку“, а такая атака вѣнчается штурмомъ.

Куропаткинъ могъ бы надѣяться на рѣшительный успѣхъ въ томъ случаѣ, если бы онъ, вспомнивъ операціи талантливыхъ и великихъ полководцевъ и указанія стратегіи и отбросивъ свою нерѣшительность, оставилъ бы около 180.000 штыковъ на укрѣпленныхъ позиціяхъ, съ приказаніемъ этимъ войскамъ горячо атаковать противника, дабы удержать его на мѣстѣ или прорвать его расположеніе, если бы къ тому представилась возможность, а съ арміей въ 150.000 штыковъ и соотвѣтственною артиллеріею, лично предводимою, проникъ бы въ глубь расположенія японцевъ и вызвалъ бы ихъ на бой въ открытомъ полѣ, а конницу въ числѣ не менѣе 100 эскадроновъ и сотенъ, съ придачею къ ней половины всѣхъ конно-охотничьихъ командъ, направилъ бы въ тылъ противника, южнѣе Ляояна. Для этого, конечно, надлежало бы составить точный

расчетъ, при чемъ пришлось бы откинуть хвостъ наступающей арміи на сѣверо-западъ, устроивъ ей новую временную базу.

Это былъ бы смѣлый стратегическій замыселъ, для выполненія котораго необходимы твердость воли и рѣшимость довести его до конца. Въ сущности онъ бы соотвѣтствовалъ мнѣніямъ, высказаннымъ тремя нашими командующими арміями, о необходимости назначить для операціи противъ лѣваго крыла противника до семи корпусовъ. Былъ ли на это подготовленъ нашъ главнокомандующій и оставалась ли въ его душѣ надежда побѣдить, наконецъ, нашего счастливаго противника?

Въ своихъ „указаніяхъ“ Куропаткинъ между прочимъ говоритъ: „При выполненіи 2-й арміей первоначальной задачи, заключающейся въ овладѣніи передовыми позиціями у Сандепу, Лидіутуня, узла д.д. Холянтай, Пхаоцзыянъ, Татай,—дабы операція не приняла большаго размѣра, чѣмъ это было вначалѣ, до полнаго выясненія группировки силъ и намѣренія противника, желательно,—не слѣдуетъ, безъ крайней въ томъ необходимости, переходить пѣхотою линію деревень Матюенцза, Хэгоутай, Гучензы, Цаньгаодажоньунь, Хоучжугуаньтай. Въ общемъ не желательно отходить южнѣе укрѣпленій линіи, подлежащей овладѣнію, болѣе чѣмъ на 3—4 версты“.

Стѣсняя свободу дѣйствій командующаго 2-й арміей, ограничивая до крайности зону наступательныхъ операцій корпусовъ и втискивая ее въ сферу ружейнаго и артиллерійскаго огня, Куропаткинъ намѣревался во время пыла боя добиться полнаго выясненія группировки противника, точно онъ не могъ сообразить той простой вещи, что никто не знаетъ точной и полной группировки противника въ то время, когда идетъ смертный бой, когда войска

стремятся на выручку своихъ или исполняютъ движенія согласно заранѣе отданнымъ приказаніямъ, неизвѣстнымъ противной сторонѣ, когда войска въ извѣстныхъ случаяхъ идутъ на выстрѣлы, не боясь перейти опредѣленную линію деревень.

Группировка войскъ въ бою мѣняется согласно той обстановкѣ, которая слагается неожиданно, быстро, повелительно, часто грозно. Вѣдь не только мы во время боя не могли вполнѣ выяснить группировку противника, но и японцы не знали точной группировки своихъ войскъ въ каждую данную минуту, такъ какъ инициатива, въ описываемой нами операціи, принадлежала намъ, и войска японцевъ шли туда, гдѣ грозила имъ опасность, и, конечно, двигаясь съ большою быстротою и рѣшительностью, теряли, хотя, быть можетъ, и на короткое время, связь не только съ командующими арміями и штабомъ главнокомандующаго, но и съ сосѣдями. Это вѣдь такъ просто и естественно.

Мы, конечно, допускаемъ, что искусною комбинаціею телеграфа, воздушнаго и безпроволочнаго, телефона, флаговъ, воздушныхъ летающихъ шаровъ, службы шпіоновъ и особо установленною службою связи можно достигнуть, что высшіе начальники добьются наконецъ того, что будутъ знать, гдѣ въ данную минуту находятся ввѣренныя имъ части и куда двигаются, но пока этого нѣтъ еще ни въ одной арміи. При этомъ нужно имѣть точную карту мѣстности, чего не было ни у насъ, ни у японцевъ.

Куропаткинъ во время боя хотѣлъ узнать о намѣреніяхъ японцевъ; но вѣдь, сидя въ своемъ вагонѣ и не установивъ надлежащей связи со штабомъ 2-й арміи, онъ во всякомъ случаѣ не скоро бы узналъ объ этихъ намѣреніяхъ, и пока бы при-

шли къ нему донесенія отъ командующаго арміей о томъ, что по мнѣнію послѣдняго выясняются ближайшія извѣстныя намѣренія противника, прошло бы не мало времени, а противникъ въ это самое время успѣлъ бы измѣнить эти, повидимому, уже выясненныя намѣренія и началъ бы приводить въ исполненіе совершенно другую операцію.

Куропаткинъ упустилъ изъ виду, что японцы знали о томъ, что мы готовились атаковать ихъ лѣвое крыло и что намѣренія ихъ, слѣдовательно, были направлены къ тому, чтобы сосредоточить на этомъ своемъ крылѣ превосходныя силы и отбросить насъ. И вотъ вмѣсто того, чтобы сидѣть въ поѣздѣ, стоявшемъ въ Сахетунѣ, и ожидать донесеній о томъ, что восемь или десять часовъ тому назадъ японцы, повидимому, выказали намѣреніе отрѣзать 1-й сибирскій корпусъ отъ прочихъ частей 2-й арміи, онъ долженъ былъ появиться на полѣ битвы во главѣ своего резерва и принять рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы хотя Сандепу перешелъ въ наши руки.

И онъ могъ бы это сдѣлать и былъ обязанъ это сдѣлать.

Хотя взятіе Сандепу было бы не крупнымъ военнымъ успѣхомъ, но все-же честь нашей арміи была бы спасена, а японцы испытали бы неуспѣхъ.

Куропаткинъ лучше, чѣмъ кто либо, зналъ, что 2-я маньчжурская армія, при тѣхъ условіяхъ, въ которыя онъ ее поставилъ, не могла справиться съ возложенною на нее задачею, и на немъ лежала нравственная обязанность оказать ей помощь. Гриппенбергъ надѣялся, что эта помощь придетъ къ нему, а Куропаткинъ уже на второй день начала наступательной операціи рѣшилъ не давать ему подкрѣпленій.

Операція подъ Сандепу началась 12 января.

Войска 2-й маньчжурской арміи прекрасно начали бой. Лѣвый флангъ арміи Оку не только былъ охваченъ, но отчасти обойденъ. Сандепу готово было пасть.

Командиръ 1-го сибир. корпуса нарушилъ приказаніе не переходить линію, опредѣленную главнокомандующимъ, и долженъ былъ, какъ говорили въ арміи, оставить театръ войны и лишился командованія корпусомъ. Вотъ въ чемъ Куропаткинъ проявлялъ твердость своей воли. Вотъ какъ онъ умѣлъ цѣнить проявленіе инициативы, вполнѣ отвѣчавшей обстановкѣ.

Всѣмъ въ арміи было извѣстно, что Куропаткинъ вскорѣ послѣ своего прибытія въ армію, указывая начальствующимъ лицамъ на то, что японцы имѣли хорошую привычку ѣсть по утрамъ, совѣтовалъ мѣшать принятію ими пищи. Я въ точности не знаю, кто и когда слѣдовалъ этому указанію; полагаю—что никто и никогда; но думаю, что командиръ 1-го сиб. корпуса, атакуя Хаупчегай помѣшалъ японцамъ утромъ поѣсть и за это понесъ кару. Не все еще выяснено, что имѣло мѣсто въ нашей арміи, когда она была въ рукахъ Куропаткина.

Во время геройскихъ усилій 2-й арміи сбить съ позиціи лѣвое крыло японцевъ, 1-я и 3-я арміи обречены были на бездѣйствіе. Точно Куропаткинъ забылъ о ихъ существованіи. Стратегическій резервъ его не двигался съ мѣста, собираясь направить свои госпитали и обозъ въ тылъ.

Хорошо рѣшительное наступленіе, во время котораго Куропаткинъ намѣревался, во-первыхъ, взять послѣдовательно всѣ укрѣпленныя позиціи и линіи японцевъ и тѣмъ выполнить лишь скромную „первоначальную“ цѣль наступленія—оттѣснить армію про-

тивника за рѣку Тайдзыхе, а во-вторыхъ — подготовлялъ непосредственно подчиненныя ему войска, его пресловутый резервъ, къ отступленію почти съ того самаго дня, съ котораго началось наступленіе 2 арміи.

Только будущій историкъ будетъ въ состояніи выяснить причины такихъ противорѣчій, но лично я склоненъ думать, что Куропаткинъ, начавъ наступленіе, хорошо зналъ, что успѣха не будетъ.

Съ такимъ настроеніемъ ему слѣдовало бы отступить въ Харбинъ — это было бы болѣе логично.

XVII.

Подъ Сандепу мы сами нанесли себѣ пораженіе. Успѣхъ видимо переходилъ на нашу сторону, но Куропаткинъ не пожелалъ подать подкрѣпленіе 2 арміи, а за симъ неожиданно для всѣхъ вдругъ приказалъ арміи отступить.

Со времени неудачи подъ Сандепу прошло почти пять лѣтъ.

Куропаткинъ съ легкимъ сердцемъ возвелъ на армію тяжкія обвиненія, желая прикрыть ими свое пораженіе.

Развѣ виновата 2-я армія въ томъ, что главнокомандующій, безъ всякой мѣры, поддался вліянію японскихъ генераловъ и вырвалъ побѣду изъ рукъ этой арміи?

Нельзя винить русскихъ генераловъ въ томъ, что нашъ вождь пугался призраковъ и въ самомъ началѣ наступательной операціи предложилъ своему стратегическому резерву принять мѣры къ отступленію.

Развѣ виноваты офицеры и нижніе чины въ томъ, что они геройски шли въ атаку и, раненые, замерзали на полѣ битвы, а Куропаткинъ не только не под-

держалъ 2-ю маньчжурскую армію своимъ резервомъ, а обрекъ на бездѣйствіе 15-ю дивизію и 10-й корпусъ, т. е. ослабилъ составъ арміи на полтора корпуса?

Развѣ виновата русская армія въ томъ, что ея главнокомандующій не имѣлъ никакого желанія обдумать надлежащимъ образомъ положеніе дѣлъ и сообразовать свои рѣшенія съ повелѣвающей обстановкой?

Развѣ кто-либо виноватъ въ томъ, что нашъ бывшій вождь вмѣсто того, чтобы стараться вникнуть въ смыслъ происходившей, чрезвычайно важной, стратегической операціи, писалъ въ это время письма въ Петербургъ къ разнымъ высокопоставленнымъ особамъ, желая этими письмами укрѣпить свое расшатанное положеніе?

При трескучемъ морозѣ русскія войска проявляютъ чудеса храбрости, а Куропаткинъ, пребывая въ роскошно обставленномъ и хорошо натопленномъ желѣзнодорожномъ поѣздѣ, подпадаетъ подъ гипнозъ японскихъ генераловъ и забываетъ, что истинному воину присуще не боязнь, а мужество и храбрость.

Это всѣ мы чувствовали нашимъ разумомъ и сердцемъ и пламенно желали скорѣйшей смѣны главнокомандующаго.

Мы бы ему многое простили, если бы онъ своимъ личнымъ присутствіемъ, во главѣ своего резерва, поддержалъ на полѣ битвы 2-ю армію. Прибывъ на мѣсто боя, онъ бы усмотрѣлъ, что побѣда склоняется на нашу сторону, и вмѣсто того, чтобы отдать свое несчастное приказаніе объ отступленіи, двинулъ бы свой резервъ впередъ и приказалъ бы 1-й и 3-й арміямъ, пребывавшимъ по его распоряженію, и при томъ вопреки даннымъ имъ же директивамъ, въ полномъ бездѣйствіи, энергично поддержать усилія 2-й арміи.

Тогда несомнѣнно нами была бы одержана побѣда.

Все несчастіе Россіи заключалось въ томъ, что ея военная честь была отдана въ слабыя руки, въ руки человѣка, который былъ лишенъ воли и военнаго мужества и который не былъ способенъ доводить до конца задуманныя имъ же операціи.

Такъ было подъ Ляояномъ, такъ было на Шахэ, такъ произошло и подъ Сандепу.

И если Куропаткинъ не сумѣлъ вырвать побѣду у японцевъ подъ Сандепу въ то время, когда мы имѣли значительное превосходство въ силахъ и когда вся обстановка складывалась въ нашу пользу, то что онъ могъ сдѣлать тогда, когда на театръ войны подошла сильная армія Ноги, гордая своей побѣдой надъ Портъ-Артуромъ?

А эта армія уже начала въ то время свое движеніе на сѣверъ.

Наше пораженіе подъ Сандепу произвело удручающее впечатлѣніе на войска, и обаяніе Куропаткина, какъ главнокомандующаго, было въ корнѣ подорвано въ глазахъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

XVIII.

Вскорѣ послѣ нашей неудачи подъ Сандепу въ арміи стало извѣстно о томъ, что Куропаткинъ вновь готовится перейти въ наступленіе и что директивы для этого наступленія остаются тѣ самыя, которыя были подписаны 6 января.

Съ назначеніемъ Куропаткина главнокомандующимъ, корпуснымъ командирамъ рѣдко приходилось бывать у него. Мнѣ пришлось быть у него раза три, когда я назначался предсѣдателемъ георгіевской думы.

Куропаткинъ не любилъ обсуждать съ кѣмъ бы то ни было стратегическіе вопросы войны, полагая, вѣроятно, что эти вопросы касаются лишь его одного и что никто не въ состояніи оцѣнить положеніе дѣлъ лучше его. Самомнѣніе его было удивительно, и мнѣ передавали какъ-то, что когда два генерала изъ штабныхъ, непосредственно ему подчиненные, позволили себѣ возразить ему, то онъ будто имъ замѣтилъ: „вы дѣти и ничего тутъ не понимаете“.

Онъ всегда и во всемъ, что касалось оперативной части, полагался на самого себя и если и собиралъ иногда военныя совѣщанія, призывая къ себѣ командующихъ арміями, то всегда отдавалъ приказанія обратныя тому, что высказывало совѣщаніе.

Какъ извѣстно, всѣ три командующіе арміями полагали необходимымъ двинуть въ обходъ лѣваго крыла японцевъ, при предстоявшей въ январѣ наступательной операціи, не менѣе семи корпусовъ. Куропаткинъ назначилъ для этого всего четыре корпуса, изъ коихъ два были не полнаго состава и имѣли некомплектъ, и засимъ, вмѣшавшись въ исполнительную часть операціи, обрекъ 15-ю п. дивизію и 10 корпусъ, самыя сильныя по составу во 2 арміи части, на полное бездѣйствіе.

Имѣя свыше 300.000 штыковъ, онъ направляетъ противъ японцевъ не болѣе 80.000, да изъ нихъ 35.000 оставляетъ въ бездѣйствіи. Такъ своеобразно понималъ Куропаткинъ принципъ стратегіи о необходимости сосредоточенія на полѣ битвы превосходныхъ силъ.

Куропаткинъ удѣлялъ очень много времени на разработку интендантскихъ и инженерныхъ вопросовъ, къ коимъ имѣлъ большую склонность; но онъ не обнималъ вопроса о правильномъ устройствѣ тыла во всемъ его объемѣ, и мы будемъ имѣть случай

говорить о томъ, какъ плохо былъ оборудованъ тылъ арміи ко времени начала мукденской операціи, когда запасы были сосредоточены чуть ли не на самой линіи расположенія войскъ и въ Мукденѣ, и когда арміямъ, послѣ проиграннаго сраженія, пришлось слѣдовать по неустроеннымъ дорогамъ, не имѣвшимъ мостовъ, частью безъ дорогъ, и черезъ глубокіе овраги, въ которыхъ застряли наши обозъ и артиллерія.

Куропаткинъ за время войны, какъ я уже говорилъ, ни разу не посѣтилъ позицій, которыя занимали войска моего корпуса, а во время моихъ посѣщеній его главной квартиры совершенно не обнаруживалъ любознательности и не проявлялъ желанія узнать о томъ, какъ мои войска расположены на позиціи и какія у нихъ наиболѣе существенныя потребности, и лично отъ него я не получалъ ни одного сколько-нибудь существеннаго указанія. Однако, хорошо помню, что въ декабрѣ 1904 года, въ Чансаматунѣ, онъ отдалъ мнѣ приказаніе о томъ, чтобы я озаботился о содержаніи въ складахъ частей войскъ, близъ позиціи, особаго запаса гаоляна, по разсчету одного снопа на человѣка. При этомъ онъ мнѣ пояснилъ, что это необходимо на случай перехода въ наступленіе въ суровое время года и что изъ этихъ сноповъ легко устроить помѣщеніе для нижнихъ чиновъ, а что послѣдніе, не имѣя достаточно теплой одежды, такъ страдаютъ отъ холода.

Забота о солдатѣ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ очень почтеннымъ качествамъ всякаго начальника, не исключая и начальника изъ нижнихъ чиновъ, но мнѣ казалось, что нашъ бывшій главнокомандующій могъ предоставить эту заботу ближайшимъ войсковымъ начальникамъ и ни-

тендантамъ, а свое время долженъ былъ удѣлять на разрѣшеніе вопросовъ высшаго порядка и прежде всего—на выработку плана войны и разработку наиболѣе крупныхъ стратегическихъ операцій. Заботясь о томъ, чтобы на каждаго нижняго чина было непремѣнно въ запасахъ по одному снопу гаоляна, онъ упускалъ изъ виду самое существенное.

Планъ снабженія каждаго солдата гаоляновыми снопами оказался фантастическимъ. Гаолянъ былъ собранъ въ особыя огромныя кучи; но, когда началась операція противъ Сандепу-Лидіутуня, кучи эти остались непропутыми. Тащить на своей спинѣ тяжелый и неуклюжій снопъ гаоляна было очень трудно, хотя бы уже потому, что нашъ солдатъ былъ и безъ того страшно перегруженъ; средствъ же для перевозки этого гаоляна въ войскахъ не было. 2-я маньчжурская армія атаковала Сандепу и другія сосѣднія позиціи безъ гаоляновыхъ сноповъ; она даже не имѣла въ достаточномъ количествѣ санитарныхъ повозокъ, и раненые солдаты и даже офицеры замерзали на полѣ сраженія. Гдѣ ужъ тутъ было заботиться о гаолянѣ?

Будучи командующимъ маньчжурскою арміею, Куропаткинъ ни разу не собиралъ военнаго совѣта или совѣщанія изъ корпусныхъ командировъ и не призывалъ ихъ къ дѣятельному обсужденію наиболѣе важныхъ вопросовъ. Конечно, рѣшеніе такого совѣщанія было бы для него необязательнымъ, но мнѣ думается, что при обсужденіи вопросовъ съ корпусными командирами онъ могъ бы, въ достаточной степени, выяснить многое—какъ относительно строевыхъ и хозяйственныхъ вопросовъ, такъ и относительно вопросовъ тактическихъ и частью стратегическихъ.

Вѣдь онъ большую часть своей службы провелъ

въ канцеляріяхъ и значительную часть на гражданской должности, а будучи военнымъ министромъ, обнаружилъ полную отсталость отъ строя и войскъ. На этихъ совѣщаніяхъ могъ бы быть разсмотрѣнъ и рѣшенъ чрезвычайно важный вопросъ объ уменьшеніи расхода людей въ частяхъ войскъ. Само собою разумѣется, что послѣднее было бы исполнено лишь въ томъ случаѣ, если бы съ частей войскъ были сняты многія хозяйственныя обязанности, съ передачею этихъ обязанностей интендантству, гражданскому и частью инженерному вѣдомствамъ.

Наши части войскъ, какъ это всѣмъ извѣстно, въ мирное время страшно обременены хозяйственными заготовленіями и если получали въ этомъ отношеніи содѣйствіе со стороны интендантовъ, то это содѣйствіе ограничивалось часто гнилымъ сукномъ, плохими сапогами и отвратительнымъ снаряженіемъ.

Будучи военнымъ министромъ, Куропаткинъ рѣшительно ничего не сдѣлалъ для того, чтобы обратить части войскъ въ части вполнѣ строевыя, а во время войны, демонстративно стремясь выказать свою горячую заботу о солдатѣ, завелъ много новыхъ порядковъ, которые не только не улучшили войска въ строевомъ отношеніи, но ухудшили. Обозъ возросъ до ужасающихъ размѣровъ и сдѣлалъ армію мало пригодною для маневрированія. Командиры войсковыхъ частей обратились въ заготовительныхъ чиновниковъ, такъ какъ на части войскъ были возложены такія заготовки и такія работы, которыя во всякой благоустроенной арміи возлагаются на интендантское, инженерное и гражданское вѣдомства.

Постройка хлѣбопекарныхъ печей, бань, госпиталей, жилыхъ помѣщеній для войскъ ожидавшихся изъ Россіи, устройство колонныхъ путей на огром-

номъ протяженіи и т. под. работы, которыя должны были быть выполнены инженернымъ вѣдомствомъ, съ употребленіемъ на работы китайцевъ, были возложены на строевыя части войскъ.

Въ моей запискѣ, ниже помѣщаемой, приведены свѣдѣнія о томъ, что строевыя части моего 6 сиб. корпуса, по приказанію Куропаткина, возвели цѣлый городокъ теплыхъ землянокъ для помѣщенія 20.000 людей, которые ожидались изъ Россіи, при чемъ приходилось работать въ грунтѣ, промерзшемъ на полтора и два аршина. Кромѣ того эти же части проложили 85 верстъ широкихъ колонныхъ дорогъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ корпусъ выставилъ 500.000 рабочихъ съ своимъ инструментомъ. Войска выходили на работы полками и бригадами въ боевой аммуниціи и съ ружьями.

Независимо этого войска корпуса построили для своего помѣщенія теплыя землянки на 40.000 человѣкъ и постоянно работали на позиціи, возводя редуты, люнеты, батареи, траншеи и искусственныя препятствія. Приходилось устраивать нѣсколько позицій, такъ какъ войска корпуса постоянно мѣняли, часто безъ всякаго толка, мѣста своего расположенія.

Выпечка хлѣба, заготовка фуража, мяса, овощей, одежды, топлива, вьюковъ, покупка лошадей— все это было возложено на войска.

Всѣ эти хозяйственныя работы—мы исключаемъ устройство позицій и помѣщеній для частей корпуса—и заготовки требовали огромнаго расхода людей, которые часто посылались за десятки и сотни верстъ, а когда наступалъ бой, то части войскъ выходили въ поле при значительномъ некомплектѣ.

Вотъ эти вопросы, при совѣщаніи съ корпусными командирами, Куропаткинъ могъ бы себѣ выяс-

нить, и тогда не было бы того, что полкъ, имѣющій на театрѣ войны 4000 чел., выводилъ въ бой всего 3000 чел.

Куропаткинъ не имѣлъ привычки объѣзжать войско послѣ окончанія какой либо крупной военной операціи, а тѣмъ болѣе—до операціи. Онъ ни разу, какъ я уже говорилъ, не посѣтилъ въ боевой линіи ни одной части моего 6-го корпуса, съ такимъ выдающимся успѣхомъ выносшаго безпримѣрно тяжелую войну. Онъ не хвалилъ войска, не поощрялъ ихъ словомъ. Войска моего корпуса совершенно его не знали. Одинъ разъ въ теченіе всей войны, именно въ декабрѣ 1904 г., какъ я объ этомъ уже упоминалъ, онъ пріѣхалъ въ коляскѣ въ Тхоцзянтунь, гдѣ былъ расположенъ штабъ корпуса. Онъ обошелъ нѣсколько дворовъ и землянокъ и сдѣлалъ какое то замѣчаніе. Онъ здоровался съ людьми и не благодарилъ ихъ за боевую службу; а между тѣмъ войска ожидали похвалы, такъ какъ въ сентябрьскихъ бояхъ доблестно вели себя.

XIX.

Между тѣмъ какъ-то незамѣтно назрѣвала знаменитая мукденская операція. Всѣ сознавали и чувствовали, что наступаютъ кровавые дни страшныхъ боевъ, отъ исхода которыхъ будетъ зависѣть судьба войны.

На театръ военныхъ дѣйствій южной Маньчжуріи спѣшила 3-я японская армія Ноги, освободившаяся изъ-подъ Портъ-Артура и укомплектованная до штатовъ военнаго времени. Японцы значительно усиливались на Шахэ.

Кромѣ трехъ расположенныхъ противъ нашего

фронта армій: Куроки, Нодзу и Оку, занимавшихъ укрѣпленныя позиціи и имѣвшихъ свои резервы, у противника появились двѣ свободныя, не прикованныя къ позиціямъ арміи, именно: сказанная армія Ноги и новая 5-я армія Кавамуры, о сформированіи коей мы узнали лишь во время мукденскихъ боевъ. Такое усиленіе нашего противника создавало для него чрезвычайно благопріятное стратегическое положеніе и давало возможность проявить широкіе наступательные планы.

Японцы спокойно расположили противъ нашего центра сильную осадную артиллерію, въ числѣ которыхъ были 11-дюйм. мортиры. Я наблюдалъ лично, съ такъ называемой штабной сопки, какъ японцы подвозили большія тяжести по особо устроенной полевой желѣзной дорогѣ. По свѣдѣніямъ моихъ развѣдчиковъ, эти тяжести состояли изъ большихъ орудій и устоевъ для нихъ. По этимъ свѣдѣніямъ нашъ противникъ усиленно возводилъ осадныя батареи на Хоутхайской сопкѣ. Я обстрѣлялъ работы японцевъ своею осадною артиллеріею, но вслѣдъ за симъ получилъ приказаніе не стрѣлять изъ этихъ орудій, что дало возможность японцамъ почти безпрепятственно закончить свои работы по возведенію осадныхъ батарей.

До сихъ поръ я не могу спокойно вспомнить объ этомъ воспрещеніи, основанномъ на категорическомъ приказаніи главнокомандующаго. По этому дѣлу имѣются любопытные документы, указывающіе на то странное положеніе начальствующихъ лицъ, которое существовало въ арміи, благодаря тому, что главнокомандующій слишкомъ часто вмѣшивался въ мелочные вопросы и, не только не выносилъ проявленія въ чемъ бы то ни было почина и самостоятельности, но имѣлъ смутныя понятія о под-

чиненности частей войскъ. Я былъ вынужденъ спросить штабъ арміи подчинена ли мнѣ или не подчинена осадная артиллерія, которую расположили на моей позиціи. Мнѣ не дали на это прямого отвѣта, а увѣдомили, чтобы эта артиллерія не стрѣляла до особаго разрѣшенія свыше. Въ то время было обращено вниманіе на подготовку, на случай нашего новаго наступленія, особыхъ соображеній для производства сосредоточенной стрѣльбы по опредѣленнымъ участкамъ позиціи противника. Къ сожалѣнію, эти соображенія не были приведены въ исполненіе, а японцы сдѣлали свое дѣло, не встрѣтивъ съ нашей стороны противодѣйствія.

Положеніе моего корпуса въ центрѣ укрѣпленной кордонной линіи было не изъ легкихъ. Корпусъ занималъ 16 баталіонами участокъ Южная Безымянная - Сахепу - Шанланза, на которомъ прежде были расположены 32 баталіона 10-го корпуса. На мужество корпуса, слѣдовательно, возлагали соотвѣтственныя надежды, иначе рѣшимость поручить защиту важной позиціи 16 баталіонамъ резервныхъ войскъ, которая занималась 32 баталіонами постоянныхъ войскъ, была бы по меньшей мѣрѣ непонятна. Правѣе меня стояли 32 баталіона 17-го корпуса, занимавшаго позиціи протяженіемъ, почти равнымъ протяженію моей позиціи. Лѣвѣе меня былъ расположенъ 1-й арм. корпусъ, входившій въ составъ 1 арміи. Корпусъ этотъ былъ усиленъ двумя восточно - сибирскими стрѣлковыми полками. Вотъ обстановка, въ которой располагались войска 6 сиб. корпуса на Шахэйской позиціи. Занимая, относительно слабыми силами, очень важный участокъ позиціи, которую прорѣзывала мандаринская дорога, т. е. кратчайшій операціонный путь изъ Ляояна въ Мукденъ, 6-й корпусъ имѣлъ сильныхъ сосѣдей и могъ разсчитывать, въ случаѣ

наступленія тяжелыхъ минутъ, на ихъ содѣйствіе.

На войнѣ такъ быстро слагаются событія и такъ мѣняется обстановка. Въ тяжелую минуту, въ половинѣ февраля, когда положеніе войскъ 6-го корпуса, повидимому, было на волоскѣ, изъ 16 баталіоновъ по требованію главнокомандующаго, было, взято 2 баталіона для отправки на подкрѣпленіе войскъ 2 маньчжурской арміи, а оставшіеся 14 баталіоновъ были предоставлены самимъ себѣ, и эти баталіоны вели себя въ бояхъ мужественно и исполнили свой долгъ до самаго конца. 17 корпусъ отказался занять оставленныя имъ позиціи и тѣмъ обезпечить правый флангъ войскъ 6-го корпуса, и послѣднимъ пришлось обороняться на два фронта, а 1-й армейскій корпусъ могъ удержаться на своей позиціи лишь потому, что войска 6 корпуса, не взирая на приказаніе отступить, не отступили.

Конечно, эти обстоятельства выясняются здѣсь отнюдь не для того, чтобы упрекать кого-либо изъ сосѣдей: они честно исполнили свой долгъ и были поставлены совершившимися событіями въ очень трудное положеніе; но они имѣютъ первостепенное военное значеніе въ томъ смыслѣ, что доказываютъ, что русскія резервныя войска, правильно веденныя, составляютъ военную силу, не уступающую полевымъ войскамъ. Это намъ нужно твердо помнить и принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы кадры этихъ войскъ были хорошо ведены и обучены въ мирное время и чтобы офицеры резервныхъ частей были на высотѣ своего положенія.

Лично я былъ совершенно увѣренъ, что мои войска отстоятъ свои позиціи, но, конечно, они могли оборонять ихъ лишь пассивно, такъ какъ для активной обороны приходилось бы атаковать укрѣпленную

позицію селеній Юделадзе и Хоутхайскую сопку, для чего не хватило бы силъ.

Для того же, чтобы показать противнику, что мы намѣреваемся предпринять противъ него наступленіе, я приказалъ войскамъ корпуса занять и укрѣпить передовыя позиціи, такъ называемые Смоленскіе окопы и окопы Семенова, а также передовой люнетъ, что и было очень счастливо исполнено.

По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, которыя я приведу далѣе, у меня сложилось вполнѣ сознательное убѣжденіе въ томъ, что японцы предпримутъ обходъ нашего праваго крыла и не рѣшатся на атаку центра.

Въ виду этого соображенія я поѣхалъ къ командующему 3 маньчжурскою арміею, генералу барону Каульбарсу, и предложилъ ему смѣнить на позиціи войска 17-го корпуса моею 72-ю пѣхотною дивизіею, то есть—расположить на позиціи 17 корпуса вмѣсто 32 баталіоновъ — 16 баталіоновъ моего корпуса, а 17 корпусъ въ полномъ его составѣ двинуть въ тылъ, сѣвернѣе Мукдена, для включенія его въ стратегическій резервъ главнокомандующаго съ тою цѣлью, чтобы усиленный въ своемъ составѣ этотъ резервъ имѣлъ возможность отдѣлить отъ себя крупный отрядъ, направивъ его во флангъ тѣхъ японскихъ войскъ, которыя вздумали бы сдѣлать обходъ нашего праваго крыла.

Я слышалъ, что Куропаткинъ былъ очень доволенъ этимъ предложеніемъ; но за симъ все осталось по старому. Лишь въ началѣ 1907 года я узналъ, чѣмъ все это дѣло окончилось.

Вышло крупное очень обидное недоразумѣніе, и если бы я зналъ тогда о его существованіи, то, конечно, употребилъ бы всѣ силы для того, чтобы было принято мое предложеніе, имѣя въ виду лишь положительную пользу арміи и отбросивъ всякія

личныя соображенія. Дѣло въ томъ, что если бы это предложеніе было осуществлено, то я этимъ возложилъ бы на себя лично и на войска 6-го сиб. корпуса очень тяжелую военную задачу. И я на это шелъ, сознавая, что это принесло бы большую пользу общему нашему дѣлу. Конечно, я при этомъ точно разсчиталъ, что мой корпусъ былъ бы въ силахъ исполнить новую болѣе широкую для него задачу.

Въ началѣ 1907 г. мнѣ кто-то прислалъ „Записку генерала-отъ-кавалеріи барона Бильдерлинга по поводу нѣкоторыхъ событій минувшей войны". Записка эта была напечатана въ Москвѣ въ мартѣ 1906 г. На 23-й ея страницѣ напечатанъ рапортъ временно командовавшаго 3-ю маньчжурскою арміею, барона Бильдерлинга, отъ 1 февр. 1905 г. изъ Суятуня за № 86, какъ отвѣтъ на № 1219, до сихъ поръ мнѣ неизвѣстный.

Вотъ что значится въ этомъ рапортѣ:

„На протяженіи позиціи 3-й арміи участокъ, включающій Мандаринскую и желѣзную дороги, имѣетъ исключительно важное значеніе. Здѣсь пролегаютъ главные и кратчайшіе пути наступленія японцевъ къ Мукдену. Неуспѣхъ на этомъ участкѣ, при наличности желѣзной дороги, близъ которой группируются и грунтовые пути отступленія арміи, можетъ гибельно отразиться на судьбѣ всѣхъ нашихъ войскъ.

„Такой важный участокъ требуетъ для обороны и большаго количества войскъ, приходящихся на версту протяженія, и назначенія частей болѣе надежныхъ, устойчивыхъ, а главное хорошо знакомыхъ со свойствами позиціи и мѣстности.

„Такое знакомство пріобрѣтается только временемъ.

„Смѣна 17-го корпуса 72-й пѣхотной дивизіей поведетъ прежде всего къ тому, что 16-ти верстное протяженіе фронта арміи, съ крайне важнымъ въ стратегическомъ отношеніи участкомъ, будетъ обороняться исключительно резервными войсками.

„Затѣмъ войска 6-го сибирскаго корпуса будутъ обречены на безсмѣнную службу въ передовыхъ линіяхъ. Едва ли соотвѣтственно допускать подобное напряженіе силъ людей.

„17-й корпусъ хорошо изучилъ свои позиціи; можно смѣло разсчитывать, что онъ отстоитъ ихъ въ случаѣ атакъ противника. Занимая свой участокъ, онъ имѣетъ возможность мѣнять полки и предоставлять необходимый отдыхъ частямъ, отбывшимъ извѣстный срокъ въ передовыхъ окопахъ.

„Равнымъ образомъ и 6-й сибирскій корпусъ можетъ мѣнять послѣдовательно 55-ю и 72-ю пѣх. дивизіи на своихъ передовыхъ позиціяхъ.

„Упорство и успѣхъ обороны каждою арміею ввѣренныхъ ей позицій требуетъ наличности своего армейскаго резерва. Зачисленіе 17-го корпуса въ стратегическій резервъ лишитъ командующаго арміей средствъ для управленія боемъ и заставитъ сразу же обращаться къ главнокомандующему за поддержками.

„Вслѣдствіе этого корпусъ будетъ таять, какъ высшая войсковая единица, вольется въ боевыя линіи по частямъ и не принесетъ той пользы, на которую можно разсчитывать, вводя его полностью въ дѣло на томъ или другомъ направленіи.

„Въ особомъ письмѣ къ вашему высокопревосходительству я доложилъ свои соображенія о распредѣленіи силъ для предстоящей операціи. 3 армія можетъ выдѣлить 8 баталіоновъ въ составъ 2-й и сохранить 80 баталіоновъ, изъ которыхъ должна бу-

детъ выдѣлить возможно сильный резервъ. Большую часть этого послѣдняго составятъ, конечно, войска 17 корпуса.

„Располагая такимъ резервомъ, командующій арміей будетъ имѣть всѣ средства для веденія упорнаго и успѣшнаго боя.

„Я прошу ваше высокопревосходительство, въ силу изложеннаго, сохранить оборону трехъ участковъ позиціи 3 арміи за тѣми войсками, которыя создали, укрѣпили и изучили позицію и мѣстность, не прибѣгая къ смѣнѣ 17-го корпуса въ дни, предшествующіе началу рѣшительныхъ дѣйствій. Оставленіе въ рукахъ командующаго арміей 80 баталіоновъ дастъ ему средства управлять боемъ, парировать всѣ его случайности, оказать содѣйствіе сосѣдней арміи и задаваться частными задачами активнаго характера. Въ то же время 3 армія выдѣлитъ на усиленіе 2-й—бригаду 6-го Сибирскаго корпуса".

Я вполнѣ понимаю, что командиръ 17-го корпуса не былъ склоненъ на такую мѣру, какъ перечисленіе его корпуса въ стратегическій резервъ главнокомандующаго изъ той арміи, которою онъ временно командовалъ, но я отказываюсь понимать, почему было опасно поручать резервнымъ корпусамъ оборону прочно укрѣпленныхъ позицій и почему 72 п. дивизія не могла бы такъ же доблестно защищать порученную ей позицію, какъ 35 или 3 дивизіи? Обѣ дивизіи 6 Сиб. корпуса, 55 и 72, рядомъ боевъ доказали, что въ боевомъ отношеніи онѣ ничуть не уступали дивизіямъ 17-го корпуса.

Я очень сожалѣю, что вопросъ, мною возбужденный, былъ рѣшенъ помимо меня. Я возбудилъ его, когда 3-ю арміею командовалъ Каульбарсъ; за симъ послѣдній былъ назначенъ командующимъ 2-ю арміею,

а вмѣсто него временное командованіе 3-ю арміею получилъ Бильдерлингъ.

Послѣдній, отвѣчая на предложеніе главнокомандующаго помѣченное № 1219, почему то не счелъ нужнымъ вызвать меня, дабы обмѣняться мыслями по вопросу, касавшемуся моихъ дивизій. А сдѣлать это было такъ просто. И сдѣлать это было даже необходимо, такъ какъ безъ моего вѣдома онъ предполагалъ передать во 2-ю армію бригаду 55 пѣх. дивизіи, то-есть оголить позицію 6-го корпуса, оставивъ на ней всего два полка. Замѣчу, что 72 п. дивизія была въ стратегическомъ резервѣ главнокомандующаго, слѣдовательно рѣчь шла о 55 дивизіи.

Если бы меня пригласили по этому дѣлу, то, конечно, я не настаивалъ бы на необходимости передачи позиціи 17-го корпуса одной изъ резервныхъ дивизій, но представилъ бы вѣскія соображенія о томъ, что для обороны трехъ участковъ позиціи 3-й арміи было совершенно достаточно имѣть три дивизіи, при чемъ въ резервѣ арміи не слѣдовало имѣть болѣе дивизіи; всего, слѣдовательно, надо было имѣть два корпуса, а не три. Одинъ изъ резервныхъ корпусовъ, 5 или 6-й, надлежало бы направить въ тылъ, сѣвернѣе Мукдена, гдѣ сосредоточить весь стратегическій резервъ.

Такое глубокое расположеніе сильнаго резерва главнокомандующаго отвѣчало бы всевозможнымъ стратегическимъ комбинаціямъ: въ случаѣ нашего наступленія въ обходъ лѣваго крыла противника этотъ резервъ легко могъ бы оказать могущественную поддержку операціи; въ случаѣ наступленія японцевъ на нашъ центръ, онъ бы отразилъ это нападеніе; въ случаѣ наступленія японцевъ на 2-ю армію появленіе стратегическаго резерва на нашемъ правомъ крылѣ повлекло бы за собою сосредоточеніе

превосходныхъ силъ, что передало бы въ наши руки успѣхъ; если бы нашъ противникъ, какъ онъ это и сдѣлалъ на самомъ дѣлѣ, неожиданно появился на западѣ отъ Мукдена, то стратегическій резервъ въ полномъ составѣ могъ бы обратиться противъ обошедшихъ насъ японцевъ и совмѣстно съ тѣми войсками, которыя могла бы отдѣлить 2 армія, отбросить противника къ западу, отрѣзавъ его отъ арміи Оку. Подача помощи нашему лѣвому крылу была бы болѣе затруднительна, но для облегченія этой операціи одинъ изъ корпусовъ стратегическаго резерва можно было бы расположить близъ сѣверо-восточной окраины Мукдена.

XX.

Мы еще не знаемъ и врядъ ли когда-либо узнаемъ тотъ планъ, который былъ разработанъ японцами для наступленія на наши позиціи и для обхода русскихъ армій, занимавшихъ укрѣпленную кордонную позицію къ югу отъ Мукдена, такъ какъ нашъ бывшій противникъ, и послѣ войны повидимому, не обнаруживаетъ склонности раскрыть наиболѣе существенныя черты своихъ бывшихъ рѣшеній, вѣроятно, полагая, что загадочная тайна для него выгоднѣе полнаго выясненія его плановъ.

Одно обстоятельство, мало кому извѣстное, даетъ мнѣ возможность замѣтить, что штабъ японскаго главнокомандующаго обдумалъ планъ наступленія и обходъ нашего праваго крыла во всѣхъ его подробностяхъ, разсчитавъ все точно по днямъ.

Мой бывшій личный адъютантъ, подъесаулъ Гирсъ, пять лѣтъ служившій на Дальнемъ Востокѣ

и хорошо ознакомившійся съ китайцами, получилъ отъ меня приказаніе производить черезъ шпіоновъ-китайцевъ сборъ свѣдѣній о японской арміи. Я получалъ отъ Гирса цѣнныя донесенія о многомъ, что дѣлали японцы передъ фронтомъ. Засимъ, какъ опытнаго руководителя военными развѣдками, я его командировалъ въ распоряженіе барона Каульбарса, съ которымъ онъ перешелъ во 2-ю армію.

У меня въ рукахъ имѣется копія съ слѣдующаго удивительнаго документа, снятая рукою самого Гирса весною 1905 г.

ПОЛЕВАЯ КНИЖКА
Подъесаула Гирса.
Донесеніе № 36.
17 января 1905 года.
№ 6.

Генералу Соболеву.

До 200 японцевъ въ Мамакаѣ и окрестностяхъ покупаютъ лошадей, скотъ и нанимаютъ китайцевъ и имъ выдаютъ оружіе. Нанято до 500 человѣкъ. Въ сел. Сыръ-латунѣ до 300 японцевъ и 200 китайцевъ; пушекъ нѣтъ. Слышно, что японскихъ войскъ много ушло въ Монголію. Власти китайскія въ рукахъ японцевъ и казнятъ по ихъ приказанію. Говорятъ, что купецъ, продававшій русскимъ около Синминтина, былъ обезглавленъ.

Подпись: Подъесаулъ Гирсъ.

Приписка. Сейчасъ получилъ точное свѣдѣніе, что приблизительно около 16 февраля японцы предполагаютъ обойти нашъ правый флангъ черезъ Монголію на Синминтинъ и отрѣзать желѣзную дорогу сѣвернѣе Мукдена. Объ этомъ донесъ въ штабъ 2 арміи.

Подпись: Подъесаулъ Гирсъ.

Этотъ документъ прямо указываетъ на то, что нашъ противникъ рѣшился обойти наше правое крыло, то-есть исполнить то, что онъ пытался сдѣлать осенью 1904 г., во время боевъ на Шахэ, и что ему тогда не удалось. Вмѣстѣ съ симъ онъ указываетъ на то, что японцы подготовляли населеніе Синминтина и его области къ скорому ихъ туда приходу.

На это обстоятельство я обратилъ вниманіе командующаго арміей, который былъ со мною согласенъ, и главнокомандующаго, который не обратилъ на это никакого вниманія.

Надъ донесеніемъ Гирса, какъ мнѣ передавали, много смѣялись, а между тѣмъ произошло именно такъ, какъ въ немъ было сказано. Дѣйствительно, 16 февраля японцы развернули свою 3-ю армію генерала Ноги къ западу отъ Мукдена и вскорѣ заняли с. Салинпу. 18 числа, располагая малыми силами, мы потерпѣли подъ этимъ селеніемъ неудачу. Конечно, этого бы не случилось, если бы вмѣсто слабаго отряда, состоявшаго изъ 16 баталіоновъ 16 корпуса, главнокомандующій могъ двинуть отрядъ, въ который былъ бы включенъ корпусъ, заблаговременно снятый съ позиціи 3-й арміи, и если бы, какъ это будетъ видно далѣе, онъ не раздробилъ 16 корпусъ на три отряда.

Впослѣдствіи я узналъ, какимъ образомъ китайцы, посланные Гирсомъ, пробрались въ главную квартиру маршала Ояямы.

Въ донесеніи отъ 11 февраля за № 190 подъесаулъ Гирсъ мнѣ сообщилъ; „Имѣю точныя свѣдѣнія объ обходѣ черезъ Монголію нашего праваго фланга, но штабъ, повидимому, не вѣритъ".

Когда я прибылъ на театръ войны, то вскорѣ послѣ осенней операціи на Шахэ обратился къ Куропаткину съ просьбою выслать въ мое распоряженіе

100.000 р. на расходы по развѣдкѣ въ тылу японскихъ войскъ и на ихъ позиціяхъ. Я не получилъ отвѣта. Засимъ я просилъ 50.000 р. и мнѣ было прислано 10.000 р. На развѣдки Гирсъ издержалъ за время войны всего 2.500 р., а остатокъ 7.500 р. былъ сданъ послѣ войны въ казначейство. Получивъ небольшую сумму, я предложилъ Гирсу расходовать деньги экономно. И съ этими малыми средствами онъ сумѣлъ достигнуть прекрасныхъ результатовъ. Осенью 1904 г. мой корпусъ былъ расположенъ на правомъ крылѣ арміи, и мнѣ казалось, что дѣятельныя систематическія развѣдки могли принести огромную пользу нашему общему дѣлу.

Лично я былъ вполнѣ увѣренъ, что японцы имѣютъ въ виду обойти наше правое крыло. Въ разговорѣ со мною какъ-то Куропаткинъ сказалъ, что онъ опасается сосредоточенія японскихъ войскъ у Сяобейхэ, а такое сосредоточеніе указывало на то, что они намѣревались направить подходившую армію Ноги къ западу отъ Мукдена.

Мнѣ стало извѣстно, что близъ гор. Синминтина находится японскій офицеръ генеральнаго штаба, дѣятельно подготовляющій тамъ, со своими помощниками, передовую базу на случай обхода японскою арміею нашего праваго крыла. Я предложилъ захватить этого офицера и его помощниковъ, имѣя въ виду выяснить ихъ дѣятельность и по возможности помѣшать заготовленію ими продовольствія. Мой адъютантъ, подъесаулъ Гирсъ, о которомъ я только что упоминалъ, и мой ординарецъ, фейерверкеръ Новосильцовъ, вызвались схватить этого офицера и доставить его ко мнѣ. Дѣло это было нами обдумано со всѣхъ сторонъ и можно было разсчитывать на его успѣшное окончаніе. Если бы мой 6 сиб. корпусъ стоялъ въ то время на правомъ флангѣ

арміи, я бы все это привелъ въ исполненіе своею властью, не испрашивая ни у кого разрѣшенія; но я былъ отдѣленъ отъ Синмынтина 2-ю арміею и двумя корпусами 3-й арміи. Поэтому я сдѣлалъ соотвѣтственное представленіе командующему 3-ю арміею, который весь вопросъ представилъ на разрѣшеніе главнокомандующаго.

Этотъ японскій офицеръ генеральнаго штаба установилъ самую тѣсную связь съ купцами и администраціей Синмынтина и даже Мукдена и, какъ стало извѣстно, два раза ѣздилъ въ Мукденъ, переодѣтый китайскимъ купцомъ.

Я еще теперь вспоминаю, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы разрѣшенія Куропаткина и почти были увѣрены, что таковое получится благопріятное.

Началась мукденская операція. Получено было извѣстіе о появленіе арміи Ноги къ западу отъ нашего праваго крыла. Начался знаменитый обходъ этою арміею мукденскихъ позицій, и вдругъ въ разгаръ начавшагося генеральнаго сраженія я получилъ самый неожиданный отвѣтъ. Было бы соотвѣтственнѣе всего не отвѣчать.

Начальникъ штаба 3-й арміи въ письмѣ отъ 15 февраля 1905 г. изъ Суятуня за № 136 прислалъ мнѣ слѣдующее сообщеніе:

Милостивый Государь
Леонидъ Николаевичъ.

Начальникъ штаба главнокомандующаго увѣдомилъ меня, что, несмотря на крайнюю желательность арестовать проживающаго въ городѣ Синмынтинѣ японскаго офицера, главнокомандующій приказалъ воздержаться отъ захвата его способомъ, предложеннымъ вашимъ высокопревосходительствомъ, такъ какъ нельзя ручаться, что во время ссоры не при-

шлось бы употребить насиліе, за которымъ можетъ послѣдовать свалка, драка и даже вооруженное сопротивленіе, могущія обнаружить наши дѣйствія съ переодѣтыми людьми.

Примите и т. д. Подпись: Ф. Мартсонъ.

Когда я получилъ это письмо, японцы уже обошли наше правое крыло и вышли къ западу отъ Мукдена, а тотъ офицеръ японскаго генеральнаго штаба, котораго я такъ неудачно хотѣлъ захватить вмѣстѣ съ его помощниками, вѣроятно уже успѣлъ къ этому времени сформировать близъ Синминтина нѣсколько транспортовъ съ продовольственными припасами, назначенными для арміи Ноги. Эта армія, откидывая постепенно свой хвостъ на западъ, могла прочно опереться на вновь подготовленную базу, соединенную желѣзною дорогою съ Инкоу, а черезъ Шанхай-Гуанъ съ Тяньзиномъ.

Такъ везло японцамъ, благодаря нашей бездѣятельности.

Я не настолько знакомъ съ международнымъ правомъ чтобы объяснить себѣ, почему японскіе офицеры, работая для своей арміи въ городѣ, расположенномъ на нейтральной полосѣ, могли не носить своего форменнаго платья и носить одежду купца, а русскіе офицеры, работая для русской арміи, обязаны были быть при этомъ въ военной формѣ и отнюдь не смѣли переодѣться въ гражданское платье? Синминтинъ былъ за-границею, а за границею, по нашимъ законамъ всѣ наши военные обязаны носить гражданское платье, хотя во время войны въ Синминтинѣ русскіе фуражиры появлялись въ военной формѣ.

Куропаткинъ боялся свалки и драки и даже вооруженнаго сопротивленія. Конечно, японцамъ было бы очень непріятно, если бы мы послѣ свалки, драки

и употребленія огнестрѣльнаго оружія захватили главныхъ лицъ, подготовлявшихъ для нихъ базу; но зато для насъ было бы очень выгодно, если бы мы этимъ путемъ могли воспрепятствовать нашему противнику своевременную подготовку необходимыхъ запасовъ для арміи Ноги.

Я почти увѣренъ въ томъ, что это предпріятіе нашего счастливаго противника, нами съ такимъ легкимъ сердцемъ допущенное, въ значительной степени содѣйствовало его смѣлому обходу нашего праваго крыла, такъ какъ безъ базы, подготовленной въ раіонѣ Синмунтина, армія Ноги не могла бы съ такой увѣренностью въ успѣхѣ и съ такою смѣлостью развить операцію своего обхода, какъ это она сдѣлала въ періодъ времени съ 16 по 24 февраля.

XXI.

Какъ было сказано выше, наступательный планъ японцевъ, который они начали приводить въ исполненіе 10 февраля, намъ до сего времени не извѣстенъ.

Куропаткинъ хотя и призывалъ командующихъ арміями къ совѣту, но не только не выработалъ какого-либо плана, который соотвѣтствовалъ бы хоть сколько-нибудь совершенно новой сложившейся обстановкѣ, по своему существу грозной, но не потрудился дать новыя директивы, а сохранилъ въ силѣ тѣ, которыя были даны имъ 6 января и которыя оказались совершенно непригодными, что доказано было операціею подъ Сандепу 12—15 января. Значитъ, приходилось сызнова начинать, какъ говорится, отъ печки.

Начало наступленія было назначено на 10 февраля, но случайно было отложено до 12 числа.

Наступленіе должна была начать 2-я маньчжурская армія, какъ это значилось въ директивахъ 6-го января. Прежде всего надлежало взять сильно укрѣпленную позицію Сандепу, а затѣмъ послѣдовательно атаковать всѣ многочисленныя укрѣпленныя позиціи и укрѣпленныя линіи вплоть до р. Тайцзыхэ.

Когда мнѣ стало извѣстно это рѣшеніе, я искренно пожалѣлъ Куропаткина; въ моемъ умѣ уже слагалось убѣжденіе, что у нашего главнокомандующаго поколеблено душевное равновѣсіе. Человѣкъ, обладающій всѣми душевными качествами, не могъ принять такое рѣшеніе, и съ этимъ долженъ согласиться каждый, кто знакомъ съ тою новою обстановкою, которая сложилась на театрѣ войны, когда на немъ появилась армія Ноги.

Превосходство въ силахъ переходило на сторону японцевъ.

10-го февраля японцы двинулись противъ нашего лѣвофланговаго отряда, занимавшаго такъ называемую Цинхеченскую укрѣпленную позицію. На слѣдующій день эта позиція была ими взята и главнокомандующій объявилъ по арміямъ особою циркулярною телеграммою, что эта позиція не имѣла важнаго значенія, забывъ о томъ, что когда эта же самая позиція была занята нами, то онъ увѣрялъ армію, что она имѣетъ очень важное стратегическое значеніе.

И такъ почти одновременно русскій и японскій главнокомандующіе рѣшаются начать наступленіе.

Быть можетъ, привычка проявлять свои ораторскіе таланты при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, которая замѣчалась у нашего вождя, помогла японцамъ узнать о готовившемся нашемъ наступленіи. Узнавъ объ этомъ, японцы быстро при-

няли мѣры къ тому, чтобы взять починъ въ свои руки и подчинить волю нашего главнокомандующаго, своей волѣ. Засимъ, японцы настойчиво, безъ колебаній, выполняютъ свой планъ.

Японскій главнокомандующій имѣлъ точно выработанный планъ; русскій главнокомандующій не имѣлъ никакого плана.

Японскія войска вѣрили въ своего главнокомандующаго, русскія войска въ своего не вѣрили.

Японскій главнокомандующій не стѣснялъ свободу дѣйствій командующихъ арміями; русскій главнокомандующій вмѣшивался во всѣ мелочи.

Японскій главнокомандующій вѣрилъ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ и войскамъ; русскій главнокомандующій не вѣрилъ ни своимъ генераламъ, ни своимъ войскамъ.

Такова была нравственная атмосфера противниковъ.

Вдругъ въ нашихъ арміяхъ, какъ молнія, распространился слухъ, что наша наступательная операція отмѣняется и что мы переходимъ къ оборонѣ.

Лишь на слѣдующій день, 12 февраля, слухъ этотъ подтвердился.

11 февраля утромъ командующій 2-й маньчжурской арміею, генералъ баронъ Каульбарсъ, объявилъ по арміи слѣдующій краткій приказъ за № 46: „Завтра, 12 февраля, дѣйствовать согласно диспозиціи № 6. Артиллерійскую подготовку начать на разсвѣтѣ въ 6 часовъ утра. Царь и русскій народъ молятся за васъ и надѣются. Постараемся, товарищи“.

Духъ арміи былъ повышенный; но онъ тотчасъ же былъ охлажденъ.

„11-го же февраля, въ 4 часа пополудни, пишетъ баронъ Каульбарсъ Куропаткину въ письмѣ отъ 8 іюля 1905 г. за № 73, прибылъ въ Мату-

рань начальникъ транспортовъ маньчжурскихъ армій, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Ухачъ-Огоровичъ, который заявилъ, что посланъ вашимъ высокопревосходительствомъ съ тѣмъ, что сообщить мнѣ:

„1) что за Сандепу собралось 100.000 японцевъ при 340 орудіяхъ;

„2) что на крайнемъ лѣвомъ флангѣ 1-й арміи японцы насъ сильно тѣснятъ. А потому ваше высокопревосходительство предоставляете мнѣ выборъ рѣшенія: атаковать-ли завтра или нѣтъ?

„Я спросилъ генералъ-маіора Ухачъ-Огоровича, могу ли при такихъ условіяхъ разсчитывать, что вы сдержите данное мнѣ лично обѣщаніе подойти, 12 февраля, ко 2-й арміи съ силами стратегическаго резерва? На это генералъ-маіоръ Ухачъ-Огоровичъ отвѣтилъ съ увѣренностью, что вы не дадите намъ ни одного солдата изъ вашего стратегическаго резерва.

„Глубоко убѣжденный, что Сандепу само по себѣ не имѣетъ никакого значенія, кромѣ узко тактическаго, мѣстнаго, и что жертвы людьми и матеріаломъ при овладѣніи имъ оправдаются только тогда, если, вслѣдъ за паденіемъ Сандепу, мощная сила будетъ продолжать успѣхъ въ направленіи средняго теченія Шахэ и желѣзной дороги,—я просилъ васъ подойти къ телефону. Въ началѣ разговора я сообщилъ вамъ о сообщенныхъ черезъ генералъ-маіора Ухачъ-Огоровича свѣдѣніяхъ насчетъ японскихъ силъ и просилъ вашего рѣшенія. Вы начали свой отвѣтъ соображеніями общаго характера о томъ, что атаковать или отказаться отъ атаки зависитъ отъ вдохновенія начальника, что вы меня въ этомъ стѣснять не хотите, но рекомендуете взвѣсить всѣ обстоятельства и т. д. Общій тонъ вашихъ словъ, сопоставленный съ фактомъ пріѣзда генералъ-маіора Ухачъ-Ого-

ровича и его доклада, склонялся въ сторону отмѣны атаки; но, зная, что дѣло хорошо подготовлено, я вѣрилъ въ успѣхъ и потому просилъ вашего категорическаго отвѣта, подойдетъ-ли къ намъ стратегическій резервъ?

„На это послѣдовалъ отвѣтъ въ формѣ „ни одного штыка изъ стратегическаго резерва"; эта фраза записана и включена въ описаніе военныхъ дѣйствій 2-й арміи генералъ-лейтенантомъ Рузскимъ, 3 недѣли тому назадъ покинувшимъ армію.

„Принимая во вниманіе все вышесказанное, я, скрѣпя сердце, отмѣнилъ наступленіе, такъ какъ считалъ, что на войнѣ слѣдуетъ жертвовать жизнями людей, но только тогда, когда это необходимо для пользы дѣла. Не отмѣнить наступленіе—значило бы овладѣть Сандепу 12 февраля, а затѣмъ атаковать Лабатай-Татай, пожертвовавъ жизнью нѣсколькихъ тысячъ людей. Дальнѣйшее движеніе безъ стратегическаго резерва было бы невозможно, и мы не были бы въ состояніи помѣшать японцамъ овладѣть черезъ 5 дней, 16 февраля, Сыфантаемъ на правомъ флангѣ всей нашей укрѣпленной линіи, что заставило бы насъ покинуть Сандепу.

„Правдивый выводъ изъ этого слѣдующій: вы предоставили мнѣ рѣшеніе вопроса атаковать или не атаковать Сандепу, но вы же обставили эту операцію такъ, что заставили меня отъ нея отказаться".

Рѣшеніе Каульбарса не исполнять данныя главнокомандующимъ директивы были въ полномъ соотвѣтствіи съ сложившеюся обстановкою, такъ какъ атаковать сильный укрѣпленный раіонъ съ обязательствомъ охватить его лѣвый флангъ, имѣя для этой операціи всего четыре корпуса, бывшіе въ сильномъ некомплектѣ и считавшіе въ своихъ рядахъ всего 85.000 штыковъ, при условіи, что за Сандепу,

какъ это сообщилъ Куропаткинъ, была сосредоточена 100.000 армія при 340 орудіяхъ, а также при условіи заявленія главнокомандующаго о томъ, что онъ не поддержитъ 2-ю армію ни однимъ штыкомъ изъ своего стратегическаго резерва, было бы болѣе, чѣмъ безумно.

Замѣчательно что какъ во время веденія 2-ю арміею въ теченіе 12—15 января наступательной операціи въ раіонѣ Сандепу, такъ и въ готовившемся новомъ наступленіи въ тотъ же раіонъ Куропаткинъ отказалъ той же арміи въ своей поддержкѣ.

XXII.

Къ 11-му февраля наша укрѣпленная кордонная позиція была занята слѣдующимъ образомъ:

Правое крыло. 2-я маньчжурская армія въ составѣ 8-го, 10-го Своднаго стрѣлковаго и 1-го сибирскаго корпусовъ, а также бригады 3-го и сводной бригады 5-го сибирскихъ корпусовъ, всего силою въ 126 баталіоновъ. Протяженіе позиціи арміи было 23 версты.

Центръ. 3-я маньчжурская армія въ составѣ 17-го арм. корпуса, трехъ бригадъ 5-го сибирскаго и дивизіи 6-го сибирскаго корпусовъ — всего силою въ 72 баталіона. Протяженіе позиціи—16 верстъ.

Лѣвое крыло. 1-я маньчжурская армія въ составѣ 1-го армейскаго корпуса, безъ Царицынскаго полка; 2-го и 4-го сибирскаго корпусовъ полностью, трехъ бригадъ 3-го сиб. корпуса, 71 пѣх. дивизіи, отдѣльной Сибирской резервной бригады и двухъ Забайкальскихъ пѣшихъ баталіоновъ—всего силою въ 128 баталіоновъ. Протяженіе позиціи—46 верстъ.

Эти три арміи занимали линію въ 85 верстъ. Это былъ великій, небывалый въ исторіи войнъ кордонъ.

Въ стратегическомъ резервѣ были 44 баталіона: три бригады 16-го корпуса, 72 пѣхот. дивизія и 146 Царицынскій полкъ.

Отъ лѣваго крыла были выставлены слѣдующіе отдѣльные отряды:

Цинхеченъ. 16 баталіоновъ, 12 сотенъ и 28 орудій.

Гаолинцзы-Тудаохенцзы. 3 баталіона, 4 сотни и 6 орудій.

Южн. Янтанзанъ. 1 баталіонъ, 12 сотенъ и 2 орудія.

Мадзюнданъ. 3 баталіона и 4 орудія.

Синцзинтинъ. Отрядъ ген. Маслова.

Отрядъ Мадритова.

Всѣ эти отдѣльные отряды были искусно расположены распоряженіемъ командующаго 1-ю маньчжурскою арміею, генерала Линевича, и могли обезпечить нашу армію отъ неожиданности массоваго обхода японцами нашего лѣваго крыла.

Такого обезпеченія, къ сожалѣнію, не было на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ.

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ Куропаткинъ, передъ самымъ началомъ обходнаго движенія арміи Ноги и при условіи, что онъ зналъ, что южнѣе Сандепу стояла армія противника сплою въ 100.000 чел. при 340 орудіяхъ, упразднилъ отдѣльный отрядъ, составленный изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія и охранявшій наше правое крыло отъ обхода его съ запада. Вмѣсто этого, такъ несвоевременно упраздненнаго отряда, былъ расположенъ отрядъ конницы въ составѣ 26 сотенъ при 20 орудіяхъ, не поддержанный пѣхотою и не способный оказать упорное сопротивленіе даже бригадѣ пѣхоты, если бы послѣдняя

стала рѣшительно обходить его съ запада. Къ сожалѣнію, этотъ конный отрядъ былъ переданъ во время начавшагося уже марша арміи Ноги въ слабыя руки казачьяго генерала и все, что онъ сдѣлалъ въ теченіе кровопролитныхъ боевъ подъ Мукденомъ, когда требовалось отъ всѣхъ насъ полное напряженіе силъ, ограничилось тѣмъ, что сообщилъ о появленіи большихъ обходныхъ колоннъ противника, да и то сообщилъ нѣсколько поздно, а за симъ разсыпался на обширномъ пространствѣ, пролегающемъ къ западу и сѣверо-западу отъ Мукдена, и частью укрылся за пѣхоту.

Достойно замѣчанія то, что русская армія, въ которой въ теченіе долгаго времени обращали на конницу очень большое вниманіе, для чего существовала особо обставленная инспекція кавалеріи, не выставила на театръ войны ни одного талантливаго кавалерійскаго вождя, а если и были въ арміи два кавалерійскіе генерала, не лишенные способности командовать массою конницы, то Куропаткинъ не пожелалъ воспользоваться ими и вручилъ конницу, при исполненіи ею дальняго рейда, въ руки очень храбраго и дѣятельнаго артиллерійскаго генерала.

Японцамъ было хорошо извѣстно расположеніе нашихъ арміи на кордонной укрѣпленной линіи. Это доказано документально.

Какой вѣроятный планъ наступательныхъ дѣйствій могъ избрать японскій главнокомандующій?

Атаковать нашъ центръ съ тѣмъ, чтобы прорвать тутъ наше расположеніе, японцы могли лишь въ томъ случаѣ, если бы они имѣли подавляющее превосходство въ силахъ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Во всякомъ случаѣ имъ пришлось бы брать штурмомъ сильно укрѣпленныя позиціи и имѣть дѣло съ нашимъ стратегическимъ резервомъ, о расположеніи

котораго именно противъ центра они хорошо знали. Въ виду этого они и не рѣшились на прорывъ центра.

Дабы заставить насъ покинуть укрѣпленную кордонную позицію и принудить насъ къ отступленію на Тѣлинъ и далѣе, имъ приходилось обойти либо наше лѣвое крыло, либо правое и занять угрожающее положеніе относительно нашего пути отступленія.

Если бы они рѣшились обойти наше лѣвое крыло и двинуться, въ превосходныхъ силахъ, примѣрно на Фушунъ и въ обходъ его, то имъ пришлось бы устроить крупную передовую базу, гдѣ либо въ горахъ, и откинуть хвостъ арміи Куроки и Кавамуры въ направленіи на Корею, то-есть исполнить чрезвычайно трудную военную операцію, на что, вѣроятно, у нихъ не было бы средствъ. При этомъ арміи ихъ разъединялись бы и главный ихъ путь подвозовъ, желѣзная дорога, оказалась бы въ крайней опасности, особенно въ томъ случаѣ, если бы у нашего главнокомандующаго блеснула мысль воспользоваться внутренними линіями и постараться разбить арміи противника по частямъ.

Было очевидно, что такое рискованное предпріятіе—обходъ нашего лѣваго крыла—ничуть не отвѣчало методическому способу веденія войны нашимъ противникомъ, и онъ не былъ склоненъ лишиться всѣхъ пріобрѣтенныхъ имъ съ такимъ трудомъ стратегическихъ выгодъ.

Японцамъ оставалось одно рѣшеніе—обойти наше правое крыло. Этотъ планъ совершенно соотвѣтствовалъ обстановкѣ сложившейся на театрѣ войны и общему стратегическому положенію, обязывавшему ихъ, во что бы то ни стало, удержать за собою желѣзно-дорожную линію и сохранить прочно устроенную ими базу.

Дабы не подвергать опасности армію, которая

была бы назначена въ обходъ, японскій главнокомандующій принялъ мѣры къ созданію передовой базы въ Синминтинѣ. Къ сожалѣнію, мы не сумѣли помѣшать подготовительнымъ работамъ нашего противника въ этомъ важномъ дѣлѣ, и обошедшая насъ 3-я японская армія имѣла возможность получить, въ самое тяжелое для нея время, свое довольствіе, пользуясь желѣзно-дорожною линіею Синминтинъ-Шанхай-Гуанъ-Тяньзинъ. База нашего противника расширялась, что значительно облегчало приведеніе въ исполненіе задуманнаго имъ плана обхода.

Куропаткинъ и его штабъ не оцѣнили въ должной мѣрѣ стратегическое положеніе, созданное появленіемъ на театрѣ войны арміи Ноги, и не приняли мѣръ къ раскрытію новыхъ силъ, появившихся въ раіонѣ праваго крыла японцевъ. Если-бы развѣдывательная служба штаба главнокомандующаго стояла на надлежащей высотѣ, то, конечно, отъ нея не ускользнуло бы появленіе на правомъ крылѣ японцевъ 5-й японской арміи, вновь сформированной.

Удивительно то, что Куропаткинъ, зная хорошо, что къ югу отъ Сандепу, къ 11 февраля, была сосредоточена армія противника силою въ 100.000 ч. при 340 орудіяхъ, что ясно указывало на намѣреніе японскаго главнокомандующаго произвести обходъ нашего праваго крыла, а отнюдь не лѣваго, неосторожно поддался вліянію демонстраціи японцевъ, которую они повели къ сторонѣ нашего лѣваго крыла, и двинулъ значительную часть своего стратегическаго резерва и часть войскъ 2-й арміи на юго-востокъ, оголивъ совершенно тылъ нашего центра и праваго крыла и ослабивъ составъ этого послѣдняго.

Хотя нашъ главнокомандующій и объявилъ по арміи, что Цинхеченская позиція не имѣла для насъ особо важнаго значенія, но взятіе японцами

этой позиціи 11 февраля и отступленіе нашего отряда произвело на него ошеломляющее впечатлѣніе, а сосредоточеніе значительныхъ силъ противника къ расположенію 3-го сибирскаго корпуса и за симъ начатое японцами наступленіе на Гаотулинскій перевалъ спутали всѣ его соображенія. Оказать содѣйствіе нашему лѣвому крылу, конечно, слѣдовало, но посылка въ этомъ направленіи 50 баталіоновъ, до выясненія обстановки, было рѣшеніемъ, которое ничѣмъ не можетъ быть оправдано.

Я не буду описывать эпопеи мукденскихъ боевъ—это совершенно вышло бы изъ рамокъ моихъ краткихъ замѣтокъ. На поляхъ Мукдена встрѣтились двѣ сильныя мужественныя арміи; во главѣ одной изъ нихъ стояло лицо, которое знало, что дѣлало, и имѣло, обдуманный со всѣхъ сторонъ, планъ наступленія; во главѣ другой было лицо, не имѣвшее никакого плана, не обладавшее волею, а слѣдовательно и рѣшимостью довести задуманную операцію до конца.

Въ приложенныхъ къ этимъ замѣткамъ моихъ запискахъ и документахъ читатель, не знакомый съ сутью мукденской эпопеи, можетъ составить себѣ общее понятіе о томъ хаотическомъ веденіи нами этихъ боевъ, которое непосредственно вытекало изъ растерянности Куропаткина и отсутствіи у него какого либо плана.

Будущій историкъ мукденской операціи найдетъ въ многочисленныхъ документахъ, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, точныя доказательства тому, что наша армія, при наличіи самой неблагопріятной обстановки, въ которую поставила ее неумѣлая рука нашего бывшаго вождя, дралась до истощенія силъ, а офицеры и нижніе чины обнаружили высшее мужество и стойкость.

XXIII.

11-го февраля, какъ было сказано выше, японцы взяли Цинхеченскую позицію и сосредоточили достаточныя силы арміи Куроки для наступленія на позицію 3-го сибирскаго корпуса.

Куропаткинъ, не ожидая выясненія дѣлъ, рѣшился двинуть къ лѣвому нашему крылу часть 2-й маньчжурской арміи и часть своего стратегическаго резерва.

11-го февраля была послана по Фушунской желѣзно-дорожной вѣткѣ бригада 6-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, взятая изъ состава 2-й арміи, и направлена въ подкрѣпленіе отступавшаго Цинхеченскаго отряда.

12-го февраля въ 1-ую маньчжурскую армію были двинуты 146-й пѣх. Царицынскій полкъ и 2-я бригада 72-й пѣх. дивизіи 6-го сиб. корпуса, взятые изъ стратегическаго резерва.

13-го февраля японцы атаковали лѣвый флангъ расположенія 3-го сибирскаго корпуса и въ подкрѣпленіе этого корпуса главнокомандующій двинулъ, форсированнымъ маршемъ, изъ своего стратегическаго резерва 1-ю бригаду 72-й пѣх. дивизіи а изъ состава 2-й маньчжурской арміи—1-й сибирскій корпусъ. Кромѣ того, туда же былъ направленъ съ позиціи 1-го арм. корпуса 85-й пѣх. Выборгскій полкъ.

Такимъ образомъ изъ стратегическаго резерва къ лѣвому крылу было двинуто 20 баталіоновъ, а изъ состава 2-й маньчжурской арміи—30 баталіоновъ.

Послѣ окончанія этихъ передвиженій пѣхота распредѣлилась слѣдующимъ образомъ:

1) Въ 1 маньчжурской арміи	178	бат.
2) Во 2 „ „	96	„
3) Въ 3 „ „	72	„
4) Въ стратегическомъ резервѣ . . .	24	„
Итого	370	бат.

Такое распредѣленіе войскъ совершенно не соотвѣтствовало стратегической обстановкѣ и можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что Куропаткинъ не понялъ этой обстановки и слишкомъ поспѣшно принялъ свое рѣшеніе.

Наступило 15 февраля. Въ 7 ч. утра термометръ показывалъ 15 градусовъ мороза по Реомюру. День былъ солнечный. Въ 2 часа дня морозъ спустился до 2 градусовъ. Нашъ центръ японцы начали обстрѣливать 11-дюймовыми снарядами.

Вдругъ главнокомандующій получилъ донесеніе о томъ, что армія Ноги обходитъ наше правое крыло; вмѣстѣ съ симъ обнаружилось, что противъ нашей 1 арміи японцы вели усиленную демонстрацію. Куропаткину пришлось съ грустью сознаться въ томъ, что онъ сдѣлалъ крупный промахъ, просмотрѣлъ обходъ цѣлой арміи и принялъ демонстрацію за настоящее массовое наступленіе. Онъ сдѣлалъ именно то, чего хотѣлъ японскій главнокомандующій: онъ подчинился волѣ послѣдняго и оставался, подъ гнетомъ этой воли, до самаго окончанія мукденской операціи.

1-й сибирскій корпусъ получилъ приказаніе двинуться обратно къ Мукдену, пройдя съ сѣверной его стороны, и расположиться на правомъ флангѣ стратегическаго резерва главнокомандующаго. Къ сожалѣнію, туда не были тогда же двинуты 72 пѣх. дивизія и 146 п. Царицынскій полкъ.

Въ арміи начался хаосъ. Арміи, корпуса, дивп-

зіи, бригады, полки были разстроены и все перемѣшалось. Началось формированіе случайныхъ отрядовъ, не имѣвшихъ ни спайки, ни надлежащаго начальства. Нѣкоторые командиры корпусовъ остались безъ войскъ и не знали, куда приткнуться. Мой 6-й Сиб. корпусъ былъ разбитъ по всѣмъ тремъ арміямъ и подъ моею непосредственною командою осталось всего 14 баталіоновъ пѣхоты. Командиръ 10-го корпуса командовалъ войсками, которыя никогда не были въ его корпусѣ.

Въ такомъ хаотическомъ состояніи армія дралась съ 15 февраля по 1 марта и лишь, послѣ понесеннаго ею страшнаго пораженія, когда ей приказано было отступать къ Тѣлинской укрѣпленной позиціи, послѣдовало общее распоряженіе Куропаткина о возвращеніи частей войскъ подъ команду непосредственныхъ начальниковъ и о роспускѣ, сформированныхъ во время боевъ разношерстныхъ отрядовъ.

Относительно моего 6-го сибирскаго корпуса я могу замѣтить слѣдующее, ярко характеризующее заведенные Куропаткинымъ порядки въ арміи.

7-го августа 1904 года, когда я имѣлъ счастіе представляться Государю Императору въ Петербургѣ, по случаю моего отъѣзда на войну, Его Императорское Величество изволилъ мнѣ замѣтить что въ Маньчжурской арміи замѣчено частое нарушеніе организаціи войскъ и что онъ повелѣлъ избѣгать этого безъ крайней нужды. 12 августа я уѣхалъ на войну, а 14 сентября, прибывъ въ Харбинъ, я представился бывшему Намѣстнику Дальняго Востока, пользовавшемуся тогда правами главнокомандующаго. Генералъ-адютантъ Алексѣевъ мнѣ сказалъ, что онъ, до сформированія 2-й маньчжурской арміи, назначилъ мой корпусъ временно въ

распоряженіе командующаго маньчжурской арміей, но при этомъ поставилъ условіемъ, чтобы корпусъ дѣйствовалъ совокупно и чтобы генералъ-адъютантъ Куропаткинъ отнюдь не отдавалъ какія либо части корпуса въ распоряженіе кого-либо, внѣ корпуса.

Въ тотъ же день я получилъ секретный отзывъ отъ начальника штаба намѣстника за № 5084 слѣдующаго содержанія:

„Въ виду ожидаемаго въ ближайшемъ будущемъ столкновенія Маньчжурскихъ арміи въ Мукденскомъ раіонѣ съ японскими арміями, намѣстникъ Его Императорскаго Величества призналъ необходимымъ оказать арміи содѣйствіе войсками ввѣреннаго вамъ корпуса, съ подчиненіемъ временно генералъ-адъютанту Куропаткину, но безъ включенія въ составъ Маньчжурской арміи, а также при условіи, что изъ корпуса не будутъ выдѣляться части на усиленіе другихъ корпусовъ и отрядовъ и что онъ будетъ дѣйствовать въ совокупности или опредѣленномъ раіонѣ. Во исполненіе вышеизложеннаго намѣстникъ предлагаетъ вашему высокопревосходительству принять непосредственное руководство дѣйствіями ввѣреннаго вамъ корпуса“.

Считаю необходимымъ замѣтить, что 6-й сибирскій корпусъ былъ включенъ въ составъ вновь формировавшейся 2-й маньчжурской арміи. Въ предложеніи намѣстника было сказано поэтому, что ожидается въ ближайшемъ будущемъ столкновеніе съ противникомъ маньчжурскихъ арміи и слова „принять непосредственное руководство“ корпусомъ отвѣчали мысли намѣстника, который, какъ онъ мнѣ это самъ сказалъ, предполагалъ дать мнѣ, до прибытія генералъ-адъютанта Гришенберга, самостоятельное назначеніе, съ правами командира отдѣльнаго

корпуса. Тогда образовались бы двѣ самостоятельныя группы войскъ на театрѣ войны.

Къ сожалѣнію, этого не случилось; но я полагаю, что если бы, въ половинѣ сентября 1904 года, была образована вторая самостоятельная группа подъ начальствомъ любого корпуснаго командира, хотя бы изъ двухъ корпусовъ и дивизіи конницы, и группѣ этой была бы дана правильная директива,—походъ боевъ на Шахэ былъ бы иной. Какъ мы видѣли выше, дѣйствія четырехъ группъ нашего праваго крыла, непосредственно руководимыхъ командующимъ арміей, въ сентябрьскихъ бояхъ были крайне разрозненными и войска вводились въ бой пакетами.

Съ самаго появленія 6-го сибирскаго корпуса на театрѣ войны, изъ него были взяты многіе изъ офицеровъ на пополненіе некомплекта другихъ корпусовъ, хотя въ пѣхотныхъ полкахъ моего корпуса, сформированнаго изъ резервныхъ частей, число офицеровъ было меньше, чѣмъ въ полкахъ полевой пѣхоты. Это распоряженіе Куропаткина значительно ослабляло части корпуса, только что высадившіяся изъ вагоновъ.

Съ прибытіемъ 6-го спб. корпуса въ раіонъ Мукдена изъ него была выдѣлена 1-я бригада 55 п. дивизія съ артиллеріею. Одинъ полкъ съ батареей оставленъ въ Тѣлинѣ, а другой съ батареей—въ Мукденѣ. Полки эти, безполезно оставаясь въ тылу арміи, могли бы, какъ я уже упоминалъ выше, съ успѣхомъ принять участіе въ бояхъ на Шахэ.

Засимъ 6-й спб. корпусъ стали дробить и, наконецъ, его на довольно продолжительное время, какъ это мы видѣли выше, обратили въ рабочую команду. Конечно, мы исполнили все, что намъ приказывалъ главнокомандующій, но въ душѣ мы чувствовали обиду. Мы хорошо сознавали весь вредъ

этого приказанія, а солдаты знали, что ту черную работу, которую они исполняли, у японцевъ исполняло китайское населеніе.

Вышло такъ, что за все время боевыхъ дѣйствій, съ конца сентября до начала марта, я имѣлъ подъ своею непосредственною командою, корпусъ въ полномъ его составѣ, въ теченіе всего сорока минутъ. Въ одинъ изъ октябрьскихъ дней 1904 г., когда войска моего корпуса занимали правый флангъ нашей позиціи на Шахэ, прибыли наконецъ полки 1 бригады, 55 п. дивизіи. Не успѣлъ я отойти отъ штаба на полъ-версты, какъ меня догналъ начальникъ штаба корпуса, доложивъ, что командующій маньчжурскою арміею экстренно потребовалъ одну изъ бригадъ моего корпуса для расположенія ея въ стратегическомъ резервѣ арміи въ с. Хоашихе.

Во время мукденскихъ боевъ въ моемъ личномъ распоряженіи было всего 14 баталіоновъ 55 п. дивизіи; 2 баталіона этой дивизіи были въ составѣ 2-й арміи, а 72-я п. дивизія была въ составѣ 1-й арміи. Засимъ эту дивизію разбили на три части; одинъ полкъ оставленъ въ 1-й арміи, 2 баталіона были включены въ составъ особаго отряда, который былъ притянутъ 25-го февраля къ раіону дѣйствій отдѣльныхъ разношерстныхъ и импровизированныхъ отрядовъ, а 10 баталіоновъ были направлены въ распоряженіе ген. Зарубаева, вызваннаго съ позиціи на Хунхе, а засимъ, не поступая въ распоряженіе этого генерала, съ дороги были направлены въ личное распоряженіе главнокомандующаго. Эти баталіоны получили приказаніе атаковать противника, но атака была тотчасъ же отмѣнена Куропаткинымъ.

При такихъ безпорядкахъ въ арміи трудно было ожидать успѣха. Хотя войска исполняли свой долгъ

свято и мужественно, но вѣдь всѣ видѣли, что ихъ треплютъ по необъятной растянутой позиціи часто безъ всякаго толка, и отдаютъ подъ начальство генераловъ, о которыхъ они ничего не слышали и которыхъ никогда не видѣли.

XXIV.

Хаосъ въ мукденскихъ бояхъ дошелъ до апогея и войска были страшно перепутаны.

Дѣло дошло до того, что къ концу мукденскихъ боевъ, какъ это усматривается изъ письма генерала барона Каульбарса къ генералу Куропаткину отъ 29 іюня 1905 г. за № 86, по особому распоряженію бывшаго главнокомандующаго былъ сформированъ Сѣверный отрядъ подъ командою генерала фонъ-деръ-Лауница силою въ 53 баталіона, $20^{3}/_{4}$ сотенъ и эскадроновъ и 132 орудій.

Эти части были выхвачены:

изъ 4 армій (считая тылъ 4-ю арміею)
„ 11 корпусовъ
„ 16 дивизій
„ 43 полковъ и 5-ти артиллерійскихъ бригадъ.

Этотъ отрядъ Лауница состоялъ изъ четырехъ слѣдующихъ разношерстныхъ отрядовъ.

	Батал.	Сотенъ.	Орудій.
1) отрядъ генер.-маіора Соллогуба	14	—	16
2) „ ген. лейтенанта Биргера	$23^{1}/_{4}$	—	38
3) „ генер.-маіора Домбровскаго . . .	$15^{3}/_{4}$	—	72
4) конный отрядъ	—	$20^{3}/_{4}$	6
Итого	53	$20^{3}/_{4}$	132

Въ отрядѣ Соллогуба между прочимъ состояли 4 маршевые баталіона, по двѣ роты отъ полковъ: Барнаульскаго, Томскаго и Омскаго и по одной ротѣ отъ полковъ Иркутскаго и Тобольскаго.

Въ составѣ отряда Биргера можно было встрѣтить $^1/_8$ роты 16 сапер. баталіона и $^1/_{16}$ роты 1-го Восточно-Сибирскаго сап. баталіона.

Въ отрядъ Домбровскаго между прочимъ входили:

рота Замостскаго полка
„ Прагскаго „
Охранная рота
рота 1-го Вост. воздухоплав. баталіона
„ Понтоннаго баталіона.

Въ арміи производили чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе постоянное дерганіе войскъ, перепутываніе частей, частыя формированія, въ критическія минуты боя, случайныхъ отрядовъ и назначеніе незнакомыхъ почти никому начальниковъ. Сформированіе вышеупомянутаго разношерстнаго отряда Лауница послѣдовало въ самую тяжелую минуту Мукденскихъ боевъ, т. е. въ то время, когда отъ начальниковъ и войскъ требовалось полное вниманіе и полное напряженіе силъ. Лауницъ не зналъ временно подчиненныхъ ему начальниковъ частей, не зналъ войскъ отряда, а эти начальники и войска не знали его; такъ что созданіе такого крупнаго отряда во 2-й арміи, въ которой нѣкоторые корпусные командиры оставались безъ войскъ, а командиръ 10-го корпуса имѣлъ подъ своею командою части войскъ, принадлежащія другимъ корпусамъ, было мѣрою, еще небывалою ни въ одной кампаніи. Мѣра эта во всякомъ случаѣ ничѣмъ не можетъ быть оправдана.

Какъ извѣстно, прорывъ японскихъ войскъ у

Кіузаня 24-го февраля окончательно склонилъ успѣхъ на сторону нашего противника и повелъ къ полному разстройству 3-ю армію и два корпуса 1-й арміи, отразившись пагубно и на 2-й арміи. Прорывъ этотъ произошелъ въ расположеніи 4-го сибирскаго корпуса, состоявшаго въ 1-й арміи.

Спустя значительное время послѣ мукденскихъ боевъ, именно 23 марта, когда армія уже стояла на Сипингайскихъ позиціяхъ, я получилъ вдругъ такой удивительный запросъ за № 1329 отъ штаба 2-й арміи:

„18-го февраля на правый флангъ арміи, на правый берегъ р. Хуньхэ, были командированы отдѣльныя роты 4-го сиб. корпуса въ составѣ сводныхъ баталіоновъ и сводныхъ полковъ. Изъ числа отправленныхъ по этому назначенію ротъ до сего времени не возвратились 4-я и 10-я роты 10-го пѣхотн. Сибирскаго, Томскаго полка и 15-я и 1-я роты 10-го пѣх. Сиб. Омскаго полка; по частнымъ свѣдѣніямъ, эти роты, составляя сводный баталіонъ, участвовали въ бояхъ къ западу отъ Мукдена подъ начальствомъ разныхъ лицъ, одно время были въ отрядѣ ген. Лауница. Прошу не отказать въ распоряженіи, если эти роты или отдѣльные люди ихъ находятся въ 6-мъ сиб. корпусѣ, направить ихъ въ 4-й сиб. корпусъ, расположенный восточнѣе желѣзной дороги у д. Сяохуанзуй“.

Ротъ и людей этихъ полковъ не оказалось въ моемъ 6-мъ корпусѣ, въ которомъ въ теченіе всей войны господствовалъ строгій внутренній порядокъ, и я бы, конечно, давно возвратилъ ихъ, если бы они оказались; быть можетъ они нигдѣ не оказались; а вѣдь изъ нихъ были сформированы сводные баталіоны.

Обстоятельство это еще разъ убѣждаетъ насъ

въ томъ, что въ арміи, во время мукденскихъ боевъ, существовалъ безпредѣльный безпорядокъ, происшедшій оттого, что ею управляли неумѣлыя руки Куропаткина.

Какъ мы знаемъ, въ половинѣ февраля армія Ноги, исполнивъ совершенно спокойно, точно на маневрахъ мирнаго времени, свой обходный маршъ, вышла неожиданно къ западу отъ Мукдена, развернулась и заняла угрожающее положеніе, относительно нашихъ путей отступленія.

Что же дѣлаетъ Куропаткинъ? Какія онъ принимаетъ мѣры, какъ стратегъ, какъ вождь крупной арміи?

Въ числѣ этихъ мѣръ приходится на основаніи приведеннаго выше документа отмѣтить мелочную мѣру, не имѣющую примѣра въ исторіи большихъ войнъ. Составляютъ въ разгаръ боя какіе то сводные баталіоны, сводные полки, для чего выдергиваютъ съ позиціи 4-го сиб. корпуса отдѣльныя роты, разстраиваютъ славные полки, и сборныя части, не имѣющія спайки, незнакомыя тому начальству, въ распоряженіе котораго посылались, направляютъ изъ 1-й арміи на подкрѣпленіе 2-й арміи.

Русская армія обращается въ мелочную лавочку, изъ которой выдергиваютъ роты, полуроты, взводы, $^1/_8$ и $^1/_{16}$ части ротъ.

Я не берусь, конечно, излагать въ моихъ краткихъ замѣткахъ все то, что дѣлалъ въ арміи Куропаткинъ и что губило и погубило порядокъ въ войскахъ, но прошу читателя вѣрить, что я не преувеличиваю значеніе хаоса въ этой несчастной арміи, дравшейся великолѣпно, и прошу вѣрить, что мои слова строго основаны на точныхъ документахъ. Будущій историкъ, безъ сомнѣнія, рас-

кроетъ передъ Россіей весь ужасъ положенія нашей арміи во время кровопролитныхъ мукденскихъ боевъ, происшедшій исключительно оттого, что Куропаткинъ не владѣлъ въ то время душевнымъ равновѣсіемъ, не довѣрялъ своимъ подчиненнымъ, лишилъ ихъ иниціативы и слишкомъ много надѣялся на свои собственныя силы.

Постепенно разстраивая 4-й сиб. корпусъ, Куропаткинъ привелъ его къ тому, что остатки этого славнаго корпуса, какъ мы это увидимъ далѣе, не приняв боя, допустили японцевъ привести въ исполненіе ихъ смѣлый прорывъ у Кіузаня.

Прорывъ этотъ чуть было не привелъ къ Седану и только благодаря мужеству и стойкости войскъ 1-го армейскаго и 6-го сиб. корпусовъ, выдержавшихъ горячій бой у Хоулина и выставившихъ боковые авангарды къ сѣверо-востоку, былъ задержанъ надолго стремительный маршъ японцевъ къ Пухэ, на главный путь отступленія 3 арміи. Конечно, Седана не было бы, но намъ пришлось бы пробиваться на сѣверъ при самой грозной обстановкѣ.

Однако, двѣ бригады, Соллогуба и Ганенфельдта, были окружены японцами и частью погибли, частью попали въ плѣнъ. Соллогубъ и Ганенфельдтъ были въ составѣ случайныхъ отрядовъ; 1-й—въ составѣ сѣвернаго отряда ген. Лауница, 2-й—подъ командою ген. Цершицкаго, командовавшаго сборнымъ корпусомъ. Генералы эти не знали своихъ начальниковъ, послѣдніе не знали генераловъ.

XXV.

Когда обнаружилось, что японцы, начавъ наступленіе на наше лѣвое крыло, не имѣли намѣре-

нія вести въ этомъ направленіи свою главную операцію, а лишь чрезвычайно искусно производили усиленную демонстрацію, и когда были получены точныя свѣдѣнія о томъ, что въ обходъ нашего праваго крыла направлены противникомъ большія силы и что въ Синминтинѣ появились ихъ войска, что указывало на то, что обходъ предпринятъ ими, повидимому, дальній, Куропаткинъ долженъ былъ принять соотвѣтственныя мѣры и дать арміямъ новыя вполнѣ опредѣленныя директивы и вполнѣ сообразныя съ новой грозной обстановкой.

Онъ не далъ новыхъ общихъ директивъ арміи и не принялъ рѣшительныхъ мѣръ къ отраженію обхода.

Никто, не исключая и командующихъ арміями, не зналъ, какая мысль руководила Куропаткинымъ въ эту тяжелую минуту. Повидимому, онъ и самъ этого не зналъ. Всѣ ожидали обычныхъ приказаній: „упорно оборонять позицію“ и засимъ „отступать“.

15 февраля, по приказанію главнокомандующаго, передовые продовольственные запасы корпусовъ, уменьшенные за нѣсколько дней ранѣе съ восьми въ пятидневные, были уменьшены до трехдневной пропорціи. Это указывало на то, что подготовляется отступленіе, и мѣра эта произвела большое впечатлѣніе на офицеровъ. Лучше было бы отъ нея воздержаться.

Первоначальныя распоряженія Куропаткина, какъ только онъ узналъ объ обходѣ, должны были заключаться въ принятіи рѣшительныхъ мѣръ къ отпору арміи Ноги. Для этого слѣдовало бы быстро сосредоточить превосходныя силы къ западу и сѣверо-западу отъ Мукдена. Это было ясно для всякаго, знакомаго съ основными началами воен-

наго искусства и не потерявшаго чувства самообладанія.

Что же предпринялъ Куропаткинъ?

Стратегическій его резервъ былъ почти израсходованъ; въ немъ оставалось всего 24 баталіона 16 корпуса. И вотъ онъ раздѣлилъ этотъ слабый отрядъ на двѣ части: бригаду 41 п. дивизіи направилъ къ с. Каулитунь, расположенному на р. Ляохэ, а 25 дивизію на с. Салиппу. Разрозненныя дѣйствія этихъ слабыхъ отрядовъ не могли, конечно, остановить движеніе сплошныхъ колоннъ противника, и оба отряда могли быть разбиты по частямъ, что на самомъ дѣлѣ и произошло.

Бригада 41 п. дивизіи, обремененная массою артиллеріи, артиллерійскимъ паркомъ и повозками, наткнулась на превосходныя силы противника и была безъ труда отброшена. Она отступила въ безпорядкѣ по двумъ разнымъ направленіямъ. 25 п. дивизія, встрѣтивъ у Салиппу превосходныя силы противника, потерпѣла 18 іюля пораженіе и, ничѣмъ не поддержанная, отступила на западный фронтъ мукденской укрѣпленной позиціи, возведенной еще весною 1904 г.

Какъ пригодилась бы бригада 41 п. див. подъ Салиппу. Какъ пригодилась бы тамъ же другая бригада той же дивизіи, безполезно посланная въ глубокій тылъ.

Куропаткинъ двинулъ въ поддержку 25 п. дивизіи отрядъ войскъ, спѣшно снятый съ позиціи 3 арміи, но вмѣсто того, чтобы двинуть его на Салиппу по кратчайшему направленію, онъ направилъ его кружнымъ путемъ, черезъ Мукденъ. Отрядъ опоздалъ къ бою 18 февраля. Какъ будто была забыта геометрическая теорема о томъ, что гипотенуза короче двухъ катетовъ.

Напъ вождь долженъ былъ убѣдиться еще разъ

въ томъ, что разрозненныя дѣйствія слабыхъ отрядовъ и посылка войскъ въ бой пакетами никогда не могутъ привести къ побѣдѣ, особенно въ томъ случаѣ, если эти войска посылаются, безъ всякой нужды, кружнымъ путемъ.

Такое начало рѣшительной операціи по западную сторону Мукдена не могло сулить ничего хорошаго, что и чувствовалось всѣми нами.

Настроеніе въ арміи, однако, было приподнято, ибо каждый очень хорошо понималъ, что начались кровопролитные бои, отъ исхода которыхъ зависѣла участь войны. И вотъ всѣ, отъ генерала до солдата, дѣлали все, чтобы выйти изъ боевъ побѣдителями, и хотя вѣра въ Куропаткина была уже утрачена, но никто не ожидалъ того, что случилось. Вмѣшательство нашего бывшаго главнокомандующаго, часто мелочное и всегда почти неудачное, въ дѣло 2 арміи, отягощало положеніе наше на западномъ фронтѣ Мукденской позиціи.

Назначивъ Лауница временно-командующимъ 2 арміей и приказавъ Каульбарсу, во главѣ особой группы войскъ, составленной изъ стратегическаго резерва, частей 3 арміи и выдернутыхъ частей изъ 2-й арміи, вести операціи противъ обошедшей насъ арміи Ноги, Куропаткинъ разстроилъ и безъ того ослабленную 2-ю армію, разстроилъ 3-ю армію и водворилъ хаосъ по сѣверную сторону р. Хуньхэ. При Лауницѣ остался штабъ 2 арміи, а Каульбарсъ, лишенный необходимаго исполнительнаго органа, оказался среди разношерстнаго отряда почти одинокимъ.

Нужно замѣтить, что Каульбарсъ до того времени не участвовалъ ни въ одной крупной операціи въ Маньчжуріи и еще вѣрилъ въ Куропаткина, но вскорѣ послѣдній убѣдилъ его въ томъ, что онъ глубоко ошибается.

Армія Оку дѣйствовала наступательно противъ 2-й арміи и праваго фланга и центра 3-й арміи и заставила ихъ отступить въ сѣверо-восточномъ направленіи.

Армія Нодзу повела свое наступленіе на центръ нашего общаго расположенія, на позиціи 1-го армейскаго и 6-го сибирскаго корпусовъ. Всѣ атаки, направленныя на эти два корпуса, были блистательно отбиты, причемъ японцы усиленно обстрѣливали позиціи массою артиллеріи, полевою и осадною до 11 дюймовой включительно. На 6 сиб. корпусъ было произведено 12 атакъ; атаки велись днемъ и ночью и всѣ были отбиты съ большимъ урономъ для противника.

18 февраля, въ день боя подъ Салинпу, подожжены были запасы 2-й арміи, расположенные близъ Хуньхе. Зловѣщее зарево освѣщало окрестности на далекое разстояніе, давая знать противнику, что мы рѣшились отступить.

Съ позиціи моего 6-го сиб. корпуса цѣлый день была слышна происходившая далеко позади насъ артиллерійская канонада и всѣ до единаго солдата поняли, что мы были обойдены.

Въ этотъ день 6-го сиб. корпусъ отбивалъ 6-ю и 7-ю атаки противника; вправо отъ насъ вели горячій бой 17 и 5 сиб. корпуса, а еще далѣе кипѣлъ бой во 2-й арміи. Влѣво отъ меня съ ранняго утра японцы атаковали 1-й армейскій корпусъ.

18 февраля рѣшилась участь боевъ подъ Мукденомъ, а 19 февраля Куропаткинъ, вѣроятно, уже призналъ себя побѣжденнымъ. Въ этотъ день онъ приказалъ 3-й арміи отступить и занять новую позицію. 5-й сиб. корпусъ еще 18-го началъ отступать. 17-й держался твердо, но, получивъ диспозицію отойти и занять новую позицію, отошелъ.

Взвѣсивъ положеніе дѣлъ и переговоривъ съ моимъ сосѣдомъ влѣво, генералъ-адъютантомъ барономъ Мейендорфомъ, я рѣшился не исполнить приказанія объ отступленіи, какъ потому, что своимъ отступленіемъ поставилъ бы 1-й арм. корпусъ въ крайне тяжелое положеніе, а этотъ корпусъ блистательно оборонялъ ввѣренныя ему важныя позиціи, въ которыя входили Путиловская и Новгородская сопки, такъ и потому, что твердо надѣялся, не взирая на отступленіе моего сосѣда справа, 17 корпуса, отстоять свои позиціи до конца.

Мнѣ особенно памятна ночь съ 19 февраля на 20 число.

Въ 8 ч. 20 м. вечера изъ штаба 3 арміи по телефону начали передавать диспозицію по арміи за № 4.

Диспозиція эта начиналась такъ: „5 сиб. корпусъ занимаетъ позицію на линіи Вассючжуанцзы-Куанлинпу-Безымянная-Даліантунь.

„17-й армейскій корпусъ и 6 сибирскій занимаютъ прежнія свои позиціи.

„У Эльтхайцзы на лѣвомъ берегу Хуньхе и у Мадяпу на правомъ—части II арміи.

„ Путиловскую и Новгородскую сопки и Эрдагаускія высоты занимаетъ I армія.

„Согласно указаній главнокомандующаго 5 корпусъ можетъ быть атакованъ 2-мя непріятельскими дивизіями со стороны Сухудяпу.

„Временно командующій арміей, согласно повелѣнію главнокомандующаго, приказалъ:

„Арміи 19 февраля съ наступленіемъ темноты занять новую позицію слѣдующимъ образомъ.

. . . . . .

„3) 6 спб. армейск. корпусъ генералъ-отъ-инфантеріи Соболевъ.
Всего 14 баталіоновъ.
48 орудій.
12 мортиръ.
2 пулемета.
3 инж. роты.

3) Занять позицію отъ Гуантуня до сѣверной Шапланцзы (включительно).

Наступавшая темнота меня обязывала отступить, но я не спѣшилъ передавать приказаніе на позицію, зная по опыту, что можетъ послѣдовать новое, другое приказаніе, да у меня еще вся ночь до разсвѣта была впереди и я хотѣлъ повидать начальника 55 п. д. ген. Лаймпнга.

Чины штаба корпуса жили дружно, какъ бы одной семьей, и доступъ ко мнѣ почти для всякаго былъ свободенъ. Никто не стѣснялся высказывать свое мнѣніе, что было очень полезно для дѣла. Работою моихъ сотрудниковъ по штабу я былъ очень доволенъ и хорошо зналъ, кому что поручить. Отношенія штаба къ войскамъ были просты и войска относились къ штабу, какъ мнѣ казалось, съ полнымъ довѣріемъ. Штабъ зналъ все, что дѣлалось въ войскахъ корпуса и на позиціяхъ, и войска знали все, что дѣлалось въ штабѣ. Начальникъ штаба, генералъ Постовскій, всегда внимательно выслушивалъ командировъ полковъ, и я думаю, что многія тренія сглаживались благодаря его спокойному и очень уживчивому характеру. Составъ офицеровъ генеральнаго штаба въ корпусномъ управленіи былъ прекрасный и я всегда любовался молодежью, готовою работать день и ночь и послѣ того съ удовольствіемъ шедшею на самыя опасныя предпріятія. Въ этомъ отношеніи я имѣлъ случай всѣхъ ихъ испытать еще

въ осенних боях на Шахе 1904 г., что и отмѣтилъ выше. Капитанъ ген. штаба Мыслицкій получилъ испытаніе зимою и прекрасно выдержалъ экзаменъ. Какъ-то онъ мнѣ доложилъ, что штабъ-офицеры не всегда, повидимому, вслѣдствіе утомленія, повѣряютъ ночью службу сторожевого охраненія. Я рѣшился въ ту же ночь повѣрить сторожевое охраненіе одного изъ полковъ 72 п. дивизіи, въ то время занимавшей участокъ позиціи Шанландза-Сахепу-Юж. Безымянная, и взялъ съ собой капитана Мыслицкаго. Позиція была недалеко отъ штаба корпуса и мы вскорѣ туда прибыли. Въ д. Шанладдза меня встрѣтили бригадный командиръ и командиръ 286 Кирсановскаго полка. Я просилъ ихъ не сопровождать меня и прямо направился въ фортъ № 10, въ которомъ жилъ командиръ 4-го баталіона, подполковникъ Францевичъ. Я просилъ и его меня не сопровождать, но онъ мнѣ возразилъ, что въ цѣпи расположена рота его баталіона.

Посидѣли мы въ скромномъ помѣщеніи Францевича, побесѣдовали сначала о дѣлѣ, а засимъ о посторонних дѣлахъ. Въ тѣсной землянкѣ было сыро, сколько могу припомнить, и холодно, но мнѣ показалось, что тамъ было уютно. Слабая насыпь надъ землянкой не обезпечивала ее отъ разрыва шимозъ въ самой землянкѣ. Гостепріимный хозяинъ угостилъ насъ чаемъ, вспомнилъ о своей родинѣ, о своей семьѣ и показалъ намъ фотографическую карточку.

Мы вышли изъ форта и направились къ цѣпи сторожевого охраненія. Погода была тихая и въ воздухѣ стоялъ морозъ. Мы подошли къ одной изъ траншей и вышли въ поле. Близъ небольшого возвышенія, на которомъ росли кусты, я увидѣлъ полувзводъ пѣхоты. Люди отдыхали и многіе спали. Дежурный бодрствовалъ. Офицеръ спалъ и его разбу-

дили. На мой вопросъ, почему онъ такъ крѣпко спитъ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ очень истомился и что ему не пришлось спать двѣ ночи подрядъ. Мы направились къ цѣпи. Передъ нами открылось ровное мѣсто, простиравшееся вдаль. Вслѣдствіе темноты, очертанія предметовъ были неясны.

Мы взяли вправо. Надъ нами было необъятное пространство, наполненно небесными свѣтилами. Насъ окружала мертвая загадочная тишина. Лишь вправо отъ насъ, довольно далеко, шла рѣдкая оружейная перестрѣлка, но мы такъ привыкли къ послѣдней, что иногда не слышишь ружейной трескотни. Если, бывало, сосредоточишься на чемъ-нибудь, особенно, когда тебя посѣщаетъ глубокая дума, то не слышишь орудійной стрѣльбы, а отъ нея трещатъ оконныя рамы въ фанзѣ.

Мы обошли цѣпь сторожевого охраненія роты. Всѣ часовые стояли на своихъ мѣстахъ и исправно отбывали службу. Подполковникъ безпрестанно напоминалъ намъ, чтобы мы двигались безшумно, такъ какъ сторожевое охраненіе противника находится недалеко отъ насъ и его секреты могли быть выдвинуты къ самой нашей цѣпи. Намъ даже казалось, что мы видимъ японцевъ, которые вели себя тоже очень тихо. Точно противники, подъ покровомъ морозной ночи, вступили въ нѣмое соглашеніе не тревожить другъ друга безъ особой нужды. Нами невольно овладѣло какое-то особое ощущеніе таинственности. Мы принимали кусты за противниковъ, тихій шелестъ листьевъ низенькихъ кустовъ возбуждалъ наше вниманіе, и мы склонны были принять ихъ за японцевъ, скромно пріютившихся близъ самой нашей цѣпи и старающихся высмотрѣть, не подготовляемъ ли мы что либо для нихъ неожиданное.

Со мною былъ мой денщикъ, Викентій Мончун-

скій, литовецъ, очень исправный, смѣлый, распорядительный и умный. Онъ только что перенесъ тогда смертельную болѣзнь. Съ ружьемъ и сумкою за спиною онъ безшумно слѣдовалъ за нами. Въ сумкѣ у него, какъ это потомъ оказалось, былъ хлѣбъ, чай, сахаръ, холодныя котлеты и бутылка мадеры. Онъ всегда носилъ съ собою извѣстный запасъ продовольствія. Японцы въ насъ не стрѣляли, но когда мы окапчивали повѣрку цѣпи, пролетѣло черезъ наши головы нѣсколько шальныхъ пуль. Вправо отъ цѣпи ружейная перестрѣлка какъ будто оживлялась.

Въ штабъ я возвратился спокойный, убѣдившись, что кирсановцы очень исправно отбываютъ охранительную передовую службу, столь важную для обезпеченія позиціи отъ нечаяннаго захвата и столь необходимую для предоставленія войскамъ, занимающимъ ихъ, спокойнаго отдыха.

Посѣщеніе мною цѣпи сторожевого охраненія я описалъ въ одномъ изъ моихъ писемъ къ Великому князю Сергѣю Александровичу, не сохранивъ, къ сожалѣнію, копіи съ письма. Настоящія строки объ этомъ я написалъ по памяти. Мои письма, вѣроятно, хранятся въ архивѣ покойнаго Великаго Князя.

Состоявшій моимъ адъютантомъ подъесаулъ Гирсъ принадлежалъ къ числу выдающихся молодыхъ офицеровъ. Къ сожалѣнію, онъ погибъ въ 1906 году, застрѣлившись. Онъ былъ храбрый, разсудительный и самолюбивый. Два моихъ ординарца, прапорщикъ запаса артиллеріи Ермоловъ и фейерверкеръ артиллеріи Новосильцовъ, неоднократно ходили на передовую позицію во время ея бомбардировки и даже участвовали въ ночной съемкѣ площади, пролегавшей между цѣпями сторожевыхъ охраненій обѣихъ враждующихъ сторонъ. Съемку эту произ-

водилъ капитанъ Устимовичъ, умный, дѣльный и храбрый офицеръ. Бусоль и планшетъ освѣщались моментальными вспышками электрическаго фонаря. Съемщиковъ замѣтили японцы, но огня они не открывали; зато въ ихъ цѣпи раздавались непрерывно сигнальные звуки легкихъ полевыхъ телефоновъ, въ изобилiи находившихся въ цѣпи. Звукъ такого телефона напоминалъ звукъ небольшой птички. У насъ такихъ телефоновъ тогда не было.

Когда была окончена передача по телефону диспозиции по 3 арміи на 20 февраля, почти всѣ чины штаба оказались въ сборѣ. Настроеніе было возбужденное и всѣ горячо стали обсуждать новое положеніе дѣлъ. Слышались разныя мнѣнія. Я молчалъ. Впослѣдствіи одинъ изъ моихъ сотрудниковъ мнѣ сказалъ, что я имѣлъ такой видъ, будто все это дѣло ничуть меня не касалось.

Сѣли за составленіе диспозиции по корпусу. Я не мѣшалъ и не торопилъ.

Въ 10-мъ часу ночи меня вызвалъ къ телефону командиръ 1-го армейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ баронъ Мейендорфъ и сказалъ, что умоляетъ меня ради чести Россіи не покидать позиціи. Я отвѣтилъ, что согласно точнаго повелѣнія главнокомандующаго и диспозиціи командующаго 3-й арміею я долженъ отступить и занять новую позицію, но такъ какъ таковой позиціи, по моему мнѣнію, на самомъ дѣлѣ не было, то я рѣшился не отступать, надѣясь твердо держаться на позиціи, нынѣ занятой моими войсками. Я просилъ его поддержать это мое рѣшеніе, и онъ мнѣ отвѣтилъ, что снесется немедленно съ главнокомандующимъ и командующимъ 3-ю арміею.

Изъ Сяучинертуна прибылъ вызванный мною въ Тхоусянтунь начальникъ 55 пѣх. дивизіи, генералъ

Лайминг. Я передалъ ему содержаніе диспозиціи. Это его сильно взволновало и онъ мнѣ сказалъ, что на новой позиціи не за что уцѣпиться. Его мнѣніе было для меня весьма цѣнно, такъ какъ оно вполнѣ совпадало съ моимъ. Я приказалъ не отступать и ожидать моего распоряженія.

Переговоры по телефону, которые началъ баронъ Мейендорфъ, обнаружили мое намѣреніе не исполнять приказанія объ отступленіи. Генералъ-квартирмейстеръ 3 арміи по телефону передалъ мнѣ, что слѣдуетъ въ точности исполнить то, что значится въ диспозиціи. Я возразилъ. Онъ просилъ продиктовать ему мои мотивы о выгодѣ оставаться на моихъ позиціяхъ. Я ему отвѣтилъ, и мои слова, конечно, были имъ записаны. Приблизительно, мною заявлено слѣдующее: очищеніе моихъ настоящихъ позицій оголитъ правый флангъ позиціи 1-го армейскаго корпуса, моего сосѣда слѣва, и особенно Путиловскую сопку; что новая, мнѣ указанная, позиція вовсе не обладаетъ хорошими оборонительными свойствами, что на ней нѣтъ соотвѣтственныхъ опорныхъ пунктовъ и что японцы могутъ расположить подъ прикрытіемъ бугровъ свою артиллерію на близкомъ разстояніи и будутъ насъ громить почти безнаказанно. На это Алексѣевъ сказалъ мнѣ, что генералъ Бильдерлингъ приказалъ исполнить такъ, какъ это значится въ диспозиціи. Я отвѣтилъ Алексѣеву, что если будетъ приказано 35 пѣх. дивизіи не очищать позиціи, то я буду хорошо держаться на своихъ. Алексѣевъ, переговоривъ съ Бильдерлингомъ, мнѣ сказалъ, что позиціи 35 пѣх. дивизіи будетъ очищены согласно диспозиціи. Тогда я просилъ о томъ, чтобы на позиціи этой дивизіи хотя бы оставили охотничьи команды. Мнѣ было отвѣчено, что не будетъ оставленъ ни одинъ солдатъ.

Такъ какъ я настаивалъ на томъ, что войска мои не отступятъ, то мнѣ передали, что возлагаютъ на мою личную отвѣтственность рѣшеніе вопроса— очистить ли позицію или не очистить. Я не колебался.

Вдругъ мнѣ передалъ по телефону Мейендорфъ, что главнокомандующій и командующій 3 арміей разрѣшили мнѣ не очищать позиціи.

Я тотчасъ же соединился телефономъ съ штабомъ 3 арміи и передалъ дежурному содержаніе сообщенія Мейендорфа. Къ телефону подошелъ начальникъ штаба арміи, генералъ Мартсонъ. Я ему передалъ содержаніе телефонограммы Мейендорфа и добавилъ что-то отъ себя, что именно—не помню. Въ интонаціи голоса, когда мнѣ отвѣчалъ начальникъ штаба, мнѣ послышалось, что онъ какъ будто чѣмъ-то обидѣлся. Я не помню въ точности, въ какихъ выраженіяхъ я ему передалъ по телефону мое мнѣніе, но онъ мнѣ сказалъ, что я, командиръ 6 сиб. корпуса, получаю приказаніе исключительно отъ временно командующаго 3 арміей и не долженъ сноситься непосредственно съ главнокомандующимъ.

Очевидно, произошло какое-то крупное недоразумѣніе.

Подошелъ къ телефону Алексѣевъ и сказалъ мнѣ, что Куропаткинъ, хотя и полагаетъ, что войска 6 сиб. корпуса могли бы оставаться на своихъ позиціяхъ, но онъ предоставляетъ рѣшеніе этого вопроса командующему арміею.

Я старался выиграть время. Въ полночь баронъ Мейендорфъ прислалъ мнѣ копію съ телефонограммы, отправленной имъ въ 11 ч. 7 м. ночи изъ Дядзепу главнокомандующему, въ которой онъ писалъ, что если войска 6 сиб. корпуса очистятъ занимаемую ими позицію, то войска 1 армейскаго корпуса бу-

дутъ вынуждены очистить свои передовыя позиціи, и тогда положеніе артиллеріи на главной позиціи будетъ совершенно необезпечено и за артиллерію нельзя будетъ отвѣчать.

Вдругъ со мною соединился телефономъ генералъ Алексѣевъ и продиктовалъ слѣдующее рѣшеніе главнокомандующаго:

„1. Главнокомандующій приказалъ 5 и 17 корпусамъ 3 арміи оставить на своихъ теперешнихъ позиціяхъ сильные арріергарды, которые должны отступать съ упорнымъ боемъ, тянуть за собою противника, ибо если послѣдній перейдетъ на правый берегъ Хуньхе, то завтрашняя операція успѣха не предвѣщаетъ.

„2. 6-му сиб. корпусу сохранить нынѣ занимаемыя позиціи.

„3. Изъ состава резерва 3 арміи (въ числѣ 7 баталіоновъ) немедленно отправить на этапъ Мукдена 4 баталіона, въ стратегическій резервъ главнокомандующаго.

„4. Передать все это генералу барону Мейендорфу“.

Я вздохнулъ свободно, но пожалѣлъ, что это приказаніе Куропаткина получено въ штабѣ арміи поздно, такъ какъ я слышалъ, что 17 корпусъ уже очищаетъ, если только не очистилъ, свои позиціи.

При послѣднемъ словѣ телефонограммы въ фанзу вошелъ баронъ Мейендорфъ. Онъ пріѣхалъ въ глубокую ночь. Онъ понималъ, что положеніе его зависѣло отъ моего рѣшенія. Я его успокоилъ и сказалъ ему, что и я теперь спокоенъ и надѣюсь справиться со своимъ дѣломъ, что войска моего корпуса, хотя и слабаго состава, съ величайшимъ мужествомъ выдержали неоднократныя атаки и что впредь, если не случится чего-либо особеннаго, дадутъ должный

отпоръ непріятелю. Я не скрылъ отъ него моего опасенія, что мой правый флангъ и частью тылъ, если 35 пѣх. дивизіи очистятъ свои позиціи, будутъ совершенно оголены. Я ему далъ обѣщаніе сдѣлать все для того, чтобы въ цѣлости, до общаго отступленія, сохранить свои позиціи. Онъ горячо меня благодарилъ и уѣхалъ. Было уже 2 часа ночи и всѣ мы страшно утомились, ибо въ теченіе нѣсколькихъ ночей смыкали глаза лишь на самое короткое время.

Утромъ 20 февраля 17 корпусъ уже былъ на новой позиціи. Штабъ командующаго 3 арміею перешелъ на сѣверъ и, когда я получилъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ 17 корпусѣ, штабъ арміи не успѣлъ еще соединиться со мною телефономъ.

Въ 9 ч. 15 м. утра мною получена слѣдующая полевая записка отъ начальника штаба 3 арміи, отправленная въ 7 ч. 30 м. утра: „Все, что можно, временно командующій арміей приказалъ направить къ Угольному разъѣзду. Необходимо поддержать нашихъ на правомъ берегу Хуньхо“.

Въ 10 ч. 15 м. утра начальникъ штаба моего корпуса вручилъ мнѣ слѣдующую полевую записку отъ Начальника штаба 3 маньчжурской арміи:

„Противникъ въ значительныхъ силахъ наступаетъ на Мукденъ съ сѣвера. Главнокомандующій приказалъ оказать содѣйствіе отраженію противника всѣми силами. Временно командующій арміею приказалъ немедленно выслать два баталіона изъ состава 6-го сиб. корпуса на Байтапу къ этапу. Приготовляйте посылку еще двухъ баталіоновъ“.

Я приказалъ двинуть къ Байтапу 4-й баталіонъ Самарскаго полка, который безъ всякой съ моей стороны просьбы пришелъ ко мнѣ въ подкрѣпленіе, и 1 баталіонъ Юхновскаго полка. Взамѣнъ баталіона Юхновскаго полка мнѣ присланъ, тоже безъ моей

просьбы, баталіонъ Новочеркасскаго полка. Войска постепенно путались.

Изъ прилагаемыхъ двухъ схемъ, относящихся къ положенію войска 6-го корпуса 15 и 20 февраля, читатель усмотритъ то тяжелое положеніе корпуса, въ которомъ онъ очутился вслѣдствіе очищенія 17-мъ корпусомъ своихъ позицій.

Мой правый флангъ былъ обойденъ японцами, которые появились недалеко отъ моего тыла. Часть противника расположилась въ 40 шагахъ отъ линіи нашихъ искусственныхъ заграждений.

Въ началѣ 11-го часа дня 20-го февраля баронъ Мейендорфъ прислалъ ко мнѣ своего сына съ запискою. Въ запискѣ этой онъ между прочимъ пишетъ, что духъ войскъ на позиціи 1-го корпуса превосходный. Записка кончается такъ: „Не будемъ его портить—былъ бы грѣхъ. Бодрите войска. Бильдерлингу помогутъ съ сѣвера. Ради Бога держитесь; отразимъ, что противъ насъ“.

Я просилъ молодого барона Мейендорфа передать его отцу, что хотя войска 6-го спб. корпуса окружены съ двухъ сторонъ противникомъ, который, атакуя, стремится овладѣть ихъ позиціями, но духъ моихъ войскъ прекрасный; что мы постараемся во что бы то ни стало отстоять свои посты и что войска корпуса за время всей войны не уступали японцамъ ни пяди земли до тѣхъ поръ, пока не приказывали отступать.

20-го февраля въ 8 ч. 30 м. вечера я получилъ отъ генералъ-адъютанта барона Мейендорфа изъ Дадзяпу телеграмму № 746 такого содержанія.

„Только что разговаривалъ съ главнокомандующимъ. Увѣрилъ меня, что вы останетесь на вашей позиціи и я также, для обезпеченія успѣха на правомъ флангѣ, гдѣ дѣла идутъ успѣшно. Непріятель

утомленъ до крайности, отчего разсчитывается завтра нанести ему окончательный ударъ. Разсчитываю на вашу стойкую поддержку и еще разъ благодарю за истинную боевую дружбу".

Войска 6-го спб. корпуса исполнили данное мною обѣщаніе и мужественно выдержали еще нѣсколько атакъ, не уступивъ противнику ни одной траншеи и сохранивъ позицію въ томъ видѣ, въ какомъ она была принята въ началѣ декабря 1904 г. отъ 10-го арм. корпуса.

Количество выпущенныхъ снарядовъ и патроновъ 14-ю баталіонами 55 п. дивизіи и расположенной на позиціи артиллеріи за время отъ 14-го по 22-е февраля на Шахе и въ бою подъ Хоулиномъ, о которомъ будетъ рѣчь далѣе, указываетъ на крайнее напряженіе боевъ.

Всего за эти 10 дней выпущено:

патроновъ скорострѣльныхъ пушекъ .	16.675
бомбъ 6-дюймовыхъ мортиръ . . .	2.108
снарядовъ поршневыхъ пушекъ . .	2.256
бомбъ 6-дюймовыхъ осадныхъ . . .	531
Итого .	21.470

Ружейныхъ патроновъ выпущено съ 12-го по 26-е февраля—5.922.400.

Всего было произведено японцами на позиціи войскъ 6-го спб. корпуса 12 атакъ. Всѣ атаки блистательно отбиты.

Въ ночь съ 22-го на 23-е февраля по повелѣнію главнокомандующаго 3-я и 1-я арміи оставили свои позиціи и перешли въ такъ называемыя мукденскія позиціи.

Будущій безпристрастный историкъ мукденскихъ

боевъ, безъ сомнѣнія, дастъ надлежащую оцѣнку поведенія 6-го сиб. корпуса за время его дѣйствій на позиціи Шанлапцза-Сахепу-Юж. Безымянная. Ближайшую оцѣнку мужества и стойкости корпуса далъ командовавшій 3-ю маньчжурскою арміею въ приказѣ отъ 22-го февр. 1905 г. за № 95, въ которомъ между прочимъ сказано слѣдующее:

„Не могу не отмѣтить слѣдующіе выдающіеся факты: 6-й сиб. корпусъ отказался очистить свои наиболѣе выдающіяся передовыя позиціи, чтобы не поставить въ тяжелое положеніе сосѣдній 1-й корпусъ 1-й арміи...“

Дѣйствія 6-го сиб. корпуса были оцѣнены и бывшимъ, послѣ смѣны Куропаткина, главнокомандующимъ, генералъ-адъютантомъ Линевичемъ, который 3-го апрѣля 1905 г., послѣ смотра корпуса на Сипингайской позиціи, близъ сел. Улпудзы, сказалъ созваннымъ начальникамъ частей между прочимъ слѣдующее:

„Осмотрѣвъ молодецкій 6 сиб. корпусъ, я вынесъ самое отрадное впечатлѣніе изъ осмотра; видъ людей молодецкій, бодрый, выправка хороша, движенія отличны. Мнѣ хорошо извѣстны также и славныя боевыя дѣйствія шестого корпуса, когда въ бытность мою командующимъ первою арміею мы были боевыми сосѣдями по позиціи. Это короткое знакомство и сегодняшній осмотръ вселяютъ во мнѣ отрадную увѣренность, что и въ предстоящихъ нашихъ дѣйствіяхъ славный шестой корпусъ съ прежнею доблестью исполнитъ свой долгъ передъ Царемъ и Родиною и, въ своихъ завѣтныхъ стремленіяхъ одолѣть врага, сольется во едино со всею остальною нашею арміею. Да поможетъ вамъ Богъ въ этомъ. О таковомъ отличномъ состояніи славнаго шестого сибирскаго корпуса я почту обязанностью

довести до свѣдѣнія Его Величества Государя Императора".

Только Куропаткинъ не оцѣнилъ того обстоятельства, что 14 баталіоновъ резервнаго 6-го спб. корпуса, занимая позицію, расположенную въ ямѣ, передъ которою высилась большая Хоутхойская сопка съ ея предгоріями, занятая многочисленнымъ противникомъ, и при томъ позицію, фронтъ которой съ самаго начала ея занятія обстрѣливался анфиладнымъ огнемъ справа, изъ Ламатуня, мужественно и беззавѣтно отстояли ее, несмотря на самую неблагопріятную обстановку, а когда имъ было приказано 19 февраля отступить, они не отступили и остались на позиціи до конца.

Обстоятельство это мною приведено здѣсь вовсе не для того, чтобы восхвалять бывшій подъ моею командою корпусъ, а какъ справедливая дань мужеству и твердости офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Россія можетъ гордиться своими резервами и можетъ надѣяться, что если настанетъ часъ новаго испытанія, они доблестно исполнятъ свой долгъ. Историкъ 6-го спб. корпуса, къ сожалѣнію расформированнаго послѣ войны, найдетъ въ многочисленныхъ документахъ неопровержимыя доказательства тому, что части русскихъ войскъ, правильно сформированныя изъ резервовъ и правильно веденныя, могутъ съ честью служить на поляхъ брани плечо о плечо съ частями постоянныхъ войскъ.

Въ своемъ прощальномъ обращеніи къ офицерамъ 1-й маньчжурской арміи Куропаткинъ сдѣлалъ укоръ войскамъ за недостаточную выручку сосѣдей во время прошлой войны. Описанныя мною обстоятельства той поддержки, которую оказали войска 6-го спб. корпуса войскамъ, бывшимъ подъ коман-

дою барона Мейендорфа, указываютъ на то, какую цѣну слѣдуетъ дать словамъ Куропаткина.

XXVI.

Какія же мысли осѣняли нашего бывшаго вождя во время тяжелыхъ февральскихъ дней 1905 г.? Мысль объ отступленіи несомнѣнно его посѣтила 11 февраля, когда подъ напоромъ японцевъ мы были вынуждены очистить важную въ стратегическомъ отношеніи Цинхеченскую позицію.

Вопросъ слѣдовало подвергнуть холодному расчету и надлежало принять крупное, соотвѣтственное обстановкѣ рѣшеніе. Расчетъ показалъ бы, что защита Мукдена представлялась бы дѣломъ почти невозможнымъ. Мы проиграли операцію подъ Сандепу 12—15 января въ то время, когда японцы еще не успѣли усилиться на двѣ арміи.

На основаніи чего же Куропаткинъ могъ надѣяться разгромить противника при новыхъ условіяхъ? Какъ только японцы обнаружили намѣреніе сбить съ позицій наше лѣвое крыло, Куропаткинъ отмѣнилъ задуманную имъ наступательную операцію и перешелъ къ оборонѣ. Значитъ, онъ вполнѣ сознавалъ, что наша наступательная операція была, въ сущности, несвоевременна и что таковая могла быть исполнена при условіи прибытія изъ Россіи новыхъ и притомъ сильныхъ подкрѣпленій, которыя позволили бы намъ достигнуть значительнаго превосходства въ силахъ.

Мукденскіе бои принимали все большее и большее развитіе. Японцы угрожали обходомъ съ сѣвера и дѣйствовали крайне настойчиво. Каульбарсъ получилъ приказаніе отбросить противника отъ Мукдена и это дѣло не имѣло никакого успѣха. Я склоненъ

думать, что главная вина въ этомъ неуспѣхѣ падаетъ на Куропаткина, который совершенно разстроилъ корпусную организацію войскъ, перепуталъ войска, формировалъ случайные отряды самаго разнообразнаго состава, расформировывалъ ихъ, составлялъ новые и, вмѣшавшись во всѣ существенныя распоряженія Каульбарса, лишилъ его всякой самостоятельности. На это имѣются многочисленныя доказательства и между послѣдними обращаетъ на себя особое вниманіе отмѣна главнокомандующимъ диспозиціи, отданной Каульбарсомъ по 2 арміи на 20 февраля, и замѣна ее другой, ничего общаго съ первой не имѣющей. Каульбарсъ былъ вынужденъ согласиться на эту замѣну и вскорѣ могъ убѣдиться, что соображенія главнокомандующаго не отвѣчали обстановкѣ и были, слѣдовательно, ошибочны и не привели къ успѣху, а между тѣмъ мы потеряли напрасно цѣлыя сутки, быть можетъ самыя важныя за все время мукденской операціи.

Въ донесеніи ко мнѣ моего адъютанта, подъесаула Гирса, посланнаго имъ 19 февраля изъ отряда Каульбарса, я прочелъ слѣдующее: „главнокомандующій ежечасно мѣняетъ директивы".

Онъ же прислалъ мнѣ полевую записку отъ 21 февраля за № 136, изъ 2-й арміи, слѣдующаго содержанія:

„Доношу: къ вечеру (9-10 час.) положеніе: японцы насѣдали на 10-й корпусъ весь день, прорываясь къ желѣзной дорогѣ. Всѣ многочисленныя атаки отбиты, но съ значительными потерями. Правый флангъ до сихъ поръ не наступаетъ по приказанію главнокомандующаго, чѣмъ очень недоволенъ генералъ Каульбарсъ, считая, что вчерашнимъ наступленіемъ можно было рѣшить бой. Позиція занята была близъ императорскихъ могилъ по обѣ сторо-

ны с. Хоуха. Подтянуты резервы, изъ Мукдена вывозятся запасы, склады; канцелярія главнокомандующаго уѣхала въ Тѣлинъ. Духъ подавленъ распоряженіями свыше; общее недоумѣніе, что будемъ дѣлать дальше".

Эта полевая записка рисуетъ настроеніе, которое господствовало въ то время во 2-й арміи, и отношеніе ея къ Куропаткину. Положеніе было крайне запутанное и, конечно, мало обѣщало успѣха.

Бывшій главнокомандующій между прочимъ обвинялъ начальниковъ войскъ, занимавшихъ укрѣпленную кордонную линію на Шахэ, въ пассивности. Обвиненія эти несправедливы относительно войскъ 3-й арміи, которыя самимъ Куропаткинымъ были совершенно ослаблены въ своемъ составѣ. Да при томъ послѣдній не допускалъ самостоятельности въ начальникахъ войскъ и даже каралъ тѣхъ, кто проявлялъ иниціативу. Онъ систематически убивалъ, какъ мы неоднократно говорили выше, всякое проявленіе со стороны послѣднихъ почина, вмѣшивался во всѣ мелочи, распоряжаясь ротами и охотничьими командами. Всѣ очень хорошо помнили его грозное предписаніе корпуснымъ командирамъ 13-го окт. 1094 г., которое считалось руководящимъ и въ которомъ онъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: „Равнымъ образомъ и переходы въ наступленіе, не представляющіе собою естественнаго послѣдствія успѣха надъ нападавшими, а образующіе отдѣльную операцію корпуса или отряда, не могутъ быть допущены безъ моего разрѣшенія, такъ какъ, будучи предприняты несвоевременно, могутъ нарушить планъ дѣйствій въ данное время всей арміи".

Дѣло, впрочемъ, не въ предписаніи. Мало ли какія пишутъ предписанія? Это предписаніе было помѣчено № 10710. Развѣ можно было упомнить

всѣ эти безконечныя предписанія, часто противорѣчившія другъ другу? Куропаткинъ въ одномъ изъ своихъ предписаній требовалъ частныхъ успѣховъ, а въ № 10710 не допускалъ ихъ. Дѣло было въ томъ, что нашъ бывшій вождь гасилъ всякое проявленіе иниціативы всѣми тѣми, кто къ нему непосредственно соприкасался, и дѣлалъ это онъ съ послѣдовательностью, которую не проявлялъ въ другихъ дѣлахъ.

Начальствующія лица были сбиты съ толку. Постепенно было забыто хорошее боевое правило идти на выстрѣлы, и всѣ подчинились требованіямъ главнокомандующаго.

25-го февраля, какъ это будетъ видно далѣе, я съ своими 14-ю баталіонами, которымъ было приказано отступать въ направленіе на Тѣлинскія укрѣпленныя позиціи, имѣть большой привалъ въ с. Эрва и ночлегъ въ с. Ленхуачи, двинулся на выстрѣлы и надолго задержался на позиціи 1-го армейскаго корпуса съ цѣлью помочь послѣднему выбраться изъ крайне тяжелаго положенія, въ которомъ онъ очутился въ виду того, что противникъ прорвалъ расположеніе войскъ 4-го спб. корпуса и двинулся на сѣверъ, угрожая нашему тылу.

Всякій военачальникъ, способный быстро оцѣнить обстановку боя, понялъ бы цѣлесообразность моего рѣшенія. Куропаткинъ же возбудилъ цѣлую исторію по этому дѣлу и безконечную, самую удивительную, переписку, взявъ на себя роль того прокурора, который во всякомъ, даже правомъ, дѣлѣ ищетъ чуть ли не преступленіе, не стѣсняясь очевидной правдой. Однако имѣется существенная разница между очерченнымъ, конечно, весьма рѣдко встрѣчающимся, прокуроромъ и Куропаткинымъ: такой прокуроръ не можетъ быть замѣшанъ въ

томъ дѣлѣ, по которому ему поручено обвинять, Куропаткинъ же обвинялъ своихъ непосредственныхъ подчиненныхъ исключительно для того, чтобы оправдать свои крайне неудачныя дѣйствія.

Онъ не стѣснялся правдою и изъ прилагаемыхъ записокъ читатель увидитъ, какъ былъ Куропаткинъ невоздержанъ и что онъ позволялъ себѣ говорить о лицахъ, которыя во всѣхъ отношеніяхъ стояли выше его и которыхъ въ арміи цѣнили гораздо болѣе, чѣмъ его. Я воздерживаюсь подымать въ настоящихъ замѣткахъ мой личный вопросъ, не имѣющій общественнаго значенія. Въ прилагаемыхъ ниже моихъ двухъ запискахъ, своевременно представленныхъ по командѣ, я даю мой отвѣтъ.

Я очень сожалѣю, что Куропаткинъ не послѣдовалъ примѣру бывшаго главнокомандующаго австрійской арміи въ 1866 г., генерала Бенедека. Послѣ позорно проигранной войны онъ сжегъ всѣ документы, которые могли набросить недобрую тѣнь на ту армію, которою онъ имѣлъ честь командовать, и принялъ всю вину на себя. Этимъ благороднымъ поступкомъ онъ оказалъ большую услугу своему отечеству.

Куропаткинъ былъ бы понятенъ, если бы онъ, ставъ на законную почву, отдалъ бы подъ судъ всѣхъ тѣхъ, кто, руководясь злою волею, не исполнилъ долга присяги, или тѣхъ, кто непростительнымъ бездѣйствіемъ власти способствовалъ успѣху непріятеля. Но онъ этого избѣгалъ. Онъ своими нападками на непосредственно ему подчиненныхъ губилъ дисциплину въ арміи, лишая довѣрія къ высшему командованію. Въ своихъ нападкахъ онъ писалъ „секретно“, но вѣдь эти секреты были даже не секретами для японцевъ. — Удивительно, что въ личныхъ сношеніяхъ онъ

былъ любезенъ и не высказывалъ того, что думалъ. Любезность же свою онъ простиралъ до того, что представлялъ генераловъ, надъ дѣйствіями которыхъ глумился, къ высшимъ почетнымъ наградамъ.

Своимъ путаннымъ и крайне пространнымъ отчетомъ о войнѣ, о которомъ мы должны молчать и который хорошо извѣстенъ за границею, онъ незаслуженно уронилъ нашу славную армію въ глазахъ всего міра и тѣмъ поколебалъ внѣшнее значеніе нашего отечества. Я впрочемъ думаю, что правда вскорѣ восторжествуетъ и исполнится русская пословица: „Кто другому роетъ яму, самъ въ нее попадетъ“.

Вернемся къ разсказу.

20 февраля въ 11 ч. 10 м. ночи Куропаткинъ далъ телефонограммою слѣдующія директивы командующимъ арміями.

„Нынѣ выяснилось, что противъ крайняго нашего праваго фланга дѣйствуетъ армія Ноги, изъ состава которой совершенно точно опредѣлились 1-я, 7-я и 9-я дивизіи; что касается 11 дивизіи, то вполнѣ точно выяснилось, что она находится противъ Цинхэнченскаго отряда генерала Ренненкампфа. Въ теченіе дня атакованныя части всѣхъ нашихъ армій и особенно 1-й армейскій и 2-й сибирскій корпуса побѣдоносно отбили атаки переходомъ въ наступленіе, при чемъ 1 арм. корпусъ взялъ 2 пулемета и болѣе 100 плѣнныхъ. Предписываю завтра войскамъ 1 и 3 армій удерживаться на своихъ позиціяхъ, при каждой малѣйшей возможности переходить въ частное наступленіе, дабы не дать противнику возможности подтянуть свои резервы къ намѣченнымъ имъ пунктамъ атаки на фронтъ этихъ армій, или же подтянуть ихъ на крайній свой лѣвый флангъ. 2 армія выполнить съ возможно большей энергіей возложенную на нее

задачу, памятуя, что чѣмъ скорѣе она будетъ выполнена, тѣмъ меньшее сопротивленіе противникъ будетъ въ состояніи оказать. Въ теченіе ночи прошу энергично тревожить противника охотничьими командами и отдѣльными ротами, помня, что онъ утомленъ и потрясенъ потерями больше насъ. № 2420".

Для того, чтобы произвести извѣстное выгодное для насъ давленіе на центръ или правое крыло противника, было бы соотвѣтственнымъ исполнить наступательную операцію сильнымъ отрядомъ или даже всею 1-ю арміею въ извѣстномъ направленіи. Тогда японцы были бы встревожены и не ослабили бы своихъ позицій съ цѣлью усиленія своего лѣваго крыла. Равномѣрное же дѣйствіе по всему фронту малыми отрядами,а особенно охотничьими командами и отдѣльными ротами, не могло ввести въ заблужденіе нашего противника.

XXVII.

Какая же общая мысль руководила Куропаткинымъ во время операціи подъ Мукденомъ?

Потерявъ, повидимому, всякую надежду на успѣхъ въ полѣ, онъ вознамѣрился отстоять, во что бы то ни стало, Мукденъ, полагая, что въ военномъ отношеніи это было бы намъ очень выгодно.

Необходимо замѣтить, что система укрѣпленій, построенныхъ подъ Мукденомъ, не имѣла никакого смысла. Былъ сооруженъ мѣшокъ, въ которомъ должна была обороняться наша армія и изъ котораго она могла бы выбраться лишь съ большимъ трудомъ въ случаѣ, если бы противникъ рѣшился обойти эту позицію съ юго-востока или съ сѣверо-запада.

Неизвѣстно, для чего собственно была избрана такая система укрѣпленій. Для того развѣ, чтобы дѣйствительно во что бы то ни стало отстоять Мукденъ? Но вѣдь давно миновало то время, когда полководцы задавались цѣлью отстоять тотъ или другой важный населенный или торговый пунктъ и когда для этого жертвовали интересами живой силы, т. е. арміи. Въ средніе вѣка взятіе столицы государства часто рѣшало участь кампаніи; но въ новѣйшій періодъ исторіи такимъ операціямъ придавали второстепенное значеніе, и намъ всѣмъ русскимъ извѣстно, что Кутузовъ бросилъ даже Москву для того, чтобы сохранить армію и усилить ее.

Мукденъ, во время прошлой войны, не былъ не только столицей Россіи, но и столицей Китая, а послѣдній, какъ всѣ это хорошо знаютъ, былъ въ теченіе всей прошлой войны скорѣе на сторонѣ японцевъ, чѣмъ на нашей. Китайцамъ, конечно, было очень непріятно, что въ богатой ихъ Маньчжуріи ведется кровопролитная война, разоряющая страну, но они не опечалились бы, если бы нашъ главнокомандующій рѣшился отступить на сѣверъ, не защищая города во что бы то ни стало и оставивъ его японцамъ.

Въ глазахъ маньчжуровъ Мукденъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ большое историческое значеніе, какъ усыпальница первыхъ ихъ государей, завоевателей Китая, но вѣдь это было очень важно для правящаго класса имперіи, а отнюдь не для Куропаткина.

Мукденъ представлялъ изъ себя во время войны почти неистощимый источникъ снабженія нашей арміи нѣкоторыми видами довольствія. Всѣмъ извѣстно, что при помощи мѣстныхъ китайцевъ главнокомандующій снабдилъ армію въ холодное

время китайскими, безобразными на видъ, халатами, такъ какъ интендантство не озаботилось своевременно доставить въ армію полушубковъ. Мѣстные купцы получали свои товары изъ обширныхъ рынковъ внутренняго Китая: Тяньцзиня, Шанхая и другихъ пунктовъ, пользуясь частью желѣзною дорогою, соединяющею Синминтинъ съ этими пунктами, и моремъ. Это было извѣстно всей арміи и это отлично знало интендантство главнокомандующаго.

Съ другой стороны, какъ сказано выше, тотчасъ же послѣ нашей обидной неудачи подъ Сандепу 12—15 января, а быть можетъ и ранѣе, именно послѣ сдачи Портъ-Артура, въ Синминтинѣ появились японскіе офицеры для подготовки передовой базы, а, слѣдовательно, для заготовки довольствія.

Наше интендантство, послѣ неудачи нашей подъ Сандепу и особенно послѣ полученныхъ первыхъ извѣстій о приближеніи арміи Ноги къ Ляояну, направлявшейся къ лѣвому крылу общаго расположенія нашего противника, было обязано быстро освободиться изъ-подъ вліянія Мукдена и начать заготовку въ тылу. Всѣ вѣдь очень хорошо понимали, что съ прибытіемъ арміи Ноги для мукденскихъ купцовъ легко могъ бы быть закрытъ путь черезъ Синминтинъ.

По всей вѣроятности, интендантство такъ и поступило, и тогда Мукденъ терялъ всякое значеніе въ смыслѣ массовыхъ заготовокъ довольствія для нашихъ армій.

Возведенныя такъ несуразно позиціи подъ Мукденомъ даже сами по себѣ не могли представить большого препятствія для нашего противника. По силѣ своей онѣ не могли идти въ сравненіе съ позиціями Ляояна и нашей кордонной позиціи на Шахе. Если бы японцы пожелали, то они могли бы про-

рвать позицію гдѣ-либо къ востоку отъ Мукдена— такъ слабы были эти позиціи; но, конечно, это бы обошлось имъ не дешево. Японскій главнокомандующій былъ на двѣ головы выше нашего и не пытался это сдѣлать. Онъ предпочелъ маневрированіе на нашихъ флангахъ атакѣ въ лобъ и обошелъ наше правое крыло. Однако, когда японцы убѣдились, что участокъ нашей оборонительной позиціи на Хуньхе, около Кіузаня, оголенъ отъ войскъ, они 24 февраля быстро двинулись черезъ Хуньхе и старались у Пухе замкнуть кольцо, соединившись съ войсками Ноги и отдѣливъ отъ общей массы нашихъ армію Линевича съ оставшимися у него двумя корпусами и войсками бывшаго Цинхэченскаго отряда.

Не подлежитъ никому сомнѣнію, что инженерное искусство принадлежитъ къ числу очень важныхъ военныхъ отдѣловъ; но только нужно умѣть имъ пользоваться, соображаясь при этомъ какъ съ обстановкою, такъ и съ твердо выработаннымъ планомъ войны. Къ сожалѣнію, у Куропаткина не только не было такого плана, но не было никакого, и все дѣлалось случайно, порывисто, необдуманно и носило характеръ растерянности, особенно когда стали ожидать прибытія арміи Ноги въ Маньчжурію.

Ко времени начала мукденской операціи Куропаткинъ страшно усталъ; да и какъ не устать, когда онъ, не довѣряя почти никому, входилъ во всѣ мелочи такой сложной машины, какую представляла изъ себя наша многочисленная армія, заброшенная за тридевять земель въ неизвѣстную страну. Онъ думалъ и за командующихъ арміями, и за корпусныхъ командировъ, и за начальниковъ отрядовъ, и за дивизіонныхъ, бригадныхъ и полковыхъ командировъ и даже за начальниковъ охотничьихъ командъ. Посылая охотничьи команды на

поиски, онъ, сидя въ своемъ вагонѣ, вѣроятно, рисовалъ себѣ картины самаго разнообразнаго свойства.

Взявъ на себя главное руководство частями интендантской, инженерной, артиллерійской и санитарной, а также устройствомъ тыла всѣхъ трехъ армій, озабочиваясь обороною Приморской области съ Владивостокомъ, обороною Сахалина и другими болѣе или менѣе важными дѣлами, онъ былъ подавленъ массою дѣлъ, обращая наибольшее вниманіе на самыя мелочныя дѣла, какъ на болѣе простыя, и у него не оставалось времени для того, чтобы спокойно обдумать общее положеніе дѣлъ и составить планъ веденія большихъ операцій. Однако въ его умѣ господствовали нѣкоторыя вполнѣ опредѣленныя цѣли, которыя, какъ это было обнаружено всею кампаніею, состояли въ томъ, чтобы почти во всѣхъ положеніяхъ упорно обороняться, а засимъ отступать.

Я склоненъ думать, что онъ разсчитывалъ на то, что будетъ въ силахъ, потерявъ сраженіе подъ Мукденомъ, долго удерживаться на позиціяхъ, сооруженныхъ у Тѣлина, и еще гдѣ-либо сѣвернѣе этихъ позицій, если бы онъ былъ вынужденъ оставить эти послѣднія; засимъ онъ надѣялся, что серія неудачъ смѣнится серіей удачъ. Это были мечты, по существу возможныя, такъ какъ и японцы дѣлали крупныя ошибки; но въ этихъ мечтахъ не было холоднаго разсчета. Мечты эти не исполнились и за пропущенное подъ Мукденомъ сраженіе, а особенно за необдуманное имъ рѣшеніе бросить тѣлинскую позицію, онъ былъ смѣщенъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что мечты Куропаткина могли бы осуществиться, такъ какъ для всѣхъ было очевидно, что Японія страшно напрягала свои силы и что она истощаетъ свои средства для того, чтобы

сломить сѣвернаго колосса, а съ другой стороны всѣ мы хорошо сознавали, да и весь міръ, не исключая самихъ японцевъ, сознавалъ, что мы еще не сдѣлали къ началу 1905 г. надлежащихъ усилій въ видахъ доведенія нашей дѣйствующей арміи до состава, который значительно бы превзошелъ составъ арміи противника и который соотвѣтствовалъ бы военному могуществу Россіи.

Однако жизнь ставитъ предѣлы всякому желанію, если для исполненія послѣдняго представляются почти неодолимыя препятствія, если обстановка для сего слагается крайне неблагопріятно, если во главѣ дѣла поставлено лицо, лишенное твердой воли и погребающее себя подъ ворохомъ мелочей, и если между этимъ лицомъ и его подчиненными нѣтъ нравственной связи и нѣтъ единомыслія.

Главнымъ препятствіемъ къ сосредоточенію на маньчжурскомъ театрѣ войны, въ относительно короткій срокъ, соотвѣтственныхъ величію и мощи Россіи военныхъ силъ, была, несомнѣнно, наша желѣзнодорожная линія, связывающая бассейнъ Волги съ арміею. Крайне плохо управляемая, дорога эта имѣла слабую провозоспособность и, конечно, никому другому, какъ военному министру, слѣдовало бы озаботиться объ усиленіи дороги и предъявить категорическое требованіе, чтобы эта дорога была приведена въ надлежащій видъ, отвѣчающій военнымъ потребностямъ.

Будучи военнымъ министромъ, Куропаткинъ предпринялъ поѣздку на Дальній Востокъ и въ Японію и лично могъ убѣдиться какъ въ слабости Портъ-Артура, такъ и неумѣстности существованія въ г. Дальнемъ, пунктѣ неукрѣпленномъ, глубоководныхъ и прекрасно оборудованныхъ набережныхъ, которыми такъ легко могла воспользоваться всякая

сильная морская держава, пожелавшая захватить Портъ-Артуръ, такъ въ особенности—въ малой пригодности сибирской желѣзной дороги для веденія крупной войны. Что же онъ сдѣлалъ для того, чтобы уничтожить этотъ важный недостатокъ нашего единственнаго парового пути, соединявшаго насъ съ отдаленными азіатскими окраинами? Ровно ничего. Писаніе докладовъ, телеграммъ и бумагъ не составляетъ сути крупнаго живого дѣла, и если у человѣка нѣтъ основательно обдуманнаго плана или нѣтъ воли, при существованіи даже такого плана, на то, чтобы привести послѣдній въ исполненіе, эти доклады, телеграммы и бумаги обращаются въ простую канцелярщину, какъ это въ дѣйствительности и произошло.

Одною изъ главныхъ причинъ нашей общей неудачи въ войнѣ съ японцами, какъ я въ этомъ убѣжденъ, была недостаточная числительность нашей арміи. Развѣдывательная служба въ штабѣ Куропаткина была дѣятельна, но не была поставлена на должную высоту и наши свѣдѣнія о численномъ составѣ арміи противника были недостаточно точны. Придавая вѣру свѣдѣніямъ своего штаба и подсчитывая полученныя данныя, а за симъ сравнивая ихъ съ численностью нашихъ войскъ, Куропаткинъ дѣлалъ невѣрные выводы и успокаивался, когда подсчетъ этотъ былъ для насъ благопріятенъ,—то есть когда выходило, что число штыковъ нашей арміи превосходило таковое же число противника. Въ своемъ знаменитомъ приказѣ по арміи отъ 19-го сентября 1904 г. онъ говоритъ: „До сихъ поръ противникъ нашъ, пользуясь большею численностью и охватывающимъ насъ расположеніемъ своихъ армій, дѣйствовалъ по своей волѣ, выбирая удобное для себя время для нападенія на насъ. Но теперь

уже настало желанное и давно ожидаемое всею арміею время идти самимъ впередъ, на встрѣчу врагу. Пришло для насъ время заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ, ибо силы маньчжурской арміи нынѣ стали достаточны для перехода въ наступленіе". Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ? Никто въ точности этого до сихъ поръ не знаетъ, а быть можетъ мы и не скоро это узнаемъ, такъ какъ японцы придаютъ особое значеніе тайнѣ, касающейся ихъ вооруженныхъ силъ. По всей вѣроятности, то же и случилось передъ Мукденскою операціею. Существовало же мнѣніе, что японская дивизія по своей численности не уступала нашему корпусу.

Какъ военный министръ и какъ вождь собранныхъ на поляхъ Маньчжуріи русскихъ войскъ, Куропаткинъ проявилъ свою несостоятельность. Всѣ мы, участники войны, поняли, что онъ былъ не въ силахъ вести съ успѣхомъ дѣло, на него возложенное. Всѣ мы это уже сознавали, когда на поляхъ Мукдена пришлось еще разъ отстаивать достоинство нашего отечества и честь нашей арміи.

XXVIII.

23 февраля, какъ было сказано выше, 1-я и 3-я маньчжурскія арміи заняли укрѣпленную позицію на р. Хуньхе. Позиція эта, за исключеніемъ предмостныхъ укрѣпленій, была оборудована очень слабо. Слабые, на половину занесенные пескомъ форты, а также плохо расположенные и построенные окопы—были вытянуты почти въ струнку по рѣкѣ. Это была новая длинная кордонная линія, не имѣющая въ своемъ тылу прочныхъ опорныхъ пунктовъ, способныхъ противостоять прорыву.

Въ теченіе 23 числа шли упорные бои на нашемъ правомъ крылѣ. 24 числа японцы пріобрѣли видимый успѣхъ надъ этимъ крыломъ. Они подтягивали свои войска къ позиціямъ, на которыхъ были расположены 3 и 2 наши арміи, и атаковали нѣкоторые ихъ участки. Видя, что участокъ, на которомъ были расположены войска 4-го сибирскаго корпуса, занятъ крайне слабо, часть арміи Куроки смѣло двинулась черезъ рѣку и, прорвавъ расположеніе 1-й арміи, раздѣлила ее на двѣ части.

Это было днемъ 24 февраля.

Не получивъ еще донесенія о прорывѣ японцами расположенія 4-го сибирскаго корпуса, Куропаткинъ отдалъ свое приказаніе объ общемъ отступленіи арміи къ укрѣпленнымъ позиціямъ Тѣлина.

24-го февраля части арміи Нодзу произвели наступленіе на позицію, которую занимали 14 баталіоновъ моего 6-го сиб. полка, и были блистательно отражены. Они было подошли совсѣмъ близко къ одному изъ моихъ фортовъ.

Я хорошо помню этотъ день. Въ семь часовъ утра термометръ показывалъ семь градусовъ мороза. Артиллерійская канонада была слышна въ направленіяхъ къ сѣверу, сѣверо-западу, западу и юго-западу отъ Мукдена. Въ $10^1/_2$ часовъ утра, въ сопровожденіи капитана генеральнаго штаба Мыслицкаго и поручика Милованова, я прибылъ въ редутъ № 4, который былъ занятъ Борисоглѣбцами. Редутъ былъ плохо построенъ и мало годенъ для упорной обороны. Окоповъ около него не было. Приходилось врываться въ мерзлую землю. Шла ружейная перестрѣлка, что указывало на близость противника. Шимозы и шрапнели перелетали черезъ наши головы, и было очевидно, что японцы искали наши резервы.

Пробывъ на редутѣ около двадцати минутъ и поблагодаривъ Борисоглѣбцевъ за ихъ отличную боевую службу, я направился въ с. Мучанъ, гдѣ, осмотрѣвъ позицію, приказалъ бывшему здѣсь инженерному офицеру укрѣпить ее. Между тѣмъ начался сильный вѣтеръ, вскорѣ достигшій силы бури, а за симъ—урагана. Столбы пыли неслись съ ужасающею быстротою съ юга, со стороны противника, залѣпляя совершенно глаза. Во время моего отсутствія, въ 12 ч. 45 м. дня меня вызывалъ къ телефону штабъ командующаго 3 арміею. Телефонограмму принялъ начальникъ штаба, генералъ Постовскій. Вотъ что было сказано въ этой телефонограммѣ:

„Главнокомандующій еще разъ приказалъ просить съ возможной энергіей отвести всѣ тыловыя учрежденія и обозы въ Тѣлинъ и даже далѣе, принявъ особыя мѣры къ тому, чтобы пути къ Тѣлину были совершенно свободны для движенія войскъ въ случаѣ, если будетъ приказано отходить. Главнокомандующій приказалъ обратить вниманіе, чтобы всѣ слѣдующіе при обозахъ были вооружены, чтобы обозы при остановкахъ на ночлегахъ строили вагенбурги и принимали мѣры сторожевыя и оборонительныя. Въ виду такого отхода обоза главнокомандующій приказалъ еще разъ озаботиться, чтобы люди и лошади имѣли запасы продовольствія возможно большіе на себѣ, взамѣнъ всякаго другого имущества, кромѣ вооруженія, патроновъ и шанцеваго инструмента. Сообщите сейчасъ по телефону командиру 6-го спб. корпуса“. Къ телефонограммѣ было добавлено: „Вмѣстѣ съ симъ изъ состава резерва арміи высылаются 2 баталіона и 1 батарея, которые назначены въ ваше распоряженіе для обезпеченія прорыва между 6 спб. и 1 армейскимъ корпусомъ“.

Когда я возвратился въ Восточную Шипань, гдѣ

были расположены штабы 3 арміи и моего 6-го спб. корпуса, меня поразило отсутствіе командующаго арміею, его начальника штаба и старшихъ чиновъ штаба. Обозъ штаба арміи былъ запряженъ и находился въ движеніи. Что бы это значило? спросилъ я себя, увидавъ эту картину. Оказалось, что командующій арміею съ своими ближайшими сотрудниками уѣхали до моего возвращенія къ мѣсту расположенія резерва арміи.

Когда я еще ѣхалъ въ фортъ № 4, то видѣлъ, что одна изъ батарей 6 артилл. бригады, состоявшей въ моемъ корпусѣ, отходила съ позиціи. Я приказалъ ей возвратиться на свое мѣсто; но командовавшій батареею поскакалъ въ штабъ корпуса и доложилъ начальнику штаба, что японцы заняли часть позиціи 6-го спб. корпуса и что наши войска отходятъ. Это произвело въ Восточной Импани тревогу и начальникъ штаба корпуса доложилъ командующему арміею свѣдѣнія, переданныя ему командующимъ батареею.

Когда возвратился командующій арміею въ Восточную Импань, я доложилъ ему о положеніи дѣлъ на позиціи и отказался отъ предложеннаго мнѣ подкрѣпленія, рѣшивши занять редутъ № 5, который долженъ былъ быть занятъ ротою 20 стрѣлковаго полка, входившаго тогда въ составъ 1-го армейскаго корпуса. Такимъ образомъ моя позиція удлинилась влѣво.

Все успокоилось и обозъ штаба арміи возвратился въ Восточную Импать.

Описанный случай показываетъ, какъ нервно были настроены многія лица и даже нѣкоторыя части войскъ. Безпрерывные бои, длившіеся съ 10 февраля, конечно, не могли не вліять на нервное состояніе участниковъ боя. Въ воздухѣ носилась мысль о ско-

ромъ отступленіи. Мы мало знали о томъ, что дѣлается во 2-й арміи; не знали, что дѣлается въ 1-й арміи. Мы слышали артиллерійскую канонаду у насъ въ тылу, на сѣв. сторонѣ Мукдена. Мы видѣли огонь артиллерійскихъ выстрѣловъ и намъ казалось, что они совсѣмъ отъ насъ близко. Буря ревѣла; почти настали уже сумерки. Носились страшныя тучи черной пыли.

Для того, чтобы предупредить неожиданное появленіе противника передъ фронтомъ нашей позиціи, отъ частей 6-го сиб. корпуса были выдвинуты на лѣвый берегъ р. Хуньхэ охотничьи команды.

Я получилъ просьбу отъ командира 16-го корпуса, который въ то время былъ на западномъ фронтѣ, немедленно послать ему артиллерійскіе парки, такъ какъ въ батареяхъ артиллерійскіе снаряды на исходѣ. Меня это крайне удивило и такъ какъ я самъ ожидалъ боя, то былъ принужденъ въ этой просьбѣ отказать. Оказалось, что командиръ корпуса просилъ о направленіи къ нему парковъ своего корпуса, которые, что мнѣ было неизвѣстно 24 февраля, были расположены гдѣ-то въ тылу моей позиціи. Хороши были порядки въ стратегическомъ резервѣ главнокомандующаго.

Китайцы, расположившись на высокой стѣнѣ Мукдена, волновались. Они ожидали прибытія японцевъ, многіе изъ послѣднихъ уже находились тайно въ стѣнахъ города. Многіе изъ китайцевъ нагло ругали русскихъ. Мукденъ былъ нейтральный городъ и русскія войска его не занимали. Двигавшіяся войска обходили городъ вокругъ стѣнъ, что крайне стѣсняло военныя операціи и надѣлало намъ много бѣдъ.

Въ 5 час. вечера еще была буря. Вдругъ кто-то въ обозѣ штаба арміи крикнулъ: „японская ка-

валерія". Произошелъ переполохъ, но вскорѣ все успокоилось.

Въ половинѣ шестого вечера была получена въ штабѣ моего корпуса слѣдующая полевая записка генералъ-квартирмейстера штаба 3 арміи за № 46: „Главнокомандующій получилъ свѣдѣнія, что пѣхота и артиллерія, ради быстроты стрѣльбы и облегченія подноса боевыхъ припасовъ во время боя, выгружаютъ для этого патронныя двуколки и зарядные ящики, посылая ихъ всѣ немедленно пополняться, а при очищеніи позицій уходятъ и бросаютъ эти боевые припасы часто въ большомъ количествѣ. Такъ какъ запасы боевыхъ припасовъ въ настоящее время весьма истощены, то главнокомандующій приказалъ воспретить вышеуказанные пріемы безусловно. Засимъ главнокомандующій приказалъ просить распоряженія, чтобы при движеніи войскъ походомъ, въ видахъ сокращенія колонны, по дорогамъ шли только колеса, а всѣ остальные двигались по сторонамъ дорогъ...".

Вотъ какъ заботливо относился Куропаткинъ къ самымъ разнообразнымъ, часто мелочнымъ вопросамъ, что, конечно, отвлекало его вниманіе отъ вопросовъ стратегическихъ, которымъ онъ не могъ удѣлить достаточнаго времени. Его озабочивалъ вагенбургъ обоза; онъ давалъ указанія о сокращеніи длины колонны, повторяя всѣмъ извѣстныя постановленія полевого устава; онъ лично пишетъ, какъ это мы увидимъ далѣе, полевыя записки начальникамъ войсковыхъ обозовъ въ ту минуту, когда бой кипитъ по всей линіи расположенія огромной арміи. Относительно расходовъ патроновъ любопытно замѣтить слѣдующее. Въ 1-мъ дополненіи къ знаменитымъ „Указаніямъ" Куропаткина начальникамъ частей Маньчжурской арміи сказано: „Расходъ па-

троновъ орудійныхъ и ружейныхъ, въ виду трудности пополненія ихъ, долженъ быть экономный". Во 2-мъ дополненіи къ „Указаніямъ" сказано: „Относительно ружейнаго огня я выскажу мнѣніе, что мы стрѣляемъ даже менѣе, чѣмъ бы слѣдовало". И такія противорѣчія въ приказаніяхъ Куропаткина встрѣчались слишкомъ часто, и войска были сбиты съ толку.

Въ 6 часовъ вечера ко мнѣ зашелъ генералъ-маіоръ Алексѣевъ и показалъ телеграмму, полученную отъ капитана генеральнаго штаба Свѣчина о томъ, что японцы перешли черезъ р. Хуньхэ и заняли Кіузанъ на фронтѣ расположенія 4-го сибирскаго корпуса.

Извѣстіе это какъ громомъ поразило всѣхъ насъ. Дѣло принимало весьма опасный оборотъ, какъ какъ нашъ противникъ, быстро сосредоточивъ превосходныя силы, могъ отбросить на востокъ или западъ части 4 сиб. корпуса и, двинувшись рѣшительно впередъ, могъ отрѣзать 2-й и 3-й сиб. корпуса и лѣво-фланговый отрядъ отъ остальныхъ нашихъ войскъ. Слѣдуя на Пухе, онъ могъ бы въ этомъ пунктѣ или въ какомъ-либо другомъ, расположенномъ на Мандарпиской дорогѣ или даже на желѣзнодорожной линіи, соединиться съ лѣво-фланговымъ отрядомъ Ноги. Тогда большая часть арміи была бы окружена, и мы были бы вынуждены пробиваться къ Тѣлину при самой тяжелой обстановкѣ.

Спустя нѣсколько минутъ, я получилъ полевую записку отъ командовавшаго 17 корпусомъ о томъ, что противъ расположенія корпуса развертываются японскія войска, и что замѣчены колонны японцевъ изъ пѣхоты и кавалеріи, и что было видно одно осадное орудіе, двигавшееся отъ Байтапу на сѣверо-востокъ.

Вскорѣ началась атака противника по всей линіи расположенія 3 арміи и на позиціи сосѣдняго съ нами 1-го армейскаго корпуса. Шелъ бой къ западу и сѣверу отъ Мукдена. Неумолкаемый грохотъ артиллерійскихъ орудій слышался со всѣхъ сторонъ.

Въ самомъ началѣ девятаго часа вечера зашелъ ко мнѣ генералъ-маіоръ Алексѣевъ и шепнулъ, что рѣшено отступленіе на Тѣлинъ.

Вслѣдъ засимъ ко мнѣ возвратился мой адъютантъ, подъесаулъ Гирсъ, и доложилъ о положеніи дѣлъ на нашемъ правомъ крылѣ. По его словамъ, тамъ всѣ войска были страшно перепутаны, во все вмѣшивался Куропаткинъ, который въ сущности и командовалъ 2-й арміею; что всѣ возбуждены противъ него, но что, не взирая на все это, войска наши дерутся прекрасно, и японцамъ не легко достаются успѣхи.

Между тѣмъ сумерки быстро надвигались и вскорѣ наступила совершенная темнота. Въ 10 час. вечера термометръ показывалъ два градуса тепла.

Адъютантъ моего штаба, генеральнаго штаба капитанъ Сытинъ, уже писалъ подъ диктовку генерала Алексѣева, въ штабѣ арміи, диспозицію по 3-й арміи.

Первыя строки диспозиціи, для ускоренія дѣла, не были продиктованы.

Вотъ что ему было продиктовано.

„24 февраля 1905 года. Между 9 — 10 часами вечера. Восточная Импань.

3-й арміи предписано, съ наступленіемъ темноты, отойти отъ предмостныхъ укрѣпленій вдоль Мандаринской дороги, не втягиваясь въ Мукденъ.

2-й арміи задерживать противника до отхода 3-й арміи изъ предмостныхъ укрѣпленій и затѣмъ

отойти вдоль желѣзной дороги, прикрывая движеніе 3-й арміи отъ ударовъ съ запада.

1-й арміи прикрыть корпусами, занимающими Фушунскую позицію, отходъ 3-й арміи изъ укрѣпленій на р. Хуньхэ и затѣмъ отойти, прикрывая пути отъ линіи Фулинъ-Ипанъ на Тѣлинъ.

Тыловые пути указаны въ диспозиціи отъ 22 февраля № 5.

Во исполненіе повелѣнія главнокомандующаго 5-му корпусу начать движеніе изъ укрѣпленій лѣваго берега р. Хуньхе въ 12 часовъ ночи и слѣдовать по дорогѣ, вдоль западной стѣны гор. Мукдена, на Мандаринскую дорогу.

Корпусъ будетъ слѣдовать впереди 17-го корпуса.

17-му корпусу начать движеніе изъ укрѣпленій съ лѣваго берега р. Хуньхе въ 1 часъ ночи и слѣдовать вдоль восточной стѣны г. Мукдена по Мандаринской дорогѣ за 5-мъ корпусомъ.

6-му спб. корпусу начать движеніе съ занимаемыхъ имъ позицій въ 1 часъ 45 минутъ ночи и слѣдовать мимо Мучана на Падязу-Кокуанте-Кюфынъ-Мазуанзу къ Ленхуанчи.

Ночлегъ 5 и 17 корпусамъ въ д. Пухе; 6-й спб. корпусу—у д. Ленхуанчи.

Всѣмъ корпусамъ прикрыть свое движеніе частными арріергардами, охотничьими командами и конными охотниками.

По проходѣ Мукдена 17 корпусу составить арріергардъ арміи.

При движеніи поддерживать тѣсную связь между корпусами.

Штабъ арміи будетъ слѣдовать при 5-мъ спб. корпусѣ, на ночлегѣ будетъ находиться въ д. Сундявяза.

Одному эскадрону 52 нѣжинскаго полка присое-

диниться къ 17 корпусу и поступить въ распоряженіе командира этого корпуса.

О началѣ и концѣ вытягиванія 5-му корпусу сообщить ближайшимъ сосѣднимъ частямъ 2-й арміи.

6-му сиб. корпусу сообщить о томъ же 1-му армейскому корпусу.

Общему резерву поступить въ составъ 17-го армейскаго корпуса. Войскамъ этого резерва присоединиться къ корпусу и занять мѣсто въ общей колоннѣ по ближайшему распоряженію командира 17 корпуса.

Обозамъ 2-го разряда 5 и 17 корпусовъ слѣдовать къ дер. Плу, 6-му сиб. корпусу—по усмотрѣнію командира корпуса.

Большіе привалы: 5 и 6 сиб. корпусовъ на линіи д.д. Тадзынгъ-Эрва, 17-му корпусу у д. Тава.

Время выступленія будетъ указано въ зависимости отъ обстоятельствъ".

Какъ только капитанъ Сытинъ принесъ мнѣ копію съ диспозиціи, мною указано составить въ штабѣ краткую диспозицію. Мы торопились, такъ какъ войска должны были безотлагательно получить необходимыя распоряженія.

Моя диспозиція отъ 24 февраля № 6, подписанная въ Восточной Импаши черезъ полчаса по полученіи диспозиціи 3 арміи, была слѣдующаго содержанія:

„Противникъ находится къ югу и западу отъ насъ.

Дабы исправить наше стратегическое положеніе и сосредоточить значительныя силы для удара на нашемъ правомъ флангѣ, войскамъ нашего корпуса приказано отойти по дорогѣ, указанной корпусу, какъ тыловая, т. е. на д.д. Падязы, что къ востоку отъ Восточной Импаши, далѣе на Какуанге-Тюндятунь-Хоулингъ-Куюфынгъ-Еугоу-Мазуанзе-Ленхуачи-Ліухотенза-Вангатай.

2) Ночлегъ у дер. Ленхуачи.

3) Общее руководство всѣмъ движеніемъ возлагаю на генералъ-лейтенанта Лаймпнга.

4) Предполагаемый порядокъ движенія указанъ въ прилагаемой схемѣ.

5) Вся дорога провѣшена маяками конно-охотничьей команды Епифанскаго полка.

6) Какъ колонновожатый въ 55 п. дивизіи назначается капитанъ баронъ Штакельбергъ.

7) Парки и обозы направлены по тыловой дорогѣ.

8) Дивизіонному обозу указанія ожидаются отъ штаба дивизіи.

9) Я буду слѣдовать въ хвостѣ главныхъ силъ.

10) Ночлегъ штаба корпуса у д. Ліухотенза.

11) Обозы и тыловыя учрежденія могутъ начать движеніе сейчасъ же.

12) Войскамъ начать движеніе въ 1 час. 45 мин. ночи (въ ночь съ 24 на 25 февраля).

Подпись: Командиръ 6-го сибирскаго корпуса
генералъ Соболевъ.

Скрѣпа: Начальникъ штаба корпуса
генералъ-маіоръ Постовскій.

Когда въ ночь съ 22 на 23 февраля неожиданно для японцевъ намъ было приказано отступить отъ Шахе на Хуньхе, мнѣ казалось, что было бы цѣлесообразно воспользоваться этимъ движеніемъ для того, чтобы, занявъ предмостныя укрѣпленія дивизіею пѣхоты, всѣ прочія силы 3 арміи двинуть прямо на наше правое крыло, гдѣ сосредоточить превосходныя силы и энергичнымъ наступленіемъ отбросить противника отъ Мукдена. Мы имѣли бы случай развить наши дѣйствія по внутреннимъ линіямъ, что давало намъ огромныя преимущества передъ японцами. Но Куропаткинъ хотѣлъ прикрыть всѣ доступы къ Мукдену, хотѣлъ защитить почти каждую

точку растянутой кордонной позиціи на р. Хуньхе и не обнаружилъ склонности предпринять какую-либо смѣлую стратегическую операцію.

XXIX.

Куропаткинъ, въ своемъ прощальномъ обращеніи къ офицерамъ 1-й маньчжурской арміи, между прочимъ, заявилъ, что одною изъ причинъ нашихъ многочисленныхъ пораженій во время войны была „недостаточная взаимная выручка сосѣдей“. Упрекъ этотъ не отвѣчаетъ истинѣ. Я высказываю еще разъ надежду, что лица, занимавшія отвѣтственное положеніе въ бывшихъ нашихъ арміяхъ, представятъ соотвѣтственныя возраженія автору упрека.

Что касается 6-го сиб. корпуса, то выше мною приведены факты, опровергающіе этотъ упрекъ. Мой корпусъ въ бояхъ на Шахе, въ концѣ сентября и началѣ октября 1904 г., оказалъ самое полное содѣйствіе 17 корпусу, настолько существенное, что это обратило на себя особое вниманіе начальника Западнаго отряда, который, какъ это было сказано выше, счелъ своимъ долгомъ благодарить меня особыми записками за это содѣйствіе.

Во время мукденской операціи, именно 19 февраля, 6-й сиб. корпусъ не оставилъ своихъ позицій, получивъ категорическое приказаніе отступить, дабы не поставить сосѣдній 1-й армейскій корпусъ въ крайне тяжелое положеніе, что, какъ мы видѣли выше, отмѣчено въ приказѣ по арміи.

При занятіи 22 февраля позиціи на р. Хуньхе лѣвымъ моимъ сосѣдомъ былъ тотъ же 1-й армейскій корпусъ, и 6-й сибирскій корпусъ активно проявилъ свое сосѣдское отношеніе. Въ половинѣ вось-

мого часа вечера 24-го числа я получилъ отъ генералъ-маіора Коханова полевую записку слѣдующаго содержанія: „Занимаю 5, 6 и 7 редуты; на редуты ведутъ атаки; уже три атаки отбиты. Возложена эта оборона на одинъ Каспійскій полкъ. Артиллерійская оборона, за невозможностью что-либо видѣть — невозможна. Въ резервѣ осталось двѣ роты. Командиръ 1-го армейскаго корпуса генералъ-адъютантъ Мейендорфъ предложилъ обратиться за резервами къ вашему высокопревосходительству. Прошу поддержать".

Еще ранѣе полученія этой записки я возвратилъ въ 1-й арм. корпусъ временно направленныя въ мое распоряженіе, для усиленія моего резерва, 6 ротъ Новочеркасскаго полка, такъ какъ въ нихъ я не имѣлъ особой надобности. Получивъ записку отъ Коханова, я приказалъ направить, въ видѣ поддержки, два баталіона Юхновскаго полка. Баталіоны пошли на сел. Юшпу. На моей обширной позиціи осталось всего 12 баталіоновъ.

Развѣ это доказываетъ, что въ нашей арміи была „недостаточная взаимная поддержка"? То же самое дѣлалось и во всѣхъ прочихъ частяхъ арміи; но такіе факты, конечно, ускользали отъ вниманія нашего бывшаго главнокомандующаго, и онъ не потрудился съ ними ознакомиться, когда въ его рукахъ были тысячи документовъ; а потому я еще разъ повторяю, что вышесказанныя его слова не имѣли надлежащаго основанія.

Бывали, конечно, случаи, когда въ поддержкѣ отказывали сосѣди, но на это были вѣроятно особыя уважительныя причины. Вѣдь самъ Куропаткинъ не оказалъ поддержки 2-й маньчжурской арміи 12 февраля, когда она, согласно его же повелѣнію, должна была начать новое наступленіе на Сандепу. Этотъ

послѣдній отказъ все же имѣлъ основаніе и нельзя безусловно его осуждать, хотя онъ далъ свое слово поддержать; можно только удивляться тому, что у нашего бывшаго главнокомандующаго не было никакого обоснованнаго плана веденія операціи въ первой половинѣ февраля, причемъ вовсе не былъ обдуманъ случай возможнаго веденія японцами усиленной демонстраціи противъ нашего лѣваго крыла съ цѣлью ввести насъ въ заблужденіе. Но почему Куропаткинъ не оказалъ поддержки 2-й арміи, когда она 12—15 января вела наступательную операцію противъ лѣваго фланга арміи Оку? Онъ далъ слово Гриппенбергу поддержать его наступленіе и не исполнилъ его въ ту именно минуту, когда успѣхъ переходилъ на нашу сторону.

Получивъ 24 февраля директивы главнокомандующаго для отхода въ направленіи на тѣлинскую укрѣпленную позицію, всѣ готовились въ точности исполнить приказаніе, а между тѣмъ японцы, зная, что ихъ гвардія прорвала нашу позицію у Кіузана и рѣшительно двинулась въ разрѣзъ между нашими корпусами, угрожая флангамъ и тылу нашихъ арміи, повели рѣшительно наступленіе по всему фронту.

Въ исходѣ 10 часа ночи штабъ 6-го спб. корпуса получилъ полевую записку отъ подъесаула Морева изъ Каюфына за № 2, подписанную въ 8 ч. вечера, слѣдующаго содержанія: „Получилъ свѣдѣнія, что у дер. Мадьянзы кто-то ставитъ орудія. Залповая ружейная стрѣльба сильно идетъ въ ю.-в. направленіи. Обозы стоятъ здѣсь. Мною посланъ разъѣздъ удостовѣриться“.

Сел. Мадьянзы или Мазуанзы расположено приблизительно въ 20 верстахъ отъ той части р. Хуньхе, близъ которой находится Кіузанъ, и всего въ 8—10 верстахъ отъ с. Пухе. Соображая это по картѣ и

полагая, что близъ Мазуанзы появилась японская конница съ артиллеріею, вѣроятно поддержанная пѣхотою, я пришелъ тогда же къ заключенію, что прорывъ у Кіузана ими былъ сдѣланъ около 2 часовъ пополудни. Мнѣ совершенно не было извѣстно, какія мѣры были приняты со стороны командира 1-го армейскаго корпуса, дабы обезпечить лѣвый флангъ и тылъ корпуса, и что предпринялъ штабъ 1-й арміи для отраженія прорвавшаго наше расположеніе японскаго отряда.

Было очевидно, что нашъ противникъ былъ хорошо освѣдомленъ о томъ, что участокъ позиціи 4-го сиб. корпуса былъ почти оголенъ отъ войскъ. Меня обезпокоила остановка обоза у Каюфына, такъ какъ обозъ могъ заградить путь нашего слѣдованія; но мнѣ не было извѣстно, что тамъ скопился обозъ войскъ, принадлежащихъ всѣмъ тремъ арміямъ: 1-го арм., 16-го арм. и 4-го сибирскаго, а также интендантскіе транспорты 3 арміи. Обозы 1-го разряда 1-го арм. и 6-го сиб. корпусовъ тамъ не могли еще находиться, такъ какъ они получили приказаніе объ отходѣ не ранѣе 11-ти часовъ ночи, а записка Морева была помѣчена 8 часами вечера.

Въ 11 ч. ночи, когда все готовилось къ отступленію, меня спросилъ комендантъ Восточной Импани о томъ, остаются ли войска около Мукдена или рѣшено отступать. Комендантъ этотъ былъ въ вѣдѣніи начальника военныхъ сообщеній главнокомандующаго. Его очевидно забыли, и я случайно вывелъ его изъ крайне непріятнаго положенія. У него было много казенныхъ вещей и достаточное количество оружія. Вѣроятно, все это онъ принужденъ былъ бросить.

Въ одиннадцать съ половиною часовъ ночи получена была полевая записка отъ исправлявшаго

должность начальника штаба 1-го арм. корпуса, полковника Драгомирова, о томъ, что японцы атакуютъ редуты №№ 5 и 6. Онъ просилъ поддержки. Такъ какъ мною уже послано было въ подкрѣпленіе защитниковъ этихъ редутовъ два баталіона, а насъ самихъ атаковалъ противникъ, да къ тому же мы вскорѣ собирались очищать наши позиціи и должны были сблизиться съ войсками 1-го корпуса, то новая поддержка мною не была послана.

Для меня уже становилось совершенно ясно, что намъ придется, если только японцы не будутъ усиленно на насъ насѣдать, оказать 1-му арм. корпусу болѣе существенную поддержку.

Въ 11 ч. ночи изъ Восточной Импани двинулся обозъ штаба моего корпуса. Около полуночи со стороны противника усилилась артиллерійская канонада. Гулъ выстрѣловъ отчетливо доносился къ намъ съ сѣвера, запада, юга и востока. По всей вѣроятности, японцы уже знали о нашемъ рѣшеніи начать общее отступленіе. Было очень много къ тому самыхъ существенныхъ признаковъ, да при томъ въ Мукденѣ оказалось много японцевъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ мнѣ передавали очевидцы, видѣли русскіе офицеры и врачи, почему-то замѣшкавшіеся въ городѣ.

Я выѣхалъ изъ Восточной Импани со штабомъ корпуса ровно въ часъ ночи и мы тотчасъ же сбились съ дороги. Прошло болѣе десяти минутъ, пока мы не напали на маякъ. Склады были подожжены, но въ раіонѣ моего корпуса я не видѣлъ пожара.

Зловѣщіе огненные языки указывали противнику, что великая русская армія, съ такимъ упорствомъ и мужествомъ отбивавшая всѣ ихъ нападенія, была въ полномъ отступленіи. Ночь была темная, луна—

маленькая, почти не освѣщавшая путь нашего слѣдованія. Сколько пришлось побросать добра! Я помню, что на нашей дорогѣ мы встрѣтили складъ солдатскихъ сапогъ, и вахтеръ меня спросилъ, что ему дѣлать съ этими сапогами? Онъ уже догадался, что началось общее отступленіе. Я разрѣшилъ людямъ штаба и слѣдовавшимъ при насъ казакамъ взять новые сапоги и замѣнить ими во время привала старые и валенки. Большая часть людей была въ валенкахъ, но наступила теплая погода и сапоги могли очень пригодиться.

Сомнѣніе вкрадывалось въ душу солдатъ. Всѣ офицеры были на своихъ мѣстахъ. Дороги были ужасны, и мы всѣ укоряли штабъ главнокомандующаго въ томъ, что онъ предоставилъ 6-му спб. корпусу такіе непролазные пути. Мосты были, за рѣдкимъ исключеніемъ, поломаны, овраги не раздѣланы, указателей нигдѣ не было поставлено.

Мы подвигались медленно, и таинственная ночь намъ точно шептала, что мы никогда здѣсь болѣе не будемъ, что мы на вѣчныя времена разстаемся съ мѣстами, обагренными нашею кровью, гдѣ скромныя могилы нашихъ воиновъ, павшихъ въ кровавыхъ битвахъ, расположены рядомъ съ роскошными могилами первыхъ маньчжурскихъ императоровъ. Мы, очевидно, разставались съ южною Маньчжуріею; по всей вѣроятности, навсегда.

Мы съ трудомъ прошли тяжелый оврагъ. Наши кони шли спокойно, осторожно. Они видимо подчинились нашему общему настроенію. Обозы сбились въ кучу. Артиллерійскіе парки, громыхая, вытянулись въ длинную линію, шедшую зигзагами.

Передъ нами кипѣло сраженіе. Для меня было ясно, что это баронъ Мейендорфъ ведетъ бой. Флангъ его былъ обойденъ, а на фронтъ насѣдаютъ японцы,

желая расширить ворота прорыва и отбросить къ западу 1-й арм. корпусъ. Разрывы шрапнели доносились до насъ отчетливо и мы слышали уже свистъ шимозъ.

Я прямо направился въ расположеніе штаба барона Мейендорфа. Было 3 часа утра 25 февраля, когда я съ штабомъ и конвоемъ въѣхалъ въ селеніе Хоулинъ. На площади горѣлъ большой костеръ, вокругъ котораго расположилась кучка офицеровъ. Впереди и влѣво отъ костра прилегали дороги, а вправо была роща. Мейндорфъ былъ въ фанзѣ, но тотчасъ же вышелъ на площадь. Тутъ же былъ и полковникъ Драгомировъ. Отъ нихъ я узналъ о положеніи дѣла на позиціи корпуса и о внезапномъ оставленіи позиціи войсками 4-го сиб. корпуса, бывшими подъ командою генерала Левестама. Оказалось, что противъ лѣваго фланга 1-го арм. корпуса японцы предприняли и исполнили глубокій обходъ и появились въ тылу, такъ что дорога, назначенная для слѣдованія 1-го корпуса, была уже въ рукахъ японцевъ.

Я сознавалъ, что мнѣ пришлось совершенно отступить отъ данныхъ мнѣ категорически приказаній и принять на свою отвѣтственность самостоятельное рѣшеніе, т. е. вмѣсто того, чтобы отступать, я рѣшился принять участіе въ бою, который велъ 1 арм. корпусъ;я ни на минуту не колебался и заявилъ барону Мейендорфу, что въ виду сложной обстановки я, по долгу службы, подчиняю ему мои войска, дабы здѣсь дѣйствовала одна воля.

Кто не согласится съ такимъ предложеніемъ? Предложеніе было принято съ радостью. Я тотчасъ же послалъ приказаніе моимъ войскамъ слѣдовать на выстрѣлы и ожидать моихъ приказаній у Хоулина.

Вдругъ въ Хоулинъ ворвалась масса обоза съ сѣверной стороны. Оказалось, что путь обхода этого обоза былъ обстрѣлянъ артиллеріею противника и обозъ въ паникѣ ворвался въ селеніе. Это былъ интендантскій транспортъ, состоявшій изъ китайскихъ тяжелыхъ арбъ. Путь отхода на сѣверъ былъ на время закупоренъ.

Между тѣмъ къ Хоулину подтягивались мои войска. Въ 6 час. утра подошла къ селенію голова 2 бригады 55 п. дивизіи. Вотъ что пишетъ славный участникъ боевъ на Шахе и Хоулинскаго боя, капитанъ Арнольди.

„У мостика ручья, протекающаго черезъ долину, остановились генералы Соболевъ и Мейендорфъ. Справа и слѣва раздавались непріятельскіе выстрѣлы. Генералъ Соболевъ приказалъ полковнику Пономареву, командующему 2 бригадою 55 п. дивизіи, немедленно выдѣлить подручную часть и занять боковымъ авангардомъ позицію на сопкѣ вправо. Во главѣ колонны были только 1 и 2 роты Епифанскаго полка, которыя я, какъ командующій 1 баталіономъ, по указанію полковника генеральнаго штаба, фамиліи его не знаю, двинулъ вправо къ д. Хоулинъ, гдѣ и долженъ былъ поступить въ распоряженіе командира Семипалатинскаго полка. По дорогѣ я встрѣтилъ Семипалатинскій полкъ, очистившій свои позиціи и отходящій назадъ, и командиръ полка передалъ меня въ распоряженіе капитана генеральнаго штаба Михаэльса, въ распоряженіи котораго были роты три 20 Восточ. Сибирскаго стрѣлковаго полка. По указанію капитана Михаэльса, я съ двумя ротами занялъ позицію на сопкѣ у императорскихъ могилъ. Около 9 ч. утра, слѣва, отъ 1 роты, противникъ открылъ огонь изъ пулеметовъ, при чемъ ранилъ нѣсколько нижнихъ чиновъ и командующаго 1 ро-

тою, поручика Олифирянко. Капитанъ Михаэльсъ отдалъ приказаніе отходить назадъ, при чемъ 1-я рота уже была обойдена японцами сзади, и они пробились сквозь нихъ въ штыки, отогнавъ ихъ вправо, при чемъ огонь ихъ прекратился, а продолжали стрѣлять лишь пулеметы. Выйдя изъ лѣса, на сопкахъ я встрѣтилъ часть роты 220 Епифанскаго полка, подъ командою полковника Тарло, и съ разрѣшенія капитана Михаэльса присоединился къ части полка".

Согласно распоряженія барона Мейендорфа, я отдалъ приказаніе о направленіи къ сел. Сясюнченъ бокового отряда, составленнаго изъ двухъ баталіоновъ 220 п. Епифанскаго полка, въ составѣ 7 ротъ.

Вотъ какъ описаны дѣйствія этихъ баталіоновъ Епифанцевъ въ отчетѣ штаба 1-го армейскаго корпуса.

„Отрядъ подъ командою подполковника Ефирова въ $8^{3}/_{4}$—9 ч. утра отправился въ сел. Сясюнченъ въ сопровожденіи капитана генеральнаго штаба Колюбакина. При приближеніи отряда, примѣрно около 10 часовъ, гребень возвышенности у сел. Сясюнченъ уже оказался занятымъ японцами; части Вост.-Сибирскаго стрѣлковаго полка и 145 п. Новочеркасскаго полка уже отошли и только попадавшіеся одиночные раненые нижніе чины свидѣтельствовали о происшедшемъ здѣсь боѣ. Подполковникъ Ефировъ расположился на гребнѣ къ юго-востоку отъ Куюфына и велъ здѣсь упорный бой, переходя послѣдовательно съ одной позиціи на другую. Первоначально баталіоны Ефирова обходились только съ лѣваго фланга, но къ 1-му часу дня оба фланга были охвачены. Послѣ этого подполковникъ Ефировъ, удостовѣрившись, что войска и обозы прошли, отступилъ со своей позиціи на Мандаринскую дорогу къ с. Санва".

Считаю необходимымъ замѣтить, что этотъ отрядъ

вышелъ на Мандаринскую дорогу позже указаннаго здѣсь времени, а вышелъ изъ Хоулина раньше.

Отрядъ подполковника Ефирова, прикрывая во время своего фланговаго марша отходъ войскъ 1-го армейскаго корпуса и ведя бой, занималъ послѣдовательно одиннадцать позицій и понесъ большія потери. Офицеровъ было ранено и опасно контужено 6; нижнихъ чиновъ было убито 52 и ранено 548, что составляетъ свыше 50% всего состава этихъ семи ротъ полка.

Вотъ еще новое подтвержденіе тому, что части войскъ, сформированныя изъ резервовъ, могутъ вести упорные бои съ доблестью и мужествомъ, не уступая въ этомъ отношеніи постояннымъ войскамъ, при условіи, конечно, правильнаго руководства ими.

Вдругъ было получено извѣстіе о томъ, что люди одной изъ батарей 6-й артиллерійской бригады, входившей въ составъ 6-го сиб. корпуса, обрѣзали уносы и ускакали на лошадяхъ впередъ, бросивъ орудія. Одинъ офицеръ батареи застрѣлился, другой, какъ передавали, сошелъ съ ума. Идя въ темную ночь безъ дорогъ, батарея наткнулась на оврагъ, въ которомъ застряли орудія, попала подъ огонь шимозъ и шрапнелей и пришла въ страшное замѣшательство. Мною тотчасъ же были посланы на мѣсто происшествія офицеры и конно-охотничьи команды. То же самое было сдѣлано распоряженіемъ командира 1-го армейскаго корпуса. Людей собрали и успокоили. Такъ какъ многихъ лошадей не доставало, то три орудія пришлось тащить при помощи охотничьихъ командъ и казаковъ.

Обстоятельство это произвело очень тягостное впечатлѣніе, указавъ на то, что людьми, такъ долго бывшими въ бою и крайне утомленными, начинало овладѣвать нервное состояніе. Съ другой стороны

оно дало намъ указаніе на то, что единственный путь, по которому намъ предстояло слѣдовать, былъ подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Самый путь былъ совершенно неустроенный и, надо полагать, не обслѣдованъ никѣмъ изъ чиновъ управленія начальника военныхъ сообщеній главнокомандующаго.

Начало разсвѣтать. Мы находились на площадкѣ и обсуждали положеніе дѣлъ. Большая часть войскъ 1-го армейскаго корпуса была уже въ отступленіи. Часть войскъ 6-го сиб. корпуса отходила медленно на сѣверъ. Около сел. Хоулина, въ которомъ находились два корпусные командира съ конвоями и два корпусныхъ штаба, оставалось очень мало войскъ.

Положеніе 1 арм. и 6 сиб. корпусовъ видно изъ прилагаемой схемы.

Баронъ Мейендорфъ полагалъ оставаться до полнаго выясненія обстановки. Наконецъ, имъ отдано было приказаніе начальнику штаба сдѣлать распоряженіе объ отходѣ войскъ. Былъ уже 9-й часъ утра и чудное маньчжурское солнце блистало во всей своей прелести. Наступалъ теплый день.

Какія силы противника были противъ насъ — никто не зналъ. Одно время казалось, что онъ пытается сбить насъ съ позиціи, но засимъ стало очевидно, что онъ не желалъ дѣлать большихъ усилій для того, чтобы сбить слабый отрядъ съ позиціи, защищавшей Хоулинъ. Мы знали, что на правомъ нашемъ крылѣ дѣла шли очень неуспѣшно; мы видѣли, что японцы совершенно отрѣзали 1-й армейскій корпусъ отъ остальныхъ корпусовъ 1-й арміи и глубоко обошли его лѣвый флангъ. Что дѣлалось въ 17-мъ корпусѣ, а тѣмъ болѣе въ 5-мъ сибирскомъ, мы не знали. Связь между барономъ Мейендорфомъ и командующимъ 1-й арміей совершенно прервалась; связь между мною и ко-

мандующимъ 3-й арміей не существовала. Въ этомъ отношеніи мы были отрѣзаны отъ боевыхъ сосѣдей и находились въ полной неизвѣстности относительно ихъ. Телефонъ и телеграфъ были сняты еще наканунѣ.

Когда приказаніе объ отходѣ было составлено и подписано начальникомъ штаба 1-го корпуса, баронъ Мейендорфъ обратился ко мнѣ съ просьбою о томъ, чтобы я приказалъ начальнику штаба моего корпуса тоже подписать его. Я охотно на это согласился и вспомнилъ подобный же случай, который былъ на Шипкинскомъ перевалѣ 11-го авг. 1877 г., когда я ѣхалъ въ свитѣ генерала Радецкаго, шедшаго съ корпусомъ на выручку Шипки и получившаго только что донесеніе, подписанное генералами Столѣтовымъ и Дерожинскимъ.

Въ 8 ч. 30 м. приказаніе объ отходѣ войскъ 1-го арм. и 6-го спб. корпусовъ было подписано и тотчасъ же было разослано въ войска. Черезъ полчаса начался отходъ войскъ, которыя были расположены близъ селенія Хоулина.

Такъ какъ корпуснымъ командирамъ съ ихъ штабами и конвоями приходилось слѣдовать подъ сильнымъ огнемъ артиллеріи непріятеля, то, дабы не ѣхать скученно, было условлено, что сначала выѣдетъ изъ селенія штабъ 6-го спб. корпуса, а засимъ штабъ 1-го арм. корпуса. Я проѣхалъ черезъ селеніе и, чтобы оріентироваться и осмотрѣть движеніе нашихъ и японскихъ войскъ и ходъ боя, остановился во второй рощѣ, расположенной на сѣверо-востокъ отъ Хоулина. Штабъ и конвой слѣзли съ лошадей и мы взяли въ руки бинокли. По компасу были опредѣлены страны свѣта.

Въ сосѣдней рощѣ, расположенной отъ той рощи, въ которой мы остановились, въ 150—200 шагахъ

отъ насъ, черезъ 10—15 минутъ появился баронъ Мейендорфъ со штабомъ и конвоемъ. Въ это время шла сильная артиллерійская канонада, а отрядъ подполковника Ефирова находился недалеко отъ насъ къ сѣверо-востоку. Засимъ я поѣхалъ далѣе на сѣверъ. Прослѣдовавъ мимо цѣпи епифанцевъ, я, къ удивленію, увидѣлъ какую-то незнакомую пѣхотную часть. Это оказалась маршевая команда, блуждавшая по полю сраженія. Она была разсыпана въ цѣпь. Мы находились въ сферѣ артиллерійскаго и ружейнаго огня. Явственно была слышна трескотня пулеметовъ.

Вскорѣ мы вышли изъ огня и слѣдовали по пути къ с. Тава, на сѣверо-западъ, куда потянулись войска корпуса. Раненые плелись по одиночкѣ и группами. Мы были лишены возможности оказать имъ помощь. Трудно передать словами то, что въ это время мы чувствовали; но долженъ сказать, что настроеніе было не угнетенное.

Вскорѣ мы выѣхали въ гористую мѣстность. Мною овладѣло какое-то странное спокойствіе; я былъ подъ вліяніемъ ощущенія тишины. Очертанія страны были мягкія. Прекрасная гористая мѣстность, хорошо устроенныя рощи, живописное расположеніе селеній—все это производило хорошее впечатлѣніе. А раненые шли и шли. Китайцы выносили имъ воду, и они съ видимымъ удовольствіемъ утоляли свою жажду. А солнце чудно освѣщало и грѣло долины, селенія и горы.

Мы все ѣхали и ѣхали. Верховыя лошади были настроены спокойно, озирались по сторонамъ, точно желая понять, что вокругъ нихъ происходитъ. На горы онѣ всходили дружно и ничего не пугались.

Не знаю, сколько времени мы ѣхали. Мы вышли къ большой рощѣ и увидѣли, что она была за-

няга какою-то частью, расположившеюся въ боевомъ порядкѣ. Люди съ удивленіемъ смотрѣли на насъ: они ожидали противника, а ѣхалъ командиръ корпуса со штабомъ. Большая часть моего корпуса уже вышла на Мандаринскую дорогу, часть оставалась назади.

До сихъ поръ я не могу забыть—да вѣроятно не забуду до гробовой доски — той величественной картины, которая развернулась передъ нашимъ взоромъ, какъ только мы вышли изъ предгорія. На обширной площади, шириною 5—7 верстъ и длиною 15—20 верстъ, нѣсколько всхолмленной, почти лишенной растительности и залитой лучами южнаго солнца, стояли и двигались войска и обозы трехсотъ-тысячной арміи. Съ трехъ сторонъ гремѣла артиллерійская канонада. Картина была грандіозная. Кровопролитный бой, продолжавшійся непрерывно двѣ недѣли, очевидно, склонился въ пользу японцевъ. Сразу нельзя было разобрать, что именно происходило. Войска двигались, какъ это мнѣ казалось, большими массами, почти безъ промежутковъ. Обозы тянулись вереницею. Движеніе было очень медленное, такъ что въ первую минуту, когда передъ нами открылось отступленіе огромной арміи, мнѣ показалось, что войска не двигаются, а стоятъ на мѣстѣ. Засимъ мы увидѣли, что большая часть двигавшихся войскъ идетъ на сѣверо-востокъ, въ направленіи на Тѣлинскую укрѣпленную позицію, а нѣкоторая часть войскъ идетъ на западъ.

Нѣсколько минутъ мы молча смотрѣли на эту картину и намъ казалось, что наша армія сохраняетъ стройность и спокойствіе, что нигдѣ на огромной площади нѣтъ суеты, не замѣчается растерянности. Нѣкоторыя группы войскъ стояли. Обозъ шелъ черепашьимъ шагомъ.

По близости отъ насъ стоялъ бивакомъ довольно значительный отрядъ войскъ. Ружья были составлены въ козлы, люди лежали, стояли, ходили. Варили чай. На землѣ были разбросаны коробки отъ консервовъ. Было очевидно, что это былъ привалъ отряда, куда то двигавшагося. Вдругъ я увидѣлъ нижнихъ чиновъ моего корпуса. Оказалось, что въ этомъ отрядѣ было два баталіона Мценскаго полка 72 пѣх. дивизіи моего корпуса. Мнѣ показалось, что были люди и Кирсановскаго полка. Разыскавъ генерала Морозова, командовавшаго отрядомъ, я попросилъ вернуть мнѣ мои баталіоны, замѣтивъ, что они мнѣ крайне необходимы въ виду тяжелаго положенія 1-го армейскаго и 6-го сибирскаго корпусовъ, отброшенныхъ на сѣверо-западъ сильнымъ отрядомъ японцевъ, прорвавшимъ расположеніе 1-й нашей арміи на Хуньхе. Морозовъ мнѣ отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, онъ не можетъ исполнить моего желанія, такъ какъ по повелѣнію главнокомандующаго спѣшно двигается въ западномъ направленіи, въ стратегическій его резервъ.

Какой ужасный безпорядокъ господствовалъ въ арміяхъ! Куропаткинъ вырывалъ по баталіону изъ разныхъ полковъ и формировалъ на живую нитку изъ войсковыхъ клочковъ случайные отряды.

Мой 6-й спб. корпусъ, какъ, впрочемъ, и большинство корпусовъ арміи, былъ разорванъ на мелкіе отряды. Самая крупная изъ этихъ частей, именно 14 баталіоновъ, какимъ-то чудомъ оставалась въ моемъ распоряженіи; 18 баталіоновъ были раздѣлены на 4 части, дѣйствовавшія по фронту всѣхъ трехъ армій. Два баталіона 55 пѣх. дивизіи находились во 2-й арміи, на правомъ флангѣ; два баталіона 72 пѣх. дивизіи стояли на привалѣ передо мною; 4 баталіона этой же дивизіи были на лѣвомъ

флангѣ 1-й арміи, а 10 остальныхъ баталіоновъ дивизіи, какъ я узналъ случайно на слѣдующій день, совершили длинный форсированный маршъ изъ раіона 1-й арміи въ расположеніе стратегическаго резерва Куропаткина, дѣйствовавшаго въ раіонѣ 2-й арміи. Такъ что совершенно неожиданно, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я очутился въ центрѣ расположенія и дѣйствій частей моего корпуса.

Вотъ въ какомъ тяжеломъ положеніи находились войска и ихъ старшіе начальники во время упорной и крайне сложной мукденской операціи. Вотъ какой ужасающій господствовалъ безпорядокъ въ войскахъ, напрягавшихъ страшныя усилія, чтобы спасти честь арміи, и такъ нервно и безпорядочно руководившихся нашимъ бывшимъ главнокомандующимъ.

Такому безпорядку японцы противопоставили строгій порядокъ.

XXX.

На маньчжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій Куропаткинъ оказывалъ очень малое довѣріе своимъ подчиненнымъ. Вопреки яснаго и вполнѣ опредѣленнаго закона, онъ, сдѣлавшись главнокомандующимъ, отстранилъ командующихъ арміями отъ заботъ по устройству глубокаго тыла армій и тыловыхъ путей и взялъ это важное и сложное дѣло на себя.

Главныя распоряженія по устройству тыловыхъ путей выпали на долю начальника военныхъ сообщеній главнокомандующаго, генералъ-лейтенанта Забѣлина.

И вотъ, когда мукденскіе бои были проиграны и когда Куропаткинъ приказалъ отступить отъ р. Хуньхе и Мукдена и слѣдовать къ тѣлинскимъ укрѣпленнымъ позиціямъ, арміи завязли въ глубокихъ оврагахъ, крайне трудно проходимыхъ, въ рѣчкахъ, не имѣвшихъ мостовъ и имѣвшихъ часто отвѣсные берега, и въ глубокихъ канавахъ, потеряли огромное число обоза, множество артиллерійскихъ повозокъ и часть артиллеріи и пришли въ полное разстройство не столько отъ японцевъ, которые были утомлены и преслѣдовали насъ крайне вяло, сколько отъ хаотическаго состоянія дорогъ, пролегавшихъ между долиною р. Хуньхе и Тѣлинскою укрѣпленною позиціею.

При отступленіи нашихъ войскъ 25 февраля 1905 г. 2-я и 3-я маньчжурскія арміи понесли слѣдующія потери въ матеріальной части:

орудій	29
лафетовъ	46
передковъ	44
зарядныхъ ящиковъ	547
переднихъ ходовъ зарядныхъ ящиковъ	9
патронныхъ двуколокъ	279
двуколокъ хозяйственныхъ и другихъ	753
разныхъ повозокъ	489
походныхъ кухонь	79

I-я маньчжурская армія тоже потеряла часть своего обоза; но количество потерь мнѣ неизвѣстно.

Почти все потерянное имущество, за рѣдкимъ исключеніемъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими тысячами лошадей, было брошено на пути отступленія потому, что оно завязло въ оврагахъ, рѣчкахъ и канавахъ, а также потому, что для отступленія армій началь-

никъ тыла главнокомандующаго не озаботился приготовить достаточнаго числа удобныхъ дорогъ.

Всѣ участвовавшіе въ отступленіи 2-й и 3-й арміи, конечно, помнятъ тотъ невообразимый хаосъ, который водворился въ отступавшихъ обозахъ только благодаря тому, что не было дорогъ. Гулъ проклятій стоялъ въ обозахъ, такъ какъ всѣ хорошо знали и всѣ видѣли, что никто не позаботился о путяхъ отступленій.

Мы позволяемъ себѣ утверждать, что если бы начальникъ военныхъ сообщеній Куропаткина озаботился не только на бумагѣ, а на дѣлѣ о проложеніи въ зонѣ-рѣка Хуньхэ-Тѣлинская укрѣпленная позиція хотя бы десяти вполнѣ удобныхъ военныхъ дорогъ, то мы не понесли бы такого страшнаго пораженія подъ Мукденомъ, а если бы мы все-таки были вынуждены къ отступленію, то отошли бы къ Тѣлинской позиціи въ порядкѣ и на этихъ прекрасныхъ и сильныхъ позиціяхъ могли бы задержать японцевъ до подхода къ намъ подкрѣпленій. И кто знаетъ? — быть можетъ, тогда счастье повернулось бы къ намъ лицомъ?

Гибель обоза у всѣхъ на виду вызвала панику среди обоза, перешедшую отчасти въ войска. Если бы обозъ спокойно отошелъ въ тылъ, а на это у него было достаточно времени, то войска отошли бы спокойно на промежуточныя позиціи и здѣсь, искусною комбинаціею корпусовъ, можно было бы остановить противника, у котораго не было большого превосходства въ силахъ, и, быть можетъ, отбросить его обратно за Мукденъ. Но гибель обоза произвела подавляющее впечатлѣніе на штабы и особенно на штабъ главнокомандующаго.

Въ эту минуту Куропаткинъ, повидимому, все забылъ, за исключеніемъ обоза. „Спасайте обозъ!“ —

вотъ въ чемъ заключалась суть его приказаній, и онъ особенно хлопоталъ о спасеніи своего поѣзда, въ которомъ были собраны наиболѣе важные документы, такъ какъ онъ уже тогда, вѣроятно, готовилъ планъ своей защиты.

Въ ночь на 25 февраля Куропаткинъ вдругъ страшно взволновался. Онъ разослалъ своихъ ординарцевъ въ обозы. Въ 11 ч. 30 м. ночи завѣдывающему хозяйствомъ I-го стрѣлковаго полка, капитану Бубнову, была дана для прочтенія записка за подписью главнокомандующаго, въ которой было сказано: „съ полученіемъ сего немедленно отступать на Тѣлинъ“. Капитанъ Бубновъ хотѣлъ эту записку оставить у себя, но офицеръ - ординарецъ не далъ ее, такъ какъ ему было приказано предъявлять ее во всѣхъ обозахъ, которые онъ найдетъ въ Мукденѣ и его окрестностяхъ.

Куропаткинъ совершенно потерялъ свое душевное равновѣсіе и склонилъ свою голову подъ тяжестью событій — лишь этимъ можно себѣ объяснить его непосредственное обращеніе къ начальникамъ обозовъ и приказаніе его о томъ, чтобы всѣ обозы непремѣнно шли на Тѣлинъ.

Очевидно, начало паники закралось въ его душу. Причина такого его душевнаго состоянія намъ теперь извѣстна: онъ къ ночи получилъ извѣстіе о прорывѣ японцами позицій нашей I-й арміи у Кіузани. Странно только, что такое извѣстіе чрезвычайной важности вызвало въ его умѣ лишь мысль объ обозахъ. И вотъ онъ наскоро пишетъ записку и самъ ее подписываетъ, забывая при этомъ, что суть дѣла была вовсе не въ обозѣ, а въ томъ, что новая обстановка повелѣвала ему дать новыя директивы и обязывала его принять быстро соотвѣтствующее рѣшеніе. Вѣдь для этого именно

его и назначили главнокомандующимъ, а вовсе не для того, чтобы онъ исполнялъ не существующую должность главнаго начальника обозовъ. Если бы онъ подумалъ хорошенько и спросилъ совѣта у толковаго генерала, а такихъ въ войскахъ было достаточно, то вмѣсто посылки ординарцевъ къ обознымъ начальникамъ ординарцы поскакали бы къ корпуснымъ командирамъ и командующимъ арміями съ приказаніями, вытекавшими изъ новаго положенія дѣлъ.

Около полудня 25 февраля у Тавы появился генералъ графъ Бобринскій, посланный регулировать движеніе обоза. Какъ разъ около этого времени я со штабомъ корпуса прибылъ къ Тава, а нѣсколько раньше нашего прибытія туда подтянулись части Епифанскаго и Юхновскаго полковъ.

Мнѣ передалъ генералъ, хорошо знакомый съ Мукденской операціей, что большая часть 22 пѣх. дивизіи, взятая изъ состава 1-го армейскаго корпуса, была направлена въ тылъ для охраны пути слѣдованія поѣзда Куропаткина. Я не утверждаю, что это было именно такъ, но утверждаю, что ослабленіе позиціи 1-го армейскаго корпуса, а также оголеніе позиціи 4-го сибирскаго корпуса на Хуньхе, исполненныя по распоряженію Куропаткина, дали японцамъ возможность прорвать наше расположеніе у Кіузана, что оказало роковое вліяніе на всю Мукденскую операцію.

Куропаткинъ поспѣшилъ отправить въ Тѣлинъ свой поѣздъ, нагруженный оправдательными документами и имуществомъ, а самъ помѣстился въ вагонѣ 3 класса другого поѣзда.

Прорывъ нашей позиціи у Кіузана создалъ новую грозную для насъ обстановку, которую могъ оцѣнить надлежащимъ образомъ лишь одинъ Куро-

паткнѣ, какъ лицо, знавшее, что дѣлается во всѣхъ трехъ нашихъ арміяхъ; но онъ, очевидно, не понялъ значенія этого прорыва, не измѣнилъ въ теченіе всего 25 февраля данныя имъ наканунѣ директивы и слишкомъ много думалъ о спасеніи обозовъ.

Вотъ какое страшное впечатлѣніе произвела на него гибель обоза и вотъ что значитъ не озаботиться объ устройствѣ для многочисленной арміи необходимаго числа тыловыхъ путей.

Всѣ тѣ, которые участвовали въ мукденскихъ бояхъ, прекрасно знаютъ, что катастрофа съ обозами произошла отъ бездорожья. Оспаривать это станутъ лишь тѣ, которые непосредственно въ этомъ виновны.

На основаніи приказа главнокомандующаго 11 января 1905 г. № 50 и статьи 316 Положенія о полевомъ управленіи войскъ, на обязанности начальника военныхъ сообщеній при главнокомандующемъ, каковую должность занималъ генералъ Забѣлинъ, лежали общія распоряженія о мѣрахъ для исправнаго состоянія всѣхъ путей, входящихъ въ составъ военныхъ дорогъ.

Для того, чтобы ясно было видно, что дороги были въ ужасномъ положеніи и что о нихъ совершенно не заботились тѣ, на обязанности коихъ лежала эта забота, мы приведемъ нѣсколько соотвѣтственныхъ документовъ.

Состоявшій въ распоряженіи командовавшаго 2-ю арміею генералъ-лейтенантъ Логиновъ получилъ порученіе произвести дознаніе о причинахъ тѣхъ страшныхъ потерь, которыя понесла матеріальная часть этой арміи во время мукденской операціи.

Этотъ генералъ произвелъ дознаніе въ 12 шта-

бахъ и управленіяхъ, 42 батареяхъ и 20 артиллерійскихъ паркахъ.

Хотя его рапортъ отъ 12 мая 1905 г. за № 12 обнаруживаетъ, что авторъ его не вникъ въ суть дѣла, но все же мѣстами онъ подошелъ до нѣкоторой степени къ истинѣ.

„По всѣмъ четыремъ путямъ отъ Мукдена до Тѣлина“, говоритъ Логиновъ, „обозы шли не въ одну или двѣ повозки, а безпорядочной толпой, въ 6 и болѣе рядовъ. Эту сплотившуюся массу обозовъ я лично видѣлъ занимавшею непрерывно всѣ четыре дороги отъ Мукдена къ сѣверу на рѣку Пухе и далѣе за деревню Илу, т. е. болѣе чѣмъ на 30 верстъ. Такая же непрерывная линія обозовъ днемъ 25 февр. виднѣлась и къ сѣверу отъ д. Илу, на всемъ протяженіи четырехъ путей къ востоку отъ желѣзной дороги. Если бы всѣ эти обозы шли въ одну повозку, то глубина обозовъ на каждой изъ четырехъ дорогъ достигала бы не менѣе 50 верстъ“.

Изъ этого даже можно усмотрѣть, что начальникъ сообщеній главнокомандующаго былъ обязанъ подготовить въ этомъ раіонѣ по крайней мѣрѣ десяти тыловыхъ дорогъ. Вѣдь это указалъ бы ему простой ариѳметическій подсчетъ, если бы онъ потрудился его сдѣлать. Само собою разумѣется, что если бы Куропаткинъ оказалъ большее довѣріе командующимъ арміями, въ штабахъ которыхъ были особые отдѣлы по завѣдыванію сообщеніями, т. е. если бы онъ точно слѣдовалъ закону, то арміи имѣли бы тыловые пути въ достаточномъ количествѣ и вполнѣ благоустроенные, и мы не потерпѣли бы такого погрома подъ Мукденомъ.

Итакъ, по мнѣнію Логинова, въ этомъ раіонѣ было четыре дороги. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ? Вотъ что говоритъ тотъ же генералъ: „Грун-

товыя дороги въ февралѣ мѣсяцѣ, благодаря сухой погодѣ, были хороши; но переходы черезъ тѣ овраги, которые были на этапной дорогѣ у д.д. Тава, Поянъдяшунь, Санва, Сандянцы, Пухе, хотя и были разработаны, но далеко не вполнѣ: спуски были круты и узки и не приспособлены для массоваго отступленія, котораго никто не предвидѣлъ; можно было двигаться только въ одну повозку, вслѣдствіе чего при столпленіи обозовъ на этихъ мѣстахъ болѣе всего происходили поломки въ обозахъ. На тѣхъ же дорогахъ, къ западу отъ Мандаринской, которыя не считались этапными путями, переходы черезъ овраги вовсе не были разработаны и тамъ повозки прямо срывались въ овраги".

Вотъ каковы были дороги, по которымъ должна была слѣдовать многочисленная армія съ огромными обозами. Вотъ какъ озаботился начальникъ военныхъ сообщеній главнокомандующаго выполненіемъ одной изъ самыхъ существенныхъ своихъ обязанностей.

Для громадной массы войскъ, свыше 300.000 чел., и многочисленнаго обоза была всего одна дорога и та съ крутыми спусками.

Объ одной дорогѣ, на которую, къ сожалѣнію, не было обращено вниманіе тыловыми учрежденіями главнокомандующаго, вотъ что пишетъ командиръ 3-го дивизіона 31 артиллерійской бригады: „На пути отъ Мукдена повстрѣчались два очень большихъ оврага, которые дѣлали громадную задержку въ движеніи колоннъ въ виду своей неудобопроходимости и крутизны: одинъ оврагъ южнѣе Хушитай, а другой, глубиною саженъ 8—на высотѣ дер. Плу; оба оврага безъ мостовъ. Въ этихъ оврагахъ, особенно во второмъ изъ нихъ, валялась масса поломаннаго обоза и зарядныхъ ящиковъ".

Изъ этого видно, какіе порядки господствовали

въ тылу армій, высшее вѣдѣніе которымъ взялъ на себя Куропаткинъ, отстранивъ отъ него всѣхъ трехъ командующихъ арміями. Будущій историкъ войны, располагая всѣми необходимыми документами, раскроетъ намъ полную картину того поистинѣ хаотическаго состоянія, которое господствовало на тыловыхъ дорогахъ. Всѣ указанія стратегіи и опыта прошлыхъ войнъ были въ полномъ пренебреженіи въ штабѣ Куропаткина. Впрочемъ, я долженъ оговориться: быть можетъ штабъ и представлялъ нашему бывшему вождю о необходимости устроить должнымъ образомъ военныя дороги. Обязанность историка указать, гдѣ истина.

Дорога, по которой предложено было слѣдовать 55 п. дивизіи и штабу 6 спб. корпуса, отъ р. Хуньхе на сѣверъ, была отвратительная. Заботу о ней тылового учрежденія главнокомандующаго можно оцѣнить, какъ это иногда выражаются, круглымъ нулемъ; зато въ одномъ изъ овраговъ погибла масса обоза и лошадей.

Въ телеграммѣ отъ 26 февр. 1905 г., посланной бывшимъ главнокомандующимъ, онъ доноситъ Государю Императору, между прочимъ, слѣдующее:

„Днемъ шли безъ дорогъ. Такъ какъ мѣстность между Мукденомъ и Тѣлиномъ пересѣкается нѣсколькими рѣчками съ крутыми берегами, то обозы, двигавшіеся таборами, должны были останавливаться, выжидая очереди перехода по переѣздамъ, что ночью, несмотря на принятыя мѣры, происходило медленно“.

Самъ Куропаткинъ, слѣдовательно, удостовѣряетъ, что его начальникъ военныхъ сообщеній совершенно не исполнилъ главной своей обязанности по устройству тыловыхъ путей, а онъ самъ не наблюдалъ за этимъ. Въ этой телеграммѣ имѣется, однако, неточность. Дѣло въ томъ, что онъ приказалъ на-

чать отступленіе ночью, и обозы перваго разряда многихъ корпусовъ и артиллерійскіе парки очутились въ непроходимыхъ оврагахъ въ совершенной темнотѣ.

Кто видѣлъ весь ужасъ отступленія по непроѣзжимъ дорогамъ и цѣлиною, черезъ глубокіе, часто съ крутыми берегами, овраги, тотъ хорошо понимаетъ одну изъ главныхъ причинъ нашего тяжелаго пораженія. И все это забыто. И лица, которыя обнаружили въ этомъ важномъ дѣлѣ преступную бездѣятельность, спокойно занимаютъ хорошія мѣста въ военномъ вѣдомствѣ и, вѣроятно, мечтаютъ о крупномъ повышеніи по службѣ. Точно они оказали неоцѣнимыя услуги своему отечеству.

Изъ трехъ самыхъ крупныхъ событій войны: гибели флота у Цусимы, преждевременной сдачи Портъ-Артура и Мукденскаго погрома, первыя два были подвергнуты судебному разбирательству, при чемъ виновные получили заслуженную ими кару, а невиновные были обѣлены и послѣ суда смѣло могутъ всѣмъ смотрѣть въ глаза.

Куропаткинъ въ своихъ запросахъ, обращенныхъ къ командовавшимъ арміями, возводитъ тяжкія обвиненія на многихъ генераловъ и даже на части войскъ, а въ своемъ прощальномъ обращеніи къ офицерамъ и въ своемъ отчетѣ о войнѣ, какъ это хорошо извѣстно, набрасываетъ недобрую тѣнь на офицеровъ и на нижнихъ чиновъ.

Между тѣмъ портъ-артурскій судебный процессъ выяснилъ, что наши офицеры и нижніе чины обладали въ прошлую войну тѣми же прекрасными боевыми качествами, которыми всегда славилась русская армія. Стоитъ вспомнить защиту форта № 2, чтобы видѣть, что нашъ офицеръ и солдатъ съ доблестнымъ мужествомъ и при самыхъ ужасныхъ условіяхъ выполнили свой долгъ передъ Царемъ и

отечествомъ и умѣли безропотно умирать за честь и славу своей родины, и что въ этомъ отношеніи нельзя предоставить пальму первенства японскому офицеру и солдату.

Если бы особо назначенной военной комиссіи было поручено разслѣдовать причины нашего пораженія подъ Мукденомъ и засимъ виновные были бы отданы подъ судъ, то несомнѣнно обнаружилось бы ясно, передъ всѣмъ міромъ, высокая доблесть нашихъ войскъ, дравшихся подъ Мукденомъ днемъ и ночью съ 10 февраля по 1 марта безъ перерыва, и обнаружилось бы, что наше пораженіе произошло не отъ того, что у нашего офицера и солдата, какъ это съ легкимъ сердцемъ утверждаетъ Куропаткинъ, не было стремленія къ подвигу, а отъ того, что послѣдній обезличилъ командующихъ арміями и корпусныхъ командировъ, лишивъ ихъ инціативы, перемѣшалъ всѣ войска, водворилъ въ арміяхъ хаосъ, забылъ, что въ его распоряженіи было свыше 80 баталіоновъ, которые съ успѣхомъ могли бы быть введены въ боевую линію, и, не испробовавъ всѣхъ средствъ для одержанія успѣха надъ противникомъ, приказалъ отступить по дорогамъ, на которыхъ гибли артиллерія и обозъ, а засимъ безъ всякаго основанія и не будучи къ тому вынужденнымъ противникомъ, приказалъ очистить прекрасно укрѣпленныя и сильныя отъ природы Тѣлинскія позиціи.

Когда русскія арміи отступили отъ Тѣлинскихъ укрѣпленій и потянулись далѣе на сѣверъ, японцы собрали всѣ повозки, нами оставленныя въ оврагахъ, и показывали ихъ китайцамъ, какъ трофеи, а засимъ объявили всему міру, что русская армія понесла страшный погромъ и въ своемъ бѣгствѣ на сѣверъ потеряла свой багажъ.

XXXI.

Продолжаемъ разсказъ. Находясь у Тавы днемъ 25 февраля, вправо отъ себя я вскорѣ увидѣлъ части Юхновскаго и Епифанскаго полковъ моего корпуса. Части эти двигались по указанію, данному имъ начальникомъ дивизіи. Я приказалъ имъ стянуться на нѣкоторое время въ небольшой долинѣ, по которой они двигались, устроиться и подобрать людей, слѣдовавшихъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ хвоста колонны.

Люди имѣли утомленный видъ, но части сохранили надлежащій порядокъ.

Всѣ мы ужасно истомились, такъ какъ въ теченіе многихъ и многихъ дней и ночей намъ пришлось порядочно поработать, много испытать ощущеній, волненій и тревогъ; по ночамъ мы мало и тревожно спали, а въ послѣднія двѣ ночи никто изъ насъ ни на минуту не сомкнулъ глазъ. Я не могу въ точности опредѣлить наше самочувствіе. Конечно, каждый изъ насъ, сообразно своему темпераменту, имѣлъ свое особое самочувствіе, но мнѣ казалось, что въ общемъ господствовало спокойствіе духа.

Вѣра въ побѣду почти исчезла; но вѣдь на войнѣ побѣда часто приходитъ неожиданно и именно съ той стороны, съ которой наименѣе всего ожидается. Вдругъ блеснетъ счастливая мысль у главнокомандующаго, вдругъ онъ, хотя и истомленный, вѣроятно, не менѣе насъ, преисполнится рѣшительностью; вдругъ воля его проснется, и онъ, имѣя въ рукахъ сильный резервъ, нанесетъ пораженіе арміямъ Ноги и Оку, а засимъ, отбросивъ ихъ, бросится во главѣ превосходныхъ силъ на армію Нодзу и отброситъ ее отъ Мукдена. Тогда арміи Куроки и Кавамуры

были бы принуждены отступить и нами былъ бы одержанъ крупный успѣхъ.

Это могло случиться, но, къ сожалѣнію, не случилось.

Прорывъ у Кіузани и появленіе японцевъ близъ Мандаринской дороги, которую они уже начали обстрѣливать, ставилъ извѣстные предѣлы волѣ Куропаткина. Этотъ прорывъ оказался для него совершенно непредвидѣннымъ событіемъ, окончательно рѣшившимъ участь мукденской эпопеи.

Мы такъ привыкли къ артиллерійской канонадѣ, что очень часто не обращали на нее никакого вниманія; часто не слышали грохота этой канонады, особенно въ тѣ минуты, когда бывали заняты какимъ либо спѣшнымъ дѣломъ. Шимозы свистятъ, шрапнели рвутся и точно нѣтъ вовсе орудійныхъ выстрѣловъ. Когда мы окончили около Тавы нашу скромную и кратковременную трапезу, нѣсколько отдохнули и собрались садиться на коней, мы услышали громкіе артиллерійскіе выстрѣлы съ сѣверо-восточной стороны. Большая часть войскъ корпуса, кромѣ отряда Ефирова, уже вышла на Мандаринскую дорогу. Впрочемъ, какъ это я узналъ впослѣдствіи, по сѣверную сторону села Хоулина до 2 часовъ дня оставались части 55-й дивизіи, не получившія вовсе приказанія объ отходѣ и узнавшія отъ какихъ-то замѣшкавшихся казаковъ о томъ, что войска уже отступили.

Японцы, исполнивъ свой смѣлый и глубокій прорывъ, появились въ недалекомъ разстояніи отъ Мандаринской дороги и установили свою батарею на позиціи, гдѣ именно—мы еще не знали. До Тава снаряды ихъ не долетали, вѣроятно, потому, что они обстрѣливали болѣе глубокій тылъ. Мы двинулись по направленію на Санва и Пухе. Вдругъ насъ

осыпали шимозами. Снаряды рвались впереди насъ, перелетая черезъ головы, рвались позади, но никого изъ насъ не коснулись. Было очевидно, что непріятельская батарея слѣдила за движеніемъ нашей группы и замѣтила значекъ корпуснаго командира. Невдалекѣ отъ насъ я вновь увидѣлъ юхновцевъ и епифанцевъ, при которыхъ находился полковникъ Пономаревъ, командовавшій 2-й бригадой 55 дивизіи.

Мы свернули влѣво и японская батарея продолжала осыпать насъ снарядами. У меня подъ рукой не было артиллерійской части. Я увидѣлъ нѣсколько ротъ Борисоглѣбскаго полка и слѣдовавшую недалеко отъ нихъ батарею. За дѣйствіями японской батареи, смѣло выѣхавшей впередъ и часто мѣнявшей позицію, зорко слѣдилъ состоявшій при мнѣ ординарцемъ младшій фейерверкеръ 6 батареи 6 артиллерійской бригады Новосильцевъ. Онъ доложилъ мнѣ, что она состоитъ изъ 4 орудій, и точно указалъ мѣсто ея расположенія. Я приказалъ ротамъ борисоглѣбцевъ занять опушку селенія Кучензы и послалъ черезъ капитана Мыслицкаго приказаніе, слѣдовавшей по дорогѣ батареѣ, занять позицію и уничтожить назойливую батарею японцевъ. Быстро пристрѣлявшись, наша батарея осыпала артиллерію противника шрапнелью и такъ удачно, что она замолчала.

Въ это время мимо насъ вереницей тянулись обозы. Вдругъ изъ селенія вышелъ ко мнѣ какой-то господинъ, одѣтый въ штатское платье. Онъ мнѣ заявилъ, что въ селеніи застрялъ обозъ, который везъ запасы серебра Мукденскаго отдѣленія Русско-Китайскаго банка, что обозъ потерялъ муловъ и лошадей и не въ силахъ дальше двигаться. Ящики съ серебромъ я приказалъ передать на попеченіе батареи, которая только что такъ удачно уничто-

жила японскую батарею. Серебро было благополучно довезено до Тѣлина.

Эта славная батарея была 2-я батарея 43 артиллерійской бригады.

По поводу дѣйствій японской батареи бывшій главнокомандующій въ своемъ письмѣ командующему 3 Маньчжурской арміею, отъ 18 іюля 1905 г. за № 105, говоритъ слѣдующее: „Около часа пополудни батарея противника, стоявшая восточнѣе Цяодягоу, открыла огонь по Тава, направляя его по колоннамъ двигавшихся обозовъ и внося въ нихъ панику и смятеніе; отъ Тава около 1 часа пополудни обозы стали сворачивать на западъ и нѣсколькими потоками, въ полномъ безпорядкѣ, устремились къ желѣзной дорогѣ—къ ст. Хушитай; все это было ясно видно изъ Цуэртуня; непріятельская батарея была видимо не велика, быть можетъ орудія два; огонь ея не имѣлъ мѣткости, но и этого оказалось достаточнымъ для деморализаціи обозовъ и нѣкоторыхъ отходящихъ частей войскъ“.

Хотя Куропаткинъ отличается прекраснымъ зрѣніемъ, но на этотъ разъ онъ неудачно опредѣлилъ и мѣсто расположенія батареи, мѣнявшей свое мѣсто, и мѣткость стрѣльбы японцевъ. Дѣло было именно такъ, какъ это мною описано. Въ это время Пухэ было уже занято японцами, наши обозы подтягивались къ Кучензы, а японская батарея, такъ много надѣлавшая намъ хлопотъ, дѣйствовала сѣвернѣе Цаодягоу. Какъ бы тамъ ни было, эта батарея была уничтожена и обозъ сталъ двигаться внѣ артиллерійскаго огня. Я лично при этомъ присутствовалъ.

Когда хвостъ обоза миновалъ селеніе, я съ борисоглѣбцами, выждавъ нѣкоторое время, медленно двинулся далѣе и увидѣлъ вскорѣ, въ сосѣдней

деревнѣ, обозъ генералъ-квартирмейстерской части главнокомандующаго. Поручивъ старшему офицеру отряда озаботиться о вывозѣ этого обоза, ничѣмъ не прикрытаго, я со штабомъ выѣхалъ дальше. Позорное дробленіе корпусовъ крайне вредило дѣлу и ставило въ унизительное положеніе командировъ корпусовъ, и я рѣшился во что бы то ни стало доложить это главнокомандующему и просить его предоставить, наконецъ, намъ, командирамъ корпусовъ, наши войска, что я и исполнилъ утромъ 26 числа, прибывъ въ ставку его на ст. Сынтайцзы.

Главнокомандующій, не довѣряя вообще своимъ сотрудникамъ, имѣлъ свое мнѣніе о достоинствахъ каждаго изъ послѣднихъ и всегда имѣлъ возможность избавить армію отъ несоотвѣтственныхъ генераловъ; но онъ почему-то этого избѣгалъ. Однако, онъ сумѣлъ поставить Гришенберга въ такое положеніе, что послѣдній не могъ долѣе оставаться въ арміи.

Прорывъ японцевъ у Кіузана былъ послѣднимъ ударомъ, подъ тяжестью котораго дѣло было пропграно; но все же его еще можно было поправить, для чего главнокомандующему надлежало тотчасъ же, по полученіи имъ извѣстія о прорывѣ нашего расположенія, дать новыя директивы арміямъ и сосредоточить въ раіонѣ Тава — Пухе крупный отрядъ или „кулакъ“, какъ любилъ выражаться нашъ бывшій вождь. Куропаткинъ не понялъ обстановки, не далъ арміямъ новыхъ директивъ, принималъ лишь строго пассивныя мѣры и упустилъ драгоцѣнное время.

Въ раіонѣ Тава—Пухе днемъ 25 февраля могъ быть сосредоточенъ отрядъ силою въ 100 баталіоновъ съ могущественной артиллеріей. Именно:

3 пѣхотная дивизія	12	баталіоновъ
22-я „ „	12	„
35-я „ „	8	„
37-я „ „	12	„
55-я „ „	14	„
61-я „ „	8	„
72-я „ „	10	„
бригада ген.-маіора Шплейко	6	„
6-й стрѣлковый полкъ . . .	2	„
9-й „ „ . . .	2	„
Итого . .	86	баталіоновъ.

Къ этимъ войскамъ могли быть подтянуты части отряда ген.-маіора Морозова, а также бригада ген.-маіора Путилова и войска, бывшія подъ командой ген.-маіора Левестама. Всего составилось бы около 100 баталіоновъ съ соотвѣтственной артилеріей.

Оставивъ 50 баталіоновъ для обороны раіона Тава—Пухе, какъ это приведено мною въ запискѣ отъ 9-го сентября 1905 года, ниже помѣщаемой, что было совершенно достаточно въ виду того, что днемъ 25-го февраля японцы не имѣли въ этомъ раіонѣ силъ, которыя могли бы преодолѣть эти 50 баталіоновъ, онъ могъ бы остальные 50 баталіоновъ назначить на подкрѣпленіе 2-й арміи. И тогда можно было бы перейти въ рѣшительное наступленіе и вырвать побѣду у японцевъ.

Стратегія учитъ насъ, что дѣйствія по внутреннимъ линіямъ приводятъ къ рѣшительнымъ результатамъ въ томъ случаѣ, когда расчетъ произведенъ правильно и во главѣ войскъ стоитъ лицо, обладающее достаточнымъ запасомъ воли и смѣлости. Мы въ этотъ день случайно очутились въ по-

ложеніи, допускавшемъ дѣйствіе по внутреннимъ линіямъ. Отсутствіе рѣшительности и оставленіе въ силѣ отступательныхъ директивъ, данныхъ главнокомандующимъ въ ночь съ 24-го на 25-го февраля, повлекли за собою самыя тяжелыя послѣдствія: войска, не получая точныхъ приказаній, которыя вытекали бы изъ круто измѣнившейся обстановки, потянулись къ Тѣлинскимъ укрѣпленнымъ позиціямъ.

Нужно имѣть въ виду, что въ началѣ февраля обѣ стороны готовились къ рѣшительному наступленію. Уступное расположеніе арміи Ноги за лѣвымъ крыломъ ясно указывало, куда готовился главный ударъ японцевъ.

Дабы развлечь вниманіе нашего главнокомандующаго, японцы сдѣлали попытку нападенія на нашъ тылъ, а также намекнули на возможность нападенія на Владивостокъ. Это вызвало большую тревогу въ штабѣ главнокомандующаго. Посланы были спѣшно въ тылъ бригада 41-й пѣхотной дивизіи и донскіе казачьи полки, а для усиленія Владивостокскаго гарнизона полевой артиллеріей было отправлено нѣсколько батарей, спѣшно снятыхъ съ позиціи Шахе.

Если бы бригада 41-й дивизіи и донскіе казачьи полки, присутствіе коихъ въ тылу стало излишнимъ, были бы возвращены въ Мукденъ и кромѣ того были бы своевременно перевезены изъ Владивостока двѣ Восточно-Сибирскія стрѣлковыя дивизіи, то къ 20—22 февраля могъ бы быть сформированъ новый корпусъ силою въ 40 баталіоновъ съ артиллеріею и конницей, который, расположившись гдѣ либо на рѣкѣ Ляохэ, примѣрно около селенія Шифусы, могъ бы, двигаясь долиною рѣки, стать на путь сообщенія арміи Ноги.

Опасаться за Владивостокъ и Приморскую

область намъ не было никакого основанія. Во первыхъ, японскій главнокомандующій не обнаружилъ ни разу склонности къ разброскѣ силъ, напротивъ, онъ стремился къ сосредоточенію на главномъ театрѣ борьбы превосходныхъ численностью силъ. Во-вторыхъ, если бы японцы пожелали до мукденской операціи овладѣть Владивостокомъ, то они въ виду примѣра, который они испытали подъ Портъ-Артуромъ, были бы вынуждены послать въ Приморскую область цѣлую армію и оказались бы подъ Мукденомъ гораздо слабѣе насъ, и могли бы потерпѣть страшное пораженіе. Въ-третьихъ, если бы всетаки они рѣшились на такое рискованное предпріятіе, то, въ случаѣ успѣха нашей тихо-океанской эскадры въ бою съ японскими морскими силами и пріобрѣтенія нами господства на морѣ, японская армія, которая бы оперировала противъ Владивостока, даже если бы послѣдній и былъ взятъ, испытала бы катострофу и была бы взята въ плѣнъ.

Во всякомъ случаѣ, на главномъ театрѣ борьбы Куропаткинъ долженъ былъ сосредоточить превосходныя силы, а онъ ихъ разбросалъ въ четырехъ раіонахъ, отдаленныхъ другъ отъ друга большими разстояніями. Стратегія учитъ, что тотъ полководецъ, который желаетъ все прикрыть и защитить, ничего въ сущности не прикрываетъ и не защищаетъ.

Если бы Куропаткинъ сосредоточилъ превосходныя силы подъ Мукденомъ, ослабивъ защиту Приморской области съ Владивостокомъ, Сахалина, а также тыла, то онъ могъ бы, даже не обнаруживая таланта, разгромить японцевъ подъ Мукденомъ, если бы сумѣлъ это пожелать. Стоило бы ему возвратить во всѣ корпуса выдернутыя имъ изъ нихъ

войска, проявить довѣріе къ командующимъ арміями, не вмѣшиваться въ распоряженія командировъ корпусовъ, у которыхъ были свои начальники, и подавать своевременно помощь своимъ стратегическимъ резервомъ.

Все это такъ ясно, такъ просто и вмѣстѣ съ симъ такъ старо; но, повидимому, было недоступно пониманію нашего бывшаго вождя. Само собою разумѣется, надлежало имѣть при этомъ основательно разработанный планъ каждой крупной военной операціи, въ которомъ было бы предусмотрѣно все болѣе или менѣе существенное. Лишь военные геніи могутъ быстро угадывать обстановку и безошибочно направлять общія усилія къ достиженію побѣды, да и то не всегда. Къ сожалѣнію, у Куропаткина не было геніальныхъ способностей, не было военнаго таланта, въ чемъ, конечно, никто его не винитъ; но у него былъ слишкомъ большой запасъ самомнѣнія и онъ слишкомъ ревниво охранялъ свое первенство въ арміи, что повело за собою его недовѣріе къ ближайшимъ своимъ сотрудникамъ и непосильный для него личный трудъ. Въ трудѣ надъ самыми мелочными вопросами онъ запутался и просмотрѣлъ главное.

XXXII.

Какъ это всѣмъ хорошо извѣстно, Куропаткинъ, послѣ окончанія военныхъ дѣйствій, занялся изслѣдованіемъ того, кто изъ генераловъ былъ въ чемъ виноватъ. Онъ составилъ обширный обвинительный актъ о большинствѣ старшихъ генераловъ. Онъ на этомъ не остановился и, какъ извѣстно, уѣзжая изъ арміи, возвелъ обвиненіе на весь корпусъ офицеровъ и на всю русскую армію.

Я не знаю, кого онъ обвинялъ въ томъ, что японцы не были задержаны у Кіузана и разрѣзали 1-ю маньчжурскую армію пополамъ, зайдя въ Пухэ въ тылъ 3 маньчжурской арміи. Постараюсь установить, на кого должна пасть главная вина въ допущеніи этого прорыва.

Изъ документовъ, которые я имѣлъ въ рукахъ, видно, что первое свѣдѣніе о прорывѣ японцевъ у Кіузана было получено отъ поручика Овсянникова, который полевою запискою за № 11, помѣченною 1 ч. 20 м. дня 24 февраля, донесъ: „4 сибирскій корпусъ обстрѣливается японцами. Деревня Кіузанъ, по свѣдѣніямъ охотниковъ, уже занята японцами. Большинство позицій 4-й сибирскій корпусъ еще не успѣлъ занять".

Японцы, видя почти беззащитность позиціи, назначенной для 4-го сибирскаго корпуса, двинулись быстро впередъ и, не встрѣчая никакого препятствія, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ разрѣзали 1-ю маньчжурскую армію на двѣ части, совершенно разъединивъ ихъ между собою. Съ позиціи 4-го сибирскаго корпуса Куропаткинъ взялъ дивизію вмѣстѣ съ командиромъ корпуса. Одинъ полкъ, именно Омскій, сбился съ дороги при отступленіи и не попалъ на позиціи своего корпуса на р. Хуньхе. Два полка, Красноярскій и Царицынскій, ожидавшіеся на эту позицію, не прибыли вовсе. На позиціи оставался всего одинъ полкъ, Барнаульскій, и то не въ полномъ составѣ,

Путаница, которая была водворена въ арміяхъ распоряженіями свыше, не могла, конечно, повести къ добру и дала японцамъ полную возможность выполнить смѣлый планъ прорыва.

Генералъ-адъютантъ баронъ Мейендорфъ, въ своей полевой запискѣ за № 70, помѣченной 5 ч.

15 м. вечера 24 февраля, донесъ главнокомандующему слѣдующее: „Доношу, что мною только что получено извѣстіе. Генералъ Засуличъ отступилъ. Генералъ Левестамъ сбитъ съ позиціи у Кіузана. Высылаю боковой заслонъ въ составѣ 20-го стрѣлковаго полка и 3-ей Забайкальской батареи въ направленіе на селеніе Ментангоу, съ тѣмъ, чтобы постараться составить боковой заслонъ на гребнѣ Кіузанской долины. Мнѣ были обѣщаны Царицынскій и Красноярскій полки, которые однако къ с. Лямивоза до сихъ поръ не прибыли. Занимаю растянутую позицію, въ резервѣ всего 2 баталіона Новочеркасскаго полка".

Нужно замѣтить, что съ вызовомъ къ себѣ командира 4-го сибирскаго корпуса, войска, расположенныя на позиціи этого корпуса, были подчинены Куропаткинымъ барону Мейендорфу. Такое распоряженіе въ минуту боя не могло, конечно, обѣщать успѣха, особенно въ виду того, что позиція этого славнаго корпуса была оголена отъ войскъ.

Къ 3—4 часамъ дня 24 февраля японскіе разъѣзды появились уже на линіи Фыдіатунь-Хушиншу, слѣдовательно въ разстояніи 13 — 15 верстъ отъ с. Пухэ.

Кто же долженъ быть признанъ главнымъ виновникомъ Кіузанскаго прорыва? Очевидно, эта вина падаетъ на нашего бывшаго главнокомандующаго, разстроившаго совершенно составъ корпусовъ, не имѣвшаго опредѣленнаго плана войны и плана мукденской операціи и обнаружившаго большую наклонность къ самымъ удивительнымъ импровизаціямъ.

XXXIII.

Послѣ дѣла подъ Кучензы я направился съ штабомъ и конвоемъ на сѣверо-востокъ. Дорога была

отвратительная и было очевидно, что управленіе начальника военныхъ сообщеній не приложило никакой заботы объ исправленіи дороги и приведеніи ея въ надлежащій видъ.

Наступали сумерки. Армія была въ полномъ отступленіи.

Вдругъ кто-то громко крикнулъ: „японская кавалерія“. Что при этомъ произошло—невозможно описать. Въ страшномъ смятеніи все бросилось отъ полотна желѣзной дороги. Артиллерійскіе парки все смяли, что попалось имъ на дорогѣ. Обозы рванулись, и все затрещало, застучало и понеслось впередъ. Всадники, подхваченные взбѣсившимися лошадьми, понеслись. И откуда взялась сила у лошадей; все же они были изнурены не меньше людей. Пѣхота оторопѣла, но я не замѣтилъ страха. Точно всѣ пѣшіе, вдругъ остановившіеся, обдумывали, что предпринять. Былъ точно заданъ имъ чрезвычайно важный, почти роковой, вопросъ и очень сложный, и всѣ ожидали отвѣта.

Внезапно раздался выстрѣлъ. Началась безпорядочная съ разныхъ сторонъ стрѣльба. Паника приняла грозные размѣры. Было замѣчено много пьяныхъ. Стрѣляли со стороны желѣзнодорожной насыпи, откуда раздались слова о появленіи конницы противника. Стрѣляли къ сторонѣ насыпи. Со мною былъ штабъ и конвой, въ общемъ было около 100 человѣкъ. Вокругъ меня образовалась пустота: осталось всего человѣкъ 20—30. Меня, Начальника штаба, генерала Постовскаго, осыпали пулями. Одинъ солдатъ, съ страшно выпученными глазами, прицѣлился въ Постовскаго съ разстоянія не болѣе 10—15 шаговъ. Постовскій подскочилъ къ нему и закричалъ, что это свой. Солдатъ опустилъ ружье, но засимъ вновь поднялъ его и вновь при-

цѣлился. Насилу его остановили. Я кричалъ, что никакой японской кавалеріи нѣтъ, ругалъ солдатъ трусами; но ничто не помогало. Одинъ солдатъ подошелъ ко мнѣ и старался спрятаться около моихъ ногъ; я его погладилъ по головѣ и старался успокоить. „Жена, дѣти“, сказалъ онъ тихо, какимъ то страннымъ голосомъ.

Все неслось, все трещало. Мулы бѣжали. Лошади неслись. Промчалось стадо воловъ. Это была дикая стихійная картина. На всѣхъ почти лицахъ былъ ужасъ. То была такая минута, что если бы въ дѣйствительности тутъ появилась японская кавалерія, то произошла бы страшная катастрофа.

Кто не былъ на мѣстѣ, кто этого не видѣлъ, тотъ не можетъ себѣ представить картину паники. Ни одинъ талантливый художникъ не могъ бы изобразить на полотнѣ то, что произошло, если бы онъ воочію не видѣлъ и не прочувствовалъ дѣйствительности. Ни одинъ великій писатель не могъ бы описать этого нашего несчастья съ тою силою правды, которая проявилась на самомъ дѣлѣ, если бы онъ не перенесъ всего того, что мы перенесли. Надо было самому все это видѣть и только тогда можно было бы правдиво описать всю стихійную силу этого явленія, всю тайну паники.

Началась артиллерійская стрѣльба, и намъ показалось, что снаряды ложатся на путь нашего слѣдованія.

Среди этой паники, вѣроятно, много погибло людей. Вѣдь все давило другъ друга. Перестрѣлка перешла во взаимное разстрѣливаніе. Я видѣлъ и убитыхъ и раненыхъ, и одинъ пѣхотный солдатъ лежалъ недалеко отъ меня. Онъ, уже мертвый, лежалъ съ скорченными руками и ногами. Недалеко отъ него навзничь лежало тѣло казака...

Къ чести русскаго солдата я долженъ замѣтить, что эта паника продолжалась очень короткое время. Конечно, въ точности я не могу сказать, сколько именно она продолжалась, но во всякомъ случаѣ ее надо считать минутами, и я склоненъ думать, что она длилась не долѣе пяти—шести минутъ. Вскорѣ многіе ко мнѣ возвратились. Оказалось, что офицеры моей свиты не поддались безотчетно паникѣ, а употребляли страшныя усилія, дабы подавить ее. Пріемъ для этого былъ очень простой: офицеры призывали къ себѣ людей и быстро формировали команды.

Паника пронеслась дальше, какъ метеоръ, и, когда у насъ прекратилась стрѣльба, мы ее услышали далѣе, впереди насъ. Мы двигались впередъ. Войска двигались, не сохраняя строя. Офицеры шли кучками, усталые, измученные, понуривъ свои головы.

Я обратился къ небольшой командѣ, составомъ не болѣе полуроты, и спросилъ: „Какого полка?“.

— Разныхъ,—отвѣтили нѣсколько голосовъ.

— Какой дивизіи?

— Разныхъ! Разныхъ!

Долженъ сознаться, что раздавались возгласы по адресу высшаго командованія.

Стало замѣтно темнѣть и, наконецъ, наступила совершенная темнота. Передъ нами на далекое разстояніе былъ виденъ большой пожаръ. По мѣрѣ приближенія къ мѣсту пожара, размѣры послѣдняго все болѣе и болѣе увеличивались. Это горѣли большіе интендантскіе склады у желѣзнодорожной станціи Синтайцзы, подожженные будто бы, какъ потомъ говорили, по недоразумѣнію.

Мы съ большимъ трудомъ подвигались впередъ. Все направлялось на сѣверо-востокъ, двигалось медленно и въ тишинѣ. Дорога была ужасная и во всякомъ случаѣ не допускала движенія войскъ и

обозовъ въ порядкѣ. Любая армія разстроилась бы, исполняя отступательный маршъ ночью по такой дорогѣ. Всѣ сосредоточились въ самихъ себѣ и у каждаго была своя дума. Сознаніе понесеннаго нами пораженія отягощало насъ. Зловѣщее зарево огромнаго пожара указывало войскамъ направленіе ихъ слѣдованія.

Наконецъ, поздно ночью, мы достигли желѣзнодорожнаго моста, расположеннаго у станціи Синтайцзы. Передъ мостомъ была огромная насыпь. Насыпь и мостъ мы прошли пѣшкомъ.

За мостомъ, влѣво, лежали части 25-й и 41-й пѣхотныхъ дивизій. Это было собраніе людей, спавшихъ мертвымъ сномъ, истомленныхъ кровавыми боями, выпавшими на ихъ долю. Люди, одѣтые въ теплые китайскіе халаты и въ полушубки, лежали тихо, точно покойники. Лежали точно блины и крендели. Зрѣлище этихъ людей произвело на меня сильное впечатлѣніе. Никто изъ спавшихъ, когда я ходилъ между ними, не пошевельнулся, не обнаружилъ признака жизни. Тутъ же стояло много муловъ, лошадей и ословъ. Ихъ крѣпко держали за поводья и веревки спавшіе солдаты—они за нихъ отвѣчали, и во снѣ, безсознательно, исполняли долгъ службы.

Тысячи нижнихъ чиновъ, сотни животныхъ—эта отдыхавшая масса существъ издерганныхъ, измученныхъ, быть можетъ голодныхъ, но покорныхъ тяжелой судьбѣ, представляла картину, которую рѣдко кому придется видѣть.

Я пріютился въ телеграфномъ домикѣ, гдѣ меня гостепріимно напоили чаемъ. Ѣсть не хотѣлось, а пилъ съ наслажденіемъ. Спалъ всего два съ половиною часа. Тутъ насъ было много и было тѣсно и душно. Многіе изъ насъ, вѣроятно, вовсе не сомкнули глазъ.

Уже наступило 26-е февраля.

Въ 7 часовъ утра я направился къ Куропаткину, помѣщавшемуся въ служебномъ вагонѣ 3-го класса. Роскошный его поѣздъ въ это время былъ уже въ Тѣлинѣ.

Когда я подходилъ къ его вагону, то невольно подумалъ: „дорого обошелся нашей родинѣ Куропаткинъ“. И передо мною отчетливо представилась картина торжественнаго поднесенія ему чудной хоругви въ Москвѣ, въ залѣ дворянскаго собранія. Священная хоругвь, духовенство, Великій князь Сергѣй Александровичъ, высшіе слои первопрестольной столицы Россіи, генералитетъ, представители сословій, тысячная нарядная толпа, наполнявшая залъ и хоры. Сознаюсь откровенно: я не вѣрилъ въ военные таланты Куропаткина и въ его умѣнье руководить массами войскъ въ полѣ, но въ ту торжественную минуту, когда передавали ему стягъ, невѣріе моё поколебалось.

Никогда еще верховная власть русскаго народа и самъ народъ не возлагали на избраннаго вождя такихъ надеждъ. Большинство разсчитывали на блестящее окончаніе войны. И что же вышло? Никогда Россія не была такъ унижена, какъ въ прошлую войну.

Когда я вошелъ въ вагонъ главнокомандующаго и представился ему, то онъ показался мнѣ человѣкомъ, сильно упавшимъ духомъ. Куда дѣвалась его самоувѣренность! Онъ началъ говорить тихо и искоса на меня посматривая. Послѣ моего доклада о Хоулинскомъ боѣ и отступленіи 55-й пѣхотной дивизіи въ направленіи на тѣлинскую укрѣпленную позицію, онъ оправился, пріободрился и сказалъ мнѣ;

— Отойдемъ къ Тѣлину. Тамъ колоссальная позиція. Японцы очень много потеряли. Тамъ мы

будемъ упорно обороняться. Я самъ создалъ эту грандіозную позицію.

Голосъ его звучалъ довольно твердо и, какъ мнѣ показалось, имъ вновь овладѣла самоувѣренность.

Я не повѣрилъ искренности его словъ, хотя послѣднія въ полной мѣрѣ соотвѣтствовали духу его стратегіи: „окопаться“, „упорно обороняться“, и „отступать“. У меня съ языка сорвались слова:

— Пожалуй, отступимъ далѣе Тѣлина.

Онъ искоса взглянулъ на меня, и мнѣ показалось, что въ его глазахъ свѣтило недоброе чувство.

— Одна изъ главныхъ причинъ нашихъ пораженій,—замѣтилъ я,—заключается въ дезорганизаціи корпусовъ и дивизій. Позвольте мнѣ собрать мой корпусъ.

Онъ какъ то странно на меня посмотрѣлъ и сухо отвѣтилъ:

— Конечно, соберите.

Слова Куропаткина о Тѣлинскихъ укрѣпленіяхъ были мною записаны въ моихъ краткихъ замѣткахъ, которыя я велъ во время войны, въ тотъ же день, черезъ полчаса послѣ моего свиданія съ нимъ. Многія изъ этихъ замѣтокъ, къ сожалѣнію, утеряны; но тѣ книжки, въ которыя я занесъ наиболѣе существенное, касавшееся нашихъ операцій съ 13-го февраля 1905 года, у меня уцѣлѣли.

XXXIV.

Мукденская операція завершилась страшнымъ пораженіемъ. Куропаткинъ окончилъ свою военную карьеру. Въ свой вѣнокъ онъ не вплелъ ни одного лепестка, который означалъ бы побѣду.

Мы уже говорили, что Куропаткинъ своего штаба не цѣнилъ и, повидимому, не уважалъ.

Ему платили тою же монетою: чины штаба, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, не питали къ нему довѣрія и уваженія, какъ къ вождю, и посмѣивались надъ нимъ.

Въ то время, когда въ Петербургѣ полагали, что Куропаткинъ пользуется всесильнымъ авторитетомъ въ арміи, дѣйствительное его значеніе въ арміи было слабо и даже въ среду нижнихъ чиновъ, къ которымъ онъ относился съ вниманіемъ и о питаніи которыхъ усиленно заботился, закралось чувство недовѣрія къ нему, какъ къ главному вождю войскъ.

Во время моего пребыванія въ Харбинѣ, въ сентябрѣ 1904 г., когда части моего 6-го сиб. корпуса подтягивались къ театру военныхъ дѣйствій, меня поразило то обстоятельство, что вѣра въ Куропаткина была утрачена, и всѣ тѣ, съ кѣмъ я имѣлъ случай бесѣдовать о положеніи дѣлъ, прямо выражали увѣренность, что съ такимъ вождемъ трудно ожидать крупнаго успѣха. Мнѣ показывали телеграммы Куропаткина, въ которыхъ онъ винитъ въ неуспѣхѣ Ляоянскаго боя большую часть непосредственно ему подчиненныхъ генераловъ, и меня крайне удивило, что онъ оставлялъ этихъ виновныхъ генераловъ на занимаемыхъ ими высокихъ мѣстахъ.

Это порицаніе генераловъ и недовѣріе къ нимъ нашего бывшаго вождя создавали въ арміи очень сложную обстановку.

Положеніе было настолько тяжелое, что объ единствѣ дѣйствія, какъ мнѣ казалось, не могло быть и рѣчи. Въ войска быстро проникали свѣдѣнія о порицаніи Куропаткинымъ генераловъ, что, безъ

всякаго сомнѣнія, дурно вліяло на духъ младшихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ и, конечно, не могло служить къ укрѣпленію дисциплины.

Въ Мукденѣ, куда я прибылъ передъ самымъ началомъ извѣстнаго наступленія Куропаткина къ Портъ-Артуру, я встрѣтилъ тоже недовѣріе къ силамъ нашего вождя. Отсутствіе нравственной связи между вождемъ и старшими генералами было налицо и не сулило ничего хорошаго.

Когда Куропаткинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ и началось формированіе трехъ маньчжурскихъ армій, дѣло управленія войсками усложнилось до чрезвычайности. Основной законъ арміи— „Положеніе о полевомъ управленіи войскъ“ было измѣнено въ корнѣ, и главнокомандующій взялъ на себя многія изъ тѣхъ правъ и обязанностей, которыя по этому Положенію, выработанному на основаніи опыта войнъ прошлаго столѣтія, возлагаются на командующихъ частными арміями.

Столкновеніе, происшедшее между Куропаткинымъ и Гришенбергомъ, служитъ яркимъ примѣромъ той путаницы, которую ввелъ нашъ бывшій вождь въ сложный организмъ управленія войсками на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Отличаясь наклонностями къ мелочной дѣятельности и зарываясь въ мелочи, Куропаткинъ не оставлялъ для себя времени, необходимаго для обсужденія и разработки плана не только войны, но и крупныхъ военныхъ операцій.

Мы вели прошлую войну, какъ я уже говорилъ, безъ всякаго плана, а Куропаткинъ, входя во всѣ мелочи управленія и дѣйствій арміи, побилъ подъ Мукденомъ рекордъ путаницы. Забывъ о томъ, что, кромѣ 2-й арміи, существуютъ еще двѣ арміи, онъ

сѣлъ на шею 2-й арміи, лишилъ самостоятельности Каульбарса, который, къ сожалѣнію, поддался ему и понесъ окончательное пораженіе.

Пропгравъ мукденскіе бои, армія пришла въ сильное разстройство при отступленіи къ тѣлинскимъ „грандіознымъ“ позиціямъ, застрявъ съ своимъ многочисленнымъ обозомъ въ оврагахъ на путяхъ отступленія. Мы уже говорили, что заботу о благоустройствѣ тыла Куропаткинъ снялъ, вопреки закона, съ командующихъ арміями и возложилъ на генерала Забѣлина, подъ своимъ высшимъ руководствомъ.

XXXV.

Намѣреніе Куропаткина остановиться на Тѣлинскихъ укрѣпленныхъ позиціяхъ и дать здѣсь отпоръ японцамъ вполнѣ соотвѣтствовало ожиданіямъ арміи, которой было извѣстно, что позиція эта прочно укрѣплена, считаясь самою главною позиціею театра войны, и что на ней собраны огромные запасы для довольствія войскъ.

25 февраля мы, конечно, не знали точной цифры нашихъ потерь, не знали, что нѣкоторыя части войскъ, заблудившіяся во время ночного марша, попались въ плѣнъ японцамъ, но во всякомъ случаѣ мы оцѣнивали ихъ около 100.000 ч.

1-го марта на тѣлинскихъ позиціяхъ могло бы быть сосредоточено;

	Баталіоновъ	Сотенъ и эск.	Орудій
1-я маньчжурская армія. Корпуса: 1-й армейскій, 1, 2, 3 и 4 сибирскіе, отряды Ренненкампфа и Мадритова	160	63	394

2-я маньчж. армія. Корпуса 8, 10 и 16 арм. и Сводно-Стрѣлковый .	136	52	264
3-я маньчж. армія. 17 армейскій, 5 и 6 сибирскіе	90	21	216
Итого	386	136	884

Въ этомъ расчетѣ принята во вниманіе потеря нѣкоторыхъ частей, а также то обстоятельство, что нѣкоторыя части были сведены въ меньшее число единицъ, а артиллерія разсчитана по 6 орудій на каждую батарею.

Весь вопросъ состоялъ въ численномъ составѣ войскъ всѣхъ частей.

Я не располагаю данными для того, чтобы судить о томъ составѣ, въ которомъ къ 1 марта 1905 г. находились корпуса всѣхъ трехъ армій. Я могу лишь приблизительно судить по числу общей потери, понесенной подъ Мукденомъ, а также по тому составу, въ которомъ находился ввѣренный моему командованію 6-й сиб. корпусъ.

6-й сибирск. корпусъ вынесъ тяжелое положеніе на позиціи Шанланцза-Сахепу-Южн.-Безымянная, отбилъ 12 атакъ японцевъ на эту позицію, отбилъ всѣ попытки противника захватить позицію на р. Хуньхе и, наконецъ, вынесъ трудный и опасный, по его стратегической обстановкѣ, бой подъ Хоулиномъ. Въ этихъ дѣлахъ корпусъ потерялъ убитыми и ранеными 68 офицеровъ и 3025 нижнихъ чиновъ. Корпусъ подошелъ къ Тѣлинской укрѣпленной позиціи въ составѣ свыше 29.000 строевыхъ нижнихъ чиновъ.

16-го марта, когда была произведена фактическая повѣрка людей, въ корпусѣ оказалось на лицо:

строевыхъ нижнихъ чиновъ	29.248
нестроевыхъ	6.084
Итого	35.332

6-й спб. корпусъ подошелъ къ Тѣлину въ составѣ, превосходившемъ, какъ это выяснилось, всѣ остальные корпуса нашихъ трехъ армій, какъ потому, что японцамъ не удалось взять плѣнныхъ изъ частей корпуса, а также потому, что раненые счастливо и своевременно выносились изъ боя, не гибли на поляхъ сраженій и не попадались въ число безъ вѣсти пропавшихъ. Я это объясняю счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, а также заботою начальниковъ частей о нижнихъ чинахъ. Была еще одна, какъ мнѣ кажется, причина стойкости 6-го спб. корпуса и сохраненія въ частяхъ строгаго внутренняго порядка, заключавшаяся въ томъ, что полки корпуса, при частной мобилизаціи, почти сплошь были сформированы изъ земледѣльцевъ великороссовъ Тамбовской и нѣкоторыхъ смежныхъ съ послѣднею губерній. Нѣкоторыя роты состояли изъ людей одного и того же уѣзда или сосѣднихъ волостей. Кадры были поглощены запасными, получившими господство въ ротахъ. Духъ этотъ, несмотря на происходившія въ теченіе войны пополненія частей людьми другихъ губерній, сохранился до конца кампаніи.

6-й корпусъ, какъ мы видѣли, понесъ потерю въ мукденскихъ бояхъ, нѣсколько превосходящую 3.000 ч. Другіе корпуса армій понесли болѣе серьезныя потери; двѣ бригады, окруженныя противникомъ, были почти уничтожены, а оставшіеся у нихъ люди попали въ плѣнъ; но если оцѣнивать общую потерю даже въ 100.000 ч., то все же арміи наши сохранили составъ, когда подошли къ тѣлинскимъ позиціямъ, достаточный для того, чтобы задержать японцевъ на этихъ позиціяхъ. Куропаткинъ мнѣ сказалъ на ст. Синтайцзы, что японцы очень много потеряли въ бояхъ подъ Мукденомъ. И это была

истина, всѣмъ хорошо извѣстная. Извѣстно было также, что японцы ввели въ бой всѣ свои силы. Вѣдь бои продолжались съ 10 февраля по 28 число включительно. 26, 27 и 28 февраля японцы дѣйствовали вяло, что до очевидности указывало на то, что у нихъ не оставалось свѣжихъ резервовъ. Будь у нихъ 2 или 3 свѣжія дивизіи, они, вѣроятно, преслѣдовали бы нашу армію болѣе дѣятельно и лишь тогда, быть можетъ, намъ пришлось бы пройти мимо Тѣлина.

Положеніе наше подъ Тѣлинымъ, если бы мы рѣшились остановиться на позиціяхъ, было бы выгоднѣе положенія японцевъ, такъ какъ мы имѣли на мѣстѣ въ изобиліи всякаго рода довольствіе, а японцы были бы крайне затруднены въ доставкѣ послѣдняго вслѣдствіе того, что на этотъ разъ Куропаткинъ не забылъ приказать взорвать всѣ желѣзнодорожные мосты. Мы имѣли въ тылу сплошную желѣзнодорожную линію, а у нашего противника на довольно значительномъ протяженіи не было такой линіи.

Въ виду изложеннаго Куропаткинъ долженъ былъ рѣшиться занять Тѣлинскую позицію, но, конечно, не кордоннымъ расположеніемъ войскъ, а имѣя резервы, глубоко расположенные. Занявъ позицію 2 и 3 арміями, слѣдовало бы поставить въ резервъ 1-ю армію, какъ наиболѣе сильную.

XXXVI.

Нашъ бывшій главнокомандующій былъ потрясенъ мукденскими боями и, не призвавъ къ совѣту командующихъ арміями и командировъ корпусовъ, принялъ необдуманное и не отвѣчавшее обстановкѣ рѣшеніе.

Конечно, когда армія подходила къ Тѣлину, ея настроеніе было очень тяжелое, но мы по опыту знали, какъ быстро мѣняется настроеніе, когда войска видятъ, что имъ даютъ должную оцѣнку. Слѣдовало бы во всякомъ случаѣ обождать на тѣлинской позиціи нѣсколько дней, вернуть на позицію всѣхъ тѣхъ людей, которые почему либо оставили свои части, что сдѣлать было не трудно. Если бы войска заняли эти позиціи, пополнили свои ряды отсталыми, устроились бы, отдохнули, то Куропаткинъ не привелъ бы въ исполненіе свое рѣшеніе отступить на Сипингайскую позицію, отдавъ въ руки своего противника двѣ отличныя позиціи и почти всю Южную Маньчжурію.

Къ несчастью, Куропаткинъ не вѣрилъ ни своимъ сотрудникамъ, ни войскамъ. Онъ, вѣроятно, уже сознавалъ, что его счастливая звѣзда закатилась, и могъ разсчитывать лишь на какое либо чудо; но мы не живемъ въ вѣкѣ чудесъ, и въ военномъ дѣлѣ все должно быть основано на холодномъ разумѣ и точномъ расчетѣ. Онъ не разсчиталъ, и его карьера, такъ блистательно начатая при Скобелевѣ, закончилась подъ Мукденомъ.

Вотъ что значитъ преувеличивать значеніе своихъ личныхъ силъ и забыть всѣ основы военнаго искусства. Вотъ что значитъ пренебрегать самою основною статьею нашего полевого устава, выработаннаго столѣтнимъ опытомъ веденія нами войнъ.

Статья эта даетъ слѣдующее важное указаніе.

„Войска, предназначенныя къ совокупному дѣйствію, формируются въ арміи, отдѣльные корпуса и отряды, изъ разныхъ родовъ оружія, не нарушая, по возможности, существующую организацію“.

Куропаткинъ велъ дѣло такъ, что всѣ корпуса, за рѣдкими исключеніями, были — и это мы еще

разъ повторяемъ — разстроены; нѣкоторые корпусные командиры, какъ мы уже говорили выше, блуждали по полямъ сраженій со своими штабами безъ войскъ; нѣкоторые командовали частями, имъ совершенно неизвѣстными; самые разношерстные, большіе и малые, отряды росли, какъ грибы, и были столь же не долговѣчны, какъ послѣдніе. Одинъ крупный отрядъ, силою въ 53 баталіона, $20^{3}/_{4}$ сотни казаковъ и 132 орудія, былъ выхваченъ изъ 43-хъ разныхъ полковъ и 5 артиллерійскихъ бригадъ. „Это былъ тотъ „тяжелый молотъ“, пишетъ Каульбарсъ Куропаткину въ письмѣ отъ 29-го іюня 1905 г. за № 86, который вы имѣли создать 20-го февраля не только по своему своеобразному составу, но и по направленію фронта“. Хорошъ молотъ! Онъ не разсыпался только потому, что былъ составленъ изъ русскихъ войскъ, всегда отличавшихся доблестью и мужествомъ. Этотъ молотъ дрался геройски, но по своему составу, не имѣвшему внутренней спайки, и неправильному его расположенію, данному Куропаткинымъ, не могъ нанести крѣпкаго удара противнику. Не было той силы, не было той воли, которая могла воодушевить и заставить эту разнокалиберную огромную команду произвести правильно совокупное движеніе на полѣ кровавой битвы. Была бы иная картина, если бы вмѣсто этой команды были два корпуса подъ начальствомъ своихъ корпусныхъ командировъ и если бы этими корпусами распоряжался не Куропаткинъ, а командовавшій 2-й арміей.

И стоило создавать такой „молотъ“ всего на три дня!

Я думаю, что никто не станетъ оспаривать правильности этихъ соображеній.

Такъ разстраивались и гибли наши славныя войска.

Куропаткинъ сдѣлалъ новый опытъ своеобразнаго употребленія въ бою маршевыхъ баталіоновъ. Вмѣсто того, чтобы пополнять людьми этихъ баталіоновъ порѣдѣвшіе ряды дѣйствующихъ войскъ, онъ послалъ ихъ въ бой и расположилъ на самомъ опасномъ мѣстѣ. Этотъ опытъ, конечно, былъ крайне неудаченъ, и можно полагать, что въ будущихъ нашихъ войнахъ онъ не послужитъ примѣромъ для подражанія.

Куропаткинъ неоднократно требовалъ, чтобы въ руки противника отнюдь не попадали трофеи. Знамена тщательно охранялись и знаменныя роты или полуроты располагались въ тылу. Эти роты принимали участіе въ бою только въ исключительныхъ случаяхъ. Кромѣ того Куропаткинъ боялся потери артиллерійскихъ орудій. Въ 1-мъ дополненіи къ своимъ знаменитымъ „Указаніямъ“ онъ предложилъ слѣдующее правило: „На каждую батарею должно быть выдѣлено, какъ прикрытіе и какъ рабочіе, по двѣ роты пѣхоты, которыя должны составлять съ батареей одно нераздѣльное цѣлое и какъ при наступленіи, такъ и при оборонѣ, вмѣстѣ съ артиллеристами, быть отвѣтственными за участь орудій“. Во 2-мъ дополненіи къ „Указаніямъ“ онъ говоритъ: „Напоминаю мое приказаніе имѣть при каждой батареѣ неразлучное съ нею особое прикрытіе (по 2 роты), которое должно отвѣчать за цѣлость батареи“. Въ 3-мъ дополненіи онъ говоритъ: „Предлагаю охраняющія роты подчинить командиру батареи“. Такимъ образомъ въ корпусѣ обыкновеннаго состава командирамъ батарей были подчинены 24 роты, т. е. 6 баталіоновъ, слѣдовательно полтора полка. Если сосчитать всѣ роты всѣхъ корпусовъ, то об-

разуется цѣлая армія. Вотъ какъ была ослаблена пѣхота только благодаря тому, что Куропаткинъ боялся потери орудій.

И это распоряженіе Куропаткина не послужитъ, конечно, примѣромъ для подражанія при будущихъ нашихъ войнахъ.

XXXVII.

Дѣйствія 6-го спб. корпуса во время войны 1904—1905 г. принадлежатъ военной исторіи и не могутъ возбуждать того интереса, который возбуждаютъ дѣйствія корпусовъ, имѣющихъ счастіе нынѣ состоять въ рядахъ славной русской арміи. 4 полка 55-й пѣхотной дивизіи обращены въ баталіоны. 4 полка 72 пѣхотной дивизіи исключены изъ списковъ постоянной арміи. Офицеры этихъ доблестныхъ полковъ, за весьма малыми исключеніями, распредѣлены по полкамъ разныхъ корпусовъ.

Корпусъ исчезъ и почти некому наслѣдовать боевыя его традиціи.

Какъ бывшій командиръ этого корпуса, видѣвшій изо дня въ день безупречное поведеніе его частей, какъ при исполненіи ими маршей, такъ и въ бояхъ, я невольно увлекся въ настоящихъ краткихъ замѣткахъ воспоминаніями о дѣйствіяхъ своихъ боевыхъ товарищей. Я позволяю себѣ думать, что читатели не посѣтуютъ за это на меня; но я могу ихъ увѣрить, что мною не руководило чувство какого либо пристрастія и что во всѣхъ наиболѣе существенныхъ мѣстахъ замѣтокъ я опирался на документы, которые не могутъ возбуждать какое либо сомнѣніе.

Я глубоко благодаренъ генералу барону Бильдерлингу и генералъ-адъютанту барону Мейендорфу

за ихъ справедливую оцѣнку дѣйствій частей корпуса.

Бывшіе сосѣди моего корпуса высоко цѣнили ту безкорыстную поддержку, которую во всѣхъ трудныхъ положеніяхъ оказывалъ имъ корпусъ.

Я не могу не вспомнить подвига отдѣльной команды корпуса, имѣвшаго мѣсто въ бою подъ Мукденомъ днемъ 25 февраля. Какъ читателямъ уже извѣстно, Куропаткинъ распредѣлилъ части моего корпуса между всѣми тремя маньчжурскими арміями, на огромномъ протяженіи длинной кордонной укрѣпленной линіи. 72 пѣхотная дивизія была направлена на лѣвый флангъ арміи въ раіонѣ 1 арміи, а хлѣбопеки этой дивизіи выпекали хлѣбъ для полковъ дивизіи около Мукдена, гдѣ войсками были сооружены хлѣбопекарни. И вотъ эта команда, оторванная отъ своей дивизіи, должна была отходить на сѣверъ, въ ночь съ 24 на 25 февраля. Она почему то не торопилась отступать и очутилась въ хвостѣ войскъ 17-го корпуса, который составлялъ арріергардъ 3-й арміи.

25 марта, т. е. спустя мѣсяцъ, я получилъ, совершенно неожиданно, отъ командовавшаго 17-мъ армейскимъ корпусомъ, генералъ-лейтенанта Селиванова, письмо за № 3292 такого содержанія:

„При переходѣ временно командуемаго мною корпуса отъ Мукдена, 25 февраля, въ арріергардѣ 3-й арміи, я былъ свидѣтелемъ геройскаго поведенія у дер. Эртайцзы сборной команды хлѣбопековъ отъ полковъ 72 пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ офицера, фамилія котораго, къ глубокому сожалѣнію, осталась мнѣ неизвѣстной. Въ виду настойчиваго наступленія японцевъ въ обходъ лѣваго фланга моихъ войскъ, прикрывавшихъ отходъ арміи, я отдалъ приказаніе офицеру занять на этомъ флангѣ

каменную кумирню, огражденную кирпичной стѣнкой и господствовавшую надъ Мандаринской дорогой. Команда хлѣбопековъ, предводимая смѣлымъ офицеромъ, бѣглымъ и мѣткимъ огнемъ не только прекратила наступленіе непріятельскихъ цѣпей, заставивъ ихъ остановиться, но затѣмъ, перейдя въ наступленіе, принудила ихъ податься назадъ. О такихъ выдающихся по смѣлости и рѣшительности дѣйствіяхъ команды хлѣбопековъ, подъ руководствомъ начальника сей команды, считаю своимъ нравственнымъ долгомъ сообщить вашему высокопревосходительству на благоусмотрѣніе, какъ заслуживающихъ особаго поощренія пожалованіемъ соотвѣтственныхъ наградъ какъ офицеру, такъ и молодцамъ нижнимъ чинамъ".

Удивительно то, что объ этомъ выдающемся подвигѣ въ 6 сиб. корпусѣ никто не говорилъ и никто никому не докладывалъ и не доносилъ. Команда исполнила свою обязанность—что же тутъ выдающагося? Начальникъ этой команды хлѣбопековъ, прапорщикъ Гарбузовъ, храбрый, но очень скромный молодой человѣкъ, былъ крайне удивленъ, когда оказалось, что онъ совершилъ что-то такое крупное, да еще въ большомъ сраженіи.

Обстоятельство это въ ряду другихъ фактовъ показываетъ, какъ несправедливъ былъ Куропаткинъ, утверждая о малогодности для боевыхъ дѣйствій нашихъ резервныхъ войскъ. Это одна изъ его крупныхъ ошибокъ, за которую можетъ поплатиться Россія. Въ резервахъ наша сила — и я это открыто утверждаю, а наше военное министерство посѣшило ихъ сократить.

Какъ я говорилъ выше, два баталіона 217-го пѣхотнаго Кромскаго полка, входившаго въ составъ 6-го сибирскаго корпуса, были сняты съ позиціи

Южная Безымянная-Сахепу-Шапланза и спѣшно двинуты въ подкрѣпленіе 2 арміи, дравшейся съ арміей Ноги. По общимъ отзывамъ, эти баталіоны вели себя въ бояхъ нашего праваго крыла прекрасно. Ихъ перебрасывали съ одного мѣста на другое и они очутились въ положеніи сиротъ, лишенныхъ отца и матери.

Разбирая послѣ окончанія войны документы полковъ, я нашелъ такой документъ:

Командиру 34-го Сѣвскаго полка.
1905 г. 23 февраля, дер. Юхуантунь.

При атакѣ нами японцевъ, ворвавшихся на нашу позицію въ д. Юхуантунь 22 февраля, въ 1-мъ баталіонѣ 217 пѣх. Кромскаго полка убито оберъ-офицеровъ 1, ранено 2; заурядъ-прапорщиковъ убито 1, ранено 2; всѣ тяжело ранены. Нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными 208 чел. Ваше высокоблагородіе сами наблюдали, съ какою стройностью и быстротой безъ отсталыхъ баталіонъ вошелъ въ деревню подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, а лѣвая половина боевого отряда—подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Командиръ 1-й роты, капитанъ Данскій, ворвавшійся съ 30 смѣльчаками въ кварталъ кумирни, погибъ геройской смертью. Особенно отличились командиръ 4 роты штабсъ-капитанъ Володкевичъ и командиръ 3 роты штабсъ-капитанъ Кюи, дошедшіе, первыми до противоположной опушки деревни и преслѣдовавшіе противника перемѣшанными ротами и людьми разныхъ частей. Кромѣ того 4 рота взяла въ плѣнъ 4 японца. Младшіе офицеры, поручики: Лихотинскій, Токаевъ, подпоручики Балашевъ и Смирнскій, послѣдній контуженъ въ подбородокъ, и 20 нижнихъ чиновъ — всѣ раненые и контуженные — остались въ строю. Тѣло капитана

Данскаго вынесли сегодня послѣ взорванія фанзы, занимавшейся японцами всю ночь.

Подпись: Командиръ 1-го баталіона 217-го пѣхотнаго Кромскаго полка подполковникъ Запасникъ".

На этомъ донесеніи Запасникъ сдѣлалъ слѣдующую приписку: „Начальникъ 25 пѣх. дивизіи и французскій маіоръ Шевалье сказали мнѣ, что командующій арміей любовался наступленіемъ баталіона Кромскаго полка въ передовой линіи".

Не успѣлъ послать своего донесенія Запасникъ, какъ былъ раненъ въ голову съ кровоизліяніемъ.

Какіе еще были нужны Куропаткину подвиги? Да развѣ это не показываетъ, между прочимъ, что войска, даже резервныя, дѣлали все, чтобы вырвать побѣду изъ рукъ противника? Развѣ это показываетъ, что офицеры и нижніе чины не имѣли стремленія къ подвигу, какъ онъ позволяетъ себѣ утверждать?

Я еще разъ повторяю, что не взирая на то, что совершенно растерявшійся Куропаткинъ водворилъ страшную путаницу среди начальства и войскъ, армія честно исполняла свой священный долгъ. Съ такими войсками, которыя были ввѣрены высшему начальствованію Куропаткина, слѣдовало и можно было побѣждать и, конечно, мы одержали бы побѣду подъ Мукденомъ, если бы общее руководство находилось въ болѣе умѣлыхъ рукахъ и если бы общій руководитель, отбросивъ свое неумѣстное самомнѣніе, вѣрилъ войскамъ и начальникамъ, не вмѣшиваясь въ распоряженія своихъ подчиненныхъ и не отмѣняя ихъ.

Когда мой корпусъ, при отступленіи отъ Тѣлина на Сыпингайскую позицію, очутился въ резервѣ, его немедленно вызвалъ на позицію новый главнокомандующій, генералъ Линевичъ. И вотъ, когда вскорѣ послѣ

этого я представился главнокомандующему, онъ мнѣ сказалъ, что вызвалъ меня впередъ потому, что хорошо знаетъ боевыя качества корпуса, занимавшаго на Шахе позицію, примыкавшую къ правому флангу его бывшей 1-й арміи, и не отступившаго съ позиціи, несмотря на полученное приказаніе, только въ виду того, чтобы не поставить 1-й армейскій корпусъ въ крайне тяжелое положеніе. Кромѣ того онъ очень хорошо отозвался о дѣйствіяхъ 72 пѣх. дивизіи, участвовавшей въ бояхъ 1-й арміи подъ Гаотулиномъ и на лѣвомъ флангѣ.

Когда мы расположились на Сшингайской позиціи, которую пришлось укрѣплять, я выслалъ конно-охотничьи команды корпуса, въ которыхъ были представители всѣхъ пѣхотныхъ полковъ, для охраны крайняго праваго фланга 2-й арміи, въ составъ которой мой корпусъ былъ только что переведенъ. Команды, маневрируя на обширномъ, мало извѣстномъ пространствѣ, въ долинѣ р. Даляохе, очень искусно прикрыли флангъ арміи, а засимъ часть ихъ была двинута впередъ и поступила въ составъ отдѣльнаго кавалерійскаго отряда генералъ-адъютанта Мищенко. Послѣ штурма позиціи у сел. Санвайцзы генералъ Мищенко благодарилъ команды въ приказѣ за № 128. Я не имѣю этого приказа подъ рукой и привожу мой приказъ, относящійся къ этому вопросу.

Приказъ войскамъ 6-го сибирскаго корпуса 9-го іюля 1905 г. № 90, д. Кадидье.

Въ приказѣ по отдѣльному кавалерійскому отряду отъ 20-го прошлаго іюня № 128, отданному по поводу штурма сильно укрѣпленной непріятельской позиціи у с. Санвайцзы, генералъ-адъютантъ Мищенко между прочимъ объявилъ: „глубоко про-

извела развѣдку правая колонна и помогла штурму, особо трудами конно-охотниковъ 6 сибирскаго корпуса".

Мнѣ пріятно объявить по ввѣренному мнѣ корпусу эту похвалу славнаго начальника отдѣльнаго коннаго отряда арміи, оцѣнившаго труды конно-охотниковъ корпуса. Искренно благодарю командира 1-го конно-охотничьяго полка корпуса, есаула Гирса, и гг. офицеровъ и объявляю мое душевное спасибо нижнимъ чинамъ.

Намъ много еще впереди предстоитъ работы, много храбрости и мужества надо еще проявить для того, чтобы сломить упорство нашего противника.

И мы должны, во что бы то ни стало, достигнуть этой цѣли и достигнемъ ее, если дружно, неустанно будемъ работать.

Командиръ корпуса

Генералъ-отъ-инфантеріи Соболевъ.

7-го октября, когда, послѣ ратификаціи мирнаго договора, войска готовились слѣдовать на сѣверъ, я получилъ такую телеграмму отъ генералъ-адъютанта Мищенко: „Завтра конно-охотники корпуса вашего высокопревосходительства выступаютъ изъ состава отряда; считаю служебнымъ долгомъ свидѣтельствовать объ ихъ доблестной службѣ".

6-й спб. корпусъ исполнялъ свое дѣло во время войны скромно, выдержанно, никогда не преувеличивалъ тяжести своего положенія, никогда не считалъ силъ противника и никогда не обращался ни къ кому съ просьбой о присылкѣ подкрѣпленій. Когда въ самомъ началѣ октября 1904 г. пришлось выдержать борьбу съ значительно превосходящимъ его силами противникомъ, корпусъ, имѣя всего 3 пѣх. бригады и не имѣя вовсе конницы, обошелся своими средствами и ни у кого не про-

силъ подкрѣпленія. Когда въ половинѣ февраля на позиціи Южн. Безымянная-Сахепу-Шанланцза пришлось отбивать многократныя и очень настойчивыя атаки противника, войска корпуса не только не просили о присылкѣ подкрѣпленій, но изъ своихъ 16 баталіоновъ сняли съ позиціи 2 баталіона для посылки ихъ во 2-ю армію. Ни одна траншея, выкопанная руками солдатъ 6 спб. корпуса, не была силою взята японцами въ теченіе всей войны. Съ другой стороны, корпусъ не отказывалъ никому въ помощи и за это его высоко цѣнили боевые сосѣди.

И все это было именно такъ, какъ я говорю, и подтверждается документами.

Война окончилась, корпусъ исчезъ, и успѣхи этого скромнаго, но поистинѣ мужественнаго военнаго организма, стойкаго, крѣпкаго, сплоченнаго, составленнаго изъ запасныхъ, потонули въ общемъ неуспѣхѣ войны и, конечно, забудутся.

XXXVIII.

Прочитавъ мои бѣглыя замѣтки, читатель, опираясь на заглавіе, съ недоумѣніемъ спроситъ меня: въ чемъ же заключалась стратегія Куропаткина? И онъ будетъ правъ, а я сознаюсь въ томъ, что и самъ въ точности не знаю, въ чемъ состояла эта стратегія. Значитъ не было никакой стратегіи? Была, но только то была стратегія особаго рода, а въ сущности никакой не было стратегіи въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ современное военное искусство.

А созданіе длинныхъ, въ струнку вытянутыхъ и прекрасно укрѣпленныхъ кордонныхъ линій? —

но это очень старо, и давно еще великій Фридрихъ доказалъ ошибочность и гибельность этой системы. На это мнѣ могутъ замѣтить, что когда мы расположились на Сыпингайской позиціи, то новый главнокомандующій, генералъ-адъютантъ Линевичъ, тоже создалъ длинный кордонъ. Значитъ, кордонное расположеніе было принято въ нашей арміи, какъ мѣра, отвѣчающая современнымъ условіямъ веденія войны? Я полагаю, что такое заключеніе было бы ошибочное.

На созданіе кордона на Сыпингайскихъ позиціяхъ оказалъ вліяніе Куропаткинъ, къ сожалѣнію оставленный въ арміи, а также бывшій его генералъ-квартирмейстеръ, занявшій при новомъ главнокомандующемъ должность начальника его штаба.

Однако генералъ-адъютантъ Линевичъ значительно видоизмѣнилъ кордонную систему Куропаткина въ томъ смыслѣ, что расположилъ въ резервѣ цѣлую армію, а не сборныя части, какъ это было до него, и держалъ резервъ не у самыхъ боевыхъ линій, а далеко назади, что значительно облегчало маневрированіе.

Кордонъ все таки былъ на Сыпингаѣ, но это вовсе не доказываетъ, что онъ былъ необходимъ.

„Окопаться“, „упорно обороняться“ и „отступать“ съ тѣмъ, чтобы вновь „окопаться“, вновь „упорно обороняться“ и всетаки „отступать“ и т. д., при непремѣнномъ условіи вооружиться „терпѣніемъ“, „терпѣніемъ“ и терпѣніемъ“ вотъ, повидимому, какъ я уже говорилъ выше, главныя черты стратегіи Куропаткина.

Эта стратегія могла привести къ побѣдоносному окончанію войны въ томъ лишь случаѣ, если бы, слѣдуя ей неуклонно въ первый періодъ войны, мы сумѣли бы пріобрѣсти въ слѣдующій періодъ зна-

чительное превосходство въ силахъ. И дѣйствительно, было крайне опасно вступать въ рѣшительный бой съ недостаточными силами и на малоизвѣстномъ намъ театрѣ войны, каковымъ былъ Дальній Востокъ, какъ потому, что успѣхъ японцевъ давалъ имъ большой подъемъ военнаго духа, такъ и потому, что наша единственная желѣзнодорожная линія была не въ силахъ, въ относительно короткій срокъ, подать нужныя нашей арміи подкрѣпленія и пополненія.

Изъ этого, повидимому, логически вытекаетъ соображеніе что стратегія Куропаткина вполнѣ отвѣчала той обстановкѣ, которая сложилась въ началѣ войны въ Южной Маньчжуріи.

Но и самая правильная стратегія не можетъ повести къ побѣдѣ, если не имѣется налицо тотъ человѣкъ, который способенъ былъ бы слѣдовать этой стратегіи неуклонно, не предпринимая ничего, что ей противорѣчитъ. Требовался человѣкъ съ настойчивою несокрушимою волею, который обладалъ бы полною мощью власти, не такою только, которая очерчена въ положеніи о полевомъ управленіи войскъ, но такою, которая обладала бы силою устоять указаніямъ свыше, если эти указанія не отвѣчали обстановкѣ, и который могъ бы принимать всѣ рѣшенія на свою полную нераздѣльную отвѣтственность.

Требовался такой человѣкъ, который, забывъ о своихъ личныхъ расчетахъ, направлялъ бы всѣ свои усилія исключительно на благо своей родины и къ достиженію цѣли, поставленной Верховнымъ Вождемъ Россіи—добиться во что бы то ни стало побѣды надъ врагомъ.

Властью главнокомандующаго былъ облеченъ бывшій Намѣстникъ Дальняго Востока, генералъ

адъютантъ Алексѣевъ. Куропаткинъ же былъ назначенъ лишь командующимъ маньчжурскою арміею и былъ обязанъ подчиняться указаніямъ человѣка, совершенно незнакомаго со стратегіею и тактикою сухопутныхъ войскъ.

Положеніе Куропаткина было тяжелое, но онъ самъ сознательно на это пошелъ, полагая, что и при этомъ, весьма неблагопріятномъ, условіи онъ будетъ въ состояніи успѣшно выполнить возложенное на него крупное дѣло. Если бы у него явилось сомнѣніе, а сомнѣніе такъ и напрашивалось, то онъ былъ бы обязанъ выяснить вопросъ, а въ крайнемъ случаѣ обязанъ былъ бы отказаться отъ высокаго назначенія. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что онъ самъ стремился къ этому назначенію и, какъ мнѣ говорили, самъ помѣстилъ себя въ списокъ кандидатовъ на должность командующаго арміею, хотя и послѣднимъ номеромъ. Если это вѣрно, то въ этомъ онъ выказалъ скромность и самомнѣніе; впрочемъ—болѣе самомнѣніе, чѣмъ скромность.

Вся дѣятельность Куропаткина, начиная со дня его назначенія командующимъ маньчжурскою арміею и до дня назначенія его главнокомандующимъ, показываетъ, что онъ не обладалъ тѣмъ высокимъ мужествомъ, тою непоколебимою волею, которыя были необходимы для того, чтобы рѣшиться не исполнять указаній, данныхъ свыше, если послѣднія не соотвѣтствовали сложившейся обстановкѣ, всегда и во всѣхъ случаяхъ повелѣвающей на войнѣ, или если являлись новыя неожиданныя обстоятельства. Законъ предоставляетъ это право даже корпусному командиру; но, конечно, всю отвѣтственность за послѣдствія несетъ на себѣ всецѣло тотъ, кто не исполнитъ приказанія.

Адмиралъ Алексѣевъ, какъ все указываетъ на

это, главною цѣлью нашихъ первоначальныхъ военныхъ операцій ставилъ освобожденіе гарнизона Портъ-Артура. Цѣль эта, несомнѣнно, принадлежала къ числу высокихъ военныхъ цѣлей; но въ ней проявлялась болѣе сантиментальность, чѣмъ ясный и глубокій расчетъ. Въ дѣйствительности главною цѣлью этихъ дѣйствій должно было быть нанесеніе противнику пораженія въ полѣ, для чего слѣдовало сосредоточить превосходныя силы въ Южной Маньчжуріи. Это былъ подготовительный періодъ войны, исключавшій всякія рѣшительно военныя операціи. Слѣдовало надолго вооружиться терпѣніемъ, о чемъ такъ настойчиво твердилъ Куропаткинъ.

Мы съ легкимъ сердцемъ приняли бой у Тюренчена и тѣмъ вдохнули въ армію Куроки побѣдный духъ. Мы съ такимъ же легкимъ сердцемъ двинули отдѣльный отрядъ къ Вафангоу и зажгли въ арміи Оку духъ побѣды.

Куропаткинъ, повидимому, не одобрялъ этого послѣдняго движенія, такъ какъ предпринялъ его значительно позже дня полученія приказанія. Онъ хорошо зналъ, что при такой запоздалой посылкѣ отряда нельзя было ожидать успѣха. Онъ и не сталъ во главѣ этого отряда.

Такъ для чего же онъ его послалъ?

Главная отвѣтственность за всѣ пораженія, понесенныя нами до Ляояна, должна, по справедливости, пасть на Алексѣева и его штабъ; но и Куропаткинъ не избѣгъ этой отвѣтственности, такъ какъ не нашелъ въ себѣ силы не допускать отдѣльныхъ пораженій.

Отвѣтственность за неудачу Ляоянской операціи должна быть раздѣлена между Алексѣевымъ и Куропаткинымъ, но большая ея доля по справедливости должна быть возложена на послѣдняго въ

виду того, что эта операція въ ея исполнительной, технической, части была выполнена Куропаткинымъ очень неудачно.

Ни у Алексѣева, ни у Коропаткина не было точно выработаннаго плана войны. Если бы такой планъ существовалъ и въ немъ были бы сдѣланы всѣ расчеты, то стало бы ясно, что даже выигрышъ Ляоянскаго боя, возвысивъ духъ нашихъ войскъ, не привелъ бы насъ къ побѣдоносному окончанію войны, во-первыхъ, потому, что мы не располагали значительнымъ превосходствомъ въ силахъ и не имѣли никакого основанія разсчитывать на скорую присылку подкрѣпленій и пополненій, а во-вторыхъ потому, что японцы, пополнивъ свои ряды на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій и пользуясь своимъ господствомъ на морѣ, могли относительно быстро доставить значительныя подкрѣпленія на театръ войны.

Неудачное, фантастическое по своему замыслу, наше движеніе въ концѣ сентября 1904 г. по направленію на Портъ-Артуръ было задумано по взаимному соглашенію Алексѣева съ Куропаткинымъ. Большую долю отвѣтственности за эту операцію слѣдуетъ возложить на Куропаткина, такъ какъ успѣхъ былъ возможенъ, но исполненіе операціи было изъ рукъ вонъ плохо. Наступленіе это, если бы оно было хорошо обдумано и правильно выполнено, могло бы привести къ обратному взятію нами Ляояна, но дальнѣйшіе наши успѣхи были бы остановлены противникомъ. Объ стороны понесли бы, конечно, большія потери, но японцы еще быстрѣе ихъ пополнили бы и еще бы быстрѣе получили подкрѣпленія. А такъ какъ нашъ противникъ, конечно, основательно бы разрушилъ желѣзную дорогу, то подвозъ къ намъ довольствія былъ бы значи-

тельно затрудненъ. Общая обстановка наша на театрѣ войны мало бы выиграла отъ этого успѣха.

Конечно, мы бы имѣли тогда за собою успѣхъ и могли бы надѣяться на почетный миръ въ томъ случаѣ, если бы японцы сознали трудность борьбы съ нами и не добивались бы побѣдоноснаго окончанія войны во что бы то ни стало.

Бои на Шахэ подтвердили отсутствіе у Куропаткина искусства управлять массами войскъ на полѣ битвы.

Алексѣевъ былъ отозванъ съ Дальняго Востока и Куропаткинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ.

Нужно замѣтить, что наши неудачи подъ Тюренченомъ и Ташичао, въ горахъ и на передовыхъ позиціяхъ Ляояна были приняты войсками относительно спокойно, такъ какъ всѣмъ было внушено, что подъ самимъ Ляояномъ японцы получатъ надлежащій отпоръ. Куропаткинъ чуть ли не клялся, что Ляянъ будетъ его могилою въ томъ случаѣ, если ему не удастся разгромить противника. Слова его оказались словами, написанными на льду. Несчастное, ничѣмъ не вынужденное его отступленіе отъ Ляоянской укрѣпленной позиціи, о которую разбивались всѣ усилія японцевъ и на которой умирали войска такъ, какъ умѣетъ умирать русскій солдатъ, поколебало на нѣкоторое время духъ нашихъ войскъ; но замѣчательно, что послѣ этой крупной неудачи и нашего отступленія къ Мукдену духъ этотъ вновь и быстро поднялся, и наши славныя войска были вновь готовы беззавѣтно идти въ бой, что и доказала послѣдовавшая засимъ операція на Шахэ. Напрасно Куропаткинъ увѣрялъ въ своемъ прощальномъ обращеніи къ офицерамъ 1-й арміи, что у чиновъ нашихъ дѣйствовавшихъ

въ Маньчжуріи армій не было стремленія къ подвигу. Это неправда, не имѣющая никакого оправданія.

Первою крупною военною операціею, которую велъ Куропаткинъ, какъ облеченный властью главнокомандующаго, была операція, предпринятая имъ 12-го янв. 1905 г. противъ лѣваго крыла японцевъ.

Неудача этой операціи возбудила въ войскахъ 2-й маньчжурской арміи страшное негодованіе противъ Куропаткина, вырвавшаго на глазахъ у всѣхъ побѣду изъ рукъ арміи, и окончательно подорвало къ нему довѣріе, какъ къ вождю русскихъ войскъ. Имѣвшій удивительную склонность къ вмѣшательству во всѣ мелочи, онъ не принялъ даже надлежащихъ мѣръ къ полному обезпеченію этой арміи санитарными потребностями, и раненые нижніе чины сотнями замерзали на полѣ битвы.

Всѣ хорошо знали, всѣ до единаго, во всѣхъ трехъ арміяхъ, что эта неудача произошла не только отъ того, что Куропаткинъ не хотѣлъ помочь 2-й арміи своимъ стратегическимъ резервомъ, но главнымъ образомъ отъ того, что онъ вмѣшался въ свободу дѣйствій командовавшаго арміей и изъ-за совершенно неосновательнаго страха прорыва японцами промежутка между 2 и 3 арміями остановилъ движеніе 10 корпуса, принадлежавшаго къ составу 2-й арміи, и обрекъ на бездѣйствіе 15-ю пѣх. дивизію.

Если бы онъ воздержался отъ этого, то Сандепу пало бы, а если бы онъ, согласно даннаго имъ обѣщанія, двинулъ впередъ свой стратегическій резервъ и сверхъ сего вывелъ бы 3-ю и 1-ю арміи изъ полнаго бездѣйствія, приказавъ имъ оказать содѣйствіе операціямъ 2-й арміи, то нами могла бы быть одержана побѣда.

Всѣ три командующіе арміями, при обсужденіи вопроса о наступленіи, высказались единодушно за то, чтобы эта операція велась семью корпусами. Съ этимъ мнѣніемъ согласился Куропаткинъ, но только на словахъ, на дѣлѣ же онъ двинулъ впередъ одну лишь 2-ю армію, въ составѣ которой было два слабыхъ корпуса и два корпуса обыкновеннаго состава, а засимъ, послѣ одержаннаго, съ большими потерями и съ большимъ трудомъ, успѣха не поддержавъ арміи, приказалъ отступить.

Такъ неудачно началъ свои самостоятельныя операціи Куропаткинъ.

Неудача подъ Сандепу крайне раздражила противъ Куропаткина, какъ мы говорили, 2 армію, но не повлекла за собою упадка духа. Всѣ три арміи вскорѣ были готовы встрѣтить врага съ обычнымъ имъ мужествомъ, но верхи арміи потеряли довѣріе къ Куропаткину.

Послѣ неудачи подъ Сандепу, черезъ мѣсяцъ, наши войска съ величайшимъ мужествомъ и доблестью въ теченіе 19 дней, вели кровопролитные бои подъ Мукденомъ изо дня въ день, днемъ и ночью, и были въ концѣ концовъ вынуждены къ отступленію только потому, что ими крайне неумѣло руководилъ растерявшійся Куропаткинъ.

Я совершенно незнакомъ съ общимъ планомъ веденія войны Куропаткина и полагаю, какъ это неоднократно высказывалъ выше, что такого плана у него не было; но мнѣ всегда казалось, что, ведя войну вдали отъ родины, за 8.000 верстъ отъ сердца Россіи, мы могли надѣяться на побѣдоносное окончаніе войны лишь при условіи значительнаго превосходства въ силахъ. Я не знаю, что по этому поводу писалъ Куропаткинъ въ Петербургъ, что онъ требовалъ и что ему отвѣчали на его требованія; но

всѣ знали и знаютъ, что усиленіе было возможно, что и доказано тѣмъ, что мы, получивъ подкрѣпленія въ составѣ нѣсколькихъ корпусовъ въ то время, когда армія была расположена на Сипингайскихъ позиціяхъ, стали сильнѣе японцевъ, и послѣдніе не рѣшились предпринять наступленіе при новой, невыгодной для нихъ обстановкѣ.

Если Куропаткинъ требовалъ соотвѣтственныхъ подкрѣпленій, а съ такимъ требованіемъ онъ былъ обязанъ обращаться въ Петербургъ, и если ему было въ нихъ отказано, то у него должно было найтись достаточно гражданскаго мужества, чтобы отказаться отъ высокой и крайне отвѣтственной передъ Царемъ и Родиною должности главнокомандующаго.

Если же у него не нашлось такого мужества, то онъ былъ бы обязанъ строго обдумать свое тяжелое положеніе, созвавъ для этого военный совѣтъ изъ командующихъ арміями и корпусныхъ командировъ. Онъ приносилъ жалобу Государю Императору на то, что одинъ изъ командующихъ арміею и одинъ изъ корпусныхъ командировъ высказывали ему еще до начала операціи подъ Сандепу мысль о необходимости не принимать боя подъ Мукденомъ. Значитъ, онъ зналъ, что въ арміи существовало сознаніе въ томъ, что мы не достаточно сильны для того, чтобы надѣяться одержать крупный успѣхъ надъ противникомъ, при той обстановкѣ, которая сложилась послѣ паденія Портъ-Артура, т.-е. послѣ появленія арміи Ноги близъ Ляояна.

Мнѣ кажется, что военный совѣтъ, обсудивъ свободно и основательно всѣ обстоятельства дѣла, рѣшилъ бы вопросъ объ отступленіи отъ Шахе и Мукдена къ Тѣлину, не принимая подъ Мукденомъ упорнаго боя. Куропаткинъ имѣлъ бы тогда вѣскія основанія для предъявленія требованій о присылкѣ

въ армію новыхъ значительныхъ подкрѣпленій, и можно думать, что голосъ военнаго совѣта былъ бы лучше понятъ въ Петербургѣ, чѣмъ голосъ Куропаткина, вѣра въ котораго была уже утрачена. Быть можетъ, рѣшеніе военнаго совѣта было бы понято, какъ знакъ недовѣрія арміи къ Куропаткину, и послѣдній былъ бы отозванъ. Во всякомъ случаѣ такой совѣтъ оказалъ бы пользу общему нашему дѣлу. Надо же было, наконецъ сломить силу Японіи, и мы этого могли достигнуть лишь посылкою въ армію сильныхъ подкрѣпленій. Смѣна же Куропаткина придала бы много бодрости арміи.

Расположившись по Тѣлинскимъ укрѣпленнымъ позиціямъ и заставивъ тѣмъ нашего противника удлинить свою операціонную линію, возстановить желѣзнодорожный путь на протяженіи 70—80 верстъ и строить мосты, а также устроить новую передовую базу, наша армія оказалась бы въ болѣе выгодномъ стратегическомъ положеніи, чѣмъ на Шахе, а операціи противника были бы значительно затруднены.

Если бы японцы, получивъ подкрѣпленія, атаковали нашу тѣлинскую укрѣпленную позицію въ то время, когда мы бы не успѣли еще получить подкрѣпленій, то намъ надлежало бы, оказавъ сопротивленіе, но не втягиваясь въ рѣшительный бой, отступить къ Каюаню и тамъ занять позицію, а засимъ, если бы въ Каюанѣ мы не имѣли значительнаго превосходства силъ, то мы могли, не принимая рѣшительнаго боя, отступить на Сипингайскія позиціи.

Съ каждымъ шагомъ на сѣверъ наше положеніе улучшалось бы, а положеніе нашего противника соотвѣтственно ухудшалось бы. Россія могла бы выдержать еще годъ войны, а Японія, не взирая на помощь, которую ей такъ широко оказывали Вели-

кобрптанія и Соединенные Штаты Америки, была бы, по всей вѣроятности, истощена въ своихъ средствахъ продолжать войну.

Куропаткинъ, намѣтивъ правильно основныя черты плана войны, не обнаружилъ достаточной воли, чтобы слѣдовать своимъ общимъ намѣреніямъ. Если бы у него былъ основательно выработанный планъ, который былъ бы извѣстенъ въ Петербургѣ, то колебанія не имѣли бы мѣста.

Но плана такого не было, и у Куропаткина не хватило твердости и умѣнья довести дѣло до успѣшнаго конца.

XXXIX.

Многіе склонны думать, что въ войнѣ 1904—1905 г., въ которой побѣдителями остались японцы, Россія потерпѣла народное пораженіе. Ничего подобнаго не случилось, да и по существу событій, грозныхъ лишь съ внѣшней стороны, и не могло случиться.

Нашъ народъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ до войны: сильнымъ, трудолюбивымъ, смѣлымъ, мужественнымъ, терпѣливымъ, выносливымъ, сообразительнымъ и преданнымъ своей родинѣ. Наши офицеры и нижніе чины, вышедшіе изъ того же народа и составляющіе его плоть и кровь, показали, что ихъ храбрость и рѣшимость умирать за Царя и Отечество ничуть не уменьшились и что духъ ихъ несокрушимъ.

Послѣ заключенія мира настали страшныя испытанія для нашей арміи. Въ Россіи былъ объявленъ Высочайшій Манифестъ 17-го октября 1905 г., и вотъ тысячи ловкихъ и чрезвычайно дѣятельныхъ агентовъ бросились въ среду войскъ нашихъ трехъ

маньчжурскихъ армій, а также въ войска и команды тыла. Безчисленное множество прокламацій, очень искусно составленныхъ, были розданы офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Въ обширномъ раіонѣ нашего тыла кишѣли десятки тысячъ государственныхъ и уголовныхъ преступниковъ, и все, что считало себя недовольнымъ правительствомъ или своимъ положеніемъ, стало въ ряды революціи.

Натискъ на войска былъ ужасенъ; онъ былъ поддержанъ страшными извѣстіями, которыя получались изъ Россіи и между которыми было очень много преувеличеннаго, очень много выдуманнаго. Между Россіею и арміею было прервано всякое сообщеніе; желѣзно-дорожное движеніе прекратилось; пересылка почты и денегъ пріостановилась; телеграфъ пропускалъ лишь тѣ депеши, которыя служили дѣлу революціи.

Движеніе запасныхъ на родину прекратилось. Армія была въ возбужденномъ состояніи.

Была минута, когда многіе боялись за сохраненіе общаго порядка въ войскахъ. Боялись, что эта огромная армія, эта чрезвычайно сложная машина, состоявшая свыше чѣмъ изъ милліона человѣческихъ существъ, полныхъ силъ, обладавшихъ тогда повышенной дѣятельностью нервной системы, оторванныхъ отъ родины, отъ дорогихъ для нихъ людей и получавшихъ часто завѣдомо ложныя извѣстія, не распалась бы и не обратилась бы въ безпорядочную толпу.

Всѣ бывшіе въ описываемое время въ войскахъ арміи согласятся со мною въ томъ, что положеніе дѣлъ было до чрезвычайности сложное и опасное и что зловѣщіе признаки того, что эта машина готова была разстроиться, уже появлялись отчетливо.

Но машина не разстроилась, хотя и произошли

кровавыя событія во Владивостокѣ, крупные безпорядки въ Читѣ и волненія въ нѣкоторыхъ частяхъ арміи. Армія была сохранена, какъ армія, и это произошло потому, что она любитъ свое отечество и свято выполняетъ свой долгъ.

Бывшій главнокомандующій арміей, покойный генералъ-адъютантъ Линевичъ, сохранившій въ это тревожное время замѣчательное спокойствіе, ясно понявшій сложную обстановку и чутко прислушивавшійся къ тому, что происходило въ арміи и тылу, принялъ надлежащія мѣры къ отстраненію опасности.

Командовавшіе арміями, корпусные командиры, начальники дивизій, прочія начальствовавшія лица до младшаго офицера включительно, а также начальствовавшіе изъ нижнихъ чиновъ, проявили соотвѣтственную дѣятельность къ успокоенію взволнованныхъ умовъ. Благоразумная часть нижнихъ чиновъ, а таковою было большинство, несмотря на крайне заманчивыя предложенія агентовъ освободительнаго движенія, отнеслась къ нимъ сдержанно и даже съ недовѣріемъ и рѣшилась сохранить порядокъ, хотя всѣ нижніе чины, взятые на службу изъ запаса, нервно выражали свое страстное желаніе какъ можно скорѣе возвратиться на родину.

Если бы главнокомандующій и старшія начальствующія лица не приняли быстро рѣшительныхъ и соотвѣтственныхъ мѣръ, то это благоразумное большинство могло бы быть если не окончательно сбито съ толку, то значительно и опасно поколеблено. А тогда, при ошибочномъ шагѣ верховъ арміи, могли бы наступить грозныя событія.

Благодаря тому, что армія осталась вѣрною долгу присяги, агитація партіи освободительнаго движенія въ общемъ потерпѣла неудачу.

Исторія, конечно, выяснитъ всю сложность психологическаго настроенія колоссальной арміи, имѣвшаго мѣсто въ концѣ 1905 г. и самомъ началѣ 1906 г.

Арміи были расформированы. Вся наиболѣе существенная работа, по успокоенію и приведенію въ соотвѣтственный порядокъ войскъ, была окончена еще до пріѣзда генералъ-адъютанта Гродекова, назначеннаго временно - командующимъ войсками на Дальнемъ Востокѣ.

Революціонное возбужденіе въ Россіи, особенно сильно проявившееся въ декабрѣ 1905 г., было сильнымъ ударомъ для спокойствія и, какъ многіе ошибочно полагали—даже для цѣлости государства. Агитаторы проявили удивительную дѣятельность среди войскъ арміи и флота, стараясь всѣми силами вовлечь войска въ общую сумятицу. И что-же изъ всего этого вышло? Произошли серьезные бунты въ Черноморскомъ флотѣ и въ двухъ крѣпостяхъ Петербургскаго военнаго округа, въ Кронштадтѣ и Свеаборгѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произошли вспышки и безпорядки. Въ общемъ же армія сохранила спокойствіе, оставаясь вѣрною долгу присяги.

Эти тяжелыя времена миновали для насъ, какъ мнѣ думается, безвозвратно, такъ какъ нѣтъ признаковъ того, чтобы внутреннее положеніе государства стало когда либо такимъ, какимъ оно было до манифеста 17 октября 1905 г. Жизнь русскаго государства стройно потечетъ по пути, намѣченному непреклонною волею нашего Монарха.

Неудачная война наша съ Японіею, повлекшая за собою революціонное потрясеніе государства, составляла, конечно, обширную тему для правительствъ иностранныхъ государствъ и иноземной прессы.

Стали рисовать наше отечество, какъ государство крайне ослабленное и поколебленное въ самыхъ его основахъ Наше внѣшнее положеніе, въ ихъ глазахъ, значительно пошатнулось; внутреннее положеніе стало, будто, чревато хроническими недугами, а наша военная сила будто перестала быть грозной силой.

Пусть же поймутъ наши будущіе враги, что доблестная русская армія всегда будетъ стоять на стражѣ величія Россіи и никогда не позволитъ кому бы то ни было посягнуть на честь и цѣлость ея отечества. Пусть поймутъ, что если судьбою предназначено намъ, въ ближайшемъ будущемъ, новое испытаніе, то наша армія сдѣлаетъ все для того, чтобы съ честью выйти изъ этого испытанія.

XL.

Закончимъ наши замѣтки нѣсколькими дополнительными соображеніями, касающимися нашего бывшаго маньчжурскаго вождя.

Въ самомъ началѣ марта 1905 года генералъ-адъютантъ Куропаткинъ былъ уволенъ отъ должности главнокомандующаго и отозванъ въ Россію. Его замѣнилъ генералъ Линевичъ.

Надежда Куропаткина на возможность поправить свою репутацію, какъ вождя русскихъ армій, рушилась и, по словамъ одного изъ русскихъ генераловъ, бывшаго при немъ въ минуту полученія имъ грозной телеграммы, Куропаткинымъ овладѣло очень обидное и горькое чувство. Минута для него тяжелая и грустная.

Куропаткину, когда его посылали на войну, вѣрила почти вся Россія. Всѣ надѣялись, что коман-

дуя славными русскими войсками, онъ нанесетъ японцамъ пораженіе. Онъ вѣрилъ слѣпо въ свою счастливую звѣзду и заявилъ, что миръ будетъ заключенъ въ Токіо. За годъ до начала войны онъ ѣздилъ въ Японію и познакомился съ японскою арміею.

Онъ былъ недоволенъ смѣною его съ должности главнокомандующаго—это, конечно, весьма естественно. Онъ былъ обиженъ тѣмъ, что его не оцѣнили, но вѣдь для болѣе правильной оцѣнки его, русской арміи, подъ его предводительствомъ, пришлось бы, по всей вѣроятности, понести еще нѣсколько крупныхъ пораженій. Уѣзжая командовать маньчжурскою арміею, онъ только и твердилъ: „терпѣніе“ и „терпѣніе“.

Прошелъ годъ войны, и на маньчжурскихъ поляхъ мы, предводимые Куропаткинымъ, несли пораженіе за пораженіемъ. Для всѣхъ стало очевиднымъ, что выборъ Куропаткина не былъ изъ счастливыхъ и что, вмѣсто самаго способнаго генерала русской арміи, во главѣ дѣйствовавшей арміи былъ поставленъ одинъ изъ самыхъ заурядныхъ.

Куропаткину пришлось возвращаться въ Россію. Дорогою въ Харбинъ и въ этомъ городѣ онъ высказалъ свое мнѣніе о причинахъ пораженій, понесенныхъ русскими войсками, высказывалъ всѣмъ, кто хотѣлъ его слушать и кто приходилъ посмотрѣть на человѣка, который такъ быстро упалъ съ высоты своего величія и обратился въ простого смертнаго.

Въ Харбинѣ, гдѣ было много его сторонниковъ и гдѣ хорошо знали его слабости, смѣна его произвела тяжелое впечатлѣніе.

Онъ задался опредѣленною цѣлью — оправдать

себя во что бы то ни стало, отыскавъ виновниковъ пораженій и обвиняя всѣхъ и все.

Это былъ ужъ другой Куропаткинъ: на поляхъ Маньчжуріи онъ вѣчно оборонялся, всегда отступалъ и затѣмъ готовился къ новой оборонѣ и новому рѣшительному отступленію; въ тылу же, когда обстановка совершенно измѣнилась и изъ грозной стала мирной, онъ рѣшился наступать всѣми силами.

Больше всѣхъ доставалось генералу барону Каульбарсу, его бывшему закадычному другу, его слѣпому поклоннику, и генералъ-адъютанту Гришенбергу, а также бывшему военному министру, генералъ-адъютанту Сахарову.

Сахарову онъ ставилъ въ вину, что на маньчжурскій театръ войны, послѣ посылки 10 и 17 корпусовъ, былъ направленъ 5 сибирскій корпусъ, а послѣ 1-го корпуса — 6 сибирскій корпусъ, оба сформированые изъ резервныхъ войскъ европейской Россіи.

Въ Харбинѣ, передъ случайно образовавшейся аудиторіей, Куропаткинъ, какъ мнѣ передавали, сдѣлалъ смѣлое выступленіе и произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, заявилъ, что будто бы въ мукденскомъ бою резервные корпуса разсыпались, что, замѣтимъ, ничуть не соотвѣтствовало истинѣ. Обладая слабою памятью, Куропаткинъ очень часто расходился съ истиною. По всей вѣроятности, событія крайне сложной, запутанной, продолжительной и кровопролитной мукденской операціи перемѣшались въ его памяти, но онъ считалъ назначеніе въ составъ арміи резервныхъ войскъ однимъ изъ крупныхъ поводовъ къ обвиненію покойнаго Сахарова. Крайне любопытно, однако, то обстоятельство, что 5-й и 6-й сибирскій корпуса были мобилизованы и

двинуты на театръ войны согласно плана Куропаткина, какъ военнаго министра.

Куропаткинъ, уѣзжая изъ арміи, умолялъ оставить его на театрѣ войны. Генералъ Линевичъ ходатайствовалъ за него и онъ былъ назначенъ командующимъ 1-й маньчжурскою арміею.

Будучи командующимъ этою арміею, Куропаткинъ усиленно занимался собираніемъ матеріаловъ для возведенія обвиненій на начальниковъ и на войска. Въ его штабѣ собраны были десятки тысячъ документовъ, въ которыхъ онъ, вмѣстѣ съ своими сотрудниками, былъ не въ силахъ, какъ слѣдуетъ, разобраться.

Всякому должно быть понятно, что полководецъ, потерпѣвшій крупное пораженіе, склоненъ взваливать обвиненіе на своихъ подчиненныхъ; такую склонность обнаруживаетъ въ особенности тотъ, который, считая себя изъ ряда выходящимъ военнымъ талантомъ, терпѣлъ, въ теченіе всей компаніи, лишь одни пораженія; но не всякому будетъ понятно, если такой вождь станетъ безъ разбора обвинять весь корпусъ офицеровъ и, наконецъ, всю армію съ единственною цѣлью оправдать себя.

Обвиненія, направленныя противъ войскъ вообще, противъ всей арміи, если для того не имѣется прочныхъ основаній, какъ на это рѣшился Куропаткинъ въ своемъ прощальномъ обращеніи къ офицерамъ 1-й маньчжурской арміи 5-го февраля 1905 г., по меньшей мѣрѣ неосторожны.

Это тактическій пріемъ самозащиты—и при томъ не изъ удачныхъ.—Это ничѣмъ не оправдываемое выступленіе главнаго виновника, какъ бывшаго военнаго министра и главнокомандующаго, всѣхъ нашихъ военныхъ несчастій въ Маньчжуріи, ошибочно полагающаго, что возможно вполнѣ обѣлиться при

помощи огульнаго обвиненія войскъ и ихъ начальниковъ.

Куропаткинъ остался вѣренъ себѣ до конца: насколько неосторожно и необдуманно онъ обсуждалъ операціи во время войны, настолько же необдуманно и неосторожно обсудилъ онъ планъ своей защиты.

И обѣ кампаніи имъ блистательно проиграны.

XLI.

Талантливые полководцы даютъ начальникамъ войскъ и войскамъ руководящія указанія. И Куропаткинъ давалъ указанія.

Спустя мѣсяцъ послѣ прибытія на театръ войны, Куропаткинъ объявилъ по войскамъ арміи свои первыя указанія, озаглавленныя такъ: „Указанія начальникамъ Маньчжурской Арміи до ротнаго и сотеннаго командира включительно и всѣмъ начальникамъ штабовъ".

Во главѣ этихъ указаній Куропаткинъ помѣстилъ свою характеристику японской арміи. Прекрасная пѣхота, отличная артиллерія, многочисленныя и хорошо обученныя саперныя войска, храбрые и рѣшительные генералы—вотъ основныя черты этой характеристики. Отмѣтивъ склонность японцевъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, Куропаткинъ говоритъ: „Они даютъ очень большое мѣсто обходнымъ движеніямъ, отдѣляя для сего значительныя силы". Японскую конницу онъ не одобрилъ. По его свѣдѣніямъ, быть можетъ, собраннымъ имъ во время пзученія имъ японской арміи въ Токіо, японцы любятъ ѣсть по утрамъ. Эта почтенная привычка присуща и не однимъ японцамъ; но вотъ что замѣчательно и что подмѣтилъ зоркій глазъ Куропаткина.

Онъ говоритъ, что японцы, не поѣвши спокойно утромъ, чувствуютъ себя весь день слабыми, а засимъ онъ даетъ такое руководящее указаніе начальникамъ частей войскъ и начальникамъ штабовъ: „Надо этимъ пользоваться и мѣшать правильному питанію японцевъ по утрамъ“. Долженъ сознаться, что когда, по прибытіи моемъ въ армію, я ознакомился съ этимъ указаніемъ, то развеселился, хотя тамъ было не до смѣха. Можно думать, что ни одинъ изъ главнокомандующихъ не додумался простирать свою заботу такъ далеко, такъ глубоко и не отдавалъ такого изъ ряда выходящаго, удивительнаго указанія.

Мѣшать ѣсть противнику по утрамъ, когда этотъ противникъ развернулся въ составѣ сотенъ тысячъ людей на площади въ нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ—это ли не удивительная военная операція, которую предложилъ къ исполненію нашъ бывшій вождь.

Къ недостаткамъ японской арміи Куропаткинъ относитъ то обстоятельство, что при ихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ священниковъ и войска въ мирное время не посѣщаютъ храмовъ. Надо полагать, что если бы Куропаткинъ былъ военнымъ министромъ не въ Россіи, а въ Японіи, то онъ неупустительно составилъ бы, и старался бы провести въ жизнь штаты священниковъ военно-учебныхъ заведеній и войсковыхъ и заставилъ бы японскихъ офицеровъ и солдатъ ходить въ церковь.

Можно себѣ представить, какимъ гомерическимъ смѣхомъ разразились японцы, когда они познакомились съ этими тонкими соображеніями вождя русской арміи, а познакомились они съ ними не позже конца августа 1904 года.

Обликъ нашего вождя все болѣе и болѣе вы-

ясняется передъ начальниками японскихъ войскъ. А японцы—глубокіе психологи.

Относительно японскихъ генераловъ Куропаткинъ дѣлаетъ въ своихъ указаніяхъ такое замѣчаніе: „Они очень много времени расходуютъ на обдумываніе рѣшеній, но обдумываютъ обстоятельно; быстрая перемѣна для нихъ затруднительна. Неожиданно смѣняющаяся обстановка ставитъ ихъ втупикъ, чѣмъ и слѣдуетъ пользоваться“.

Къ крайнему сожалѣнію, Куропаткинъ не тратилъ времени на основательное обдумываніе плана и за всю кампанію у него не было ни одного сколько нибудь обдуманнаго и разработаннаго плана. Очевидно, онъ считалъ излишнимъ брать въ этомъ отношеніи примѣръ съ японскихъ генераловъ.

Когда онъ былъ командующимъ Маньчжурскою арміею, онъ не придавалъ никакого значенія мнѣнію командировъ корпусовъ, а когда сталъ главнокомандующимъ, то ставилъ ни во что мнѣніе командующихъ арміями. Штаба своего онъ не уважалъ и надъ нимъ глумился. При такихъ условіяхъ, конечно, была немыслима разработка не только плана войны или крупной военной операціи, но и второстепенной операціи.

Къ крайнему сожалѣнію, втупикъ приходилъ не японскій главнокомандующій, а Куропаткинъ, имѣвшій слабость при всякомъ движеніи японскихъ войскъ терять свое душевное равновѣсіе.

Не обладая достаточными военными знаніями, не находя въ себѣ устойчивой воли, Куропаткинъ попадалъ подъ гипнозъ японскихъ генераловъ, слѣпо подчинялся ихъ волѣ и неизмѣнно отдавалъ приказанія „окопаться“, „упорно обороняться“, а засимъ „отступать“.

Въ своихъ первыхъ указаніяхъ Куропаткинъ

говоритъ, что въ японцахъ мы имѣемъ серьезнаго противника, „съ которымъ надо считаться по европейскому масштабу“. Это сказано, вѣроятно, для того, чтобы кто либо не подумалъ, что съ японцами, составляющими пятидесятимилліонный народъ, всѣмъ извѣстный своею воинственностью, можно было бы считаться по ахалъ-текинскому масштабу.

„Очень важно, говоритъ словоохотливый Куропаткинъ въ своихъ указаніяхъ, въ первыхъ бояхъ, гдѣ японцы будутъ имѣть превосходныя силы, не дать имъ сознанія одержанной побѣды. Это еще болѣе приподниметъ ихъ духъ“.

18 апрѣля 1904 года, на берегу рѣки Ялу, около Тюренчена, произошелъ первый сухопутный бой между нами и японцами. „Указанія“, подписанныя Куропаткинымъ 15 апрѣля, безъ сомнѣнія, не поспѣли на Ялу; но зато туда поспѣли самыя удивительныя его приказанія, сильно смутившія начальниковъ частей и войска и повлекшія за собою наше крупное пораженіе, что дало японцамъ полное сознаніе одержанной надъ нами побѣды.

Какъ далеко бываетъ слово отъ дѣла у людей, не одаренныхъ судьбою талантомъ, волею и памятью и не обладающихъ способностью основательно вдумываться въ обстановку.

Почти наканунѣ сраженія подъ Тюренченомъ, Куропаткинъ послалъ генералъ Засуличу на Ялу телеграмму за № 2589 такого содержанія: „Передайте мой сердечный привѣтъ славнымъ войскамъ командуемаго вами отряда. На ихъ долю выпало первыми встрѣтить наступающаго врага; не сомнѣваюсь, что каждый исполнитъ свято свой долгъ; вполнѣ надѣюсь, что вы дадите отпоръ врагу съ должной твердостью, но и съ благоразуміемъ, па-

мятуя, что поставлены на Ялу не для рѣшительнаго боя съ превосходнымъ числомъ противника".

Тотчасъ же была послана телеграмма за № 2590, въ которой командующій арміею высказывалъ опасенія за организацію весьма труднаго отступленія по одной дорогѣ до Фынхуанчена и далѣе къ переваламъ, за своевременное прибытіе при этомъ къ Фынхуанчену 21-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка изъ Дагушаня и за успѣшное движеніе обозовъ.

Разработаны ли дороги? Укрѣпляется ли позиція у Фынхаунчена? Подготовляется ли уничтоженіе запасовъ?—спрашиваетъ Куропаткинъ въ этой телеграммѣ. „Очень желательно, чтобы не было никакихъ трофеевъ у японцевъ", такъ оканчиваетъ онъ свою телеграмму. Эту первое, мнѣ извѣстное, указаніе Куропаткина о сжиганіи заготовленныхъ запасовъ. Куропаткинъ, при помощи своего генералъ-квартирмейстера, изучалъ во время японской войны кампанію 1812 г. и, какъ Кутузовъ отступалъ, сжигая запасы, такъ и онъ отступалъ и сжигалъ запасы, часто грошовые.

Телеграммы произвели въ отрядѣ недоумѣніе и крайне дурно отозвались на состояніи духа войскъ.

Былъ неясный пунктъ о трофеяхъ. Еще въ телеграммѣ отъ 31 марта за № 1911 Куропаткинъ писалъ: „Чините дорогу до Фынхуанчена. Тщательно обдумайте всѣ распоряженія къ оборонѣ и отступленію, дабы противникъ не имѣлъ трофеевъ..."

Распоряженія по занятію позиціи на берегу р. Ялу, конечно, было исполнены по указаніямъ Куропаткина, который вмѣшивался во всѣ мелочи. 1-го апрѣля онъ предлагаетъ двинуть вдоль берега Ялу одинъ батальонъ и взводъ артиллеріи. 5-го апрѣля разрѣшаетъ перевести горную батарею въ Чанденъ и т. д.

Явился кордонъ, ничего хорошаго не предвѣщавшій. Къ 18 апрѣля нашъ небольшой отрядъ былъ раскинутъ на фронтѣ, протяженіемъ въ 200 верстъ, при чемъ главная масса войскъ заняла укрѣпленную позицію, протяженіемъ по фронту, въ 27 верстъ.

Въ телеграммѣ отъ 5-го апрѣля № 2359 Куропаткинъ предложилъ Засуличу, пользуясь мѣстными условіями, затруднить противнику переходъ черезъ Ялу и дальнѣйшее наступленіе его черезъ Фыншуйлинскій перевалъ, причемъ сообщилъ, что по имѣвшимся свѣдѣніямъ силы противника предполагаются состоящими изъ гвардейской, 2-й и 12-й дивизій, а быть можетъ и 6-й, и что, кромѣ того, ожидается десантъ близъ устья Ялу 1-й и 3-й дивизій, отбывшихъ изъ Японіи.

Положеніе было настолько серьезное, что вызывало безусловную необходимость личнаго присутствія на Ялу Куропаткина; но онъ не поѣхалъ, между тѣмъ, какъ командовавшій японскою арміею, генералъ Куроки, лично прибылъ на Ялу и взялъ на свою отвѣтственное веденіе предстоявшей важной операціи.

Положеніе Засулича было крайне тяжелое и неопредѣленное. Результаты этой неопредѣленности всѣмъ извѣстны. Японцы въ подавляющихъ силахъ обрушились на нашъ слабый, растянутый длиннымъ кордономъ, отрядъ, который только потому отступилъ сравнительно благополучно, что японцы не выказали смѣлости его преслѣдовать. Если бы Куроки отличался рѣшительностью и оцѣнилъ обстановку, то не только былъ бы занятъ быстро Фынхуанченъ и пройденъ Фыншуйлинскій перевалъ, но, вѣроятно, въ его руки попался бы и Ляоянъ.

Вопросъ о трофеяхъ, поставленный Куропаткинымъ, смущалъ начальниковъ частей отряда. Въ

дознаніи, произведенномъ по тюренченскому дѣлу по приказанію командовавшаго арміей, мы читаемъ слѣдующее: „что касается эпизода со знаменемъ, то я нахожу чрезвычайную заботу о его сохраненіи, проявленную полковникомъ Громовымъ, ошибочною. Знамя есть высшее орудіе въ рукахъ храбраго, распорядительнаго и энергичнаго начальника, съ помощью котораго не разъ удавалось вновь возжечь въ сердцахъ воиновъ поколебленный воинскій духъ и вырвать побѣду у врага, почти торжествующаго. Если часть, ведя рѣшительный бой съ противникомъ, соприкоснется знаменами съ нимъ и, подъ напоромъ превосходнаго въ силахъ врага, принуждена будетъ отступить и при этомъ, благодаря энергіи и усиліямъ чиновъ, сохранитъ свое знамя, то это несомнѣнно составитъ доблесть части".

„Но изъ стремленія сохранить свое знамя вовсе не слѣдуетъ, чтобы забота о сохраненіи его составляла въ бою исключительное дѣло командира части. Между тѣмъ, полковникъ Громовъ, съ самаго начала боя 18 апрѣля, направляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы сохранить знамя—онъ постоянно вспоминаетъ о немъ и постоянно твердитъ офицерамъ о необходимости его сберечь. Имѣя въ виду, что знамени никакая опасность не угрожала, таковое поведеніе командира полка можетъ быть объяснено только опасеніемъ отвѣтственности за важную потерю этой воинской святыни. Излишняя ревность полковника Громова, проявленная имъ въ заботахъ о сохраненіи знамени, невольно передавалась людямъ. Командиръ 2 роты Черноморцевъ, какъ только увидѣлъ, что дѣлаются приготовленія къ очищенію позиціи, даже не дождавшись приказанія командира баталіона, капитана Мирошниченко, сдѣлалъ распоряженіе объ отсылкѣ знамени въ тылъ, къ этапу

№ 7; охраненіе знамени возлагается на отвѣтственность молодого неопытнаго офицера, подпоручика Любимова, съ однимъ взводомъ. Распоряженіе это отдано помимо командира полка; но послѣдній, встрѣтивъ за деревнею Чингоу взводъ со знаменемъ, не только не отмѣнилъ приказанія командира роты, а напротивъ, по словамъ знаменщика, вновь подтвердилъ ему употребить всѣ усилія спасти знамя, а въ случаѣ крайности — срѣзать его съ древка. Быть можетъ, послѣднее невѣрно — показываетъ только одинъ знаменщикъ — тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что нервность командира полка передалась его подчиненнымъ, вслѣдствіе чего, когда на пути между этапомъ № 7 и Фынхуанченомъ произошла паника въ обозѣ, то подпоручикъ Любимовъ, вмѣстѣ съ другими офицерами, слѣдовавшими при взводѣ со знаменемъ, подчинившись этой панікѣ, срѣзали знамя съ древка".

Вотъ къ чему привели неоднократныя указанія Куропаткина на то, чтобы не было никакихъ трофеевъ у японцевъ. Нервность нашего вождя, сообщенная въ неловкой формѣ на Ялу, возбудила нервность у начальниковъ частей, а отъ этихъ послѣднихъ она передалась офицерамъ и нижнимъ чинамъ.

Лишь впослѣдствіи выяснились, что Куропаткинъ подъ именемъ трофеевъ подразумѣваетъ не только отбитыя знамена, но и покинутыя орудія. Въ засѣданіи Верховнаго военнаго суда, разсматривавшаго дѣло о преждевременной сдачѣ Портъ-Артура, Куропаткинъ, какъ свидѣтель, между прочимъ показалъ 30-го ноября 1907 г. слѣдующее: „Указанія о своевременномъ отходѣ отъ Кинь-Чжоу къ Портъ-Артуру, данныя мною генералу Стесселю, объясняются боязнью потери артиллеріи, какъ это случилось на Ялу, такъ какъ положеніе этихъ двухъ позицій,

какъ бы выдвинутыхъ авангардовъ, причемъ каждый день задержки на нихъ непріятеля былъ бы для насъ весьма цѣненъ, были тождественны".

Трудно понять, что именно хотѣлъ этимъ сказать Куропаткинъ. Его логика не всѣмъ была доступна, а отдававшіяся имъ приказанія зачастую многіе не понимали или понимали различно. Бывшій комендантъ Портъ-Артура, генералъ Смирновъ, заявилъ Верховному военному суду въ засѣданіи 3 декабря, что онъ понялъ телеграмму Куропаткина такъ: „что защищать упорно Кинь-Чжоу не надо", что совершенно не согласуется съ словами Куропаткина о томъ, что каждый день задержки непріятеля на этой позиціи былъ бы для насъ цѣненъ.

Указанія Куропаткина полны противорѣчій. Относительно употребленія конницы въ началѣ указаній онъ говоритъ: „если нашей конницѣ удастся уничтожить запасы или затруднить подвозъ ихъ, то японскій конскій составъ въ артиллеріи и конницѣ скоро придетъ въ разстройство". Этимъ соображеніемъ онъ какъ бы совѣтуетъ направить нашу конницу въ тылъ японской арміи, такъ какъ только въ тылу возможно было разстроить продовольственную часть противника. Далѣе онъ говоритъ, что необходимо отмѣнить наше увлеченіе стратегическою ролью конницы и что не слѣдуетъ увлекаться такими дѣйствіями. Это онъ говоритъ туманно, причемъ выводы дѣлаетъ изъ практики большихъ маневровъ, то-есть изъ дѣйствій конницы въ мирное время. Точно для него не существовала военная исторія.

Послѣ этого онъ говоритъ: „Затѣмъ нашей конницѣ предстоитъ обширная и важная дѣятельность на флангахъ противника и на его сообщеніяхъ". Въ концѣ концовъ онъ выражаетъ надежду на нашу

конницу и говоритъ: „При выполненіи такъ называемой стратегической работы, конница, благодаря руководству генералъ-инспектора кавалеріи, сдѣлала большой успѣхъ. У насъ явилось довольно много начальниковъ частей, умѣющихъ руководить на полѣ дѣйствій массою въ нѣсколько кавалерійскихъ полковъ, бросать ихъ на противника сознательно и быстро приводить въ порядокъ послѣ столкновенія".

Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ этихъ искусныхъ кавалерійскихъ генераловъ почему-то не попалъ на маньчжурскій театръ войны, и наша конница, въ составѣ не „нѣсколькихъ полковъ", а нѣсколькихъ дивизій, при производствѣ ею стратегической работы, была ввѣрена командованію храбраго артиллерійскаго генерала Мищенко, никогда не служившаго ни въ кавалеріи, ни въ конной артиллеріи.

Наше громадное преимущество передъ японцами въ конницѣ, что не ускользнуло отъ вниманія автора „Указаній", совершенно не использовано. Куропаткинъ наложилъ свою тяжелую руку на конницу, и когда, наконецъ, послѣдняя, послѣ долгихъ колебаній и безконечныхъ приготовленій, была направлена въ тылъ противника, то это была не конница, движенія которой были бы свободны и быстры, а многочисленный обозъ, прикрытый многочисленной конницей.

Въ своихъ „Указаніяхъ" Куропаткинъ отводитъ большое мѣсто разсужденіямъ о большихъ курскихъ маневрахъ 1902 г., точно это были не маневры, а настоящая война и точно на этихъ маневрахъ можно было безошибочно предугадать, кто изъ генераловъ можетъ на войнѣ пріобрѣсти славу великаго полководца. За время исполненія мною должности военнаго министра, пишетъ Куропаткинъ въ своихъ руководящихъ „Указаніяхъ", я втеченіе почти шести

лѣтъ ежегодно присутствовалъ на большихъ маневрахъ разныхъ военныхъ округовъ, а въ 1902 г., волею Государя Императора, командовалъ на курскихъ маневрахъ южною арміей".

На этихъ именно маневрахъ всѣ, глубоко понимающіе военное искусство, окончательно убѣдились въ томъ, что генералъ-адъютантъ Куропаткинъ весьма мало годенъ для крупнаго военнаго дѣла.

Я участвовалъ на этихъ маневрахъ въ должности начальника штаба Московской арміи, которою командовалъ покойный Великій Князь Сергѣй Александровичъ. Позволяя себѣ сдѣлать краткую характеристику дѣйствіямъ Куропаткина во время этихъ маневровъ, считаю необходимымъ замѣтить, что я близко знакомъ съ этими дѣйствіями.

Предварительно замѣчу, что покойный Великій Князь Сергѣй Александровичъ, какъ командующій арміей, оказался на большихъ курскихъ маневрахъ гораздо способнѣе Куропаткина. Въ военный талантъ Великаго князя не вѣрили при Дворѣ, не вѣрили въ войскахъ, да и самъ онъ не вѣрилъ; но меня удивляла основательность его сужденій по крупному дѣлу вожденія массою войскъ. Когда дѣло касалось большого вопроса, онъ любилъ твердо, а иногда и горячо, оспаривать докладчика, и я долженъ сказать, что въ большинствѣ крупныхъ распоряженій на большихъ маневрахъ, гдѣ успѣхъ рѣшительно склонился на сторону московской арміи, имъ было много вложено своего личнаго.

Не стѣсняя, въ соотвѣтственныхъ предѣлахъ, иниціативы своихъ подчиненныхъ, Великій Князь умѣлъ, когда это было необходимо, подчинять ихъ своей волѣ. Это былъ сильный и опредѣленный характеръ, хотя въ этомъ характерѣ было много сложнаго. Память у него была великолѣпная. Я долго

не рѣшался охарактеризовать покойнаго Великаго Князя, какъ командующаго арміей—такъ это могло показаться несоотвѣтственнымъ установившемуся о немъ мнѣнію; но колебаніямъ не должно быть мѣста тамъ, гдѣ высказывается истина, въ которую вѣруешь.

Общественное мнѣніе вѣдь сплошь и рядомъ заблуждается. Куропаткинъ можетъ служить въ этомъ отношеніи отличнымъ примѣромъ: общественное мнѣніе считало его талантливымъ полководцемъ, а на дѣлѣ оказалось, что онъ лишенъ военнаго таланта. Покойнаго генерала Кондратенко считали плохимъ командиромъ полка и его собирались отрѣшить отъ командованія полкомъ; къ счастью ограничились выговоромъ. На повѣрку оказалось, что онъ былъ на двѣ головы выше военнаго министра, который его жалъ.

Генералъ Куропаткинъ мало довѣрялъ своимъ подчиненнымъ и не былъ склоненъ признавать за кѣмъ либо авторитетъ въ военномъ дѣлѣ. Онъ имѣлъ привычку обращаться ко всѣмъ въ формѣ поученій и часто глумился, не имѣя на то никакого основанія. Память у него очень слабая, чѣмъ легко объясняются его крупныя противорѣчія какъ въ его сужденіяхъ, такъ и особенно въ его приказаніяхъ.

Генералъ-адъютантъ Сахаровъ, бывшій въ 1902 г. начальникомъ главнаго штаба, подсмѣивался въ главной квартирѣ, во время большихъ курскихъ маневровъ, надъ дѣйствіями Куропаткина. „Сахаровъ вышучивалъ Куропаткина“, сказалъ мнѣ Великій Князь Сергѣй Александровичъ по окончаніи маневровъ. Генералъ-адъютантъ Драгомировъ съ сокрушеніемъ сердца видѣлъ, что южною арміей руководятъ изъ рукъ вонъ плохо и что штабъ арміи былъ почти отстраненъ отъ дѣятельности и всѣмъ самолично распоряжался Куропаткинъ.

Составитель оффиціальнаго отчета о большихъ курскихъ маневрахъ, генералъ-маіоръ Жилинскій, придалъ Куропаткину блескъ побѣдителя, а всякій участникъ этихъ маневровъ, понимавшій значеніе крупныхъ военныхъ операцій и любящій военное дѣло, видѣлъ совершенно отчетливо, что распоряженія Куропаткина, не согласуясь съ основными принципами стратегіи, не отвѣчали слагавшейся на маневрахъ обстановкѣ.

На берегу р. Реута Куропаткинъ расположилъ кордономъ войска 10 армейскаго корпуса и кое-какъ укрѣпилъ позицію. Рѣшеніе его удержать эту позицію во что бы то ни стало ничѣмъ не можетъ быть объяснено. На эту слабо занятую войсками и недостаточно укрѣпленную позицію обрушились съ фронта два корпуса московской арміи, въ то время, когда третій корпусъ обходилъ лѣвый флангъ позиціи, угрожая тылу. Куропаткинъ могъ удержать свое положеніе только потому, что, будучи командующимъ южною арміею, онъ вмѣстѣ съ симъ занималъ высокую должность военнаго министра.

Кордонная позиція на Реутѣ была прототипомъ кордонныхъ позицій въ Маньчжуріи, столь излюбленныхъ Куропаткинымъ, сыгравшихъ столь неудачную роль и столь неумѣстныхъ при современныхъ способахъ веденія войны.

Да и отчетъ о курскихъ маневрахъ былъ составленъ въ пользу южной арміи тоже потому, что этою арміею командовалъ бывшій военный министръ. Когда Великій Князь Сергѣй Александровичъ прочелъ этотъ отчетъ, онъ мнѣ сказалъ: „Никогда впредь я не соглашусь командовать войсками на маневрахъ, имѣя своимъ противникомъ военнаго министра“.

Генералъ Сахаровъ, глумившійся надъ Куро-

паткинымъ во время маневровъ, одобрилъ отчетъ о маневрахъ только потому, что Куропаткинъ сохранилъ мѣсто военнаго министра. Положеніе составителя отчета было не изъ легкихъ, и онъ, уже будучи въ Маньчжуріи, могъ убѣдиться, что небезопасно для государства придавать блескъ побѣдителя тому, кто не проявилъ истиннаго таланта среди почти мирной обстановки большихъ маневровъ.

Заключительный актъ маневровъ, бой на Касторной позиціи, у самаго Курска, показалъ, что Куропаткинъ не обнаружилъ яснаго представленія о томъ, что такое атака укрѣпленной позиціи при современныхъ условіяхъ веденія войны и при новомъ оружіи, да при томъ—позиціи, занятой цѣлой арміей. Слабо обстрѣлявъ расположенія противника артиллеріею, Куропаткинъ собралъ въ кучу около 20 баталіоновъ, построенныхъ въ колонны съ жидкими цѣпями впереди, лично выѣхалъ впередъ съ своею многочисленною свитою и значкомъ и повелъ атаку.

Когда я въ бинокль замѣтилъ картину сбора колоннъ и выѣздъ впередъ изъ опушки лѣса Куропаткина и доложилъ объ этомъ Великому Князю Сергѣю Александровичу, главный посредникъ, Великій Князь Фельдмаршалъ Михаилъ Николаевичъ, тутъ же стоявшій, сказалъ:

— Нѣтъ, это не можетъ быть... Это не Куропаткинъ.

Это былъ Куропаткинъ.

Вслѣдъ за симъ былъ данъ отбой, и маневры окончились.

Дѣло на р. Реутѣ—это предвѣстникъ дѣла 18 февраля 1904 г. на р. Ялу, подъ Тюренченомъ, только съ тою разницею, что на Реутъ Куропаткинъ поѣхалъ, а на Ялу не поѣхалъ, предоставивъ

Засуличу справиться съ многочисленною арміею японцевъ, лично предводимою Куроки.

Дѣло подъ Касторной не повторилось въ Маньчжуріи, такъ какъ Куропаткинъ лично не водилъ войска въ бой.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что реклама, въ рукахъ даже ловкихъ и умныхъ людей, приноситъ большія выгоды лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣ предметы или люди, которыхъ она касается, имѣютъ за собою дѣйствительныя положительныя качества. Если же она старается прославлять дѣла или людей, не обладающихъ, по ихъ сущности, этими качествами, то она достигаетъ лишь временныхъ успѣховъ и, засимъ, когда наступаетъ повѣрка рекламируемаго, то, въ большинствѣ случаевъ, весьма быстро появляется разочарованіе и паденіе. Крупное положительное дѣло или истинно талантливый человѣкъ часто выдвигаются рекламою; но, выдвинувшись, они въ рекламахъ уже болѣе не нуждаются, такъ какъ ихъ дѣйствительныя качества и безъ подогрѣванія послѣдними для всѣхъ становятся очевидными.

Если реклама затронетъ человѣка заурядnаго, и послѣдній, поставленный ею на несоотвѣтственную его существу высоту, будетъ призванъ къ крупной дѣятельности, то такому человѣку необходимо имѣть необычайное счастье и очень благопріятную обстановку для того, чтобы удержаться на той высотѣ, на которую его возвели. Такому человѣку грозитъ страшная опасность, заключающаяся въ томъ, что у него легко развивается излишнее самомнѣніе, а слѣдовательно нарушается душевное равновѣсіе.

Мы искренно жалѣемъ о томъ, что широкая реклама, еще задолго до начала нашей войны съ японцами, коснулась нашего бывшаго вождя и

что этотъ послѣдній не имѣлъ никакого счастія на поляхъ Маньчжуріи.

Раздутые корреспондентами и посредниками успѣхи Куропаткина на Реутѣ и подъ Курскомъ возвели его чуть ли не на степень великаго полководца, и у него закружилась голова.

А между тѣмъ Куропаткинъ, не одаренный судьбою военными способностями, не имѣлъ никогда самостоятельнаго военнаго опыта. Первымъ отрядомъ, которымъ онъ командовалъ на войнѣ, былъ взводъ, за дѣйствія котораго въ Кокандскомъ ханствѣ онъ получилъ георгіевскій крестъ 4-й степени. Въ 1881 году, во время Ахалъ-Текинской экспедиціи, онъ командовалъ отрядомъ туркестанскихъ войскъ численностью до 900 человѣкъ; за дѣйствія этого отряда онъ былъ награжденъ георгіемъ 3 степени. Если бы въ войну 1904 — 1905 г. награждали георгіями по тому же туркестанскому масштабу, то, конечно, георгіевскими крестами въ петлицѣ были бы награждены почти всѣ начальники охотничьихъ командъ и множество ротныхъ командировъ, а георгіями на шеѣ —очень многіе баталіонные командиры и старшіе надъ ними. Конечно, награжденіе Куропаткина двумя крестами можетъ быть объяснено тѣмъ, что кокандская и Ахалъ-Текинская экспедиціи, благодаря вложеннымъ въ нихъ Скобелевымъ дѣятельности и военному таланту, окончились успѣшно; но вѣдь офицеры не виноваты въ томъ, что Куропаткинъ велъ ихъ не къ побѣдамъ, а къ безпросвѣтнымъ пораженіямъ.

Въ послѣднюю турецкую войну 1877—1878 г., въ теченіе которой Куропаткинъ шелъ на помочахъ у Скобелева и въ которой, во время шипкинской операціи, онъ былъ главнымъ виновникомъ того, что Скобелевъ не исполнилъ приказанія Радецкаго и

не поддержалъ атаку князя Мирскаго, Скобелевъ опоздалъ изъ-за Куропаткина, сдѣлавшаго распоряженіе о томъ, чтобы два полка 16 пѣх. дивизіи втащили на Балканскія кручи батареи капитана Куропаткина, брата будущаго маньчжурскаго вождя.

Батарея не была втащена на перевалъ, въ вѣнокъ Скобелева не была вплетена слава Аннибала, а поздній выходъ отряда въ долину Розъ повлекъ за собою напрасную потерю нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Письмо Куропаткина Каульбарсу № 7514.

2) Записка Соболева отъ 31 іюля 1905 г.

3) Письмо Куропаткина Батьянову № 165.

4) Записка Соболева отъ 9 сентября 1905 г.

5) Приказъ командира 6 сиб. корпуса 13 марта 1905 г., № 33.

6) Приказъ его-же отъ 3 апрѣля 1905 г., № 36.

7) Памятка 8-й роты 220 пѣх. Епифанскаго полка.

8) Прощальное обращеніе Куропаткина къ офицерамъ 1-й маньчжурской арміи въ февралѣ 1906 г. (Было напечатано въ „Русскомъ Инвалидѣ“ въ первомъ полугодіи 1906 г.).

Письмо генерала Куропаткина командующему 2 маньчжурской арміей, генералу барону Каульбарсу.

Секретно.

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ!

Въ концѣ мукденскихъ операцій японцы прорвали расположеніе нашихъ армій въ двухъ мѣстахъ. Первый прорывъ состоялся у Кіузана, въ раіонѣ дѣйствій I арміи, 2-й прорывъ произошелъ между расположеніемъ III и I арміи по направленію на Тава.

Тутъ, по имѣющимся въ штабѣ главнокомандующаго документамъ, вина въ значительной степени видимо падаетъ на дѣйствія 55 дивизіи 6-го корпуса, такъ какъ эта дивизія отступила ранѣе войскъ 1-го и 17-го армейскихъ корпусовъ, расположенныхъ у Фулина (1 корпусъ) и Минтана (17-й армейскій).

Отступая отъ Тава, 55 дивизія пустила за собой и японцевъ.

Прошу васъ, если не встрѣчается на то препятствій, приказать выяснить по документамъ, имѣющимся въ штабахъ 6 корпуса и 55 дивизіи, причины и объясненія успѣха прорыва и о результатахъ разслѣдованія не отказать мнѣ сообщить.

Прошу васъ принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и таковой же преданности.

Подписалъ: А. Куропаткинъ.

4-го іюля 1905 г.
№ 7514.
Херсу.

Приложеніе 2-е.

В. секретно.

Письмомъ отъ 4 сего іюля за № 7514 командующій 1-ю маньчжурскою арміею просилъ командующаго 2-ю арміею, генерала-отъ-кавалеріи барона Каульбарса, приказать выяснить по документамъ штаба 6-го Сибирскаго армейскаго корпуса и 55-й пѣхотной дивизіи причины и объясненія успѣха прорыва японцами нашего расположенія у с. Тава.

Въ письмѣ за № 7514 сказано: „Въ концѣ мукденскихъ операцій японцы прорвали расположеніе нашихъ армій въ двухъ мѣстахъ. Первый прорывъ состоялся у Кіузаня, въ раіонѣ дѣйствій 1 арміи, второй прорывъ произошелъ между расположеніемъ 3-й арміи и 1-й по направленію на Таву [1]).

24 февраля текущаго года штабъ 6-го сиб. арм. корпуса былъ расположенъ въ Восточной Импани, у восточныхъ воротъ г. Мукдена.

Въ 6 час. вечера этого числа генералъ-квартирмейстеръ 3-й арміи, ген.-м. Алексѣевъ, зайдя ко мнѣ, далъ прочесть телеграмму, полученную отъ капит. ген. штаба Свѣчина о томъ, что японцы прорвались черезъ р. Хуньхе и заняли с. Кіузанъ, расположенное на фронтѣ 4-го сиб. арм. корпуса.

Мнѣ въ точности не было извѣстно, почему произошелъ прорывъ, но, однако, я имѣлъ свѣдѣнія о томъ, что бывшій главнокомандующій отозвалъ съ позиціи командира этого корпуса г.-л. Зарубаева и значительно ослабилъ войска на позиціи корпуса, причемъ фронтъ обороны послѣдней не могъ уже быть занятъ надлежащимъ образомъ, а японцы появились въ превосходныхъ силахъ.

---

[1]) Это, конечно, должно отнести къ числу описокъ письма, такъ какъ Таву всецѣло входила въ сферу движенія и дѣйствій 3 арміи и не касалась 1-й арміи.

Японцы быстро двинулись въ этотъ прорывъ, въ направленіи на с. Пухэ.

Въ 8 час. 10 м. вечера того же 24-го февраля г.-м. Алексѣевъ, вновь зайдя ко мнѣ, сказалъ, что рѣшено отступать на Тѣлинъ.

Въ 10 ч. 5 м. мною была подписана диспозиція по корпусу, основанная на диспозиціи по 3-й арміи.

По этой послѣдней диспозиціи 6-й сиб. арм. корпусъ, въ составѣ 13-ти баталіоновъ 55-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріею, долженъ былъ начать движеніе съ занимавшихся имъ позицій на р. Хуньхэ въ 1 часъ 45 минутъ ночи съ 24-го на 25-е февраля и слѣдовать, мимо Мучана, на Падяза, Кокуанте, Коуфинъ [1]), Мазуанза къ Ленхуачи. 17-му корпусу было назначено начать движеніе въ 1 ч. ночи и слѣдовать вдоль восточной стѣны г. Мукдена, по Мандаринской дорогѣ, и, обогнувъ городъ, идти за 5-мъ сиб. арм. корпусомъ; послѣднему же было приказано начать движеніе изъ укрѣпленій лѣваго берега р. Хуньхэ въ 12 ч. ночи и слѣдовать, обогнувъ Мукденъ съ западной стороны, по Мандаринской дорогѣ, опередивъ 17-й арм. корпусъ [2]).

Въ диспозиціи по 3-й арміи сказано, что по

---

[1]) Куюфынъ.

[2]) Въ диспозиціи по 3-й арміи сказано: „3-й арміи предписано съ наступленіемъ темноты отойти изъ предмостныхъ укрѣпленій вдоль Мандаринской дороги, не втягиваясь въ Мукденъ".

„2-й арміи задерживать противника до отхода 3-й арміи изъ предмостныхъ укрѣпленій и затѣмъ отойти вдоль желѣзной дороги, прикрывая движеніе 3-й арміи отъ ударовъ съ запада".

„1-й арміи прикрыть корпусами, занимающими Фушунскую позицію, отходъ 3-й арміи изъ укрѣпленій на р. Хуньхэ и затѣмъ отойти, прикрывая пути отъ линіи Фушунъ-Импань на Тѣлинъ (Тьелинъ)".

По диспозиціи этой корпусамъ были назначены мѣста большихъ приваловъ и ночлеговъ. Для 6-го сиб. корпуса ночлегъ назначенъ въ с. Ленхуачи.

проходѣ Мукдена 17-му арм. корпусу составить арріергардъ арміи.

Въ 10 час. 40 м. ночи съ 24-го на 25-е февраля въ штабѣ 6-го сиб. арм. корпуса было получено слѣдующее донесеніе отъ подъесаула 10-го Оренбургскаго казачьяго полка Морева, посланное имъ изъ Куюфына въ 8 час. вечера: „Получилось свѣдѣніе, что у д. Мадьянзы кто-то ставитъ орудія. Залповая ружейная стрѣльба сильно идетъ въ юго-восточномъ направленіи. Обозы стоятъ здѣсь; мною посланъ разъѣздъ удостовѣриться".

Стало очевидно, что въ долинѣ р. Хуньхэ, между Фушиномъ и Кіузаномъ, шелъ бой и что японцы обозначили глубокій прорывъ въ направленіи Пухэ.

55-я пѣх. дивизія при началѣ своего движенія должна была, относительно расположенія противника, исполнить фланговый маршъ и, не доходя до с. Хоулинъ, свернуть на сѣверъ.

За дивизіею, по мѣрѣ очищенія позиціи, противникъ слѣдовалъ по пятамъ.

Части 17-го корпуса, снявшись съ позиціи около 2-хъ часовъ ночи, слѣдовали на сѣверъ мимо Мукдена, съ восточной его стороны

Такимъ образомъ между 17-мъ арм. и 6-мъ сиб. корпусами сразу образовывался промежутокъ, который постепенно увеличивался, при чемъ къ 6 или 7 часамъ утра могъ достигнуть семи верстъ протяженія. При дальнѣйшемъ движеніи корпусовъ, когда 55-я пѣх. див. свернула бы, согласно диспозиціи, на сѣверъ, промежутокъ этотъ долженъ былъ постепенно уменьшаться и, по мѣрѣ приближенія къ Пухэ исчезнуть.

Лично я боялся, что въ промежутокъ между 17-мъ и 6-мъ сиб. корпусами нашъ противникъ, если-бы былъ хорошо освѣдомленъ о расходящемся

направленіи движенія корпусовъ, могъ-бы броситься, при чемъ этимъ движеніемъ могли бы быть совершенно разъединены эти корпуса. Однако темная ночь не могла благопріятствовать этому прорыву въ первые часы нашего отступленія.

Связь между 17-мъ арм. и 6-мъ сиб. корпусами была установлена слѣдующимъ образомъ:

1) При штабѣ 35-й п. д. отъ штаба 55-й п. д. состоялъ поручикъ 218-го пѣх. Борисоглѣбскаго полка Жирновъ.

2) При штабѣ 17-го корп. отъ штаба 6-го корп. состоялъ шт.-ротм. Рѣшетовъ.

3) При штабѣ 6-го сиб. корп. отъ штаба 17-го арм. корп. состоялъ поручикъ 52-го драг. Нѣжинскаго полка Бондаровскій.

4) Сверхъ сего въ штабъ 6 Сиб. корпуса былъ присланъ для связи изъ штаба 3-й арміи ген. шт. подполковникъ Іогансонъ [1]).

55 п. див. шла медленно на сѣверо-востокъ. Мы слышали въ этомъ направленіи артиллерійскую канонаду, а за симъ услышали ружейную перестрѣлку и стрѣльбу изъ пулеметовъ. Я со штабомъ опередилъ войска и направился къ с. Хоулинъ, надъ которымъ, какъ намъ казалось, рвались шрапнели и шимозы. Здѣсь я розыскалъ командира 1 арм. корпуса ген.-ад. барона Мейендорфа и его штабъ. Мнѣ сказали, что еще наканунѣ ген. Левестамъ очистилъ свою позицію, а японцы перешли на сѣ-

---

[1]) Въ штабѣ 6-го Сиб. кор. отъ штаба 1-го арм. корп. для связи состоялъ сотникъ Шафровъ.

Въ штабѣ 1-го арм. кор. отъ штаба 6-го Сиб. кор. для связи состоялъ хорунжій Горбуневъ.

Отъ 37 п. д. при 55 п. для связи состоялъ 148-го Каспійскаго полка поручикъ Дербеи.

Отъ 35 п. д. при 55 п. д. для связи до 24 февр. состоялъ офицеръ, но засимъ уѣхалъ и 25 не было никого.

верный берегъ р. Хуньхэ и теперь стоятъ на пути, назначенномъ для движенія 1-го арм. корпуса.

Этотъ корпусъ, къ которому на позиціи р. Шахэ была прикомандирована 2-я бригада 5-й Вост. стр. дивизіи и который былъ тамъ въ составѣ 38 баталіоновъ, къ полуночи съ 24 на 25 февраля былъ въ крайне слабомъ составѣ, такъ какъ изъ его состава, распоряженіемъ бывшаго главнокомандующаго, были выдѣлены:

1) всѣ четыре полка 22 п. див. съ артиллеріею, направленные 24 февр. на сѣверо-западъ, на Таву, и частью далѣе;

2) 146-й Царицынскій полкъ, двинутый въ составъ 72 пѣх. дивизіи;

3) 3 баталіона 147 п. Самарскаго полка, включенные въ составъ войскъ 2 арміи [1]). На позиціи у Хоулина къ раннему утру 25 февр. оставались лишь полки: 145-й Новочеркасскій и 148-й Каспійскій и то не въ полномъ составѣ. Кромѣ того на востокѣ и сѣверо-востокѣ расположенъ былъ отрядъ г.-м. Шилейко.

Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, я увидѣлъ, что слабому по составу, но прекрасному по духу отряду грозитъ полное окруженіе японцами.

Въ виду этого я тотчасъ же послалъ приказаніе начальнику 55 пѣх. дивизіи спѣшить на выстрѣлы.

Ген.-ад. барону Мейендорфу я доложилъ, что передаю въ его непосредственное распоряженіе 13 баталіоновъ 55 п. д. съ артиллеріею, какъ старшему на полѣ сраженія. Самъ я остался съ штабомъ тамъ же, въ Хоулинѣ.

Соединенныя части 1-го арм. и 6-го Снб. кор-

---

[1]) Четвертый баталіонъ этого полка 25 февр. попалъ въ составъ 3-й пѣхотной дивизіи.

пусовъ у Хоулина, составивъ въ общемъ силу нѣсколько болѣе дивизіи, были окружены противникомъ съ трехъ сторонъ, причемъ четвертая, сѣверная, уже усиленно обстрѣливалась непріятельскою артилеріею, а въ этомъ направленіи пролегалъ единственный путь, по которому могли двигаться войска.

Ген.-ад. баронъ Мейендорфъ, въ виду подошедшей головы 55 п. дивизіи, приказалъ мнѣ распорядиться усиленіемъ южнаго и восточнаго фронтовъ обороны, что мною и исполнено.

На южный фронтъ посланы первыя подошедшія двѣ роты 220 п. Епифанскаго полка, подъ командою капитана Арнольди; на восточный фронтъ — 2 баталіона того же полка, подъ командою подполковника Эфирова.

Вотъ что донесъ капитанъ Арнольди послѣ боя: „25-го февраля 1905 г., часовъ въ 6 утра, голова колонны 2 бригады 55 пѣх. дивизіи по долинѣ подошла къ сел. Хоулинъ, въ которомъ скопились обозы разныхъ частей. У мостика ручья, протекающаго черезъ долину, остановились генералы Соболевъ и Мейендорфъ. Справа и слѣва раздавались непріятельскіе выстрѣлы. Генералъ Соболевъ приказалъ полковнику Пономареву, командующему 2 бригадою 55 пѣх. дивизіи, немедленно выдѣлить подручную часть и занять боковымъ авангардомъ позицію на сопкѣ вправо. Въ головѣ колонны были только 1 и 2 роты 220 пѣх. Епифанскаго полка, которыя я, какъ командующій 1 баталіономъ, по указанію полковника генеральнаго штаба, фамилію его не знаю, двинулъ вправо къ дер. Хоулинъ, гдѣ и долженъ былъ поступить въ распоряженіе командира Семипалатинскаго полка. По дорогѣ я встрѣтилъ Семипалатинскій полкъ, очистившій свои позиціи и отходящій назадъ, и командиръ полка пере-

далъ меня въ распоряженіе капитана генеральнаго штаба Михаэлиса, въ распоряженіи котораго были роты трп 20 Вост.-Сибирскаго стрѣлковаго полка. По указанію капитана Михаэлиса, я съ двумя ротами занялъ позицію на сопкѣ у Императорскихъ могилъ. Около 9 час. утра, слѣва отъ 1 роты противникъ открылъ огонь изъ пулеметовъ, а сзади стали показываться японцы и открыли огонь съ тыла, причемъ ранили нѣсколько нижнихъ чиновъ и командующаго 1-ю ротою поручика Олифиренко. Капитанъ Михаэлисъ отдалъ приказаніе отходить назадъ, причемъ 1-я рота уже была обойдена японцами сзади и она пробилась сквозь нихъ въ штыки, отогнавъ ихъ вправо, причемъ огонь ихъ прекратился, а продолжали стрѣлять лишь пулеметы. Выйдя изъ лѣса, на сопкахъ я встрѣтилъ часть ротъ 220 пѣх. Епифанскаго полка подъ командою полковника Тарло, и съ разрѣшенія капитана Михаэлиса присоединился къ части полка".

Выдвиженіе этихъ двухъ ротъ и двухъ баталіоновъ подполковника Эфирова дало возможность сдержать напоръ японцевъ и нѣсколько отбросить ихъ.

Отбросивъ противника, генералъ-адъютантъ баронъ Мейендорфъ отдалъ приказаніе начать общее отступленіе въ 8 час. 30 мин. утра.

Образовавшійся промежутокъ между 17 армейскимъ корпусомъ, двигавшимся вдоль восточной стѣны г. Мукдена, и 55 пѣх. дивиз., дравшейся у Хоулина, былъ отчасти заполненъ, хотя и на короткое время, шедшими къ сѣверу обозами, имѣвшими достаточное прикрытіе, а засимъ 218 пѣх. Борисоглѣбскимъ полкомъ, направленнымъ на Куюфынъ.

Въ описаніи военныхъ дѣйствій 55 пѣх. дивизіи сказано: „Между тѣмъ, назначенные въ арріергардъ

Борисоглѣбскій полкъ съ присоединившимся къ нему пѣшими охотничьими командами 55 и 72 пѣх. дивизій задержались у с. Мучанъ до 4 час. утра и только по полученіи свѣдѣній, что всѣ части дивизіи прошли, двинулись впередъ по дорогѣ на сѣверъ. Около 7 час. утра полкъ подходилъ къ дер. Куюфынъ, гдѣ въ это время на нашу дорогу вышелъ неожиданно для насъ Каспійскій полкъ, обстрѣливаемый съ юго-востока противникомъ. Находившійся здѣсь начальникъ 37 пѣх. дивизіи, генералъ Кахановъ, приказалъ командующему Борисоглѣбскимъ полкомъ остановить полкъ, поступить подъ его начальство и содѣйствовать отраженію противника. 5-я рота Борисоглѣбскаго полка тотчасъ же заняла восточную опушку деревни, а остальныя спустились въ оврагъ къ руслу ручья, гдѣ оставались, пока выѣхавшая на позицію батарея обстрѣливала непріятеля. Въ это время были ранены 6 чел. и одинъ убитъ. Вскорѣ получено было отъ 20 Вост.-Сибирскаго стрѣлковаго полка, отбившаго нападеніе непріятеля на востокѣ, сообщеніе, что полкъ отступаетъ и что дальнѣйшее задерживаніе угрожаетъ опасностью быть отрѣзаннымъ. Генералъ Кахановъ приказалъ продолжать движеніе на сѣверъ.

Это было въ тылу Хоулина, на единственномъ пути, по которому должны были слѣдовать войска.

Въ Хоулинѣ въ это время были два корпусныхъ командира съ штабами корпусовъ и конвоемъ и нѣсколько ротъ пѣхоты.

Посылка двухъ баталіоновъ 220 пѣх. Епифанскаго полка подъ командою подполковника Эфирова прикрыла отъ ударовъ съ востока войска, уже отступавшія на сѣверъ, и корпусные штабы, остававшіеся подъ Хоулиномъ.

Изъ этого усматривается, что прорывъ японцевъ

у Кіузана и движеніе ихъ въ обходъ войскъ, бывшихъ подъ командою генералъ-адъютанта барона Мейендорфа, представлялъ крупную угрозу и могъ бы повести къ пораженію, если бы не подоспѣла своевременно 55 пѣх. дивизія и не были бы приняты барономъ энергичныя мѣры, сообразныя съ новою обстановкою, а также, если бы нашъ противникъ дѣйствовалъ болѣе смѣло и болѣе искусно.

Японцы не воспользовались чрезвычайно благопріятно сложившейся для нихъ обстановкою.

Теперь обращусь къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, произошелъ ли прорывъ между 55 пѣх. дивизіею и частями 17-го армейскаго корпуса.

Дивизія 55-я и дивизіи 17-го корпуса двигались въ расходящемся направленіи, и промежутокъ между нимъ могъ образоваться довольно значительный, который нечѣмъ было бы заполнить.

25 февраля никто въ нашемъ отрядѣ не зналъ, произошелъ ли прорывъ между 17 и 6 Сиб. корпусами.

Судя по донесеніямъ начальниковъ частей 17-го корпуса, японцы воспользовались образовавшимся между корпусами промежуткомъ и ввели въ него свои войска. Такъ въ дневникѣ военныхъ дѣйствій 2-го дивизіона 3 артиллерійской бригады значится слѣдующее: „Дивизіонъ продолжалъ движеніе къ юго-восточнымъ воротамъ г. Мукдена, куда прибылъ въ 4 час. 50 мин. утра. Въ 6 час. утра раздались первые выстрѣлы съ тыла и справа. Вскорѣ стрѣльба прекратилась. Въ 8 час. утра двинулись далѣе. Въ 8 час. 20 мин. утра вторично были обстрѣляны ружейнымъ огнемъ справа и потеряли 21 челов. Продолжали движеніе, отстрѣливаясь. Въ 9 час. 30 мин. дивизіонъ, по приказанію командира корпуса, былъ поставленъ на позицію вправо отъ

Мандаринской дороги, фронтомъ на юго-востокъ, но черезъ 10 минутъ вновь приказано продолжать движеніе. На 12 верстѣ отъ Мукдена около 11 часовъ утра были обстрѣляны шимозами справа. Былъ выставленъ на позицію одинъ взводъ 6 батареи. Въ 11 час. 50 мин., по приказанію командира 5-го Сибирскаго корпуса, была поставлена на позицію у дер. Тава, фронтомъ на юго-востокъ 5 батарея, къ которой затѣмъ по моему приказанію присоединились 4 и 6 батареи. Всѣ батареи вели огонь по японскимъ батареямъ, а также стрѣляли и по пѣхотѣ. Батареи снялись съ позиціи, выпустивъ всѣ свои патроны. 6 батарея двинулась по Мандаринской дорогѣ къ дер. Пухэ, гдѣ попала подъ страшный ружейный и шрапнельный огонь и, потерявъ 37 лошадей, оставила 3 орудія; съ остальными добралась до Тѣлина [1]). Въ 5 час. 10 мин. снялась 5 батарея. Около 4 час. 30 мин. японцы повели усиленныя атаки, которыя Томскимъ полкомъ и 5-й батареею были отбиты. 5 батарея тоже свернула съ Мандаринской дороги, не доходя Пухэ, такъ какъ меня [2]), шедшаго съ 5 батареею, предупредилъ охотникъ, что Пухэ занято японцами".

Въ описаніи дѣйствій частей 3 пѣх. дивизіи въ періодъ Мукденскихъ боевъ сказано: „У юго-восточной окраины дивизіи [3]) пришлось остановиться: безконечные обозы разныхъ частей и даже арміи загромождали путь. Эта неизбѣжная остановка продолжалась до $5^1/_2$ час. утра. Начало свѣтать. Обозы постепенно вытянулись; путь освобождался. Можно

---

[1]) Въ 4 часа дня снялась 4 батарея и, не доходя Пухэ, свернула къ желѣзной дорогѣ и отступила благополучно.

[2]) Командиръ 2-го дивизіона 3 артиллерійской бригады полковникъ Телишевъ.

[3]) Дивизія была не въ полномъ составѣ. Были лишь 9 и 10 полки съ артиллеріей.

было продолжать движеніе. Но въ это время вблизи раздались отчетливые дружные ружейные залпы. 9-й Нигерманландскій полкъ, слѣдовавшій въ хвостѣ общей колонны, открылъ огонь по непріятельской пѣхотѣ съ разстоянія 600—700 шаговъ. Противникъ видимо желалъ тревожить отступающія войска. Передовыя части японской пѣхоты открыли по нашей колоннѣ частый огонь; 2-й баталіонъ 9-го полка, выславъ въ цѣпь сперва 5-ю роту, а затѣмъ еще двѣ, 7-ю и 8-ю, отбросилъ насѣдавшаго противника, сдѣлавъ около 70 залповъ. Японцы, обстрѣлявъ насъ съ фронта, быстро стали перебѣгать къ востоку, стараясь схватить нашъ флангъ. Тогда мною было приказано ротамъ 10 Новонигерманландскаго полка разсыпать цѣпь по могилкамъ, прилегающимъ къ Мандаринской дорогѣ фронтомъ на востокъ, и открыть огонь по перебѣгавшимъ въ восточномъ направленіи японскимъ стрѣлкамъ".

Очевидно, нашъ противникъ, воспользовавшись тѣмъ, что между частями 6-го Спб. корпуса и арріергардомъ 17-го корп. (9 и 10 полки) сразу образовался, вслѣдствіе расходящагося движенія, значительный прорывъ, старался заполнить его своими войсками, имѣя въ виду, что дѣйствія во флангъ всегда приводятъ къ болѣе рѣшительнымъ результатамъ, чѣмъ дѣйствія съ фронта.

Далѣе въ описаніи дѣйствій 3-й дивизіи значится: „Дивизія вышла къ с.-в. краю города къ $8^1/_2$ ч. у."

Въ это время промежутокъ между 3 и 55 п. дивизіями образовался въ восемь верстъ.

Далѣе въ томъ же описаніи говорится: „Пройдя мимо сѣвер. воротъ Мукдена, близъ д. Лягоу, я получилъ приказаніе занять позицію".

Слѣдовательно, арріергардъ 17-го корпуса укло-

нился нѣсколько къ западу и промежутокъ между этимъ арріергардомъ и 55 п. д. увеличился до одиннадцати верстъ [1]).

Изъ этого легко усмотрѣть, что если бы японцы дѣйствовали болѣе энергично, то, введя достаточныя силы въ этотъ огромный промежутокъ, могли бы совершенно разъединить 17 и 6-й Сиб. корпуса и нанести одному изъ нихъ отдѣльное пораженіе.

Въ образованіи такого широкаго промежутка отнюдь не могутъ быть отвѣтственны ни штабъ 3-й арміи, ни сказанные корпуса, такъ какъ дороги, по которымъ двигались корпуса, были заранѣе указаны штабомъ главнокомандующаго.

Къ этому же почти времени къ сѣвернымъ воротамъ Мукдена вышла 35 пѣх. дивизія [2]), имѣя въ своемъ составѣ два полка и артиллерію.

Полки эти, какъ это усматривается изъ описанія военныхъ дѣйствій 35-й пѣх. дивизіи, подошли къ этимъ воротамъ въ исходѣ 8 часа у. и были тамъ остановлены командующимъ 17 арм. корпусомъ въ виду того, что произошла задержка въ движеніи 5 Сиб. корпуса, направленнаго по западную сторону Мукдена. 5 Сиб. корпусъ, по диспозиціи, отданной по войскамъ 3-й арміи, долженъ былъ слѣдовать по Мандаринской дорогѣ впереди 17 корп.

Изъ этого видно, что между 8 и 9 часами утра 25 февраля, 17 корпусъ былъ сосредоточенъ близъ сѣв. воротъ Мукдена и къ этому времени между этимъ корпусомъ и 55 пѣхотною дивизіею образовался прорывъ шириною въ 11 верстъ.

Въ письмѣ за № 7514 бывшій главнокомандующій говоритъ: „Тутъ, по имѣющимся въ штабѣ

---

[1]) Куюфынъ—Лягоу.

[2]) Дивизія была въ составѣ 137 и 139 полковъ разныхъ бригадъ.

главнокомандующаго документамъ, вина въ значительной степени видимо, падаетъ на дѣйствія 55 п. дивизіи 6-го корпуса, такъ какъ эта дивизія отступила ранѣе 1 и 17 корпусовъ, расположенныхъ у Фулина (1-й корп.) и Минтана (17 корпусъ)".

Къ сожалѣнію, мнѣ не присланы копіи съ документовъ, упомянутыхъ въ письмѣ, и я лишенъ возможности вывести заключеніе о ихъ достовѣрности и точности, хотя сомнѣніе въ ихъ точности можно вывести изъ слова „видимо".

Изъ изложеннаго видно, что 55 пѣх. дивизія, начавъ отступленіе отъ р. Хуньхэ въ 1 ч. 45 м. ночи, въ точности согласно диспозиціи, была вынуждена, отклонившись нѣсколько отъ своей дороги къ востоку, вступить въ бой подъ Хоулиномъ.

Дивизія начала отступать изъ-подъ Хоулина вмѣстѣ съ частями 1-го арм. корпуса по особому приказанію ген.-ад. барона Мейендорфа, причемъ въ боковомъ отрядѣ, прикрывавшемъ войска съ востока, шелъ подполк. Эфировъ съ двумя баталіонами 220 п. Епифанскаго полка.

Слѣдовательно, предположеніе о томъ, что 55 п. дивизія отступила ранѣе войскъ 1-го арм. корпуса, какъ ни на чемъ достовѣрномъ не основанное и опровергаемое дѣйствительностью, падаетъ само собою.

Что касается до свѣдѣній о томъ, будто эта дивизія отступила ранѣе отступленія 17-го корпуса отъ Минтана [1]), то это, во-первыхъ, не имѣетъ никакого значенія въ виду того, что подъ Хоулиномъ шелъ бой и отступленіе дивизіи зависѣло отъ исхода этого боя, а отнюдь не отъ того, когда 17 кор-

[1]) Сел. Минтанъ расположено къ сѣв.-вост. отъ Мукдена, на высотѣ сел. Лягоу.

пусъ отошелъ отъ Минтана, а во-вторыхъ, для меня представляется совершенно непонятнымъ сопоставленіе Минтана съ нахожденіемъ 55 п. дивизіи на маршѣ и въ бою.

Въ письмѣ за № 7514 сказано: „Отступая отъ Тавы, 55 пѣх. дивизія пустила за собою японцевъ".

Въ реляціи начальника 35 пѣх. дивизіи о дѣйствіяхъ его двухъ полковъ 25 февр. между прочимъ сказано: Туда же [1]) я перевелъ два баталіона дивизіоннаго резерва (139 п. Моршанскаго полка) и батарею 35 артил. бригады, въ виду обнаруженнаго болѣе глубокаго, къ сѣверу, охвата и отсутствія какихъ бы то ни было частей войскъ 6-го Спб. корпуса, отступившихъ въ направленіи д. Тава передъ моимъ фронтомъ".

Очевидно, что сѣвернѣе Тава, въ направленіи Пухэ, не могло быть какой либо части 55 п. дивизіи. Части этой дивизіи, далеко не всѣ, какъ это будетъ выяснено далѣе, отступили передъ фронтомъ 35 пѣх. дивизіи, что и слѣдовало исполнить по диспозиціи, данной войскамъ 3-й арміи, такъ какъ 17-й корпусъ былъ назначенъ арріергардомъ арміи.

Въ описаніи военныхъ дѣйствій 55 пѣх. дивизіи сказано: „1-й баталіонъ [2]) подполковника Старова, слѣдуя первоначально въ арріергардѣ полка, въ разстояніи отъ него около версты, оставался на дорогѣ, ожидая Каспійскій полкъ, совмѣстно съ которымъ долженъ былъ прикрывать отступленіе. Такъ какъ Каспійскій полкъ не подошелъ [3]), то подполк. Старовъ выполнилъ свою задачу самостоятельно и

---

[1]) Позиція восточнѣе Тава.
[2]) 218 п. Борисоглѣбскаго полка.
[3]) Впереди было сказано, что полкъ этотъ прослѣдовалъ раньше.

вотъ при дальнѣйшемъ отходѣ у с. Тава былъ остановленъ командиромъ 11-го пѣх. Псковскаго полка, передавшаго приказаніе главнокомандующаго остаться на этой позиціи всѣмъ проходящимъ войскамъ и, отражая противника, дать возможность обозамъ безпрепятственно слѣдовать на сѣверъ. Ротамъ были указаны участки лѣвѣе Псковскаго полка, гдѣ онѣ и были разсыпаны въ цѣпь; непріятель занималъ позицію на югѣ и обстрѣливалъ наши части ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Въ 1 часъ дня непріятель повелъ наступленіе въ превосходныхъ силахъ, спускаясь по лощинѣ и стараясь окружить насъ съ запада. Ротамъ приказано было занять „Священную рощу“ и держаться въ ней до штыкового удара. Здѣсь же находилась и 5 батарея 6 артил. бригады. Разсыпавшись въ цѣпь на опушкѣ „Священной рощи“ и открывъ залповый огонь, баталіонъ съ занимавшими тутъ же позицію частями 11-го Псковскаго полка, Нерчинскаго и 20 Вост. Сиб. стрѣлк. полковъ въ теченіе долгаго времени отражалъ наступленіе. Когда стало ясно, что японцы, несмотря на большія потери, обходятъ отрядъ съ запада, наша батарея получила приказаніе сняться съ позиціи и отступить; вслѣдъ за ними стали отступать части полковъ: Псковскаго, Нерчинскаго и 20 Восточнаго Сибир. стрѣлковаго. Оставшійся баталіонъ Борисоглѣбскаго полка дострѣливалъ послѣдніе патроны, прикрывая отступленіе, пока не получилъ приказаніе продолжать отходъ на сѣверъ [1]).

---

[1]) Г.-л. Лайминг въ описаніи военныхъ дѣйствій 55 пѣх. дивизіи говоритъ, что Борисоглѣбскій полкъ, служившій вначалѣ, при отступленіи отъ Хунхэ, арріергардомъ дивизіи, былъ разбитъ засимъ по-баталіонно, „вслѣдствіе приказанія различныхъ начальниковъ, задерживавшихъ полкъ по частямъ при себѣ, для поддержанія своихъ частей“. Выше было сказано, что баталіонъ этого полка

Какъ было сказано выше, два баталіона 220 п. Епифанскаго полка, подъ командою подполк. Эфирова, были двинуты въ боковой заслонъ изъ-подъ Хоулина, по восточную его сторону. Приказаніе это было передано черезъ капитана ген. штаба Колюбакина въ 7 ч. утра 25-го февраля. Быстро двинулись Епифанцы, и черезъ полчаса позиція на сопкахъ была занята. Капит. Колюбакинъ, указавъ обстановку и приблизительное направленіе, въ которомъ слѣдовало развернуть баталіоны, остался при подполк. Эфировѣ. Это указаніе замѣнило первоначальную рекогносцировку, которую не представилось возможнымъ сдѣлать, такъ какъ баталіоны были двинуты спѣшно и тотчасъ же попали въ сферу ружейнаго и пулеметнаго огня.

Противника не было видно—такъ онъ былъ хорошо укрытъ. Разсыпавъ на гребнѣ высотъ 5-ю и 6-ю роты полка, подполк. Эфировъ поднялся на высоты, разсыпалъ цѣпь, и въ бинокль сдѣлалъ обозрѣніе мѣстности и расположеніе непріятеля. При этомъ оказалось, что противъ нашихъ ротъ была расположена небольшая часть японцевъ, а главныя ихъ силы перебѣгали влѣво, на сѣверъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ глубже охватить нашъ лѣвый флангъ.

3-й баталіонъ Епифанскаго полка устроился [1]) на позиціи за лѣвымъ флангомъ уступомъ назадъ.

Въ виду стремленія японцевъ охватить нашъ лѣвый флангъ, полковникъ Эфировъ вызвалъ въ цѣпь

былъ задержанъ у Тавы именемъ главнокомандующаго. Замѣчаніе Г.-л. Лаймпига можетъ быть приложено почти ко всѣмъ частямъ, ибо въ Мукденскихъ бояхъ войска были очень перепутаны и почти ни одинъ корпусный командиръ не имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣхъ своихъ войскъ. Одинъ корпусный командиръ имѣлъ подъ своею командой отрядъ свыше корпуса по составу, но въ этомъ отрядѣ не было ни одной части его корпуса.

[1]) Это было въ 9 час. утра.

третью роту, которая примкнула къ лѣвому флангу разсыпанныхъ ранѣе ротъ.

Навстрѣчу цѣпи шли одиночные люди 145-го Новочеркасскаго полка, отступавшіе подъ давленіемъ противника съ гребня высотъ. Лѣвѣе ихъ, болѣе на сѣверъ, шли одиночные люди одного изъ полковъ 2-й бригады 5-й Вост.-Сибирской стрѣлковой дивизіи, тоже отходившіе съ позиціи подъ напоромъ непріятеля.

Японцы страшно насѣдали и вынудили одну роту Епифанцевъ, именно 7-ю, броситься въ штыки и ихъ отогнать. Въ это время баталіоны 220 пѣх. Епифанскаго полка уже потеряли ранеными 3-хъ ротныхъ командировъ, 2-хъ младшихъ офицеровъ и выбывшими изъ строя до 300 нижнихъ чиновъ.

Резервъ былъ передвинутъ сѣвернѣе. Противникъ все болѣе и болѣе продвигался влѣво. Тогда начальникъ отряда отозвалъ изъ цѣпи роту, занимавшую правый флангъ позиціи, и занялъ ею холмъ лѣвѣе остальныхъ ротъ, а черезъ нѣкоторое время передвинулъ роту еще далѣе влѣво. Въ это время резервъ занялъ лѣсной холмъ, а остальнымъ ротамъ, разсыпаннымъ впереди на холмахъ, приказано было постепенно отходить влѣво.

Командиру пулеметной полубатареи [1]) было приказано занять позицію за лѣвымъ холмомъ, за правымъ флангомъ. Убранныя съ передовой позиціи роты были поставлены за лѣвымъ флангомъ вновь занятой, уже шестой по счету позиціи. На этой позиціи три роты были расположены въ боевой ли-

[1]) Эта пулеметная полубатарея была придана 55-й пѣх. дивизіи въ половинѣ февраля. Она постыдно бѣжала съ поля сраженія 25-го февраля, бросивъ, какъ это впослѣдствіи выяснено, два пулемета. Съ оставшимися двумя пулеметами она отошла къ Тѣлину и засимъ очутилась во Владивостокѣ. Судебное дѣло, возбужденное противъ командира полуроты (полубатареи), до сего времени не окончено.

ніи, по опушкѣ рощи, а резервъ изъ 4 ротъ — за лѣвымъ флангомъ, за рощею. Эта позиція, какъ прегражда̀ющая [3]) ближній обходъ, занята была, какъ основная, и занималась отрядомъ приблизительно въ теченіе двухъ часовъ, пока опять не былъ обнаруженъ обходъ лѣваго фланга.

Около часа дня, при обнаруженіи начинавшагося обхода лѣваго фланга, подполковникъ Эфировъ рѣшился отойти съ шестой позиціи, но не отступить, а занять новую позицію фронтомъ на сѣверъ и задержать наступленіе противника. Была занята 7-я позиція одною ротою, а засимъ весь отрядъ занялъ 8-ю позицію. На этой новой позиціи отрядъ стоялъ не болѣе получаса, перейдя на 9-ю и задержавшись на ней тоже около получаса, какъ на промежуточной къ находящемуся далѣе холму съ рощей.

На этой новой позиціи отрядъ расположился на болѣе продолжительное время. Отсюда уже было видно движеніе обозовъ и войскъ, слѣдовавшихъ по Мандаринской дорогѣ. На этой позиціи, десятой по счету, отрядъ Епифанцевъ обстрѣливался противникомъ съ фронта и съ обоихъ флангов, а потому былъ вынужденъ развернуться на три фронта.

Къ этому времени потери въ семи ротахъ 2 и 3 баталіоновъ Епифанскаго полка, уже ослабленныхъ боями на Шахэ, простирались до 600 челов. нижнихъ чиновъ, ротныхъ командировъ ранено было четыре.

Подполковникъ Эфировъ счелъ свою задачу законченною, ибо прикрылъ отходъ войскъ 1-го армейскаго и 6-го сибирскаго корпусовъ, а также многочисленныхъ обозовъ, направлявшихся изъ долины р. Хуньхэ на Мандаринскую дорогу.

---

[3]) Описаніе боевыхъ дѣйствій 2-хъ баталіоновъ 220-го пѣх. Епифанскаго полка 25-го февраля 1905 года.

Онъ занялъ послѣднюю позицію уступомъ впереди лѣваго фланга тутъ расположившагося Моршанскаго полка.

Вотъ какъ описаны дѣйствія этихъ двухъ баталіоновъ Епифанцевъ въ „отчетѣ“ штаба 1-го армейскаго корпуса [1]).

„Отрядъ подъ командою подполковника Эфирова въ $8^3/_4$—9 час. утра [2]) отправился къ с. Сясюиченъ въ сопровожденіи капитана генеральнаго штаба Колюбакина. При приближеніи отряда (примѣрно около 10 час. утра) [3]) гребень возвышенности у с. Сясюиченъ уже оказался занятымъ японцами; части 20-го Вост.-Сибирскаго стрѣлковаго полка и 145 пѣх. Новочеркасскаго полка уже отошли, и только попадавшіеся одиночные раненые нижніе чины свидѣтельствовали о происшедшемъ здѣсь боѣ. Подполковникъ Эфировъ расположился на гребнѣ къ юго-востоку отъ Куюфына и велъ здѣсь упорный бой, переходя послѣдовательно съ одной позиціи на другую. Первоначально баталіоны подполковника Эфирова обходились только съ лѣваго фланга, но къ 1 часу дня оба фланга были охвачены [4]). Послѣ этого подполковникъ Эфировъ, удостовѣрившись, что войска и обозы прошли, отступилъ со своей позиціи на Мандаринскую дорогу къ с. Санва“.

Такимъ образомъ эти два баталіона доблестнаго 220 пѣх. Епифанскаго полка, будучи въ составѣ 7 ротъ, занимая постепенно 11 позицій и ведя въ теченіе утра и всего дня упорные бои съ настойчивымъ противникомъ, старавшимся, во что бы то ни

---

[1]) Отчетъ о дѣйствіяхъ частей, состоявшихъ подъ командою командира 1-го армейскаго корпуса на рѣкѣ Хуньхэ 23—25 февраля и о послѣдовавшемъ отходѣ къ позиціи у Сыпингая.

[2]) Это было гораздо ранѣе.

[3]) Это было гораздо ранѣе.

[4]) Произошло, какъ сказано выше, нѣсколько позже.

стало, обойти отрядъ съ фланга, искуснымъ распоряженіемъ своего начальника прикрыли дорогу Хоулинъ-Тава и не дали возможности японцамъ отрѣзать хотя бы малѣйшую войсковую часть.

Выйдя на Мандаринскую дорогу около 4 час. дня, подполковникъ Эфировъ шелъ до с. Тава [1]) въ походномъ порядкѣ и у этой деревни засталъ 4 роты того же Епифанскаго полка, занимавшія позицію фронтомъ на сѣверо-востокъ по приказанію г.-л. Дембовскаго, получившаго особое на то приказаніе бывшаго главнокомандующаго. Войска, занимавшія Таву и позиціи, отошли отъ нихъ, по приказанію генерала, въ 6 час. вечера.

Прорывъ японцевъ обнаружился у Пухэ. Около двухъ часовъ дня непріятельскіе снаряды уже падали на Мандаринскую дорогу между Пухэ и Тава. Непріятельская батарея, повидимому конная, неустанно слѣдовала за обозами и войсками, двигавшимися по Мандаринской дорогѣ сѣвернѣе Тавы и слѣдующей, пролегавшей западнѣе, дорогѣ, не давая войскамъ и обозамъ слѣдовать спокойно и производя страшное замѣшательство среди обозовъ. Въ это время я съ штабомъ корпуса находился близъ части 218 пѣх. Борисоглѣбскаго полка, слѣдовавшей на сѣверъ. Я приказалъ Борисоглѣбцамъ занять сел. Унченза [2]), выставилъ батарею на позицію. Батарея эта быстро выстроилась, осыпала противника шрапнелью и заставила непріятельскую батарею замолчать.

Изъ вышеизложеннаго усматривается, что говорить о томъ, что, отступая отъ Тавы, 55 пѣхотная дивизія пустила за собою японцевъ—совершенно не соотвѣтствуетъ тому, что происходило на самомъ дѣлѣ, а потому не было никакого основанія до-

[1]) Выше и сѣвернѣе Тава, Санва.
[2]) Инченза, Ичeнза, Кучензы.

пускать мысли о томъ, что 55 пѣх. дивизія виновна въ прорывѣ японцами нашего расположенія у Тавы, такъ какъ такого прорыва не было и Тава была оставлена войсками, собранными для защиты этой важной позиціи, лишь вечеромъ 25 февраля, когда войскамъ этимъ было приказано отходить генераломъ, уполномоченнымъ бывшимъ главнокомандующимъ [1]).

---

[1]) Въ описаніи военныхъ дѣйствій 35 пѣх. дивизіи сказано слѣдующее: „У д. Тава три роты 137 п. п. вошли въ непосредственное соприкосновеніе съ частями 5 сиб. корпуса, занявшимъ подъ личнымъ начальствомъ командира этого корпуса позицію у кладбища и рощи къ востоку отъ Тава. Уступомъ за лѣвымъ флангомъ позиціи 5 сибирскаго корпуса расположены были два баталіона 139 полка. Кромѣ приспособленія деревень къ оборонѣ и распоряженій на занятой позиціи, я долженъ былъ дѣлать распоряженія по расчисткѣ дороги, загроможденной разбитыми и опрокинутыми повозками обозовъ, подвергавшихся обстрѣливанію японскою артиллеріею, вывозу зарядныхъ ящиковъ и патронныхъ двуколокъ, уничтожая груды выброшенныхъ цинковыхъ коробокъ съ патронами, взять которыя было уже некому, а также по водворенію порядка между нижними чинами, большею частью нетрезвыми, принадлежащими къ разнымъ частямъ, собирая изъ которыхъ команды, я направлялъ ихъ въ боевыя линіи. Здѣсь же около 4—4½ ч. дня я, черезъ начальника штаба 5 сиб. корпуса, получилъ повелѣніе главнокомандующаго, чтобъ всѣ части, оказавшіяся у Тава, поступили подъ начальство командира 5 сиб. корпуса, почему,ославъ донесеніе вр. командующему 17 арм. корпусомъ, я доложилъ сперва черезъ начальника штаба 5 сиб. корпуса, а затѣмъ лично командиру корпуса о расположеніи частей ввѣренной мнѣ дивизіи, предупредивъ и ихъ о подчиненіи и поставленной задачѣ. Около 5 час. вечера бой сталъ затихать и въ это время я получилъ записку приказаніе временно командующаго 17 корпусомъ, что „показались колонны, двигающіяся на вашъ лѣвый флангъ. Когда будетъ отходить генералъ Орловъ, то отходите и вы, сообразуя съ нимъ свое движеніе по направленію, указанному диспозиціей“ (подпись г.-л. Селивановъ). Приказаніе очевидно относилось къ періоду боя около 3—4 час. дня, когда я, замѣтивъ угрожающее движеніе, передвинулъ влѣво, къ сѣверу, 1 баталіонъ 137 полка и 2 баталіона 139 полка, вошедшихъ въ связь и общее командованіе командира 5 сиб. корпуса на участкѣ Тава-Сайбо *). Доложивъ полученное приказаніе

*) Санво.

временно командующаго 17 арм. корпусомъ, я получилъ приказаніе г.-л. Дембовскаго, по отходѣ г.-м. Орлова, постепенно снимать ввѣренныя мнѣ части войскъ съ позиціи 5 сиб. корпуса, а въ остальномъ исполнять полученное приказаніе прямого начальства. Около 5½ час., когда пришли части 3 пѣх. дивизіи, слѣдовавшія западнѣе

Обвиненіе 55 пѣх. дивизіи въ томъ, что она будто дала возможность японцамъ, благодаря ея оплошности, прорваться у Тавы, крайне для нея обидно, такъ какъ это совершенно не соотвѣтствуетъ истинѣ, а истина заключается въ томъ, что части этой дивизіи дрались непрерывно, въ теченіе 24 часовъ, начиная съ 6 часовъ вечера 24 февраля до сумерекъ 25 февраля, исполнили при этомъ фланговый маршъ, выдержали кровопролитный бой совмѣстно съ частями 1-го арм. корпуса и съ упорнымъ боемъ отошли къ Тавѣ.

55 пѣх. дивизія, въ составѣ 13 баталіоновъ при артиллеріи, доблестно выполнила всѣ возлагавшіяся на нее по 26 февраля боевыя задачи.

На ввѣренномъ этой дивизіи участкѣ нашей кордонной укрѣпленной позиціи на р. Шахе, на которомъ раньше 6-го сиб. корпуса было расположено 32 баталіона 10-го армейскаго корпуса, она, въ составѣ почти въ два съ половиною раза меньшемъ упомянутаго полевого корпуса, выдержала съ 16 по 22 февраля 12 атакъ противника, не взирая даже на то, что правый флангъ ея позиціи былъ оголенъ [2])

Мандаринской дороги, я приказалъ оттягиваться съ позиціи частямъ 35 пѣх. дивизіи. Послышавшіеся влѣво ружейные выстрѣлы, крики „японская кавалерія“ скоро смолкли и не нарушали спокойствія нижнихъ чиновъ 137 и 139 пѣх. полковъ, въ порядкѣ отходившихъ по направленію, указанному штабомъ командующаго 3-й арміи, на сѣверо-западъ, въ обходъ д. Пухе (8 час. вечера)“.

[2]) Бывшій главнокомандующій, указавъ на то, что 5 сиб. корпусу грозитъ атака 2-хъ непріятельскихъ дивизій со стороны Сухудяпу, приказалъ 19 февраля съ наступленіемъ темноты отойти всей 3-й арміи, т. е. 5 сиб., 17 арм. и 6 сиб. корпусамъ со своихъ позицій и занять новыя позиціи въ тылу, нѣсколько отступя отъ первыхъ. 5 сиб. корпусъ и 17 корпусъ отошли на новыя позиціи, а 6 сиб. корпусъ остался на прежней. Въ приказѣ по войскамъ 3-й арміи отъ 22 февраля командовавшій арміею, генералъ-отъ-кавалеріи баронъ Бильдерлингъ, счелъ нужнымъ объявить слѣдующее: „Не могу не отмѣтить слѣдующіе выдающіеся факты: 6-й сиб. корпусъ отказался очистить свои наиболѣе выдвинутыя передовыя позиціи, чтобы не поставить въ тяжелое положеніе сосѣдній 1-й корпусъ

вслѣдствіе отданнаго бывшимъ главнокомандующимъ командовавшему 3-й арміею приказанія очистить передовыя позиціи, не взирая на то, что позиція ея усиленно обстрѣливалась артиллеріею большого калибра, до 11 дюймоваго [1]) включительно, а также того, что эта позиція не имѣла блиндажей, которые могли бы прикрыть хотя бы незначительную часть гарнизона отъ дѣйствія этихъ снарядовъ.

Засимъ 55 пѣх. див. въ кровопролитномъ бою подъ Хоулиномъ оказала товарищеское содѣйствіе выйти съ честью изъ крайне тяжелаго положенія остаткамъ 1-го арм. корпуса, ослабленнаго выдѣленіемъ изъ него, по распоряженію бывш. главнокомандующаго, 6-ти пѣхотныхъ полковъ.

26-го февраля, въ 7 ч. утра, въ вагонѣ поѣзда, стоявшаго у ст. Сынтайцзы, я представился бывшему главнокомандующему и счелъ своею обязанностью не скрыть мое соображеніе о томъ, что одною изъ общихъ причинъ нашего пораженія въ бояхъ подъ

1-й арміи". По этимъ самымъ 6 сиб. корпусъ поставилъ себя въ тяжелое положеніе, ибо японцы, занявъ передовыя позиціи 35 пѣх. дивизіи, вышли во флангъ 55 пѣх. дивизіи и начали обстрѣливать позицію съ фланга и атаковать ее съ двухъ сторонъ. 55 пѣх. дивизія стойко выдержала это тяжелое положеніе.

Распоряженіе объ очищеніи корпусами 3-й арміи ихъ передовыхъ позицій, обнаруживъ нашу слабость, дозволяло японцамъ быстро двинуть части арміи Оку на помощь арміи Ноги, что и было одною изъ рѣшающихъ причинъ нашего крупнаго, почти небывалаго военнаго неуспѣха.

[1]) Особому выясненію подлежитъ дѣло объ употребленіи осадной артиллеріи, поставленной на позиціяхъ 3-й арміи. Когда японцы возводили укрѣпленія и дѣлали всѣ приспособленія для постановки осадныхъ орудій, я неоднократно настаивалъ на необходимости обстрѣливать эти работы нашими осадными орудіями, дабы мѣшать работамъ противника. Мнѣ отвѣчали, чтобы отнюдь не стрѣлять изъ осадныхъ батарей. Мы дали полную возможность противнику безнаказанно расположить осадныя батареи. Лишь 18 февраля я, получилъ разрѣшеніе воспользоваться осадными орудіями, расположенными на моемъ оборонительномъ участкѣ, но въ тотъ же вечеръ было приказано снять съ позиціи всѣ осадныя орудія и направить ихъ въ тылъ.

Мукденомъ считаю то обстоятельство, что корпусные командиры во время боевъ не имѣли въ своемъ распоряженіи всѣхъ своихъ частей, а такъ какъ мой корпусъ былъ разбитъ по всѣмъ тремъ арміямъ, то я просилъ разрѣшенія собрать подъ мою непосредственную команду всѣ войска корпуса, на что и послѣдовало разрѣшеніе.

Бывшій главнокомандующій мнѣ сказалъ: „Отойдемъ къ Тѣлину. Тамъ колоссальная позиція. Японцы очень много потеряли. Въ Тѣлинѣ будемъ упорно обороняться. Я самъ создалъ эту грандіозную позицію“.

25 февраля мой корпусъ былъ разбитъ на 6 частей, и уже послѣ отступленія изъ Тѣлина я узналъ, что одинъ изъ баталіоновъ 217 п. Кромскаго полка былъ включенъ въ составъ особаго отряда ген.-м. Домбровскаго, образованнаго рано утромъ 23 февр. изъ тринадцати частей, принадлежащихъ разнымъ арміямъ, корпусамъ, дивизіямъ, бригадамъ, полкамъ и вѣдомствамъ, при чемъ подъ командою генерала не было ни одной его части.

Согласно разрѣшенія, даннаго мнѣ бывшимъ главнокомандующимъ, мною собрана къ утру 27 февраля у Тѣлина вся 55 пѣх. дивизія съ ея артиллеріею, гдѣ я въ полдень того же дня объѣхалъ ее; она была выстроена въ резервномъ порядкѣ въ виду смотра главнаго руководителя арміи [1]).

Части 72 п. дивизіи, двинутой съ 12 февраля въ составъ 1-й арміи, я не могъ собрать, такъ какъ онѣ, какъ это оказалось послѣ отступленія отъ Тѣлина, будучи взяты 24 февраля изъ состава 1-й арміи въ стратегическій резервъ бывшаго главнокомандующаго, переходили засимъ изъ рукъ въ руки

[1]) Не пріѣхалъ.

по нѣсколько разъ въ день и наконецъ были предоставлены сами себѣ.

Какъ 55 п., такъ и 72 п. дивизіи съ честью вышли изъ кровопролитныхъ боевъ, по упорству еще не бывавшихъ въ исторіи войнъ.

Какъ я уже доносилъ, къ 16 марта, дню окончанія отступленія, въ 6 Сиб. корпусѣ было налицо:

строевыхъ нижнихъ чиновъ		29.248
нестроевыхъ	„ „	6.084
	всего	35.332

За время Мукденскихъ операцій корпусъ понесъ потери.

офицерами	68
нижними чинами.	3.025

Количество выпущенныхъ патроновъ и снарядовъ 13 баталіонами 55 пѣх. див. и ея артиллеріею за время съ 14 по 22 февраля на Шахэ и въ бою подъ Хоулиномъ указываетъ на крайнее напряженіе боевъ.

Всего за эти 10 дней выпущено:

патроновъ скорострѣльныхъ пушекъ	16.675
бомбъ 6 дюймовыхъ мортиръ	2.108
снарядовъ поршневыхъ пушекъ . . .	2.256
бомбъ 6 дюйм. осадныхъ	531
итого	21.570

Ружейныхъ патроновъ выпущено съ 12 по 26 февраля 5,922,400.

Эти данныя я здѣсь привелъ съ тою цѣлью, чтобы показать, что войска 6-го спб. корпуса имѣли основаніе полагать, что получатъ одобреніе за свою доблестную службу, а на самомъ дѣлѣ на одну изъ

дивизій корпуса возводятъ обвиненіе, ею не заслуженное и ни на чемъ не основанное.

Въ заключеніе я считаю не лишнимъ замѣтить, что обвиненія, возводимыя на начальствующихъ лицъ, и объясненія послѣднихъ, хотя и приводятъ къ выясненію многихъ обстоятельствъ, часто весьма выгодныхъ для тѣхъ, кого обвиняютъ, но въ общемъ не достигаютъ цѣли, такъ какъ лица, коимъ ставятъ въ вину извѣстныя упущенія, при полномъ добросовѣстномъ изложеніи и освѣщеніи фактовъ, все же имѣютъ въ виду главнымъ образомъ то, что имъ представляется наиболѣе существеннымъ и что можетъ повести къ уничтоженію обвиненія, кажущагося имъ неосновательнымъ, а часто обиднымъ для нихъ и войскъ.

Главная цѣль, т. е. выясненіе точной истины и отысканіе главныхъ виновниковъ въ неправильномъ веденіи военныхъ операцій, если таковые виновники должны быть во что бы то ни стало отысканы, такимъ путемъ не достигается.

Позволю себѣ повторить здѣсь то, что объявлено мною въ приказѣ по войскамъ корпуса отъ 30 іюля прошлаго года за № 17:

„Упорство есть одно изъ добрыхъ качествъ воина въ походѣ и бою. Въ бою часто приходится очень трудно; но нужно помнить, что и противнику не легко. Бой, какъ всякое человѣческое дѣло, есть сплетеніе правильныхъ дѣйствій съ ошибками. Я сдѣлалъ двадцать ошибокъ, а мой противникъ двадцать одну—и я побѣдилъ“.

При этомъ надо имѣть въ виду то соображеніе, что при успѣшномъ окончаніи военныхъ операцій всѣ обыкновенно оказываются правыми, ибо успѣхъ почти все оправдываетъ, а при неуспѣшномъ окончаніи у многихъ является склонность обвинять своихъ

подчиненныхъ, что часто вызывается естественнымъ желаніемъ такихъ лицъ оправдать самихъ себя.

Наши непрерывныя неудачи въ теченіе настоящей войны и желаніе во что бы то ни стало отыскать, при всякомъ неуспѣхѣ, виновныхъ, поселили, къ сожалѣнію, общее недовѣріе между старшими начальниками, крайне вредно вліяющее на духъ войскъ, такъ какъ взаимныя пререканія высшихъ начальниковъ становятся извѣстными, черезъ штабы, офицерамъ частей войскъ и постепенно становятся извѣстными и въ средѣ нижнихъ чиновъ, которые жадно слѣдятъ за всѣмъ, что касается начальствующихъ лицъ.

Скрывать нечего: единство арміи нарушается, а авторитетъ начальниковъ падаетъ.

Всякій починъ, всякое проявленіе полезной самостоятельности въ бояхъ въ теченіе этой войны былъ отнятъ даже отъ корпусныхъ командировъ. Никто не смѣлъ идти на выстрѣлы для выручки своего сосѣда, и мнѣ ставится въ вину то обстоятельство, что я помогъ частямъ 1-го армейскаго корпуса выйти изъ тяжелаго положенія подъ Хоулшомъ и передалъ свои войска, на время боя, въ распоряженіе ген.-адъют. барона Мейендорфа, какъ старшаго на полѣ сраженія.

Сколько мнѣ извѣстно, по поводу крупныхъ неудачъ нашей операціи подъ Мукденомъ, возведено много обвиненій на старшихъ генераловъ: командующихъ арміями, корпусныхъ командировъ, начальниковъ штабовъ армій и начальниковъ дивизій.

Эти лица, приглашаемыя дать объясненія, часто не обладаютъ всѣми нужными матеріалами для отвѣтовъ, особенно когда обвиненія предъявляются въ неопредѣленной формѣ, съ разными условными оговорками, причемъ самыя обвиненія иногда осно-

вываются на догадкахъ, на не провѣренныхъ слухахъ, а иногда предъявляются голословно.

Отвѣты необходимо обдумать весьма внимательно, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что мотивомъ къ запросамъ служитъ сборъ матеріаловъ для приготовляемаго бывшимъ главнокомандующимъ, для представленія Государю Императору, отчета о дѣйствіяхъ войскъ всѣхъ трехъ армій въ Мукденской операціи, до сихъ поръ еще не оконченнаго.

Всѣ начальники, отъ которыхъ требуются объясненія, надолго отрываются этимъ отъ своихъ прямыхъ обязанностей, а теперь такъ много у всѣхъ дѣла; теперь всѣ сознаютъ, что надо вложить всѣ свои силы и всѣ способности для того, чтобы поправить ошибки войны, веденной, вплоть до Мукденской операціи включительно, безъ точно выработаннаго во всѣхъ своихъ частяхъ плана и даже безъ всякаго плана.

Какъ одинъ изъ старшихъ корпусныхъ командировъ, понимающій наравнѣ съ другими высокое значеніе нравственнаго элемента въ войскахъ, позволяю себѣ высказать, что такое почти огульное недовѣріе къ старшимъ начальникамъ и постоянное ихъ порицаніе не принесетъ нашему общему здѣсь дѣлу ничего, кромѣ очевиднаго вреда.

Наша священная обязанность въ настоящее время должна заключаться въ томъ, чтобы дружными усиліями, взаимнымъ довѣріемъ, довести кампанію до благополучнаго окончанія.

Для того же, чтобы въ точности выяснить всѣ обстоятельства Мукденскихъ боевъ, не всегда, быть можетъ, вѣрно изложенныхъ въ реляціяхъ (конечно, безъ злого умысла), а также для того, чтобы отыскать, если это нужно, главныхъ и даже второстепенныхъ виновниковъ небывалаго въ русской исторіи

погрома въ Азіи, имѣется рѣшеніе, по существу своему безпристрастное и заключающееся въ передачѣ дѣла на разсмотрѣніе особо назначенной комиссіи, какъ это установлено относительно сдачи крѣпостей.

Командиръ 6-го сибирскаго арм. корпуса
генералъ-отъ-инфантеріи Соболевъ.

31-го іюля 1905 года.
С. Кадидья.

Приложеніе 3-е.

Письмо командующаго 1-ю Маньчжурскою арміею М. И. Батьянову.

Секретно.

Милостивый Государь
Михаилъ Ивановичъ!

Приготовляемый мною для представленія Государю Императору отчетъ о дѣйствіяхъ всѣхъ армій во время февральскихъ боевъ подъ Мукденомъ задерживается окончаніемъ за неимѣніемъ нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ, которыя могли бы помочь мнѣ сдѣлать правильную оцѣнку дѣйствій 25-го и 26-го февраля войскъ третьей Маньчжурской арміи.

Я имѣю въ своемъ распоряженіи реляціи о дѣйствіяхъ корпусовъ, входившихъ въ составъ 3-й Маньчжурской арміи, но мнѣ неизвѣстны заключенія по этимъ реляціямъ командовавшаго 3-й арміею генерала барона Бильдерлинга и неизвѣстно содержаніе отчета о Мукденской операціи штаба 3-й Маньчжурской арміи.

Прежде всего я и прошу прислать для моего ознакомленія отчетъ по Мукденской операціи штаба

3-й Маньчжурской арміи и общую реляцію о февральскихъ бояхъ генерала барона Бильдерлинга, если таковые документы имѣются. Равно прошу прислать мнѣ заключеніе генерала барона Бильдерлинга по реляціямъ за 25-го февраля командировъ 17-го армейскаго, 5 и 6 сибирскихъ корпусовъ.

Въ частности меня особо интересуютъ слѣдующіе вопросы.

Отданное мною 24-го февраля приказаніе по всѣмъ арміямъ на 25-е февраля заключалось въ слѣдующемъ:

Всѣмъ тремъ арміямъ, съ позицій на р. Хуньхе, отойти на линію Хушитай-Пухе-Суданъ. 3-й арміи было указано отходить вдоль Мандаринской дороги, не втягиваясь въ гор. Мукденъ.

2-й арміи было указано задерживать противника до отхода 3-й арміи изъ предмостныхъ укрѣпленій и затѣмъ отходить вдоль желѣзной дороги, прикрывая движеніе 3-й арміи съ запада.

Корпусамъ 1-й арміи, занимавшимъ Фулинскую позицію, было указано прикрыть отходъ 3-й арміи изъ предмостныхъ укрѣпленій и затѣмъ отходить, прикрывая путь отъ Фулина и Фушуна къ Тѣлину.

По диспозиціи, отданной по 3-й арміи, значилось, что войскамъ 5-го сибирскаго корпуса выступить въ полночь на 25-е февраля и отходить западнѣе города Мукдена. Ночлегъ у сел. Пухе.

Войскамъ 17-го корпуса вступить въ 2 ч. утра 25-го февраля и отходить восточнѣе города Мукдена. Ночлегъ тоже у сел. Пухе.

Войскамъ 6-го сибирскаго корпуса выступить въ 1 ч. 45 м. утра и отходить на Мучань-Падязу-Кокуанте-Куюфынъ-Мазуанза. Ночлегъ у сел. Ленхуачи.

Войска 17-го корпуса должны были составлять арріергардъ.

Въ составѣ 3-й Маньчжурской арміи 24-го февраля, за выдѣленіемъ всѣхъ присланныхъ во 2-ю армію подкрѣпленій, находилось:

17-го армейскаго корпуса:

Ингерманландскій полкъ	4	баталіона.
Новоингерманландскій	4	„
Псковскій	4	„
Нѣжинскій	4	„
Моршанскій	4	„
Итого	20	баталіоновъ.

5-го сибирскаго корпуса:

Златоустовскій полкъ	4	баталіона.
Борисовскій полкъ	4	„
Белебеевскаго полка	2	„
Итого	10	баталіоновъ.

6-го сибирскаго корпуса:

Кромскаго полка	2	баталіона.
Юхновскій полкъ	4	„
Борисоглѣбскій полкъ	4	„
Епифанскій „	4	„
Итого	14	баталіоновъ.
Всего	44	баталіона.

Не имѣется свѣдѣнія о двухъ баталіонахъ Инсарскаго полка. Кажется, они тоже входили 24-го февраля въ составъ 3-й арміи.

Въ 1-й Маньчжурской арміи, за выдѣленіемъ всѣхъ подкрѣпленій во 2-ю армію и мой стратегп-

ческій резервъ, оставалось 105 баталіоновъ. Въ томъ числѣ войска, подчиненныя генералъ-адъютанту Мейендорфу, должны были составить 36 баталіоновъ.

Такимъ образомъ на нашемъ фронтѣ 1-я и 3-я арміи могли 25-го февраля противопоставить японцамъ силу въ 150 баталіоновъ. Принимая во вниманіе тяжелыя потери, понесенныя арміею Куроки въ бояхъ противъ 2, 3 и 4 Сибирскихъ корпусовъ и отряда генерала Ренненкампфа, а также войсками арміи Нодзу и частью войскъ арміи Оку, которыя съ 16-го по 24-е февраля вели бои противъ 1-го армейскаго, 6-го сибирскаго, 17-го армейскаго и 5 сиб. корпусовъ,—несомнѣнно, что мы располагали вполнѣ достаточными силами, чтобы дать японцамъ на линіи Хуньхе грозный отпоръ, не допустить прорыва линіи Хуньхе, а при отступленіи къ Тѣлину отойти въ порядкѣ.

Между тѣмъ уже 24-го февраля японцы прорвали наше расположеніе у Кіузана и ко времени отдачи мною приказанія объ общемъ отступленіи успѣли занять сел. Фынютынъ и Хушинпу въ 10 верстахъ къ сѣверу отъ р. Хуньхе и въ 10 вер. къ востоку отъ с. Пухе.

Прорывъ японцевъ у Кіузана повелъ къ тому, что правофланговая группа войскъ 1-й арміи (подъ начальствомъ барона Мейендорфа), не сдѣлавъ энергичной попытки противиться этому прорыву, потеряла назначенные ей пути для отступленія и сбилась къ западу на путь, назначенный для 3-й арміи. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ выходомъ 25 февраля японцевъ въ окрестности с. Пухе, въ весьма серьезной степени затруднило частямъ 3-й арміи выполнить возложенную на нихъ задачу, слѣдовать вдоль Мандаринской дороги и ночевать на 27 февраля у с. Пухе.

Выполненіе сего затруднялось также массою обозовъ, слѣдовавшихъ по Мандаринской дорогѣ и мѣстности между Мандаринскою и желѣзною дорогами.

Приказаніе объ отводѣ обозовъ отъ Мукдена на сѣверъ было сдѣлано еще 20 февраля (предписаніями за подписью начальника штаба главнокомандующаго отъ 20 февраля за № 2414), но таковое, по причинамъ, еще совершенно невыясненнымъ, не было выполнено.

При такихъ исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ и, принимая во вниманіе относительную малочисленность войскъ 3-й арміи, требовались отъ всѣхъ чиновъ арміи особо энергичныя и дружныя дѣйствія, дабы съ успѣхомъ выполнить тяжелый отступной маршъ отъ Мукденскихъ позицій къ позиціямъ на Мандаринской дорогѣ или сѣвернѣе у Пухе.

При чтеніи реляцій начальствующихъ лицъ 3-й арміи я, къ сожалѣнію, не нашелъ, чтобы войска этой арміи дѣйствовали дружно и во всѣхъ случаяхъ энергично. Несомнѣнно, что отдѣльныя лица и нѣкоторыя войсковыя части дѣйствовали вполнѣ самоотверженно, но общее впечатлѣніе получается такое, какъ будто не доставало общаго руководства частями войскъ трехъ корпусовъ, что войска каждаго корпуса дѣйствовали отдѣльно, безъ связи и безъ взаимной поддержки съ сосѣдними корпусами. Въ 17 корпусѣ даже части войскъ отдѣльныхъ дивизій потеряли между собою связь.

Въ теченіе всего 25 февраля мною о дѣйствіяхъ 3-й арміи не было получено ни одного донесенія.

Поставленная для войскъ 3-й арміи задача на 25-е февраля слѣдовать вдоль Мандаринской дороги и ночевать у с. Пухе не была выполнена, и зна-

чительная часть войскъ 3-й арміи, повидимому, разрозненными частями провела ночь на 26 въ движеніи по направленію къ Тѣлину.

Въ дѣйствительности не только у Пухе, но и у Илу не удалось собрать сколько нибудь значительныхъ силъ изъ состава 3-й арміи, дабы дать отпоръ японцамъ и выиграть время для уборки обозовъ въ Тѣлинъ.

Между тѣмъ, такъ какъ къ Илу были направлены и 10 баталіоновъ 72 дивизіи, входившіе въ мой резервъ, то близъ этого пункта надлежало собраться 24 баталіонамъ только 6 Сибирскаго корпуса, а при сборѣ частей 17-го и 5 корпусовъ— всего свыше 50 баталіоновъ.

Прибавлю, что 26 февраля с. Илу прикрывалось съ юга и юго-востока сильнымъ отрядомъ изъ состава 4 сиб. корпуса подъ начальствомъ генералъ-маіора Шилейко, а съ запада весьма сильными аріергардами, находившимися подъ начальствомъ генераловъ Мылова и Зарубаева.

Для правильной оцѣнки дѣйствій, въ особенности 55-й дивизіи и командира 6 сибирскаго корпуса генерала Соболева, необходимо имѣть въ виду, что части арріергарда генерала Мылова изъ состава 54 дивизіи еще 27 февраля утромъ продолжали бой на линіи р. Илу, гдѣ мы потеряли убитымъ доблестнаго командира Мокшанскаго полка полковника Побываица, когда генералъ Соболевъ и части 55 дивизіи уже (преждевременно) прибыли въ Тѣлинъ. Прибытіе частей 55 дивизіи еще 26 февраля въ Тѣлинъ было тѣмъ болѣе преждевременно, что генералъ баронъ Бильдерлингъ, согласно присланнаго мнѣ донесенія отъ 26 февраля, имѣлъ намѣреніе собрать у Илу 16 баталіоновъ и держаться съ ними до утра 27 февраля. Въ дѣйствительности собран-

ныя у Илу части, безъ особаго давленія на нихъ со стороны противника, отступили отъ Илу еще 26 февраля около 4-хъ часовъ пополудни.

Изъ реляцій войсковыхъ частей въ частности видно:

5-го сибирскаго корпуса: 61 дивизія въ составѣ 10 баталіоновъ должна была, согласно диспозиціи, отходить на Пухе. Два баталіона Борисовскаго полка были посланы 24 февраля на подкрѣпленіе къ генералу Церпицкому по его просьбѣ. 3-й и 4-й баталіоны Белебеевскаго полка начали отступленіе. У сел. Тава они встрѣчены огнемъ. Держались мало. Потери ничтожны. У Пухе не пытались остановиться и прошли прямо къ Тѣлину, куда и прибыли 26 вечеромъ. 1-й и 2-й баталіоны того же полка тоже 26 вечеромъ уже были въ Тѣлинѣ.

244-го Борисовскаго полка 2-й и 4-й баталіоны не попали на Мандаринскую дорогу, а шли вдоль желѣзной дороги, къ нимъ присоединился и 3-й баталіонъ. У моста близъ сел. Тунсанцзы (Туцензы) въ 8 ч. 30 м. вечера я видѣлъ этотъ полкъ въ полномъ порядкѣ и поручилъ командиру его, подполковнику Георгіу, оборонять мостъ и не уходить, пока не пройдутъ всѣ обозы и парки. Порученіе было исполнено, но полкъ не пытался выйти на Мандаринскую дорогу къ Пухе или Илу, а двинулся къ Тѣлину, куда и прибылъ ночью на 27 февраля. Потери ничтожны.

243-й Златоустовскій полкъ въ полномъ составѣ двигался по Мандаринской дорогѣ. У Тава былъ обстрѣлянъ. По распоряженію генералъ-квартирмейстера 3-й арміи, генералъ-маіора Алексѣева, 1-й баталіонъ полка атаковалъ противника и отбросилъ его. 2-й баталіонъ тоже принялъ участіе въ дѣлѣ у Тава. 3-й и 4-й баталіоны двинулись далѣе на

сѣверъ и у сел. Кучензы были весьма своевременно остановлены командующимъ 3-й маньчжурской арміей. Туда же присоединился и 2-й баталіонъ. Пропустивъ всѣ обозы, Златоустовскій полкъ двинулся на сѣверо-западъ и вышелъ къ желѣзно-дорожному мосту, гдѣ, подъ руководствомъ командующаго дивизіею, пропускалъ обозы, провелъ всю ночь и утромъ съ большимъ боемъ началъ отходить на сѣверъ.

Собранные у желѣзнодорожнаго моста Борисовскій и Златоустовскій полки не пытались идти къ Плу и, двигаясь вдоль желѣзной дороги, 27 февраля прибыли въ Тѣлинъ, и того же числа мною были осмотрѣны всѣ баталіоны Белебеевскаго, Борисовскаго и Златоустовскаго полковъ. Представились хорошо и въ сильномъ составѣ. Потери за 25 и 26 февраля въ общемъ были весьма незначительны. Сборъ этихъ полковъ на Плу могъ бы принести большую пользу. Но еще болѣе пользы принесли бы три полка 61 дивизіи, если бы они приняли, подъ начальствомъ своего командира корпуса, энергичное участіе въ дѣйствіяхъ у сел. Тава. Мнѣ неизвѣстно также, принималъ ли генералъ Дембовскій какія либо мѣры, чтобы задержать часть 61 дивизіи, когда ему было разрѣшено мною задерживать всѣ проходящія части.

Въ реляціи о дѣйствіяхъ 61 дивизіи упоминается о связи дѣйствій частей этой дивизіи съ частями 17-го армейскаго корпуса лишь у Тава (дѣйствія Златоустовскаго полка совмѣстно съ дѣйствіями Нѣжинскаго полка).

Изъ реляціи о дѣйствіяхъ 17-го корпуса видно, что 25 февраля въ 8 ч. утра арріергардъ корпуса вышелъ на Мандаринскую дорогу у сѣверныхъ воротъ Мукдена. Распоряженіе для исполненія при-

казанія командующаго третьей арміей обезпечить выходъ съ западной стороны города обозовъ корпусовъ 2-й арміи и войскъ 5-го сибирскаго корпуса, задерживаемыхъ въ пути обозами, были сдѣланы вполнѣ сообразныя съ обстановкою.

Генералъ-маіоръ Орловъ, начальствовавшій арріергардомъ, получилъ приказаніе съ 9 и 10 полками и баталіономъ Самарскаго полка занять позицію поперекъ Мандаринской дороги у д. Лаогу и держаться, пока не пройдутъ обозы и части 5-го сибирскаго корпуса. Полкамъ 137-му и 139-му 35 п. дивизіи приказано было подняться на плато у д. Эртайцзы и тамъ остановиться. Псковскій полкъ остался въ корпусномъ резервѣ. Всего на относительно незначительномъ пространствѣ генералъ-лейтенантъ Селиваповъ располагалъ 21 баталіономъ [1]) пѣхоты при многочисленной артиллеріи. Кромѣ того, къ отряду генералъ-маіора Орлова присоединился баталіонъ Прагскаго полка.

По имѣющимся матеріаламъ, обстановка, въ которой приходилось дѣйствовать 17-му армейскому корпусу, въ общемъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Если бы участокъ между Эртайцзы и Хоулиномъ прикрывался войсками 6-го корпуса, 14 баталіонами, то наше положеніе было бы весьма сильнымъ и прорыва противника къ Тава не было бы. Отсутствіе руководства частями 55 пѣх. дивизіи повело къ преждевременному отходу ея на сѣверо-западъ, при чемъ образовался промежутокъ между расположеніемъ 17 корпуса и правымъ флангомъ 1-го армейскаго корпуса у Фулина.

---

[1]) Считая и баталіонъ Прагскаго полка, примкнувшій къ войскамъ 3-й пѣхотной дивизіи.

Части 1-го армейскаго корпуса отступили отъ Хоулина тоже слишкомъ рано. Поэтому расположеніе 17-го корпуса оказалось выдвинутымъ уступомъ впередъ. Японцы, воспользовавшись несогласованнымъ движеніемъ 17-го, 5-го и 1-го армейскихъ корпусовъ, продвинулись впередъ и уже около 10 час. утра 25 февраля начали двигаться съ востока противъ позиціи 17-го корпуса въ направленіи на Эртайцы-Тава [1]). Генералъ-лейтенантъ Селивановъ вынужденъ былъ занять позицію двумя полками 35 дивизіи фронтомъ на востокъ почти вдоль Мандаринской дороги. Постепенно удлиняя лѣвый флангъ, полки 35-й дивизіи къ 4 часамъ пополудни занимали тонкою линіею участокъ Юлинпу-Тава, гдѣ примыкали къ войскамъ, находившимся подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Дембовскаго, защищавшаго Тава. По донесенію генералъ-лейтенанта Селиванова, около 3 часовъ пополудни войска 3 пѣх. дивизіи, находившіяся подъ начальствомъ генералъ-маіора Орлова, увлекаемыя общимъ движеніемъ къ желѣзной дорогѣ, оторвались около 3 ч. дня отъ 35 п. дивизіи и уклонились на западъ. Связь съ генералъ-маіоромъ Орловымъ была установлена только утромъ 27 февраля.

Далѣе, въ донесеніи генералъ-лейтенанта Селиванова значится, что онъ въ 5 час. пополудни прибылъ къ Тава, гдѣ черезъ генералъ-лейтананта Дембовскаго получилъ мое приказаніе передать всѣ войска 17 корпуса въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Дембовскаго, а самому отправиться въ Пухэ, гдѣ принять командованіе надъ всѣми войсками, прикрывавшими выходъ съ перевала Ленхуачи къ Пухэ, если тамъ не окажется командующаго арміею.

---

[1]) Мелкія японскія части вышли къ Тава еще ранѣе.

Въ означенной реляціи указывается также, что къ позиціи у Тава присоединился и Псковскій полкъ, сохранившій полный порядокъ.

Въ журналѣ военныхъ дѣйствій штаба главнокомандующаго относительно дѣятельности генералъ-лейтенанта Дембовскаго у Тава изложено слѣдующее:

„Въ первомъ часу пополудни главнокомандующій направилъ генералъ-лейтенанту Дембовскому, остановившемуся въ Тава для пропуска войскъ своего корпуса, слѣдующія приказанія: 1) „Противникъ появился съ востока на высотахъ Ертайцзы-Куандагоу. Всѣмъ подходящимъ къ Тавѣ частямъ корпуса преградить движеніе противника и отбросить его къ востоку. Удерживайте позицію Тава-Цаудягоу“ и 2) „Заставьте, по возможности скоро, замолчать артиллерію противника, обстрѣливающую Мандаринскую дорогу. Противникъ двумя орудіями производитъ громадное моральное вліяніе на отходящія войска. Собирайте и устраивайте“.

Вмѣстѣ съ этимъ около полудня, въ виду полнаго отсутствія въ Тава войскъ, главнокомандующій лично приказалъ пяти ротамъ и охотничьей командѣ Томскаго полка, собравшимся въ Цуэртунѣ послѣ атаки Тхэнитуня, двинуться туда въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Дембовскаго.

Около 1-го часа пополудни батарея противника, ставшая восточнѣе Цаодягоу, открыла огонь по Тава, направляя его по колоннамъ двигавшихся обозовъ и внося въ нихъ панику и смятеніе; отъ Тава около 1-го часа пополудни обозы стали сворачивать на западъ и нѣсколькими потоками въ полномъ безпорядкѣ устремились къ желѣзной дорогѣ — къ ст. Хушитай; все это явно было видно изъ Цуэртуня; непріятельская батарея была, видимо, не велика,

быть можетъ орудія два; стояла далеко; огонь ея не отличался мѣткостью, но и этого оказалось достаточнымъ для деморализаціи громадныхъ обозовъ и нѣкоторыхъ отходившихъ частей войскъ; поэтому главнокомандующій около 1-го часа пополудни писалъ генералъ-лейтенанту Дембовскому: „Возлагаю на васъ организацію обороны Мандаринской дороги по обѣ стороны ея отъ Модьятуна до Цаудягоу на высотѣ Тава. Задерживайте для этой важной цѣли всѣ необходимыя вамъ войска, слѣдующія по Мандаринской дорогѣ. Вамъ же подчиняется и генералъ Селивановъ съ полками 17-го армейскаго корпуса. Очень важно сдѣлать это быстро и энергично. Обезпечьте вашъ лѣвый флангъ, выдвинувшись возможно далѣе къ юго-востоку.

Стараніями генералъ-лейтенанта Дембовскаго порядокъ водворился, но части и обозы были сильно перемѣшаны; особый безпорядокъ вносили парки, пускавшіеся рысью и вскачь и ломавшіе и опрокидывавшіе по пути двуколки и другія повозки".

Далѣе, въ томъ же журналѣ значится: „Бой у Тава между тѣмъ разгорался; начиналъ ощущаться недостатокъ патроновъ и въ батареяхъ и въ пѣхотѣ. Въ виду отхода 17-го армейскаго корпуса, командиръ котораго прибылъ въ Тава, генералъ-лейтенантъ Дембовскій около 4-хъ час. пополудни рѣшилъ очищать позицію; японская артиллерія поддерживала сильнѣйшій огонь; въ штабѣ генералъ-лейтенанта Дембовскаго были ранены три офицера и нѣсколько нижнихъ чиновъ и лошадей. Въ это время уже обнаружились послѣдствія занятія противникомъ Пухе и его окрестностей. Отрядъ Дембовскаго подвергся пораженію съ сѣвера. Отходъ съ позиціи былъ произведенъ въ порядкѣ и къ 6 часамъ вечера отрядъ прибылъ въ Ліугантунь

(2-хъ верстная карта. Деревня въ $1^1/_2$ верстѣ на с. отъ Тацзыина)".

Изъ этихъ выписокъ видно, что генералъ-лейтенантъ Селивановъ долженъ былъ прибыть въ Тава не въ 5 час. пополудни, а ранѣе 4-хъ часовъ пополудни. Равно, что генералъ Дембовскій не задерживалъ частей 17-го корпуса для обороны Тава.

Далѣе въ реляціи генералъ-лейтенанта Селиванова значится: „Отъ д. Тава я направился къ д. Пухе, но, подойдя къ ней около 6-ти час. вечера, увидѣлъ, что она уже занята японцами, которые постепенно подвигались на западъ къ желѣзной дорогѣ. Положеніе было критическое. Съ позиціи у дер. Тава части отходили сильно разстроенныя и удержать ихъ, за недостаткомъ офицеровъ, было трудно. Всѣ части уклонялись на западъ къ желѣзной дорогѣ, стараясь обойти дер. Пухе и противника, тоже постепенно продвигавшагося на западъ. Вдоль полотна желѣзной дороги тянулись на сѣверъ густыя колонны обозовъ, артиллеріи и войскъ.

Силы противника у д. Пухе были весьма незначительны, но они все-таки энергично стремились продвинуться къ полотну желѣзной дороги, перебѣгая отъ одной рощи къ другой и поддерживая наступленіе огнемъ пулеметовъ и артиллеріи.

Въ началѣ 7-го часа ко мнѣ подошелъ батальонъ 11-го пѣхотнаго Псковскаго полка подъ начальствомъ капитана Гарбузова. По моему приказанію капитанъ Гарбузовъ тот-часъ же, присоединивъ къ себѣ проходившія еще 2 роты своего полка, развернулъ батальонъ въ двѣ линіи къ западу отъ д. Пухе фронтомъ на нее и, выславъ впередъ цѣпи, остановился въ 2—3 верстахъ отъ деревни. Противникъ тотчасъ же прекратилъ свое движеніе на западъ и ограничился только обстрѣливаніемъ тя-

нувшихся колоннъ артиллерійскимъ огнемъ, не причинявшимъ вреда.

Когда всѣ войска миновали расположеніе Псковцевъ и когда уже совершенно стемнѣло, я приказалъ капитану Гарбузову отойти къ ст. Синтайцзы, что было исполнено имъ въ полномъ порядкѣ. На слѣдующемъ разъѣздѣ, къ сѣверу, къ нему присоединились остальныя части полка съ командиромъ полка, слѣдовавшіе при 5-мъ корпусѣ".

Такимъ образомъ, пріѣздъ генералъ-лейтенанта Селиванова въ окрестности с. Пухе оказался весьма своевременнымъ. Мнѣ представляется неяснымъ, почему части войскъ, собранныя по приказанію командующаго 3 арміей у Кученцзы, не приняли участія въ движеніи къ Пухе. Непонятно также, почему Псковскій полкъ для дальнѣйшаго отступленія, повидимому, не тревожимый противникомъ, былъ направленъ не на Илу, а къ ст. Синтайцзы [1]).

Изъ реляціи генералъ-маіора Орлова о дѣйствіяхъ 3 пѣх. дивизіи заслуживаетъ вниманія слѣдующее:

У восточной окраины г. Мукдена 3 дивизіи пришлось остановиться: безконечные обозы разныхъ частей, корпусовъ, даже арміи загромождали путь. Остановка продолжалась до $5^1/_2$ час. утра.

Попытка генералъ-маіора Орлова по выходѣ къ с. Лаогу установить связь съ 5-мъ и 6-мъ корпусами (у него былъ эскадронъ Нѣжинскаго драгунскаго полка) удалась относительно 5 корпуса, но установить связь съ 6 корпусомъ не удалось. Въ реляціи значится: „Стало очевиднымъ, что между 6 сибирскимъ корпусомъ и 17-мъ уже находились японцы и угрожали флангу и тылу 17-го корпуса. Мой лѣвый флангъ пріобрѣталъ важное значеніе.

[1]) Въ реляціи ошибочно указано „къ ст. Хушитай".

Позиція была занята около 9 час. утра, а въ $9^1/_2$ час. утра уже показались, съ востока, цѣпи непріятельской пѣхоты. Двѣ наши батареи (3 арт. бригады) открыли очень удачный огонь, обстрѣляли японскую батарею настолько успѣшно, что она не могла открыть огня.

Къ сожалѣнію, столь успѣшная стрѣльба этихъ двухъ батарей была въ скоромъ времени прекращена и въ $10^1/_2$ час. утра обѣ онѣ, выпустивъ въ теченіе одного часа около 200 патроновъ, снялись съ позиціи и ушли на сѣверъ, не только не получивъ отъ меня приказанія, но даже не увѣдомивъ меня. На позиціи не осталось ни одного орудія.

Около $12^1/_2$ час. дня миновали позицію арьергарда послѣднія повозки колонны обозовъ 5-го сибирскаго корпуса, и войска стали отходить къ высотамъ у Эртайцзы, гдѣ и должны были занять позицію.

Судя по описанію, на этой новой позиціи наши 10 баталіоновъ вели очень горячій бой.

Далѣе въ реляціи значится:

„Было 2 часа дня. Въ это время японцы усиленно обстрѣливали артиллерійскимъ огнемъ сперва восточные склоны возвышенности д. Эртайцзы, а затѣмъ перенесли огонь на западъ, засыпая гору шрапнелями и шимозами.

Баталіоны Новоингерманландцевъ, неся огромныя потери, медленно взбирались на гору и, послѣдовательно, занимали гребень за гребнемъ.

Положеніе было крайне тяжелое: не имѣя артиллеріи, я не могъ противодѣйствовать губительному непріятельскому огню.

По отходѣ Новоингерманландцевъ стали отходить также Ингерманландцы.

Непріятельскій огонь достигъ въ это время край-

няго напряженія: шрапнели и шимозы рвались непрерывно.

Ряды отходящихъ замѣтно рѣдѣли, не нанося противнику никакого вреда.

Къ счастью, совершенно случайно, среди отходившихъ войскъ и обозовъ я встрѣтилъ въ эту тяжелую минуту 2 батареи 28 артиллерійской бригады. По первому же моему приказанію онѣ охотно снялись съ передковъ и тотчасъ же открыли огонь. Командовавшій батареями полковникъ обѣщалъ немедленно привести еще одну батарею.

Баталіонъ Новоингерманландцевъ — послѣдній изъ моего резерва — тотчасъ выдвинулъ цѣпи для прикрытія этихъ батарей.

Стрѣльба артиллеріи ободрила войска и временно ослабила огонь противника.

Далѣе генералъ маіоръ Орловъ пишетъ, что невдалекѣ, къ сѣверо-востоку отъ Эртайцзы, онъ встрѣтилъ командующаго 3-й арміей со штабомъ и доложилъ ему о положеніи дѣлъ.

„Начальникъ штаба, генералъ-лейтенантъ Мартсонъ, указавъ на то, что путь отступленія, вѣроятно, уже занятъ японцами, посовѣтовалъ мнѣ пробиться на востокъ“.

Отъ командующаго арміей генералъ-маіоръ Орловъ получилъ приказаніе собрать отступающія группы людей и принять ихъ подъ свою команду.

Къ 4 час. пополудни войска генералъ-маіора Орлова находились въ 2-хъ верстахъ южнѣе разъѣзда № 97. Въ полкахъ насчитывалось 150 — 200 чел. въ каждомъ. На 26 февраля генералъ-маіоръ Орловъ никакихъ распоряженій не получилъ и двигался къ Тѣлину вдоль желѣзной дороги.

Въ реляціи 6-го Сибирскаго корпуса, генерала Соболева, о дѣйствіяхъ 55 дивизіи, остававшейся

подъ его непосредственнымъ начальствомъ, изложено весьма мало и неясно. Значится, что направленіе движенія для 55 дивизіи было назначено восточнѣе Мандаринской дороги къ сел. Ленхуачи, но не изложено, какія были приняты мѣры, дабы войска 55 дивизіи выполнили это приказаніе, когда стало извѣстнымъ, что противникъ, еще 24 февраля, прорвался у Кіузана черезъ Хуньхэ. Не изложено также, какія мѣры приняты были генераломъ Соболевымъ, чтобы дѣйствовать въ связи и поддерживать войска 17 корпуса. Вмѣсто сихъ распоряженій генералъ Соболевъ призналъ, встрѣтившись въ Хоулинѣ съ генераломъ Мейендорфомъ, соотвѣтственнымъ съ обстановкою исполнить слѣдующее:

„Ознакомившись съ обстановкою, я доложилъ генералъ-адъютанту Мейендорфу, какъ старшему на полѣ сраженія, о томъ, что передаю въ его непосредственное распоряженіе мои войска".

Другими словами, генералъ Соболевъ, безъ разрѣшенія командующаго 3-ю арміею и, сколько мнѣ извѣстно, безъ увѣдомленія его объ этомъ, сложилъ съ себя командованіе 55 дивизіею, предоставивъ генералу Мейендорфу „непосредственное" распоряженіе частями дивизіи [1]).

---

[1]) Этотъ обвинительный актъ, направленный противъ всѣхъ старшихъ начальствующихъ лицъ 3 арміи и противъ генералъ-адъютанта барона Мейендорфа, отличается крайнимъ пристрастіемъ и явною неправдою. Обвиняя генераловъ, Куропаткинъ стремился себя оправдать, но онъ не достигъ этой цѣли. Изъ моей записки отъ 31 іюля 1905 г., помѣщенной выше, читатель могъ ясно себѣ представить истинное направленіе предъявленныхъ Куропаткинымъ обвиненій. Въ рукахъ Куропаткина имѣлись документы о томъ, что, принявъ на себя рѣшеніе оказать помощь войскамъ генерала Мейендорфа и поступивъ съ моимъ отрядомъ въ его подчиненіе, я оставался на позиціи Хоулина до самаго конца сраженія и распоряжался частями моихъ войскъ, конечно, по указаніямъ генерала Мейендорфа. Посылка отряда капитана Арнольда къ императорскимъ могиламъ, а также посылка отряда полковника Ефирова, столь славно оградившихъ фронтъ и лѣвый флангъ войскъ отряда, сдѣ-

Согласно съ означенною реляціею генералъ Соболевъ со штабомъ около 12 час. дня прибылъ къ д. Тава. Въ это время командующій 3 арміею еще находился въ 5 верстахъ южнѣе Тава и имѣлъ основаніе надѣяться, что генералъ Соболевъ съ 55 дивизіей въ это время еще находится на линіи Хоулинъ-Эртайцзы и надежно прикрываетъ лѣвый флангъ 17 армейскаго корпуса.

По реляціи командующаго 55 дивизіею дѣйствія полковъ означенной дивизіи 25 февраля, въ общемъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

а) Борисоглѣбскій полкъ, нѣкоторое время съ Каспійскимъ полкомъ, задержался у Куюфына, вступивъ въ перестрѣлку съ японцами (потеря 6 человѣкъ), далѣе вышелъ на Мандаринскую дорогу у Пухэ и къ вечеру два его баталіона задержались у Кученцза; 1-й баталіонъ Борисоглѣбскаго полка составлялъ арьергардъ 55-й пѣхотной дивизіи, задержался у Куюфына, вышелъ въ Тава; принялъ участіе въ оборонѣ ея (потеря 18 человѣкъ), затѣмъ около 4 час. дня отошелъ къ желѣзной дорогѣ.

б) Епифанскій полкъ: $2^1/_2$ баталіона его приняли участіе въ защитѣ Сясюйчена послѣ отхода Новочеркасцевъ, затѣмъ подъ напоромъ противника вышли на Мандаринскую дорогу южнѣе Тава, здѣсь

ланы мною. Имѣя эти документы въ своихъ рукахъ, Куропаткинъ тѣмъ не менѣе позволяетъ себѣ говорить то, что выгодно для его цѣлей, пренебрегая очевидною правдою. Я еще разъ утверждаю, что пребываніе Куропаткина въ рядахъ русской арміи было вредно, такъ какъ онъ своими не отвѣчавшими правдѣ нападками на генераловъ подрывалъ въ арміи положеніе старшихъ начальствующихъ лицъ, большинство которыхъ было выше его на цѣлую голову, ослаблялъ дисциплину и губилъ духъ войскъ. Это не подлежащая оспариванію истина. Въ настоящее минуту, когда карты его раскрыты, онъ очутился въ очень смѣшномъ положеніи, достойномъ сожалѣнія.

Л. Соболевъ.

нѣкоторое время простояли рядомъ съ Моршанскимъ полкомъ, а затѣмъ еще до полудня ушли на сѣверо-западъ къ желѣзной дорогѣ.

в) $2^1/_2$ роты Епифанскаго полка и $2^1/_2$ роты Юхновскаго полка нѣкоторое время были въ составѣ отряда капитана Михаэлиса, защищавшаго императорскія могилы въ Фулинской рощѣ, затѣмъ ушли на Мандаринскую дорогу и къ желѣзной дорогѣ.

г) $2^1/_2$ роты Кромскаго полка нѣкорое время задержались у Хоулина, а затѣмъ отошли вмѣстѣ съ частями 20 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и Новочеркасскаго полка къ Мандаринской дорогѣ. Нѣкоторое время $2^1/_2$ роты Кромскаго полка къ с.-в. отъ Пухэ на Мандаринской дорогѣ задерживали противника, уже занявшаго это селеніе.

О дѣйствіяхъ остальныхъ частей Юхновскаго, Епифанскаго и Кромскаго полковъ (въ общей сложности отъ 5 до 6 баталіоновъ) въ реляціи 55-й нѣх. дивизіи не упоминается.

Такимъ образомъ, о дѣйствіяхъ значительной части 55 дивизіи (5—6 баталіоновъ изъ 14) вовсе не упоминается ни въ реляціи генерала Соболева, ни въ реляціи генералъ-маіора Лайминга.

Несомнѣнно только то, что полки 55 дивизіи не вели нигдѣ 25 февраля сколько нибудь упорнаго боя и понесли въ этотъ день весьма незначительныя потери. Дѣйствія получились вполнѣ разрозненныя и мало полезныя.

Между тѣмъ, энергичныя и дружныя дѣйствія 14 баталіоновъ, силою 10.000 штыковъ, на любомъ участкѣ нашей позиціи могли имѣть самыя серьезныя и выгодныя для насъ послѣдствія. Въ особенности полезное дѣйствіе этой силы могло сказаться на участкѣ, назначенномъ ей диспозиціей, т. е. на

лѣвомъ флангѣ 17 армейскаго корпуса. Тогда 22 баталіона 17 корпуса могли бы твердо держаться на позиціи у Эртайцзы и корпусъ не разорвался бы на двѣ части. Можно надѣяться, что при этихъ условіяхъ и части 61 дивизіи могли пристроиться къ правому флангу 17 корпуса. Получалась бы при отходѣ къ Тава сила свыше 40 баталіоновъ, которая могла бы держаться впереди Тава и у Эртайцзы до прохода всѣхъ частей 2-й Маньчжурской арміи [1]). Тогда, очевидно, арьергарды отрядовъ генераловъ Церпицкаго и Лауница, отступавшіе подъ начальствомъ генераловъ Ганенфельда и Соллогуба, не были бы уничтожены и частью взяты въ плѣнъ.

Вмѣстѣ съ войсками 1-го армейскаго и 4-го сибирскаго корпусовъ, которые находились подъ начальствомъ генерала Мейендорфа, составлявшими 26—27 баталіоновъ, образовалась бы сила въ 66 баталіоновъ [2]), достаточная для прочнаго прикрытія Мандарпнской дороги на участкѣ Тава—Пухе.

---

[1]) Очевидно, Куропаткинъ забылъ отданную имъ диспозицію, по которой 2 армія должна была задерживать противника до отхода 3 арміи изъ предмостныхъ укрѣпленій и засимъ отходить вдоль желѣзной дороги, прикрывая движеніе 3 арміи съ запада. Наложивъ тяжелую и неумѣлую руку на 2 армію, Куропаткинъ задержалъ отступленіе этой арміи, отчего и погибли двѣ бригады, попавшія въ плѣнъ. Разбитый наголову и приказавъ арміямъ отступить ночью, онъ въ своемъ отчетѣ дѣлаетъ фантастическія стратегическія предположенія, забывъ, что, какъ главнокомандующій, онъ имѣлъ возможность привести на мѣстѣ 25 февр. въ исполненіе эти соображенія. Но фантазіи эти несомнѣнно появились въ головѣ его лишь во время писанія этого обвинительнаго акта. Бумага вѣдь все терпитъ, особенно когда цѣль писанія состоитъ не въ выясненіи истины, а совсѣмъ иная. Л. Соболевъ.

[2]) Кто же мѣшалъ Куропаткину это исполнить на мѣстѣ? Ойяма прибылъ въ армію Ноги, когда сообразилъ, что тамъ рѣшается судьба Мукденской операціи. Она рѣшалась однако не тамъ, и Ойяма ошибся. Она рѣшалась у Пухэ. Куропаткинъ это понялъ. Такъ почему-же онъ не явился самъ сюда или почему онъ не поручилъ дѣло Бильдерлингу? Это во всякомъ случаѣ было бы правильнѣе фантастической надежды, что армія въ 66 баталіоновъ сама себя сформируетъ. Сидя на шеѣ 2 арміи, Куропаткинъ какъ бы забылъ, что существуетъ еще двѣ арміи. Онъ забылъ, что существуетъ телеграфъ. Онъ

Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, неудачныя разрозненныя дѣйствія 55-й дивизіи, вовсе, повидимому, не руководимой генераломъ Соболевымъ, имѣли весьма серьезныя послѣдствія.

Въ реляціи о дѣйствіяхъ 6-го корпуса значится:

Раннимъ утромъ 26-го февраля я представился на ст. Синтайцзы главнокомандующему и рѣшилъ доложить, что одной изъ причинъ нашего неуспѣха считаю то обстоятельство, что командиры корпусовъ во время боя не имѣли въ своемъ распоряженіи своихъ частей, и просилъ разрѣшенія собрать войска 6-го сибирскаго корпуса подъ свою команду. На доложенное послѣдовало разрѣшеніе.

Изъ изложеннаго видно, что генералъ Соболевъ имѣлъ 25-го февраля подъ своимъ начальствомъ силу въ 10.000 штыковъ, но неправильно передалъ непосредственное распоряженіе этою силою генералу барону Мейендорфу и уѣхалъ въ Тава и далѣе на сѣверъ [1]).

Если генералъ Соболевъ считалъ себя вправѣ передать въ непосредственное распоряженіе генерала барона Мейендорфа ввѣренную его командованію 55-ю дивизію, то, очевидно, и онъ лично долженъ

не оцѣнилъ стратегическую обстановку. Если бы Куропаткинъ не мѣшалъ 2 арміи и оставался бы со своимъ стратегическимъ резервомъ въ Илу или другомъ мѣстѣ глубокаго тыла, имѣя телеграфъ, который связалъ бы его съ командующими арміями и корпусными командирами, то онъ зналъ бы все, что дѣлалось на фронтѣ армій, и могъ бы исполнить то, о чемъ такъ неискусно сталъ фантазировать лишь тогда, когда обдумывалъ свой обвинительный актъ.

Л. Соболевъ.

[1]) Любопытно то, что въ своемъ пресловутомъ отчетѣ, стр. 449, онъ говоритъ, что я уѣхалъ изъ Хоулина въ $8^1/_2$ ч. утра. 25 февр., т. е. тогда, когда подписано было приказаніе объ отходѣ войскъ, а на стр. 506 говоритъ, что я уѣхалъ отъ 55 див. Это противорѣчіе для меня необъяснимо. Впрочемъ, весь отчетъ состоитъ изъ противорѣчій. До Тава я двигался по тому же пути, по которому двигались части 55 д. Я на ночь задержался у Синтайцзы, а дивизія, руководимая своими начальниками, меня опередила.

былъ поступить подъ начальство генералъ-адъютанта Мейендорфа и оставаться въ первой линіи съ войсками, генералу Мейендорфу подчиненными. Между тѣмъ генералъ Соболевъ сохранилъ для себя свободу дѣйствій и уѣхалъ со штабомъ и многочисленнымъ конвоемъ изъ Хоулина (гдѣ находился съ генераломъ Мейендорфомъ часть ночи на 25-е и утро 25-го февраля), къ Тава, когда генералъ Мейендорфъ еще оставался въ Хоулинѣ [1]). Подчиненіе генералу Мейендорфу могло бы быть объяснено лишь въ томъ случаѣ, если бы совмѣстно съ войсками, находившимися подъ начальствомъ генерала Мейендорфа, генералъ Соболевъ рѣшился двинуться на востокъ, чтобы ударить во флангъ японцевъ, прорвавшихся у Кіузана. Но такого предположенія даже не возникало. Передача въ распоряженіе генерала Мейендорфа войскъ 55-й дивизіи могла бы быть также объяснена, если бы генералъ Соболевъ рѣшилъ добиваться двигаться по направленію назначеннаго ему для отступленія пути, и такъ какъ этотъ путь, вслѣдствіе прорыва у Кіузана, былъ занятъ обозами и артиллеріею 1-го армейскаго корпуса, то пришлось бы войскамъ 1 и 6 корпусовъ пользоваться однимъ и тѣмъ же путемъ. Тогда объединеніе начальствованія на одномъ пути движенія было бы необходимо. Въ дѣйствительности, большая часть войскъ 55-й дивизіи быстро сбилась къ западу, перешла Мандаринскую дорогу и, не оказавъ сколько нибудь серьезнаго содѣйствія ни 17-му корпусу, ни оборонѣ Тава, ни оборонѣ позиціи у Пухэ, смѣшалась съ обозами и войсками, слѣдовавшими между Мандаринской и желѣзною дорогами.

---

[1]) Изъ Хоулина ген. Мейендорфъ поѣхалъ къ войскамъ вдоль боевой линіи подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, въ то время какъ ген. Соболевъ уѣхалъ на сѣв.-западъ.

Даже Епифанскій полкъ, части котораго оказали содѣйствіе войскамъ генерала Мейендорфа на его лѣвомъ флангѣ, уже около полудня ушелъ на сѣверо-западъ къ желѣзной дорогѣ.

О дѣйствіяхъ Юхновскаго полка свѣдѣній не имѣется. Если бы генералъ Соболевъ оставался при войскахъ генерала Мейендорфа, то послѣ выбытія его изъ строя (сломалъ ключицу) [1]) генералъ Соболевъ, какъ старшій на полѣ сраженія, долженъ былъ бы вступить въ командованіе войсками, кои были подчинены генералу Мейендорфу. Но въ это время генералъ Соболевъ уже уѣхалъ къ Тавѣ, потерявъ связь не только съ войсками генерала Мейендорфа и сосѣдними частями 17-го корпуса, но потерявъ связь и съ частями войскъ 55-й дивизіи.

Корпусное начальство 1 армейскаго корпуса отвергаетъ правильность заявленія генерала Соболева о передачѣ имъ въ непосредственное распоряженіе генерала Мейендорфа войскъ 55 дивизіи. О таковой передачѣ ни въ реляціяхъ 1 армейскаго корпуса, ни въ реляціи 55 дивизіи указаній нѣтъ. Генералъ Мейендорфъ обращался за содѣйствіемъ къ генералу Соболеву въ своихъ опасеніяхъ за свой лѣвый флангъ. Распоряженіемъ генерала Соболева содѣйствіе было оказано посылкою (запоздалою) частей Епифанскаго полка на лѣвый флангъ подъ команду генералъ-маіора Шилейко.

Въ результатѣ такого страннаго недоразумѣнія „непосредственнаго“ распоряженія войсками 55 дивизіи не было, ни со стороны генерала Соболева, ни со стороны генерала Мейендорфа, и сила въ 10.000 штыковъ не была использована сколько-нибудь производительно.

[1]) Лошадь опрокинулась вслѣдствіе близкаго паденія шимозы.

На ст. Синтайцзы генералъ Соболевъ, получивъ, какъ онъ доноситъ, мое разрѣшеніе собрать войска 6 сибирскаго корпуса подъ свою команду, не воспользовался этимъ разрѣшеніемъ. Утромъ 26 февраля близъ ст. Синтайцзы находились и 10 баталіоновъ 72-й дивизіи подъ начальствомъ генералъ-маіора Радкевича [1]). Генералъ Каульбарсъ по моему указанію послалъ эти войска на соединеніе съ прочими частями 3 арміи къ сел. Илу. Генералъ Соболевъ могъ соединить у с. Илу 24 баталіона изъ состава 6-го корпуса, но не сдѣлалъ этого, отправившись со штабомъ не въ с. Илу, а въ с. Синтайцзы, лежащее въ 4-хъ верстахъ сѣвернѣе Илу, несмотря на то, что въ Илу находился командующій 3 арміею.

Утромъ 26 февраля на ст. Синтайцзы, представляясь мнѣ, генералъ Соболевъ не зналъ, гдѣ находятся части 55 дивизіи. Онъ же мнѣ доложилъ о потерѣ 2-хъ батарей, что не подтвердилось.

27 февраля, представлявшись мнѣ въ Тѣлинѣ, генералъ Бильдерлингъ тоже не зналъ, гдѣ находятся части 55 дивизіи [2]).

---

[1]) О нахожденіи тутъ 10 бат. я не зналъ. Ни Куропаткинъ, ни Бильдерлингъ, ни штабъ главнокомандующаго не сообщили мнѣ о передвиженіи 72 див. изъ 1-й арміи въ стратегическій резервъ главнокомандующаго, да и сообщить впрочемъ не могли, ибо Куропаткинъ распорядился о томъ, чтобы снять всѣ телеграфныя линіи въ ночь съ 24 на 25 февраля. Онъ самъ себя и всѣхъ насъ лишилъ средствъ связи. Онъ лишь заботился объ отступленіи и думалъ лишь объ уборкѣ обоза. Всѣ же фантастическія соображенія о сборѣ крупныхъ отрядовъ при отступленіи явились у него, какъ я говорилъ, лишь тогда, когда онъ вздумалъ оправдать себя во что бы то ни стало.

Л. Соболевъ.

[2]) Куропаткинъ не зналъ, гдѣ находятся корпуса и что дѣлала 1 армія, ибо телеграфъ по его распоряженію былъ разрушенъ. О томъ, гдѣ находятся всѣ части 55 дивизіи, не зналъ даже начальникъ дивизіи. Я зналъ, что дивизія двигается къ Тѣлину, но гдѣ она находилась въ ту минуту, когда я представлялся Куропаткину, въ точности я не зналъ, и это весьма естественно; но дѣло

Такимъ образомъ, на Илу можно было собрать до 18.000 штыковъ (24 баталіона) только 6 сибирскаго корпуса, чего не было сдѣлано.

Между тѣмъ, по донесенію генерала Соболева, къ 16 марта въ 6 корпусѣ было налицо 29.248 штыковъ [3]) и 6.084 нестроевыхъ.

Для дѣйствій 3-й арміи имѣли особое значеніе два пункта на Мандаринской дорогѣ, долженствовавшіе служить осью для движенія частей 3-й арміи: Тава и Пухэ. Пока мнѣ неизвѣстно, какія были приняты штабомъ 3-й арміи мѣры для прочнаго удержанія этихъ пунктовъ въ нашихъ рукахъ. Тотчасъ по полученіи извѣстія о прорывѣ 24 февраля японцевъ у Кіузаня я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы изъ состава войскъ стратегическаго резерва (72 дивизія) были заняты высоты у Пухэ съ кумирнею. Туда былъ направленъ мною и причисленный къ генеральному штабу ротмистръ Половцовъ.

Относительно первоначальной обороны подступовъ къ с. Пухэ въ реляціи о дѣйствіяхъ 1 армейскаго корпуса значится:

„Не получая донесеній о занятіи перевала къ юго-востоку отъ Ленхуачи, врем. исп. должность начальника штаба отправился туда отъ сел. Пандятай. Горы къ востоку отъ Пухэ оказались занятыми нашими войсками по распоряженію главнокомандующаго, а гребень у Синтуня—японской пѣхотой. Тутъ только вполнѣ выяснилось, что противникъ,

---

вовсе не въ этомъ, а въ томъ, что никто не могъ знать, гдѣ находится войско во время движенія при условіи разрушенія телеграфной сѣти и при наличіи того хаоса, который по милости Куропаткина происходилъ въ Мукденской операціи.

Л. Соболевъ.

[3]) Я этого никогда не доносилъ. Въ корпусѣ было 29.248 строевыхъ нижнихъ чиновъ, но не штыковъ, это не означаетъ, что было именно столько штыковъ.

Л. Соболевъ.

воспользовавшись быстрымъ очищеніемъ Кіузанской долины, двинулъ по ней колонны къ Пухэ наперерѣзъ нашему пути отхода. Между 1—2 час. дня с. Пухэ стало обстрѣливаться съ двухъ сторонъ и остановить и устроить въ немъ войска было невозможно. Тѣ немногія части, которыя удалось сплотить, попавъ въ общій потокъ, опять разсѣялись, а всякая постоянная связь съ ними была потеряна".

Отрядъ генерала Левестама, отошедшій отъ Кіузана, занялъ позицію у Ленхуачи. Въ этомъ же направленіи отступалъ и отрядъ генерала Шилейко, тоже 4-го корпуса. Эти части и вели, повидимому, бой до 4—5 часовъ пополудни, когда, не поддержанныя частями 3 арміи, отступили по направленію къ Илу, а японцы заняли Пухэ и стали наступать по направленію къ желѣзной дорогѣ.

Какъ изложено выше, генералъ-лейтенантъ Селивановъ, посланный по моему [1]) приказанію организовать оборону Пухэ, уже нашелъ это селеніе занятымъ японцами, но тѣмъ не менѣе успѣлъ частями, молодецкаго, Псковскаго полка остановить дальнѣйшее распространеніе японцевъ къ западу. Изъ находившихся въ моемъ распоряженіи документовъ я не могъ уяснить, какое участіе и по чьему распоряженію принимали части 3 маньчжурской арміи въ оборонѣ подступовъ къ сел. Пухэ.

Объ опасности, угрожавшей другому пункту на маньчжурской дорогѣ — Тава, я получилъ первое

---

[1]) Слишкомъ поздно. Куропаткинъ зналъ о прорывѣ японцевъ у Кіузана къ вечеру 24 февраля и долженъ былъ бы измѣнить отданные имъ директивы объ отступленіи. Онъ долженъ былъ бы приказать командующему 3 арміи сосредоточить войско у Тава и Пухэ, а вмѣсто этого онъ пишетъ записки начальникамъ войсковыхъ обозовъ и приказываетъ снять телеграфъ.

Л. Соболевъ.

донесеніе отъ генерала Зарубаева. Первую оборону этого пункта организовалъ командированный мною въ Таву ген.-маіоръ графъ Бобринскій. Съ пріѣздомъ въ Таву генерала Дембовскаго мною приказано было вступить въ командованіе войсками, собранными у Тава, и задерживать для упорной обороны, по своему усмотрѣнію, проходившія близъ Тавы части войскъ.

Генералъ Дембовскій съ успѣхомъ дѣйствовалъ до 4-хъ часовъ пополудни, но, не поддержанный въ необходимой степени частями 55 дивизіи и частями 17 корпуса, не успѣлъ къ тому же притянуть къ себѣ какія-либо части 61 дивизіи, въ пятомъ часу пополудни, слишкомъ преждевременно, началъ отступленіе.

По реляціи генералъ-лейтенанта Дембовскаго, у него у Тава дѣйствовали слѣдующія части:

Томскаго полка	$1^1/_4$ батал.
Семипалатинскаго полка	$2^1/_4$ „
Псковскаго полка	1 „
Борисоглѣбскаго полка	1 „
Епифанскаго полка	$^3/_4$ „
5-я батарея 3 артил. бригады . .	8 орудій.
3-я „ 28 „ „ . .	8 „

Затѣмъ подошли направленные генералъ-лейтенантомъ Добржинскимъ 3 роты Нѣжинскаго полка и 2 баталіона Моршанскаго полка.

25 и 26 февраля 55 дивизія потеряла: зарядныхъ ящиковъ: переднихъ ходовъ — 47, заднихъ — 21, кухонь 29, патронныхъ двуколокъ 53, двуколокъ 69 [1]), прочихъ повозокъ 207, лошадей 315.

---

[1]) Мы видѣли, что это произошло отъ того, что начальникъ военныхъ сообщеній нисколько не озаботился о приведеніи тыловыхъ путей въ надлежащій видъ.

Л. Соболевъ.

Всего въ 3 арміи было потеряно:

знамя	1
орудій	7
лафетовъ	16
передковъ	15
зарядныхъ ящиковъ:	
переднихъ ходовъ	188
заднихъ ходовъ	179
патронныхъ ящиковъ	279
кухонь	79
двуколокъ	454
повозокъ	298
лошадей	2.700

Въ томъ числѣ знамя Орскаго полка и 3 орудія 40 бригады потеряны при дѣйствіяхъ въ составѣ войскъ 2-й маньчжурской арміи.

Орудія затѣмъ потеряны:

3-й артиллерійской бригады	3
35-й артиллерійской бригады	1

На основаніи вышеизложенныхъ данныхъ, покорно прошу приказать дать мнѣ, согласно имѣющихся въ штабѣ арміи или въ штабахъ частей войскъ, входившихъ въ составъ арміи, объясненія по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Почему не было выполнено приказаніе, отданное еще 20-го февраля, объ отводѣ обозовъ на сѣверъ. Какія мѣры были приняты, чтобы обозы не затруднили движенія войскъ.

2) Какія мѣры были приняты штабомъ 3-й арміи для руководства дѣйствіями войскъ 17-го армейскаго, 5-го и 6-го сибирскихъ корпусовъ и поддержанія между ними связи.

3) Какія мѣры были приняты, дабы имѣть и

поддерживать связь съ штабомъ главнокомандующаго.

4) Какія указанія корпусамъ 3-й арміи были даны въ дополненіе и измѣненіе диспозиціи по 3-й арміи на 25-е февраля, когда стало извѣстно о прорывѣ японцевъ у Кіузана.

5) Почему части 61-й дивизіи не были собраны на Мандаринской дорогѣ, напримѣръ у Тава. Были ли командиромъ 5-го сибирскаго корпуса, получившимъ отъ меня задачу начальствовать войсками у Тава, приняты какія либо мѣры притянуть для участія въ оборонѣ позиціи у Тава части войскъ ввѣреннаго ему корпуса.

6) Какія приказанія были даны на 26-е февраля полкамъ 61-й дивизіи и почему они прослѣдовали въ Тѣлинъ вмѣсто того, чтобы быть собранными гдѣ либо въ окрестностяхъ сел. Плу.

7) Какія мѣры были приняты начальникомъ 61-й дивизіи, чтобы не прерывать связи въ дѣйствіяхъ съ войсками 3-й пѣх. дивизіи.

8) Какія мѣры были приняты командующимъ 17-мъ армейскимъ корпусомъ, чтобы установить и поддержать связь съ войсками 6-го сибирскаго корпуса. Посылка для сего одного разъѣзда, распоряженіемъ командующаго 3 пѣх. дивизіею, которому не удалось установить эту связь, конечно, не достаточна.

9) Какія мѣры были приняты командующимъ 17-мъ корпусомъ, чтобы поддерживать связь между 35-й и 3-й пѣх. дивизіями и возстановить таковую, когда она была потеряна.

10) Какія мѣры были приняты командующимъ 17-мъ корпусомъ для поддержанія связи съ 6-мъ сибирскимъ корпусомъ.

11) Изъ реляціи генералъ-лейтенанта Селива-

нова видно, что онъ прибылъ въ Таву къ 5 час. пополудни и, передавъ войска ввѣреннаго ему корпуса въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Дембовскаго, отправился выполнять возложенное на него порученіе командовать войсками, собираемыми у Пухэ.

Между тѣмъ изъ реляціи генералъ-лейтенанта Дембовскаго видно, что онъ уже въ 4 часа пополудни началъ отступленіе съ позиціи у Тава, причемъ отступленіе было начато уже послѣ того, какъ отступили части 17-го корпуса; въ реляціи генералъ-лейтенанта Дембовскаго не упоминается о вступленіи въ командованіе войсками 17-го армейскаго корпуса [1]).

Появленіе частей Псковскаго полка въ окрестностяхъ Пухэ, уже въ началѣ седьмого часа, указываетъ, что части 17-го корпуса, повидимому, не задерживаясь у Тава, продолжали быстро движеніе на сѣверъ и могли въ дѣйствіяхъ у Пухэ 25-го вечеромъ и 26-го утромъ продолжать оставаться въ рукахъ своего доблестнаго командира корпуса.

12) Почему части войскъ, собранныя по приказанію командующаго 3-й арміею у Кученцзы, не приняли участія въ дѣйствіяхъ противъ Пухэ.

13) Какія мѣры были приняты генералъ-лейтенантомъ Селивановымъ, чтобы собрать 26-го февраля части 17-го корпуса у Плу.

14) Почему двѣ батареи 3-й артиллерійской бригады 25-го февраля, занимая весьма важную позицію, снялись съ нея уже въ $10^1/_2$ час. утра, бросили пѣхоту и ушли на сѣверъ, не только не получивъ на то приказанія генералъ-маіора Орлова, но даже не увѣдомивъ Орлова о своемъ уходѣ.

[1]) Повидимому, генералъ Селивановъ прибылъ въ Таву не въ 5 час. дня, а раньше.

Прошу также сообщить для заключенія въ мой отчетъ Государю, какое наказаніе наложено на этихъ батарейныхъ командировъ и находятся ли они еще во главѣ батарей. Пишу объ этомъ, ибо мы обнаруживаемъ въ подобныхъ случаяхъ такую слабость, что не только не предаемъ виновныхъ позору, но, когда первое неудовольствіе на дѣйствія подобныхъ начальниковъ проходитъ,—представляемъ ихъ даже къ наградамъ.

15) Какія мѣры были приняты генералъ-маіоромъ Орловымъ, чтобы не разрывать связи съ 35 пѣх. дивизіею, а когда таковая порвалась, то для возстановленія ея.

16) Какія мѣры были приняты генералъ-маіоромъ Орловымъ для поддержанія связи съ 61 дивизіею.

17) Дѣйствительно ли, какъ значится въ реляціи генералъ-маіора Орлова, начальникъ штаба 3 маньчжурской арміи совѣтовалъ генералъ-маіору Орлову пробиваться съ полками 3 пѣх. дивизіи на востокъ.

18) По прибытіи къ разъѣзду № 97 генералъ-маіоръ Орловъ считаетъ, что въ полкахъ 9 и 10 осталось не болѣе 150 — 200 челов. въ каждомъ; такъ какъ потери убитыми, раненными и безъ вѣсти пропавшими далеко не были такъ значительны, чтобы довести полкъ до такого состава, то приходится заключить, что на каждаго изъ молодцовъ, оставшихся въ строю, ушло въ тылъ здоровыхъ и способныхъ къ бою отъ 8 до 12 человѣкъ. Оставайся всѣ эти чины въ строю, полки 9 и 10 имѣли бы составъ около 2000 чел. каждый и могли бы выполнить болѣе успѣшно выпавшую на ихъ долю боевую задачу.

Какія мѣры были приняты въ 3 дивизіи, и вообще въ 3 арміи, чтобы здоровые нижніе чины не покидали рядовъ массами, оставляя на своихъ болѣе

мужественныхъ, чѣмъ они, товарищей выполненіе задачъ, которыя по ихъ малочисленности уже становились трудно или вовсе невыполнимыми.

Удержи генералъ-маіоръ Орловъ въ рядахъ 9 и 10 полковъ въ теченіе 25 февраля всѣхъ способныхъ къ бою, онъ, располагая 10 баталіонами, могъ удерживать натискъ японской дивизіи. Между тѣмъ, съ оставленіемъ рядовъ массою нижнихъ чиновъ, располагая въ двухъ полкахъ 300 — 400 бойцами, для него борьба даже противъ одного японскаго полнаго состава баталіона становилась затруднительною.

Останавливаюсь на этомъ фактѣ особо подробно, ибо нахожу, что оставленіе рядовъ въ нашихъ войскахъ, подъ предлогомъ выноса раненыхъ или вовсе безъ предлога, составляетъ одну изъ главныхъ причинъ нашихъ неудачъ [1]).

19) Дѣйствительно ли генералъ-маіоръ Орловъ не получилъ никакихъ приказаній о дѣйствіяхъ на 26-е февраля.

20) Былъ ли генералъ Соболевъ уполномоченъ командующимъ 3 арміею передавать 25 февраля въ „непосредственное“ распоряженіе войска 6 сибирскаго корпуса, генералу Мейендорфу.

21) Имѣются ли какія либо донесенія генерала Соболева о томъ, что имъ такая передача была произведена, ибо начальство 1 армейскаго корпуса отвергаетъ это.

22) Такъ какъ, даже передавая войска 6-го корпуса въ распоряженіе командира 1 армейскаго кор-

---

[1]) Самою главною причиною нашихъ неудачъ въ войнѣ было неумѣнье Куропаткина управлять массами войскъ на театрѣ войны, особенно въ бою. Своимъ вмѣшательствомъ во всѣ мелочи, недовѣріемъ къ генераламъ и лишеніемъ ихъ всякой инициативы Куропаткинъ достигъ того, что въ бояхъ подъ Мукденомъ водворился невообразимый хаосъ.

Л. Соболевъ.

пуса, генералъ Соболевъ не имѣлъ права устранять [1]) себя отъ командованія сими войсками, то необходимо выяснить: какія мѣры генераломъ Соболевымъ были приняты, когда ему стало извѣстно, что японцы прорвали Хуньхэ близь Кіузана и 1-й армейскій корпусъ занялъ своими обозами и артиллеріей назначенный для 6 сибирскаго корпуса тыловой путь.

23) Какія мѣры были приняты генераломъ Соболевымъ, чтобы поддержать связь съ 17 армейскимъ корпусомъ и оказывать ему содѣйствіе.

24) Почему генералъ Соболевъ, подчинивъ себя генералу Мейендорфу, уѣхалъ ранѣе его изъ Хоулина [2]) и при томъ не по пути движенія частей 55 дивизіи, слѣдовавшихъ восточнѣе Мандаринской дороги, а прямо на Тава.

25) Изъ реляціи генерала Соболева совершенно не видно, какія распоряженія онъ дѣлалъ по направленію дѣйствій полковъ 55-й дивизіи. Начальство 1-го армейскаго корпуса, отвергая самый фактъ

---

[1]) Это ни на чемъ не основанная неправда. На страницѣ 449 тома 3 своего отчета Куропаткинъ говоритъ: „Около 6½ час. утра колонна 6 сиб. корпуса, подъ начальствомъ командующаго 55 дивизіею г.-м. Лайминга, подходила къ Хоулину. По просьбѣ генералъ-адъютанта Мейендорфа командиръ 6 сиб. корпуса отправилъ, для подкрѣпленія лѣваго фланга отряда г.-м. Шилейки, 7 ротъ Епифанскаго полка подъ начальствомъ подполковника Эфирова". Я со штабомъ прибылъ въ Хоулинъ въ 3 часа ночи и заявилъ, что подчиняюсь со своими войсками на полѣ битвы барону Мейендорфу, какъ старшему. Оставался я въ бою до самаго начала отступленія отряда. Для чего собственно сочинилъ Куропаткинъ басню о томъ, что я будто устранилъ себя отъ начальствованія моими войсками? Самъ же онъ и опровергаетъ эту басню.

[2]) Я выѣхалъ ранѣе генералъ-адъютанта Мейендорфа на четверть часа и тогда, когда войскамъ приказано было отступать. Баронъ Мейендорфъ выѣхалъ вслѣдъ за мною. Не думаетъ ли Куропаткинъ, что корпусные командиры, и безъ того пробывшіе всю ночь подъ перекрестнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, были обязаны оставаться въ Хоулинѣ и тогда, когда войска стали очищать позиціи?

Оставивъ Хоулинъ, я именно ѣхалъ по пути слѣдованія войскъ 55-й дивизіи.

Л. Соболевъ.

передачи генералу барону Мейендорфу въ непосредственное распоряженіе 55-й дивизіи, тоже распоряженій по направленію дѣйствій 55-й дивизіи не дѣлало. Слѣдуетъ ли изъ сего придти къ заключенію, что части 55-й дивизіи въ своихъ дѣйствіяхъ не были руководимы ни генераломъ Соболевымъ, ни генераломъ Мейендорфомъ.

26) Почему генералъ Соболевъ не воспользовался полученнымъ, по его же словамъ, отъ меня на ст. Спитайцзы разрѣшеніемъ собрать части корпуса и, имѣя возможность сосредоточить у Илу 24—26 баталіоновъ 6-го корпуса [1]), не сдѣлалъ этого и не помогъ командующему 3-й арміей собрать у Илу достаточныя силы, чтобы держаться до утра 27-го февраля.

27) Въ своей реляціи генералъ Соболевъ упоминаетъ о принятыхъ имъ мѣрахъ къ спасенію 4-хъ орудій 6-й артиллерійской бригады. Между тѣмъ, по докладу мнѣ чиновъ 1-го армейскаго корпуса, двѣ батареи 6-й артиллерійской бригады были утромъ 25-го февраля брошены недалеко отъ Хоулина прислугою, что часть лошадей была выпряжена. Для спасенія этихъ орудій генералъ баронъ Мейендорфъ послалъ конно-охотничью команду Вильманстрандскаго полка и орудія были спасены и доставлены къ желѣзной дорогѣ и частью увезены по желѣзной дорогѣ въ Харбинъ. Въ сдачѣ орудій на желѣзную дорогу были взяты росписки [2]). Повидимому, объ этихъ батареяхъ, не зная объ ихъ спасеніи, и докладывалъ мнѣ генералъ Соболевъ. Во всякомъ

---

[1]) Мнѣ докладывали, что одинъ офицеръ, видя свое безсиліе остановить нижнихъ чиновъ батареи, бросившихъ орудія,—застрѣлился.

[2]) Выше было объяснено, почему это фантастическое соображеніе Куропаткина не могло имѣть мѣста.

Л. Соболевъ.

случаѣ фактъ этотъ столь серьезной важности, что мнѣ представляется необходимымъ или опровергнуть тяжелое обвиненіе на чиновъ 6-й артиллерійской бригады, или найти виновныхъ и строго взыскать съ нихъ.

28) Почему генералъ Дембовскій не могъ болѣе упорно отстаивать позиціи у Тава, имѣя мое разрѣшеніе, привлекать къ оборонѣ сихъ позицій проходящія въ окрестностяхъ Тава части.

29) Какія мѣры были приняты командующимъ 3-й маньчжурскою арміею для организаціи обороны весьма важныхъ позицій у Тава и Пухэ, лежащихъ на пути, назначенномъ для отступленія частей 3-й арміи.

30) Какія мѣры были приняты командующимъ 3-ю маньчжурскою арміею, чтобы собрать достаточныя силы у с. Илу, дабы дать отпоръ японцамъ еще утромъ 27-го февраля. Почему позиція у Илу была оставлена еще въ 4 часа пополудни 26-го февраля, когда японцы не атаковали насъ.

31) Выяснены ли въ войскахъ арміи причины потерь орудій, зарядныхъ ящиковъ и значительнаго числа обозовъ и были ли виновные привлечены къ отвѣтственности.

32) Въ реляціяхъ частей войска 3-й арміи почти вовсе не упоминается о дѣйствіяхъ 25-го февраля охотничьихъ командъ. Въ чемъ заключались ихъ дѣйствія. Были ли эти дѣйствія полезны и въ чемъ именно.

33) Какимъ путемъ приказъ по 6-му сибирскому корпусу отъ 13-го марта № 33 съ надписью „не подлежитъ оглашенію“, въ которомъ въ хвалебномъ духѣ описывается дѣятельность войскъ 6-го сибирскаго корпуса и дѣятельность самого генерала Со-

болева, опявился въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1-го мая сего года (№ 94).

Въ заключеніе обращаюсь къ Вамъ, многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ: не признаете ли Вы возможнымъ высказать Ваше мнѣніе о дѣйствіяхъ войскъ 3-й маньчжурской арміи 25-го февраля и заключеніе по возбужденнымъ мною выше вопросамъ.

Такое авторитетное, безпристрастное мнѣніе опытнаго начальника и не участника боевъ позволитъ и мнѣ о дѣйствіяхъ въ бою подъ Мукденомъ начальствующихъ лицъ и частей войскъ 3-й маньчжурской арміи возможно справедливо донести Верховному Вождю русской арміи, Государю Императору.

Прошу принять увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и преданности.

Подпись: А. Куропаткинъ.

Приложеніе 4-е.

В. секретно.

Для установленія отвѣтственности командующихъ арміями, командировъ корпусовъ, начальниковъ штабовъ армій, начальниковъ дивизій, а также войскъ за исходъ Мукденской операціи, бывшій главнокомандующій сдѣлалъ многочисленные запросы.

Въ письмѣ отъ 18 іюля за № 165 онъ просилъ командующаго 3-й маньчжурской арміей генерала-отъ-инфантеріи Батьянова потребовать объясненія отъ начальниковъ войскъ арміи о ихъ дѣйствіяхъ 25 февраля, въ теченіе послѣдняго дня памятной операціи.

Объясненія мои заключаются въ слѣдующемъ:

Въ письмѣ № 165 сказано:

„Если-бы участокъ между Эртайцзы и Хоулиномъ прикрывался войсками 6-го сибирскаго корпуса,

14 батальонами, то наше положеніе было-бы весьма сильнымъ и прорыва противника къ Тавѣ не былобы. Отсутствіе руководства частями 55 дивизіи повело къ преждевременному отходу ея на сѣверо-западъ, причемъ образовался промежутокъ между расположеніемъ 17 корпуса и правымъ флангомъ 1 арм. корпуса у Фулина".

Эта часть письма, очевидно, основана на недоразумѣніи и нисколько не отвѣчаетъ тому, что происходило на самомъ дѣлѣ.

Ген.-адъютантъ Куропаткинъ самъ опровергаетъ это на слѣдующей-же страницѣ письма, гдѣ говоритъ: „постепенно удлиняя лѣвый флангъ, полки 35 дивизіи къ 4 часамъ пополудни заняли тонкою линіею участокъ Юлинпу—Тава, гдѣ примыкали къ войскамъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Дембовскаго, защищавшаго Таву". И далѣе черезъ нѣсколько строкъ: „Въ донесеніи генералъ-лейтенанта Селиванова значится, что онъ въ 5 часовъ пополудни прибылъ къ Тава, гдѣ черезъ генералъ-лейтенанта Дембовскаго получилъ мое приказаніе передать всѣ войска 17 корпуса въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Дембовскаго, а самому отправиться въ Пухэ, гдѣ принять командованіе надъ всѣми войсками, прикрывавшими выходъ съ перевала Ленхуачи къ Пухэ, если тамъ не окажется командующаго арміею".

Въ реляціи генералъ-лейтенанта Дембовскаго сказано: „Въ д. Тава, гдѣ столпилась масса обозовъ всевозможныхъ частей, я получилъ въ 1 часъ дня черезъ генералъ-маіора графа Бобринскаго, а затѣмъ черезъ генер. штаба подполковника Абрамова приказаніе главнокомандующаго брать подъ свою команду всѣ проходящія части и выдвинуть ихъ къ востоку для прикрытія Мандаринской дороги на высотѣ Тава отъ непріятеля, появившагося на высо-

тахъ Эртайцзы, Кандагоу и своимъ артиллерійскимъ огнемъ производившаго большой безпорядокъ среди обозовъ. Во исполненіе сего приказанія я немедленно двинулъ баталіонъ Семипалатинскаго полка къ востоку, а 5 батарея 3-й артиллер. бригады заняла позицію противъ батареи противника, расположившейся восточнѣе д. Сяодягоу и обстрѣливавшей дорогу, ведущую съ юга къ д. Тава, самую д. Тава и дорогу въ высмкѣ отъ этой деревни къ д. Пьяндянтунь. По Мандаринской дорогѣ стали послѣдовательно проходить: баталіонъ 220 п. Епифанскаго полка, баталіонъ 11 п. Псковскаго полка, два баталіона Томскаго полка, 5-я батарея 6 артиллер. бригады".

Замѣчу, что о задержаніи на позиціи Тава баталіона 220 п. Епифанскаго полка и 5 батареи 6 арт. бригады, принадлежащихъ къ составу 6 сибирскаго корпуса, никто мнѣ ничего не сообщилъ. Кромѣ того, какъ это сказано на 30 стр. моей записки отъ 31 прошлаго іюля, баталіонъ 218 п. Борисоглѣбскаго полка, бывшій подъ командою подполковника Старова, при своемъ отходѣ, у с. Тава былъ остановленъ командиромъ 11 п. Псковскаго полка, передавшимъ приказаніе главнокомандующаго остаться на этой позиціи, такъ что начальникъ 55 дивизіи, генералъ-лейтенантъ Лайминтъ, говоря о дѣйствіяхъ 218 Борисоглѣбскаго полка, былъ правъ, замѣтивъ въ своей реляціи, что этотъ полкъ былъ разбитъ по частямъ „вслѣдствіе приказаній различныхъ начальниковъ, задерживавшихъ полкъ по частямъ при себѣ, для поддержанія своихъ частей".

Въ журналѣ военныхъ дѣйствій штаба главнокомандующаго, относительно дѣятельности генералъ-лейтенанта Дембовскаго у Тава, какъ это сказано въ письмѣ № 165, изложено слѣдующее: „Въ пер-

вомъ часу пополудни главнокомандующій направилъ генералъ-лейтенанту Дембовскому, остановившемуся въ Тава для пропуска войскъ своего корпуса, слѣдующія приказанія:

„1) Противникъ появился съ востока на высотахъ Эртайцзы—Куандагоу. Всѣмъ находящимся въ Тавѣ частямъ корпуса преградить движеніе противника и отбросить его къ востоку. Удерживайте позицію Тава—Цаудягоу и

2) Заставьте по возможности скоро замолчать артиллерію противника, обстрѣливающую Мандаринскую дорогу. Противникъ 2 орудіями производитъ громадное моральное вліяніе на отходящія войска. Собирайте и устраивайте".

Послѣ этого бывшій главнокомандующій послалъ генералъ-лейтенанту Дембовскому слѣдующее дополнительное приказаніе: „Возлагаю на васъ организацію обороны Мандаринской дороги по обѣ стороны ея отъ Мадьягуна до Цаудягоу на высотѣ Тава. Задерживайте для этой важной цѣли всѣ необходимыя вамъ войска, слѣдующія по Мандаринской дорогѣ. Вамъ же подчиняется и генералъ Селивановъ съ полками 17 арм. корпуса. Очень важно сдѣлать это быстро и энергично. Обезпечьте вашъ лѣвый флангъ, выдвинувшись возможно далѣе къ юго-востоку".

Я до сихъ поръ недоумѣваю, на основаніи какихъ данныхъ бывшій главнокомандующій обвиняетъ 55 п. дивизію въ прорывѣ японцевъ нашего расположенія у Тавы. Изъ приведенныхъ выписокъ письма его за № 165, не подлежащихъ никакому сомнѣнію, видно, что онъ назначилъ особое лицо, именно командира 5-го Сибирскаго корпуса, для защиты позиціи у Тава. Войска, бывшія подъ командою генералъ-лей-

тенанта Дембовскаго, начали очищать позицію передъ наступленіемъ сумерекъ.

Такимъ образомъ отвѣтственность за очищеніе этихъ позицій, около которыхъ произошла ночью страшная катастрофа, никоимъ образомъ не можетъ быть возложена на войска, которыя исполнили свой долгъ до конца.

Въ моей запискѣ отъ 31 прошлаго іюля приведены точныя, не подлежащія сомнѣнію данныя, что никакого прорыва японцами нашего расположенія у Тавы не было. Когда позиція была очищена отрядомъ генералъ-лейтенанта Дембовскаго, то естественно она была занята японцами. Генералъ-лейтенантъ Дембовскій, конечно, не зналъ подробностей отступательной операціи нашего праваго крыла, каковыми лично руководилъ бывшій главнокомандующій, и никто не могъ предвидѣть, что это руководство могло привести къ потерѣ ночью цѣлыхъ полковъ, геройски павшихъ въ неравномъ бою, спасая честь русскаго оружія.

Считаю нужнымъ замѣтить, что хотя между 17 армейскимъ и 6 Сибирскимъ корпусами, утромъ 25 февраля, вслѣдствіе ихъ расходящагося движенія, образовался естественно промежутокъ въ 11 верстъ, лишь частью заполненный войсками 55 дивизіи, но японцы не сумѣли воспользоваться этимъ благопріятнымъ для нихъ обстоятельствомъ и не заполнили его своими войсками. Они лишь производили тактическіе обходы, направляя небольшія части во флангъ 17 корпуса. Если бы они ввели въ этотъ промежутокъ большія силы, а сдѣлать это они могли, и двинули бы ихъ въ разрѣзъ 17 армейскаго и 6 Сибирскаго корпусовъ, то при наличности прорыва черезъ Хуньхэ у Кіузана они могли бы отрѣзать 1-й армейскій и 6 Сибирскій корпуса, какъ отъ 3-й

арміи, такъ и отъ 1-й арміи, и корпуса эти были-бы принуждены пробиваться.

Въ письмѣ за № 165 сказано: „ Для правильной оцѣнки дѣйствій въ особенности 55 п. дивизіи и командира 6 Сибирскаго корпуса генерала Соболева, необходимо имѣть въ виду, что части арріергарда генерала Мылова изъ состава 54 п. дивизіи еще 27 февраля утромъ продолжали бой на линіи р. Илу, гдѣ мы потеряли убитымъ доблестнаго командира Мокшанскаго полка полковника Побыванца, когда генералъ Соболевъ и части 55 дивизіи уже (преждевременно) прибыли въ Тѣлинъ. Прибытіе части 55 дивизіи еще 26 февраля было тѣмъ болѣе преждевременно, что генералъ баронъ Вильдерлингъ, согласно присланнаго мнѣ донесенія отъ 26 февраля, имѣлъ намѣреніе собрать у Илу 16 баталіоновъ и держаться съ ними до утра 27 февраля. Въ дѣйствительности собранныя у Илу части, безъ особаго давленія на нихъ со стороны противника, отступили отъ Илу еще 26 февраля около 4 часовъ пополудни“.

Бывшій главнокомандующій, которому я представлялся въ 7 час. утра 26 февраля въ поѣздѣ, стоявшемъ на станціи Синтайцзы, расположенной въ 4 верстахъ къ западу отъ Илу, ни слова мнѣ не сказалъ о необходимости сосредоточить войска на позиціи у Илу и оборонять эту позицію. Онъ мнѣ сказалъ, что мы будемъ обороняться на грандіозной, имъ созданной, у Тѣлина позиціи. Если-бы въ то время у него была мысль объ оборонѣ Илу, то вопросъ разрѣшался бы очень просто: стоило лишь отдать приказаніе. Впрочемъ, я долженъ замѣтить, что если бы я получилъ такое приказаніе, то врядъ ли былъ могъ собрать всѣ 13—14 баталіоновъ 55 дивизіи, которыми располагалъ въ ночь съ 24

на 25 февраля, такъ какъ часть этихъ баталіоновъ безъ моего вѣдома, именемъ бывшаго главнокомандующаго, была задержана у Тавы, гдѣ поступила подъ начальство генералъ-лейтенанта Дембовскаго и вышла изъ подъ непосредственнаго командованія начальника 55 п. дивизіи. Ни генералъ-лейтенантъ Дембовскій, ни генералъ-квартирмейстерская часть главнокомандующаго, которая, вѣроятно, знала о приказаніяхъ, отдаваемыхъ этимъ послѣднимъ, ничего не сообщили мнѣ объ этой важной мѣрѣ.

Я уѣхалъ въ селеніе Сингайцзы, расположенное въ 4 вер. къ сѣверо-востоку отъ станціи и въ 3 верстахъ къ сѣверу отъ с. Илу, гдѣ оставался цѣлый день 26 числа до наступленія темноты, направляя войска и обозы въ Тѣлинъ, и гдѣ не получилъ никакого приказанія, касающагося занятія и обороны позиціи у Илу. Около 6 часовъ вечера мимо меня проѣхалъ командовавшій 3 арміею со штабомъ арміи. Въ это время шимозы разрывались отъ насъ въ разстояніи 200 саженей.

Въ письмѣ за № 165 говорится: „Въ реляціи 6 Сибирскаго корпуса генерала Соболева о дѣйствіяхъ 55 дивизіи, оставшейся подъ его непосредственнымъ начальствомъ, изложено весьма мало и неясно. Значится, что направленіе движенія для 55 дивизіи назначено восточнѣе Мандаринской дороги къ с. Ленхуачи, но не изложено, какія были приняты мѣры, дабы войска 55 дивизіи выполнили это приказаніе, когда стало извѣстнымъ, что противникъ еще 24 февраля прорвался у Кіузана черезъ Хуньхэ“.

Бывшій главнокомандующій говоритъ, что въ реляціи 6 Сибирскаго корпуса относительно 55 пѣх. дивизіи изложено весьма мало. По моему мнѣнію— достаточно, особенно въ виду того, что имѣется реляція начальника дивизіи, который собственно и

командовалъ непосредственно дивизіею. Онъ говоритъ, что реляція эта изложена не ясно. Въ ней изложено все то, что мнѣ было извѣстно и что я нашелъ нужнымъ помѣстить; но многое мнѣ не было извѣстнымъ. Такъ, распоряженіе бывшаго главнокомандующаго о задержаніи на походѣ всѣхъ частей, проходившихъ черезъ Таву 25 февраля, мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ лишь изъ письма отъ 18 іюля № 165.

Точно также я многое уже впослѣдствіи узналъ о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя отдавались относительно частей 72 дивизіи. Корпусъ, ввѣренный моему командованію, былъ во время Мукденскихъ боевъ разбитъ по всей линіи, начиная отъ позиціи генерала Ренненкампфа и включая позиціи 2-й арміи, и находился во всѣхъ трехъ арміяхъ, причемъ части 72 дивизіи переходили изъ рукъ въ руки по нѣсколько разъ въ день и въ концѣ концовъ были предоставлены самимъ себѣ. Это значится въ официальномъ документѣ, въ реляціи начальника дивизіи, и потому не подлежитъ сомнѣнію.

Въ письмѣ задается вопросъ о томъ, какія были приняты мѣры, дабы войска имѣли ночлегъ въ с. Ленхуачи, когда стало извѣстно, что противникъ еще 24 февраля прорвался у Кіузана черезъ Хуньхэ.

Въ моей запискѣ отъ 31 іюля подробно описаны дѣйствія 55 дивизіи за 25 февраля. Изъ нея видно, что дивизія выдержала бой у Хоулина совмѣстно съ войсками, бывшими подъ командою генералъ-адъютанта барона Мейендорфа. По окончаніи боя часть дивизіи подъ личнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лайминга, согласно диспозиціи, направилась на с. Ленхуачи, но оказалось, что это селеніе было уже занято японцами. Расположиться на ноч-

легъ, какъ это предписывалось диспозиціею, при подобныхъ обстоятельствахъ, было затруднительно.

Въ письмѣ за № 165 сказано: „Епифанскій полкъ: $2^1/_2$ баталіона приняли участіе въ защитѣ Сясюйчена послѣ отхода новочеркасцевъ, затѣмъ подъ напоромъ противника вышли на Мандаринскую дорогу южнѣе Тавы, здѣсь нѣкоторое время постояли рядомъ съ Моршанскимъ полкомъ, а затѣмъ еще до полудня ушли на сѣверо-западъ къ желѣзной дорогѣ".

Въ письмѣ сказано, что это будто взято изъ реляціи начальника 55 дивизіи, что совершенно расходится съ истиной. Въ реляціи этого нѣтъ; но въ ней сказано, что о дѣйствіяхъ двухъ баталіоновъ Епифанскаго полка прилагается описаніе. Составитель письма № 165, вѣроятно, не прочелъ этого приложенія, ибо свѣдѣнія, включенныя въ письмо, ничего общаго съ описаніемъ не имѣютъ.

Доблестныя дѣйствія Епифанцевъ, всѣмъ извѣстныя, должны были бы побудить къ болѣе внимательному отношенію къ этой, во всѣхъ отношеніяхъ, замѣчательной операціи полка.

Въ моей запискѣ отъ 31 прошлаго іюля изложена достаточно подробно эта операція. Замѣчу, что подполк. Ефировъ вышелъ не южнѣе Тава, а сѣвернѣе, къ с. Сапва, какъ это значится на стр. 42-й моей записки отъ 31 іюля.

Составитель справки не постѣснился выдумать ее съ цѣлью, быть можетъ, поддѣлаться подъ общій тонъ обвинительнаго письма. Онъ даже не отдалъ себѣ отчета въ важномъ значеніи, при описаніи военныхъ дѣйствій, элемента времени. Онъ говоритъ, что епифанцы постояли нѣкоторое время рядомъ съ моршанцами и ушли еще до наступленія полудня на сѣверо-западъ.

Ничего похожаго на это нельзя встрѣтить въ

томъ документѣ, который былъ въ рукахъ составителя справки.

Въ описаніи дѣйствій 2-хъ баталіоновъ 220 Епифанскаго полка, бывшаго въ составѣ 7 ротъ, приложеннаго къ реляціи начальника 55 дивизіи, сказано, что около часа дня 22 февраля начальникъ отряда, подполковникъ Ефировъ, рѣшился отойти на 6 позицію. Засимъ занята была 7 позиція, послѣ чего занята 8-я, на которой отрядъ простоялъ не болѣе получаса. Перейдя на 9-ю позицію, отрядъ задержался на ней тоже около получаса. На 10-й позиціи отрядъ расположился на болѣе продолжительное время. Послѣ сего была занята 11 позиція, послѣдняя до выхода на Мандаринскую дорогу.

Если къ основному времени прибавить время стоянки на 8 и 9 позиціяхъ, а также приблизительное время стоянки на 10-й и вычислить по картѣ время перехода съ позиціи на позицію, то несомнѣнно обнаружилось бы, что временемъ выхода отряда Епифанцевъ къ с. Санва не могло быть полднемъ того же дня.

Моему пониманію не поддается такой способъ составленія запросовъ, касающихся дѣйствій войскъ. Придерживаясь такого пріема, можно вѣдь съ одинаковою степенью достовѣрности сказать, что отрядъ прибылъ въ с. Санва не 25 февраля, а 24 числа.

Составитель справки, вѣроятно, имѣлъ подъ рукою реляціи начальника 35 пѣх. дивизіи о бояхъ 25 февраля. Въ этой реляціи говорится, что одинъ баталіонъ 137 полка и баталіонъ 139 Моршанскаго полка были расположены къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Тава. Слѣдовательно лѣвый флангъ позиціи 35 дивизіи былъ занятъ баталіономъ Мор-

шанскаго полка. Отрядъ подполковника Ефирова, по словамъ письма, вышелъ южнѣе Тавы; изъ словъ же письма видно также, что онъ вышелъ сѣвернѣе Тавы; въ дѣйствительности онъ вышелъ на с. Санва, какъ это значится въ описаніи военныхъ дѣйствій 1 армейскаго корпуса.

Въ письмѣ № 165 говорится слѣдующее: „Вмѣсто сихъ распоряженій генералъ Соболевъ призналъ, встрѣтившись въ Хоулинѣ съ ген. Мейендорфомъ, соотвѣтственнымъ исполнить слѣдующее: „Ознакомившись съ обстановкою, я доложилъ генералъ-адъютанту барону Мейендорфу, какъ старшему на полѣ сраженія, о томъ, что передаю въ его непосредственное командованіе мои войска". Другими словами, генералъ Соболевъ, безъ разрѣшенія командующаго 3-й арміею и, сколько мнѣ извѣстно, безъ увѣдомленія его объ этомъ, сложилъ съ себя командованіе 55 дивизіею, предоставивъ генералу Мейендорфу „непосредственное" распоряженіе частями дивизіи".

Въ моей запискѣ отъ 31 прошлаго іюля я подробно выяснилъ обстановку 25 февраля, сложившуюся подъ Хоулиномъ.

Я поступилъ 25 февраля такъ, какъ долженъ былъ-бы поступить всякій, понимающій значеніе воинскаго духа и желающій успѣха нашей доблестной арміи. Такъ, по крайней мѣрѣ, я смѣю думать.

Ст. 4-я Устава полевой службы гласитъ: „При соединеніи для совмѣстныхъ дѣйствій нѣсколькихъ отрядовъ старшій начальникъ обязанъ принять на на себя общую команду, не ожидая на то особыхъ приказаній".

Вотъ на основаніи этого постановленія Устава

я и подчинился генералъ-адъютанту барону Мейендорфу съ своими войсками на время боя.

Разрѣшенія для сего я не обязанъ былъ и спрашивать, да и не могъ этого сдѣлать за отдаленностью мѣстопребыванія штаба арміи.

Въ письмѣ за № 165 говорится: „Несомнѣнно только то, что полки 55 дивизіи не вели нигдѣ 25 февраля сколько нибудь упорнаго боя и понесли въ этотъ день весьма незначительныя потери. Дѣйствія получились разрозненныя и мало полезныя".

И это замѣчаніе совершенно не отвѣчаетъ истинѣ и сдѣлано, повидимому, лишь потому, что составитель не потрудился внимательно ознакомиться съ соотвѣтственными документами.

Въ моей запискѣ отъ 31 прошлаго іюля въ точности, на основаніи документовъ, выяснено, что отрядъ подполковника Эфирова велъ упорный бой въ теченіе почти 12 часовъ времени и понесъ большія потери, причемъ Епифанцы потеряли ранеными и контуженными 6 офицеровъ и нижнихъ чиновъ—600, изъ коихъ 52 убитыми, а было всего 7 ротъ, т. е. потери были свыше 50% наличнаго состава.

Отрядъ Епифанцевъ, занимая послѣдовательно 11 позицій, своими дѣйствіями прикрылъ спокойный отходъ обозовъ корпусовъ: 1 армейск., 6 сибирскаго, 4 сибирскаго и части 16 корпуса и далъ возможность войскамъ, безъ особыхъ потерь, совершить маршъ до Мандаринской дороги. Дѣйствія этого отряда несомнѣнно принесли большую пользу. Хоулинскій же бой далъ возможность отступить 3-й арміи безъ особыхъ потерь и убрать многочисленные обозы въ тылъ.

Я полагаю, что Хоулинскій бой и дѣйствія отрядовъ Епифанцевъ принадлежатъ къ числу наибо-

лѣе успѣшныхъ частныхъ операцій мукденскихъ боевъ, и это, конечно, точно будетъ установлено исторіею, когда выяснятся всѣ обстоятельства этихъ боевъ.

Письмо вдается въ обсужденіе вопроса о возможности сосредоточить у Тавы отрядъ силою до 40 баталіоновъ. „Получилась-бы при отходѣ къ Тавѣ“, говоритъ письмо № 165, „сила свыше 40 баталіоновъ, которые могли-бы держаться впереди Тавы и у Эртхайцзы до прохода всѣхъ частей 2-й маньчжурской арміи“.

Конечно, это было-бы хорошо; но для этого требовалось точное приказаніе бывшаго главнокомандующаго, чего не было сдѣлано; требовалось соотвѣтственное измѣненіе или дополненіе директивы, данной на 25 февраля.

Это обстоятельство можно считать одною изъ причинъ той катастрофы, которая произошла ночью 25 февраля близъ Тавы, и въ этомъ, конечно, ничуть не повинна 55 дивизія. Выше уже было сказано, что бывшій главнокомандующій назначилъ отвѣтственное лицо по оборонѣ позиціи у Тавы, не давъ, однако, ему точныхъ указаній, не опредѣливъ времени, до котораго эта позиція должна была быть удерживаема, и не указавъ вовсе на тѣ условія, при которыхъ можно было очистить позицію.

Я не знаю, было-ли дано распоряженіе командующему 3-й арміей о сосредоточеніи подъ Тавой 40 баталіоновъ. Лично я ни отъ кого не получалъ ни одного намека на образованіе такого отряда, а въ составъ этого отряда предположено было включить 55 пѣхотную дивизію.

По директивѣ, которая сохраняла обязательную силу все 25 февраля, на 3-ю армію возложена была, какъ это будетъ выяснено далѣе, пассивная за-

дача, а на 2-ю активная—прикрывать отступленіе 3-й арміи отъ ударовъ противника съ запада. Слѣдовательно, 2-я армія должна была равняться по 3-й, а не послѣдняя по 2-й.

Вышеизложенное соображеніе по вопросу о возможности сосредоточенія у Тавы 40 баталіоновъ совершенно должно было измѣнить роль 3-й арміи. Удержаніе этой арміей линіи Эртайцзы — Тава до прохода всѣхъ частей 2-й арміи вовсе не было указано въ директивѣ, данной на 25 февраля, а также ни въ одномъ изъ мнѣ извѣстныхъ приказаній. Относительно обороны позиціи у Тава, какъ это было выяснено выше, даны были 25 февр. особыя указанія генералъ-лейтенанту Дембовскому, не сообщенныя даже для свѣдѣнія, кому слѣдуетъ, и можно полагать, что соображеніе о сосредоточеніи 40 баталіоновъ у Тавы явилось у бывшаго главнокомандующаго послѣ того, какъ стала извѣстна ночная катастрофа.

Въ письмѣ за № 165 сказано: „Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, неудачныя дѣйствія 55 пѣхотной дивизіи, вовсе, повидимому, не руководимой генераломъ Соболевымъ, имѣли весьма серьезныя послѣдствія“.

Серьезныя послѣдствія произошли отъ того, что въ бояхъ подъ Мукденомъ, гдѣ была поставлена на карту честь нашей доблестной арміи не было проявлено общаго руководства, не было дано надлежащихъ директивъ арміямъ, не было предоставлено командующимъ арміямъ, а также корпуснымъ командирамъ иниціативы и всѣ войска были страшно перепутаны. На обширныхъ поляхъ сраженія дралось 421 русскихъ баталіоновъ. Дѣло было окончательно проиграно, ибо повелѣно было всѣмъ отступить ночью по совершенно неизвѣстнымъ и

вовсе не оборудованнымъ дорогамъ. Что особенно могли при этомъ сдѣлать 13—14 баталіоновъ 55 дивизіи, изъ числа которыхъ нѣкоторые были взяты постороннимъ начальниками по особому приказанію бывшаго главнокомандующаго.

Въ письмѣ № 165 сказано: „Если генералъ Соболевъ считалъ себя въ правѣ передать въ непосредственное распоряженіе генерала барона Мейендорфа ввѣренную его командованію 55 дивизію, очевидно, и онъ лично долженъ былъ поступить подъ начальство генералъ-адъютанта Мейендорфа и оставаться въ первой линіи съ войсками, генералу Мейендорфу подчиненными. Между тѣмъ генералъ Соболевъ сохранилъ за собою свободу дѣйствій и уѣхалъ со штабомъ и многочисленнымъ конвоемъ изъ Хоулина (гдѣ находился вмѣстѣ съ генераломъ Мейендорфомъ часть ночи на 25 и утро 25 февраля) къ Тава, когда генералъ Мейендорфъ еще оставался въ Хоулинѣ“. Въ примѣчаніи къ этимъ словамъ сказано: „Изъ Хоулина генералъ Мейендорфъ поѣхалъ на востокъ вдоль боевой линіи подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, въ то время, какъ генералъ Соболевъ уѣхалъ на сѣверо-западъ“.

Предварительно объясненія по этому пункту я долженъ замѣтить, что 55 дивизія была ввѣрена командованію начальника этой дивизіи, генералъ-лейтенанта Лаймнига, а моему командованію былъ ввѣренъ 6 Сибирскій армейскій корпусъ.

Генералъ-адъютантъ Куропаткинъ говоритъ, что, отдавая свои войска въ распоряженіе генералъ-адъютанта барона Мейендорфа, я долженъ былъ и самъ лично поступить подъ начальство барона.

На основаніи какихъ данныхъ и документовъ онъ полагаетъ, что я этого не исполнилъ? Если-бы онъ потрудился провѣрить документы, касающіеся

того дѣла,—а тому лицу, который возводитъ обидное обвиненіе на корпуснаго командира, во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ точно провѣрить основанія для обвиненія,—то онъ бы убѣдился, что именно такъ и произошло на самомъ дѣлѣ и что я, подчинивъ войска и себя старшему надъ собою, продолжалъ распоряжаться частями 55 дивизіи черезъ начальника дивизіи или непосредственно, смотря по обстоятельствамъ, что видно изъ моей записки отъ 31 іюля.

Далѣе онъ говоритъ, что я долженъ былъ оставаться въ первой линіи съ войсками, генералу Мейендорфу подчиненными. На самомъ дѣлѣ я все время боя подъ Хоулиномъ, до самаго отступленія, оставался со штабомъ и конвоемъ близъ барона.

Въ письмѣ генералъ-адъютанта Куропаткина сказано, что я „находился вмѣстѣ съ генераломъ Мейендорфомъ часть ночи на 25 и утро 25 февраля". Это такъ и было на самомъ дѣлѣ. Приказаніе объ отступленіи отъ Хоулина послѣдовало въ 8 ч. 30 м. утра 25 февраля и было подписано полковникомъ Драгомировымъ, а также, по просьбѣ генералъ-адъютанта барона Мейендорфа — начальникомъ штаба ввѣреннаго мнѣ корпуса, генералъ-маіоромъ Постовскимъ.

Приказаніе 25 февраля 1905 года 8 ч. 30 м. утра генералу Лаймингу (начальнику 55 дивизіи), Шилейко, Каханову, Путилову и полковнику Ступину. „Обозы уже прошли. Командиръ корпуса приказалъ начать отходъ арріергардовъ въ 9 ч. утра. Генералу Путилову и генералу Шилейко начать отходъ во взаимной связи и т. д.".

Этотъ документъ удостовѣряетъ, что штабъ 6 сибирскаго корпуса и я въ 8 ч. 30 м. утра находились въ Хоулинѣ.

Черезъ полчаса начался отходъ арріергардовъ,

которые были расположены близъ самаго Хоулина. Такъ какъ корпуснымъ командирамъ съ ихъ штабами и конвоемъ приходилось слѣдовать подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ противника, то, дабы не слѣдовать скученно, было условлено, что сначала выѣдетъ изъ селенія штабъ 6 сибирскаго корпуса, а засимъ штабъ 1 армейскаго корпуса. Я проѣхалъ черезъ селеніе и въѣхалъ во вторую отъ Хоулина рощу, расположенную на сѣверо-востокъ отъ селенія, гдѣ и остановился со штабомъ и конвоемъ. Въ сосѣдней рощѣ, расположенной въ 150—200 шагахъ отъ той, гдѣ остановился штабъ 6 корпуса, черезъ 10-15 минутъ появился генералъ-адъютантъ Мейендорфъ съ своей свитой. Въ это время шелъ сильный артиллерійскій бой, а Епифанцы находились отъ насъ близко съ восточной стороны. Засимъ я поѣхалъ далѣе на сѣверъ. Прослѣдовавъ мимо цѣпи Епифанцевъ, я къ удивленію увидѣлъ какую-то непзвѣстную часть. Эта часть оказалась маршевою командою, блуждавшею по полю сраженія. Она была разсыпана въ цѣпь. Мы находились въ сферѣ артиллерійскаго и ружейнаго огня. Вскорѣ мы вышли изъ огня и слѣдовали по пути къ Тавѣ, на сѣверо-западъ.

Изъ изложеннаго усматривается нижеслѣдующее:

1) Что я съ штабомъ ввѣреннаго мнѣ корпуса и конвоемъ, ночь на 25 февраля и все утро этого числа, былъ въ распоряженіи отряда генералъ-адъютанта барона Мейендорфа, въ передовой линіи войскъ, тамъ же, гдѣ былъ баронъ;

2) Что изъ Хоулина оба штаба выѣхали почти одновременно, съ промежуткомъ времени въ нѣсколько минутъ, дабы не появляться толпой передъ противникомъ, и

3) Что штабъ 6 Спб. корпуса и я слѣдовали засимъ вдоль боевой линіи частью вдоль цѣпи, что

было дѣломъ простого случая, ибо единственная, хотя и отвратительная, дорога пролегала на нѣкоторомъ протяженіи близъ цѣпи.

Слѣдовательно, болѣе чѣмъ неосторожно было говорить то, что сказано въ письмѣ № 165 и что совершенно не отвѣчаетъ истинѣ. Составитель же письма обязанъ былъ ближе ознакомиться съ документами и быть осмотрительнѣе въ своихъ выраженіяхъ, касающихся военной чести корпуснаго командира, уже имѣющаго боевую репутацію.

Я надѣюсь, что генералъ-адютантъ Куропаткинъ возьметъ обратно свои слова.

Въ письмѣ № 165, послѣ общихъ соображеній и замѣчаній, поставлены вопросы, редактированные въ окончательной формѣ.

Относительно дѣйствій 55 пѣхотной дивизіи и командира 6-го Сибирскаго армейскаго корпуса поставлены слѣдующіе вопросы:

Вопросъ 20. „Былъ ли генералъ Соболевъ уполномоченъ командующимъ 3-й арміею передавать 25 февраля въ „непосредственное“ распоряженіе войска 6 Сибирскаго корпуса генералу барону Мейендорфу“.

Какъ сказано выше, такого уполномочія я не получалъ и не могъ получить. Подчиненіе войскъ 55 пѣхотной дивизіи генералъ-адъютанту барону Мейендорфу произошло въ силу яснаго закона, изложеннаго въ Уставѣ полевой службы.

Вопросъ 21. „Имѣются ли какія либо донесенія генерала Соболева о томъ, что имъ такая передача произведена, ибо начальство 1 армейскаго корпуса отвергаетъ его“.

Что касается того, что передача войскъ 6 Сибирскаго корпуса въ распоряженіе генералъ-адъютанта барона Мейендорфа отвергается начальствомъ

1 армейскаго корпуса, то это произошло оттого, что командиръ 1-го корпуса баронъ Мейендорфъ, сломавъ ключицу, уѣхалъ въ Харбинъ, а исп. долж. начальника штаба 1 корпуса, полковникъ Драгомировъ, уѣхалъ въ Россію, слѣдовательно — отъ перемѣны начальства корпуса; во 2-хъ, оттого, что новое корпусное начальство, именно генералъ Лауницъ и новый начальникъ штаба корпуса, не были въ бою подъ Хоулиномъ и вопросъ этотъ могъ ихъ не интересовать, и, въ 3-хъ, оттого, что это начальство не ознакомилось въ достаточной степени съ документами, касающимися этого вопроса, хотя генералъ Лауницъ, котораго я просилъ прислать мнѣ копіи съ нѣкоторыхъ документовъ, касающихся Хоулинскаго боя, прислалъ мнѣ въ числѣ документовъ копію съ приказанія, выше приведеннаго, въ которомъ генералъ-адъютантъ баронъ Мейендорфъ предложилъ начальнику 55 дивизіи, генералъ-лейтенанту Лаймингу, начать отступленіе въ 9 ч. утра 25 февраля. Очевидно, генералъ Мейендорфъ распорядился 55 дивизіею въ силу лишь того, что она была ему подчинена во время боя.

Составитель письма, какъ можно полагать, могъ-бы по этому вопросу запросить барона Мейендорфа, особенно въ виду того, что на это онъ имѣлъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ времени.

Вопросъ 22. „Такъ какъ, даже передавая войска 6 корпуса въ распоряженіе командира 1-го армейскаго корпуса, генералъ Соболевъ не имѣлъ права устранять себя отъ командованія сими войсками, то необходимо выяснить: какія мѣры генераломъ Соболевымъ были приняты, когда ему стало извѣстно, что японцы прорвали Хуньхэ и 1-й армейскій корпусъ занялъ своими обозами и артиллеріею назначенный для 6-го Сибирскаго корпуса тыловой путь“.

55 пѣхотная дивизія, и то не въ полномъ составѣ, была подъ командою начальника дивизіи, генералъ-лейтенанта Лаймина, а не подъ мою непосредственною командою; начальникъ же дивизіи дѣйствовалъ подъ моимъ руководствомъ, какъ корпуснаго командира. Изъ моей записки отъ 31 прошлаго іюля видно, что я руководилъ частями дивизіи, сообразно обстановкѣ. Въ запискѣ приведены по этому поводу документы, не подлежащіе сомнѣнію.

Вечеромъ 24 февраля мнѣ стало извѣстно, что японцы прорвали расположеніе 4 Сибирскаго корпуса. Засимъ я получилъ диспозицію по 3-й арміи, исполнить которую было для меня обязательно. Ночью мнѣ стало извѣстно, что путь отступленія, назначенный для 6 Сибирскаго корпуса, былъ загроможденъ обозами 1-го армейскаго, 4 и 6 Сибирскаго и частью 16 арм. корпусовъ и войсками отряда генералъ-адъютанта барона Мейендорфа, уже отступавшими. Я предвидѣлъ, что произойдетъ большая задержка въ отступательной операціи, особенно въ виду того, что путь, осмотрѣнный офицерами моего корпуса наканунѣ, оказался трудно проходимымъ для обозовъ и былъ не ремонтированъ. Я былъ почти увѣренъ, что 55 пѣх. дивизіи, въ виду прорыва японцевъ черезъ Хуньхэ и движенія ихъ въ разрѣзъ 1 армейскаго и 4 Сибирскаго корпусовъ, не придется стать на ночлегъ близъ с. Ленхуачи, какъ это было предложено въ диспозиціи. Рѣшеніе о дальнѣйшемъ движеніи зависѣло отъ исхода столкновенія съ противникомъ, а такъ какъ я видѣлъ, что у Хоулина идетъ бой, то я спѣшилъ на выстрѣлы. Подробности этого обстоятельства мною описаны въ запискѣ отъ 31 іюля. Изъ записки этой усматривается, что по приказанію генералъ-адъютанта барона Мейендорфа мною посланы были части 55 дивизіи для занятія

позиціи у Императорскихъ могилъ, а также посланъ былъ отрядъ подполковника Ефирова, на котораго было возложено прикрытіе со стороны прорыва отступленія обозовъ и войскъ отъ насѣдавшихъ японцевъ. Доблестное поведеніе Епифанцевъ и отличныя распоряженія подполковника Ефирова дали возможность отступить какъ обозамъ, такъ и войскамъ.

Такимъ образомъ слова: „не имѣлъ права устранять себя отъ командованія сими войсками“ принадлежатъ къ числу неудачныхъ вымысловъ письма.

Войска 55 дивизіи и отряда генерала-адъютанта барона Мейендорфа своимъ движеніемъ въ полной мѣрѣ обезпечили 17 арм. корпусъ отъ ударовъ противника съ востока. Части двигались частью на Таву, Санва и далѣе въ направленіи на Пухэ.

Вопросъ 23. „Какія мѣры были приняты генераломъ Соболевымъ, чтобы поддержать связь съ 17 армейскимъ корпусомъ и оказать ему содѣйствіе“.

Изъ вышеупомянутой записки отъ 31 прошлаго іюля видно, какая была установлена связь между 6 сибирскимъ и 17 армейскимъ корпусами, а также между 35 и 55 п. дивизіями. Въ 7 ч. утра разрывъ между этими дивизіями достигъ 11 верстъ и произошелъ оттого, что дивизіи двигались въ расходящемся между собою направленіи. Въ виду горячаго боя, происходившаго подъ Хоулиномъ всю ночь съ 24 на 25 февраля и все утро 25-го, въ которомъ приняла участіе 55 дивизія съ самаго времени ея подхода къ этому селенію, эта дивизія, оказывая полную поддержку отряду барона Мейендорфа, не имѣла никакой возможности въ то же время оказать поддержку 35 дивизіи; о поддержкѣ этой послѣдней дивизіи никто не просилъ: ни начальникъ дивизіи, ни командиръ 17 корпуса за все 25 фе-

враля. Послѣдующія событія показали, что въ непосредственной поддержкѣ этой не было никакой надобности; но что поддержка, оказанная войсками 55 пѣх. дивизіи отряду генералъ-адъютанта барона Мейендорфа, вызванная сложившеюся обстановкою, принесла существенную пользу не только 35 дивизіи и 3-й арміи, но и общему положенію войскъ 2-й и 3-й арміи, такъ какъ бой подъ Хоулиномъ и искусное движеніе Епифанцевъ не дозволили японцамъ захватить Таву.

Вопросъ 24. „Почему генералъ Соболевъ, подчинивъ себя генералу Мейендорфу, уѣхалъ ранѣе его изъ Хоулина и притомъ не по пути движенія частей 55 дивизіи, слѣдовавшихъ восточнѣе Мандаринской дороги, а прямо на Таву".

Письмо № 165 заключаетъ въ себѣ множество противорѣчій и неточностей.—Въ одномъ мѣстѣ его утверждается, что я, подчинивъ генералъ-адъютанту барону Мейендорфу свои войска, самъ ему не подчинился,—здѣсь говорится, что я себя подчинилъ барону.

Я ѣхалъ именно по пути слѣдованія не только 55 дивизіи, но и части отряда барона Мейендорфа, да иначе и ѣхать не могъ, а потому вторая половина этого 24 вопроса, безъ ущерба дѣла, могла-бы быть исключена изъ письма.

Вопросъ 25. „Изъ реляціи генерала Соболева совершенно не видно, какія распоряженія онъ дѣлалъ по направленію дѣйствій полковъ 55 дивизіи. Начальство 1 армейскаго корпуса, отвергая самый фактъ передачи генералу барону Мейендорфу въ непосредственное распоряженіе 55 дивизіи, тоже распоряженій по направленію дѣйствій 55 пѣх. дивизіи не дѣлало. Слѣдуетъ-ли изъ сего придти къ заключенію, что части 55 дивизіи въ своихъ дѣй-

ствіяхъ не были руководимы ни генераломъ Соболевымъ, ни генераломъ Мейендорфомъ".

Реляція командира корпуса не можетъ включать въ себѣ все то, что касается дѣйствій каждаго полка или другой какой либо части дивизіи. Для этого существуютъ реляціи начальниковъ дивизій и командировъ отдѣльныхъ частей, при чемъ полками распоряжается начальникъ дивизіи сообразно отданной корпуснымъ командиромъ диспозиціи, что имѣло мѣсто 25 февр. Хотя я зналъ о прорывѣ японцевъ у Кіузана и почти былъ увѣренъ, что намъ не удастся къ ночи занять позицію у Ленхуачи, но твердой увѣренности въ этомъ у меня не было, а потому диспозиція, отданная мною на 25 февраля, осталась въ силѣ. Выше было сказано, что начальникъ 55 дивизіи, точно слѣдуя указаніямъ диспозиціи, направился съ частью войскъ дивизіи къ Ленхуачи, которая оказалась занятою противникомъ, донесеніе о чемъ мною 25-го февраля получено не было.

Вопросъ 26. „Почему генералъ Соболевъ не воспользовался полученнымъ, по его словамъ, отъ меня на ст. Синтайцзы разрѣшеніемъ собрать части корпуса и, имѣя возможность сосредоточить у Илу 24—26 баталіоновъ 6-го корпуса, не сдѣлалъ этого и не помогъ командующему 3-й арміею собрать у Илу достаточныя силы, чтобы держаться до утра 27 февраля".

Я въ полной мѣрѣ воспользовался, относительно 55 дивизіи, разрѣшеніемъ бывшаго главнокомандующаго собрать части войскъ въ Тѣлинѣ. Напомню, что мнѣ сказалъ онъ утромъ 26 февр. на станціи Синтайцзы.

„Отойдемъ къ Тѣлину,—сказалъ онъ. Тамъ колоссальная позиція. Японцы очень много потеряли.

Въ Тѣлинѣ будемъ упорно обороняться. Я самъ создалъ эту грандіозную позицію".

72 п. дивизію, находившуюся въ стратегическомъ резервѣ арміи въ непосредственномъ вѣдѣніи бывшаго главнокомандующаго, я не могъ собрать, ибо части ея были разсыпаны по обширному полю отступленія и генералъ-квартирмейстерская часть главнокомандующаго, за все время Мукденскихъ боевъ, не сочла своею обязанностью, хоть разъ, увѣдомить меня, гдѣ находятся части этой дивизіи и что онѣ дѣлаютъ.

Относительно сосредоточенія войскъ на позиціи у Илу я ни отъ кого не получалъ даже намека ни 25, ни 26 февраля.

Какъ сказано выше, бывшій главнокомандующій 25 февраля отдалъ относительно защиты позицій у Тава и Пухэ приказанія генераламъ-лейтенантамъ Дембовскому и Селиванову. Повидимому, ничего не мѣшало ему, когда я представлялся въ 7 ч. утра 26 февраля, отдать мнѣ лично приказаніе по оборонѣ Илу, конечно, поставивъ объ этомъ въ извѣстность командующаго 3-й арміею, которому я былъ непосредственно подчиненъ, и тогда я употребилъ-бы всѣ мѣры къ точному исполненію такого приказанія, хотя это было-бы не легко исполнить въ виду того, что нѣкоторыя части 55 дивизіи были, какъ упомянуто выше, взяты въ разные отряды помимо начальника дивизіи и меня.

Соображеніе бывшаго главнокомандующаго о сосредоточеніи сильнаго отряда у Илу явилось у него послѣ событій 25 и 26 февраля и, во всякомъ случаѣ, послѣ моего отъѣзда со станціи Спитайцзы, и можно полагать, что сосредоточеніе близъ сказаннаго пункта такого отряда не принесло бы существенной пользы дѣлу. Войска тянулись къ Тѣлину,

уцѣлѣвшіе обозы и парки прослѣдовали на сѣверъ, а главныя потери въ войскахъ и обозахъ мы понесли въ ночь на 25 февраля, 25 числа и въ ночь на 26.

Все 26 февраля, какъ было сказано выше, я со штабомъ и двумя ротами 55 дивизіи провелъ въ с. Сунтайцзы, отстоящемъ отъ Илу къ сѣверу въ 3 верстахъ, и при мнѣ прошли остатки обозовъ 3-й арміи, слѣдовавшіе по Мандаринской дорогѣ. Путь этотъ былъ свободенъ. Японцы начали его обстрѣливать артиллерійскимъ огнемъ лишь вечеромъ 26-го. Войскамъ оставалось лишь слѣдовать на сѣверъ, къ позиціямъ, устроеннымъ у Тѣлина, задерживаясь лишь для отраженія насѣдавшихъ частей противника. Японцы были крайне утомлены и преслѣдованіемъ своими мелкими частями и артиллеріею разсчитывали произвести лишь моральное впечатлѣніе. Наша армія уже вышла къ тому времени изъ тяжелаго положенія, въ которое она была поставлена 25 февраля приказаніемъ объ общемъ ночномъ отступленіи.

Лишь на Тѣлинскихъ позиціяхъ мы могли привести въ порядокъ разстроенныя несвоевременнымъ ночнымъ отступленіемъ 25 февраля части войскъ, слѣдовавшія по дорогамъ, почти совершенно не оборудованнымъ; лишь у Тѣлина мы имѣли возможность распутать тотъ страшный безпорядокъ, который, въ командномъ отношеніи, господствовалъ въ войскахъ за все время Мукденскихъ боевъ, и дать японцамъ надлежащій отпоръ. Японцы, конечно, не рѣшились бы атаковать сильныя Тѣлинскія позиціи до пополненія понесенныхъ ими большихъ потерь и устройства своего тыла, и мы удержали бы за собой Тѣлинъ.

Къ утру 27 февраля вся 55 п. дивизія была

сосредоточена въ полномъ порядкѣ у Тѣлина, имѣя 10,000 штыковъ, и я полагалъ, что ее тотчасъ же расположатъ на грозныхъ Тѣлинскихъ позиціяхъ, гдѣ будутъ остановлены всѣ арміи.

Къ сожалѣнію, такого приказанія не послѣдовало и войскамъ было повелѣно слѣдовать далѣе на сѣверъ.

Въ этомъ 26 вопросѣ слова: „По его словамъ" указываютъ на нѣкоторое сомнѣніе бывшаго главнокомандующаго въ томъ, что онъ будто мнѣ приказалъ собрать войска своего корпуса, направивъ ихъ въ Тѣлинъ. Между тѣмъ это сомнѣніе разсѣивается слѣдующимъ приказаніемъ его же, переданнымъ мнѣ въ полевой запискѣ начальника штаба 3-й арміи, помѣченной 12 ч. 30 м. д. 26 февраля № 44.

„Главнокомандующій приказалъ: немедленно принять самыя энергичныя мѣры: 1) накормить людей, пользуясь запасомъ сухарей и консервовъ въ оставляемыхъ складахъ, 2) разобрать людей по полкамъ и затѣмъ принять мѣры къ возвращенію временно приданныхъ дивизіямъ бригадъ, полковъ и баталіоновъ къ своимъ арміямъ, корпусамъ. Вр. командующій арміей приказалъ немедленно командировать офицеровъ отъ каждаго изъ полковъ въ Тѣлинъ, гдѣ формировать до подхода полковъ сборныя команды. Откомандировать къ своимъ арміямъ роты 19 и 20 стрѣлковыхъ полковъ и три полка 4 Сиб. корпуса; о возвращеніи частей арміи, командированныхъ во 2 армію, сношенія сдѣланы съ командующимъ этой арміею".

Изъ этого документа между прочимъ усматривается, что утромъ 26 февраля у бывшаго главнокомандующаго не было вовсе соображенія о сборѣ у Илу отряда, что мною и было указано выше, а

также и то, что у генералъ-адъютанта Куропаткина явилось твердое рѣшеніе о необходимости разомъ положить конецъ безпорядкамъ, водворившимся въ арміяхъ, и что именно въ этомъ смыслѣ и былъ понятъ имъ мой докладъ.

Вопросъ 27. „Въ своей реляціи генералъ Соболевъ упоминаетъ о принятыхъ имъ мѣрахъ къ спасенію 4 орудій 6 артиллерійской бригады. Между тѣмъ по докладу мнѣ чиновъ 1-го армейскаго корпуса двѣ батареи 6 артил. бригады были утромъ 25 февраля брошены недалеко отъ Хоулина прислугою, что часть лошадей была выпряжена. Для спасенія этихъ орудій генералъ баронъ Мейендорфъ послалъ конно-охотничью команду Вильманстрандскаго полка, и орудія были спасены и доставлены къ желѣзной дорогѣ и частью увезены по желѣзной дорогѣ въ Харбинъ. Въ сдачѣ орудій на желѣзную дорогу были взяты росписки. Повидимому, объ этихъ двухъ батареяхъ, не зная о ихъ спасеніи, и докладывалъ мнѣ генералъ Соболевъ. Во всякомъ случаѣ фактъ этотъ столь серьезной важности, что мнѣ представляется необходимымъ или опровергнуть тяжелое обвиненіе на чиновъ 6 артил. бригады или найти виновныхъ и строго взыскать съ нихъ“.

Въ ночь съ 24 на 25 февраля въ 3 и 4 батареяхъ 6 артиллерійской бригады, при отступленіи, подъ Хоулиномъ, произошло большое замѣшательство, какъ вслѣдствіе того, что на пути ихъ отступленія было огромное скопленіе обозовъ четырехъ корпусовъ, застрявшихъ въ оврагѣ, такъ и отъ потери значительнаго числа лошадей отъ артиллерійскаго огня противника, а также отъ того, что въ бригадѣ отсутствовали командиръ бригады, генералъ-маіоръ Краевскій, командиры дивизіоновъ

и батарейные командиры. Дѣло въ томъ, что генералъ-маіоръ Краевскій вызвалъ къ себѣ въ с. Мучанъ командировъ дивизіоновъ и батарей и бригада была двинута безъ начальниковъ. Въ это время батареи были подъ ружейнымъ огнемъ противника.

Какъ сказано выше, въ оврагѣ произошелъ безпорядокъ и двѣ батареи были брошены, но энергическимъ распоряженіемъ младшихъ офицеровъ, не взирая на страшный безпорядокъ въ обозахъ, порядокъ въ 3 и 4 батареяхъ вскорѣ былъ возстановленъ. Непріятель въ это время энергично обстрѣливалъ столпившіеся обозы и артиллерію шимозами. Для увоза 3 орудій не хватало лошадей, каковыхъ бригада потеряла 111. Эти 3 орудія общими усиліями чиновъ 6 сибирскаго и 1 армейскаго корпусовъ были вывезены и доставлены были на желѣзную дорогу.

Орудія эти считались окончательно потерянными; но стараніями офицеровъ 6 артиллерійской бригады и адъютантовъ начальника артиллеріи 6 сибирскаго корпуса два изъ нихъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ были найдены: пушка № 424 найдена въ 4 батареѣ 43 артил. бригады, пушка № 435 — въ 4 батареѣ 29 артиллер. бригады, лафетъ № 754 — въ 1-й батареѣ 1-й восточно-сибирской стрѣлковой бригады и лафетъ № 488—въ 6 батареѣ 29 артиллер. бригады. Третья пушка № 385 и лафетъ № 747 до сихъ поръ не отысканы. Эта пушка тоже была доставлена на желѣзную дорогу, но въ испорченномъ видѣ: она была безъ прицѣла, мушки и замка и, вѣроятно, находится гдѣ либо въ складѣ въ числѣ негодныхъ вещей.

О происшедшихъ безпорядкахъ въ 3 и 4 батареяхъ 6 артиллерійской бригады было произведено подробное дознаніе, при чемъ на виновныхъ были

наложены дисциплинарныя взысканія. Кромѣ того генералъ-маіоръ Краевскій и офицеры были лишены наградъ за весь періодъ Мукденскихъ боевъ, хотя батареи эти за время стоянки на Шахэ хорошо работали.

О потерѣ орудій я хорошо зналъ и отдалъ на мѣстѣ происшествія категорическое приказаніе начальнику штаба корпуса и начальнику артиллеріи корпуса о томъ, чтобы орудія были во чтобы то ни стало вывезены.

По сдѣланному подсчету, по дорогѣ, назначенной для одного 6 спб. корпуса, въ ночь съ 24 на 25 февраля слѣдовало, кромѣ вьючнаго обоза, около 2300 повозокъ, считая артиллерію, парки, саперный обозъ, обозъ 1 разряда частей, а также интендантскіе транспорты, не убранные во время въ тылъ вслѣдствіе того, что рѣшеніе объ отступленіи отъ Мукдена явилось внезапно. Такое число повозокъ могло занять путь на протяженіи до 20 верстъ, а съ войсками—30-35 верстъ. Обозъ 6 спб. корпуса столпился у большого оврага, вовсе не приспособленнаго для прохожденія войскъ и обозовъ. Въ это время шла рѣдкая ружейная перестрѣлка. Противникъ началъ обстрѣливать площадь, на которой скопились повозки, шимозами. Съ большими усиліями удалось перевезтц черезъ оврагъ большую часть повозокъ. Далѣе въ обозъ 6 спб. кор. начали вливаться обозы трехъ другихъ корпусовъ. Часть обоза была вынуждена слѣдовать цѣликомъ, безъ дорогъ, встрѣчая на своемъ пути трудно проходимыя и часто неодолимыя препятствія. Вскорѣ начались горы. Въ показаніи канонира 3 батареи 6 артиллерійской бригады, Харитона Зиновьева Ярыкова, отобранномъ 27 прошлаго марта по этому дѣлу, значится слѣдующее: „По дорогѣ намъ загородилъ

обозъ и еще какіе-то зарядные ящики, и намъ нельзя было переѣхать черезъ канаву. Мы завалили ее фуражемъ и платьемъ, взятыми съ оставленнаго обоза, и стали переѣзжать канаву. Тутъ сломалось у насъ дышло".

Долженъ добавить, что все несчастье съ обозами и паркомъ подъ Хоулиномъ въ темную ночь произошло главнымъ образомъ отъ того, что тыловой путь, назначенный для 6 сиб. корпуса, не былъ вовсе оборудованъ, а устройство его лежало, о чемъ будетъ сказано ниже, на обязанности тыловыхъ учрежденій штаба главнокомандующаго.

Вопросъ 32. „Въ реляціи частей войскъ 3-й арміи почти вовсе не упоминается о дѣйствіяхъ 25 февраля охотничьихъ командъ. Въ чемъ заключались ихъ дѣйствія. Были-ли эти дѣйствія полезны и въ чемъ именно".

Почти во всѣхъ реляціяхъ частей 6 сибирскаго корпуса о дѣйствіяхъ охотничьихъ командъ за періодъ мукденской операціи упоминается.

Пѣшія охотничьи команды, а также, когда представлялась возможность, и конно-охотничьи команды, занимали линію сторожевого охраненія и дѣлали развѣдки. Особенно полезны оказались конно-охотничьи команды при отступленіи отъ Шахэ на Хуньхэ и при занятіи оборонительной линіи р. Хуньхэ.

Конно-охотничьи команды, сформированныя по почину генерала барона Каульбарса во время китайской войны 1900 года и примѣненныя командующимъ маньчжурскою арміею, съ разрѣшенія намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ, въ настоящую войну, оказались вообще очень полезными. Во многихъ случаяхъ онѣ съ успѣхомъ замѣняли конницу. Въ 6 сибирскомъ корпусѣ изъ конно-охотничьихъ командъ сформи-

ровано два четырехъ-сотенныхъ конныхъ полка, съ большимъ успѣхомъ дѣйствовавшіе въ передовыхъ отрядахъ генералъ-адъютанта Мищенко и генералъ-маіора Грекова. Они располагались въ сторожевомъ охраненіи, производили разъѣзды и исполняли все, что возлагается на конницу. Одно время они охраняли правый флангъ 2-й арміи со стороны Монголіи.

Пѣшія охотничьи команды, какъ показалъ опытъ настоящей войны, усложняя организацію войскъ, въ конечномъ результатѣ принесли больше вреда, чѣмъ пользы. Эти команды, несомнѣнно, дѣйствовали прекрасно и совершили много подвиговъ мужества и храбрости, но онѣ лишали роты лучшихъ людей, а полки—лучшихъ офицеровъ, а такъ какъ команды эти несли большія потери, то и вызывали необходимость постепеннаго пополненія лучшими же нижними чинами и офицерами. Присутствіе же въ ротахъ и полкахъ наиболѣе храбрыхъ и отважныхъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ, несомнѣнно, повысило бы боевыя качества частей.

Вопросъ 33. „Какимъ путемъ приказъ по 6-му сибирскому корпусу отъ 13 марта за № 33 съ надписью „не подлежитъ оглашенію“, въ которомъ въ хвалебномъ духѣ описывается дѣятельность войскъ 6 сибир. корпуса и дѣятельности самого генерала Соболева, появился въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1 мая сего года за № 94“.

Въ первой половинѣ марта мнѣ передали, что генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, проѣзжая, послѣ смѣны его съ должности главнокомандующаго, черезъ Харбинъ, объяснялъ собравшимся его проводить на станцію причины нашего крупнаго пораженія подъ Мукденомъ, еще не испытаннаго Россіей въ Азіи, и между прочимъ сказалъ, что ему высылали изъ Россіи несоотвѣтственныя войска,

резервныя, сформированныя почти сплошь изъ запасныхъ, и что подъ Мукденомъ 5 и 6 Сибирскіе корпуса будто разсыпались.

Такъ такъ мнѣ хорошо были извѣстны всеподданнѣйшія донесенія бывшаго главнокомандующаго о военныхъ дѣлахъ настоящей войны, а одно изъ своихъ донесеній онъ лично, именно разбиравшее дѣйствіе генералъ-адъютанта Гриппенберга, мнѣ самъ прочелъ въ присутствіи командира 16 корпуса, и такъ какъ въ этихъ донесеніяхъ онъ проявилъ особую склонность возводить обвиненія на командующихъ арміями, корпусныхъ командировъ, Начальниковъ дивизій и даже войска, то у меня явилась увѣренность, что онъ обвинилъ ввѣренный мнѣ корпусъ и, конечно, лично меня въ неуспѣшныхъ дѣйствіяхъ подъ Мукденомъ.

Дабы провѣрить эту мою увѣренность и по, возможности, снять неправильныя нареканія на поведеніе корпуса, дѣйствовавшаго въ продолженіе всей кампаніи съ успѣхомъ, настолько, насколько можно было дѣйствовать при оборонительно-отступательномъ характерѣ всей кампаніи, я рѣшился написать письмо военному министру. Въ этомъ письмѣ я изложилъ обстоятельства дѣла и просилъ доложить Государю Императору письмо въ томъ только случаѣ, если генералъ-адъютантъ Куропаткинъ дѣйствительно донесъ Его Императорскому Величеству о поведеніи 6 спб. корпуса въ томъ смыслѣ, какъ это онъ говорилъ на станціи Харбинъ, при чемъ просилъ генералъ-адъютанта Сахарова не давать моему письму дальнѣйшаго хода въ случаѣ, если такого донесенія не поступало.

Въ отвѣтъ на это письмо я получилъ слѣдующую телеграмму отъ военнаго министра.

По Всеподданнѣйшему докладу письма вашего

отъ 29 марта сего года Государь Императоръ повелѣть соизволилъ отвѣтить, что Его Величество радъ былъ узнать о доблестномъ поведеніи войскъ шестого сибирскаго армейскаго корпуса и не сомнѣвается въ ихъ готовности употребить всѣ силы для борьбы съ врагомъ. № 130.“

Къ моему письму генералъ-адъютанту Сахарову былъ приложенъ оттискъ моего приказа по корпусу за № 33, который Военный Министръ счелъ возможнымъ препроводить для напечатанія въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“.

Что касается до словъ: „въ хвалебномъ духѣ описываетъ дѣятельность войскъ 6 сибирскаго корпуса“, то эти слова для меня не вполнѣ понятны. Однако я имѣю право полагать, что когда войска работаютъ честно и успѣшно и исполняютъ все то, что имъ приказываютъ, то ихъ слѣдуетъ хвалить, а не порицать.

Впрочемъ, въ концѣ моего приказа № 33 я счелъ нужнымъ сдѣлать упрекъ войскамъ корпуса въ томъ, что не всегда сохранялся порядокъ въ движеніи обозовъ, хотя и сознавалъ при этомъ, что безпорядокъ, произошедшій въ ночь съ 24 на 25 февраля, при отступленіи отъ р. Хуньхэ, не могъ быть всецѣло отнесенъ къ винѣ начальниковъ, а обусловливался отвратительнымъ состояніемъ тыловыхъ путей, забота о которыхъ не лежала ни на штабахъ частныхъ армій, ни тѣмъ болѣе на штабахъ корпусовъ.

Слова письма № 165: „и дѣятельность самого генерала Соболева“ тоже не поддаются моему пониманію.

Въ моемъ приказѣ за № 33 лично до меня касается слѣдующее:

„Во время этого движенія конная — батарея съ

посаженною на коней прислугою—батарея противника по пятамъ слѣдовала за нашими частями, обстрѣливая ихъ и обозы. Тогда моимъ распоряженіемъ у д. Инченза [1]) былъ выставленъ арріергардъ изъ частей 218 Борисоглѣбскаго полка съ одной батареей 43 артиллерійской бригады, огнемъ которой батарея противника была пріостановлена. Вмѣстѣ съ симъ этотъ арріергардъ обезпечилъ отходъ обоза, тянувшагося по дорогѣ на сѣверъ, и вывозъ серебра Мукденскаго отдѣленія Русско-Китайскаго банка.

Долженъ сказать, что эта непріятельская батарея была именно та самая, которая такъ озабочивала бывшаго главнокомандующаго и о которой въ письмѣ № 165 говорится слѣдующее:

„Около часа пополудни батарея противника, ставшая восточнѣе Цаодягоу, открыла огонь по Тава, направляя его по колоннамъ двигавшихся обозовъ и внося въ нихъ панику и смятеніе; отъ Тава около 1 час. пополудни обозы стали сворачивать на западъ и нѣсколькими потоками въ полномъ безпорядкѣ устремились къ желѣзной дорогѣ—къ ст. Хушитай; все это ясно было видно изъ Цуэртуня; непріятельская батарея была видимо не велика, быть можетъ орудія два; стояла далеко; огонь ея не отличался мѣткостью, но и этого оказалось достаточнымъ для деморализаціи громадныхъ обозовъ и нѣкоторыхъ отходящихъ частей войскъ“.

Это было нѣсколько иначе. Батарея появилась между Тава и Пухэ и, очевидно, прошла съ войсками, прорвавшими расположеніе 4 сибирскаго корпуса у Кіузана. Она состояла изъ 4 орудій съ посаженною на коней прислугою и была подъ прикрытіемъ конницы.

[1]) Инченза, Кучензы.

Когда я двигался съ штабомъ изъ сел. Тава по Мандаринской дорогѣ на Пухэ, эта батарея слѣдила за нами шагъ за шагомъ. Невдалекѣ отъ насъ проходили части Юхновскаго и Ешифанскаго полковъ, при которыхъ находился полковникъ Пономаревъ, командовавшій 2-ю бригадою 55 дивизіи. Влѣво шли части 218 Борисоглѣбскаго полка.

За дѣйствіями этой батареи, смѣло выѣхавшей впередъ и часто мѣнявшей позиціи, зорко слѣдилъ состоявшій при мнѣ ординарцемъ младшій фейерверкеръ 6 батареи 6 артиллерійской бригады Новосильцевъ, нынѣ прапорщикъ. Онъ доложилъ мнѣ, что она состоитъ изъ 4 орудій, и точно указалъ одно изъ мѣстъ ея расположенія. И вотъ я приказалъ ее уничтожить, что и было исполнено. Такимъ образомъ я сдѣлалъ то, что сдѣлалъ бы всякій бывшій въ подобной обстановкѣ, и если я объ этомъ упомянулъ въ приказѣ, то вовсе не для того, чтобы, какъ полагаетъ это генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, въ хвалебномъ духѣ описывать свои личныя дѣйствія, а потому лишь, что объ этомъ слѣдовало упомянуть.

О вывозѣ серебра Мукденскаго отдѣленія Русско-Китайскаго банка упомянуто потому, что этотъ вывозъ былъ въ связи съ дѣломъ подъ Инченза (Кучензы).

Въ письмѣ № 165 перечислены матеріальныя потери въ артиллерійскихъ паркахъ, обозѣ и лошадяхъ, понесенныя при отступленіи отъ Мукдена войсками 3 арміи, причемъ извѣстная доля потери лежитъ на войскахъ 6 сибирскаго корпуса.

Въ письмѣ поставленъ 1-й вопросъ такъ: „Почему не было выполнено приказаніе, отданное еще 20-го февраля, объ отводѣ обозовъ на сѣверъ. Ка-

кія мѣры были приняты, чтобы обозы не затрудняли движеніе войскъ".

Полагая, что на первую половину вопроса будетъ данъ отвѣтъ штабомъ 3 арміи, позволю себѣ относительно второго сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

Выше было сказано, что, вслѣдствіе прорыва японцами расположенія 4 сибирскаго корпуса на р. Хуньхэ, 1-й армейскій корпусъ потерялъ свой путь отступленія и былъ вынужденъ слѣдовать по дорогѣ, назначенной для 6-го сибирскаго корпуса, и что по этой же дорогѣ были направлены обозы четырехъ корпусовъ. Такое столпленіе обозовъ, артиллерійскихъ парковъ, а также интендантскихъ транспортовъ не могло не загромоздить дорогу и неминуемо должно было вызвать безпорядокъ, особенно въ виду того, что путь былъ обстрѣливаемъ артиллерійскимъ огнемъ противника.

Страшная потеря парковъ и обозовъ на этомъ пути произошла главнымъ образомъ отъ того, что на этотъ путь не было обращено никакого вниманія и онъ былъ неустроенъ.

Бывшій главнокомандующій предоставилъ частнымъ арміямъ, какъ это будетъ сказано ниже, лишь клочки тыловыхъ путей, пролегавшіе отъ нашей кордонной позиціи на Шахэ до лѣваго берега р. Хуньхэ; всѣ же пути, отходящіе на сѣверъ отъ послѣдней рѣки, были предоставлены попеченію тыловыхъ учрежденій штаба главнокомандующаго.

Путь, предоставленный для отступленія 6 сибирскому корпусу, проходилъ частью долиною, частью горами. Онъ пересѣкался глубокими оврагами съ крутыми, мѣстами отвѣсными берегами; мосты отсутствовали, за исключеніемъ немногихъ, крайне неудобныхъ и испорченныхъ. Словомъ, путь этотъ ни-

кѣмъ не былъ приведенъ въ надлежащій видъ и, вѣроятно, вовсе не былъ осмотрѣнъ.

Отступленіе четырехсотъ почти тысячной арміи, вслѣдствіе безпримѣрнаго въ исторіи войнъ особаго приказанія начать отходъ „съ наступленіемъ темноты“, не могло произойти въ порядкѣ по дорогамъ неустроеннымъ и для движенія мѣстами непроходимымъ, при томъ войскамъ неизвѣстнымъ. Особенно труденъ былъ путь, назначенный для 6 сибирскаго корпуса. Произошелъ естественный безпорядокъ: сотни повозокъ и зарядныхъ ящиковъ оказались опрокинутыми въ оврагахъ; дышла и колеса поломанными; лошади покалѣченными.

Можно полагать, что этого-бы не случилось, если-бы забота объ устройствѣ тыловыхъ путей была возложена на соотвѣтственныя тыловыя учрежденія частныхъ армій, какъ потому, что эти учрежденія, имѣя всѣ средства исполнить дѣло, отнеслись бы къ нему заботливо, такъ отчасти и потому, что все же на нихъ лежала бы отвѣтственность передъ командующими арміями и главнокомандующимъ, тогда какъ отвѣтственность тыловыхъ учрежденій главнокомандующаго могла бы быть и не возбуждена, что подтверждается нынѣ хотя-бы тѣмъ, что бывшій главнокомандующій въ своихъ многочисленныхъ запросахъ этого не касается.

Мандаринская дорога до нѣкоторой степени оказалась въ исправномъ видѣ, о чемъ впрочемъ заботятся сами китайцы, хотя и эта дорога не была приспособлена для движенія по ней нѣсколькихъ корпусовъ и многочисленныхъ обозовъ. И здѣсь овраги съ крутыми берегами не были приспособлены для движенія войсковыхъ массъ и обозовъ, а потому и тутъ погибъ многочисленный обозъ.

Дорога, пролегающая съ восточной стороны по-

лотна желѣзной дороги въ той его части, по которой я прослѣдовалъ позднею ночью на 26 февраля, была въ неустроенномъ видѣ. Здѣсь погибъ многочисленный обозъ, много зарядныхъ ящиковъ и часть артиллеріи.

Въ полной неподготовленности этихъ тыловыхъ путей, конечно, не отвѣтственны ни штабы 2-й и 3-й арміи, ни штабы корпусовъ.

Въ телеграммѣ отъ 26-го февраля, посланной бывшимъ главнокомандующимъ ночью, онъ донесъ между прочимъ Государю Императору слѣдующее: „Днемъ шли безъ дорогъ. Такъ какъ мѣстность между Мукденомъ и Тѣлинымъ пересѣкается нѣсколькими рѣчками съ крутыми берегами, то обозы, двигавшіеся таборами, должны были останавливаться, выжидая очереди перехода по переѣздамъ, что ночью, несмотря на принятыя мѣры, происходило медленно".

Замѣчу, что эта телеграмма не точна, ибо арміямъ было приказано начать отступленіе ночью.

Позволительно думать, что если-бы тыловыя учрежденія штаба главнокомандующаго распорядились своевременно объ устройствѣ соотвѣтственнаго числа переѣздовъ и уничтоженіи крутыхъ береговъ, то обозъ могъ-бы быть своевременно убранъ и онъ не стѣснялъ-бы свободу маневрированія войскъ.

Такимъ образомъ одной изъ существенныхъ причинъ большой потери въ обозахъ была совершенно недостаточная подготовка тыловыхъ путей. Самая же неподготовка, отчасти, объясняется несоотвѣтственнымъ распредѣленіемъ тылового раіона между учрежденіями армейскими и подчиненными главнокомандующему.

Согласно приказа главнокомандующаго отъ 11-го января 1905 г. № 50, тыловые раіоны арміи пред-

ставляли узкую полосу—не болѣе перехода отъ позиціи до р. Хуньхэ, на которой тѣснились въ перемѣшку разбросанные войсковые обозы, лазареты, госпитали и тыловыя учрежденія, этапы, интендантскіе магазины, военные транспорты и т. п. Тыловыхъ дорогъ, въ собственномъ смыслѣ слова, арміи, кромѣ, кажется, лѣваго крыла 1-й арміи, въ своемъ вѣдѣніи не имѣли, а потому и мѣръ по устройству ихъ принимать не могли.

Изданное бывшимъ главнокомандующимъ „Временное Положеніе объ Управленіяхъ, состоящихъ при главнокомандующемъ", раздѣливъ завѣдываніе тыломъ между тремя инстанціями: начальникомъ тыла, начальникомъ военныхъ сообщеній при главнокомандующемъ и начальниками военныхъ сообщеній армій, до крайности усложнило дѣло вводомъ совершенно излишнихъ органовъ начальника военныхъ сообщеній при главнокомандующемъ.

Справиться со сложнымъ дѣломъ подготовки тыла для всѣхъ трехъ армій одному Управленію начальника военныхъ сообщеній при главнокомандующемъ, конечно, было до крайности трудно, по обширности задачи, требующей непосредственнаго и постояннаго общенія съ Управленіями армій, что осуществить на практикѣ не представлялось возможнымъ. Выдѣленіе же въ тыловой раіонъ арміи ничтожной полосы, не включавшей даже тыловыхъ корпусныхъ дорогъ, не облегчало вовсе Управленія начальника военныхъ сообщеній при главнокомандующемъ, а ставило въ крайне неестественныя условія дѣятельность армейскихъ тыловыхъ учрежденій и даже парализовало ихъ работу.

Полевому дорожному управленію приходилось руководить разработкой ничтожныхъ кусочковъ войсковыхъ путей, что, конечно, составляло одну даже

изъ второстепенныхъ обязанностей корпусныхъ инженеровъ. Въ распоряженіи начальника этаповъ были только нѣсколько перволинейныхъ этаповъ, расположенныхъ на правомъ берегу р. Хуньхэ; транспорты же армейскіе, согласно ст. 212 „Временнаго Положенія“, при исполненіи перевозокъ, съ переходомъ на правый берегъ Хуньхэ—что представлялось неизбѣжнымъ при подвозѣ изъ Мукдена—даже выходили вовсе изъ подчиненія своего начальника транспортовъ, а поступали въ вѣдѣніе начальника транспортовъ при главнокомандующемъ.

Полагаю, что опытъ совершенно несоотвѣтственной организаціи тыла, ознаменовавшійся громадными матеріальными убытками, и былъ причиной, послѣ Мукденскихъ боевъ, распредѣленія всего ближайшаго тыла между арміями, исключивъ вѣдѣніе таковымъ органами начальника военныхъ сообщеній при главнокомандующемъ. Эта послѣдняя организація и дала возможность, послѣ Мукденскихъ боевъ, обстоятельно и надежно подготовить значительный тыловой раіонъ отъ Сыпингая до р. Сунгари.

Этимъ кончается мой формальный отвѣтъ по письму бывшаго главнокомандующаго отъ 18 іюля сего года № 165. Однако я считаю полезнымъ сдѣлать нѣсколько дополненій къ этому отвѣту, для поясненія его нѣкоторыми подробностями и для выясненія обстановки, при которой приходилось дѣйствовать 25 февраля.

Бывшій главнокомандующій, повидимому, считаетъ, что главная цѣль послѣдняго акта Мукденской операціи заключалась въ выигрышѣ времени для уборки обозовъ въ Тѣлинъ. Это можно усмотрѣть изъ нижеслѣдующихъ словъ письма № 165: „Въ дѣйствительности не только у Пухэ, но и у Илу не удалось собрать сколько нибудь значительныхъ силъ

изъ состава 3 арміи, дабы дать отпоръ японцамъ и выиграть время для уборки обозовъ въ Тѣлинъ". Такимъ образомъ требовалось дать отпоръ противнику, дабы своевременно убрать въ тылъ обозъ.

Это соображеніе письма № 165 совершенно не отвѣчаетъ той цѣли, которая была поставлена диспозиціей, данной командующимъ 3-й арміей, въ точности основанной на директивахъ бывшаго главнокомандующаго, и явилось лишь впослѣдствіи, когда стало извѣстно, что армія понесла большія потери въ обозахъ, и когда путемъ разныхъ запросовъ и сопоставленій явилось желаніе обвинить начальниковъ въ крупной утратѣ матеріальной части.

Дѣло было не въ обозахъ, ибо потеря части обоза составляетъ, въ сущности, лишь незначительную часть и по своему существу второстепенную тѣхъ ужасныхъ потерь, которыя мы понесли въ войскахъ, когда, благодаря крайне неудачному общему руководству, погибли цѣлые полки, когда мы потеряли нѣсколько знаменъ.

Основная мысль директивъ бывшаго главнокомандующаго, данныхъ на 25 февраля, заключалась въ отступленіи арміи къ Тѣлинскимъ укрѣпленнымъ позиціямъ, гдѣ онъ намѣревался дать противнику рѣшительный отпоръ.

На 3 армію, какъ слабѣйшую по составу, возложена была простая задача отступленія на линію Пухэ-Ленхуачи, при чемъ въ директивахъ ни однимъ словомъ не указано было о чемъ либо, что походило бы на активныя дѣйствія, не сказано было, до какого часа и на какихъ позиціяхъ армія должна была удерживать напоръ противника въ томъ случаѣ, если бы, почему либо, 1 или 2 арміи задержались при отступленіи, а задержку въ отступленіи можно было предвидѣть, да она въ дѣйствительности и

произошла во 2 арміи. 1-я армія, кромѣ 1-го армейскаго корпуса, отступила безпрепятственно.

Равнымъ образомъ въ директивахъ не было ни слова сказано, что должна была предпринять 3 армія въ томъ случаѣ, если бы японцы обошли правый флангъ 2 арміи и появились бы въ ея тылу, къ чему нашъ противникъ упорно стремился за все время боевъ подъ Мукденомъ. Независимо этого не было дано ни одного указанія, что она должна была предпринять въ случаѣ прорыва противникомъ нашего расположенія на Хуньхэ, каковой прорывъ можно было предвидѣть, какъ въ виду того, что линія Хуньхэ была слабо занята, укрѣпленныя позиціи были слабы и плохо построены, такъ и того, что самая рѣка была въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыта льдомъ, по которому войска свободно переходили.

До какой степени директивы бывшаго главнокомандующаго, относительно 3-й арміи, были пропикнуты мыслью о пассивной роли арміи, не заключая въ себѣ ни одного указанія на возможность активныхъ дѣйствіяхъ, видно изъ того, что командовавшій этою арміею счелъ возможнымъ, въ отданной имъ диспозиціи на 25-е февраля, указать корпусамъ мѣста ночлеговъ, а также мѣста большихъ привaловъ. Привалы назначены: для 5-го и 6-го Сибирскихъ корпусовъ на линіи деревень Тадзынинъ-Эрва, 17-му корпусу у деревни Тава.

Когда 6-й Сибирскій корпусъ переходилъ 23-го февраля черезъ Хуньхэ по мосту и частью по льду, я приказалъ начальнику штаба корпуса, генералъ-маіору Постовскому, распорядиться уничтоженіемъ льда на участкѣ р. Хуньхэ, пролегающемъ вдоль позиціи корпуса, что, какъ мнѣ доложилъ начальникъ штаба, и было исполнено, а такъ какъ

мостъ передъ позиціей корпуса былъ своевременно уничтоженъ, то я не опасался прорыва противника на моемъ участкѣ.

Въ телеграммѣ отъ 6 ч. 10 м. вечера 25-го февраля бывшій главнокомандующій всеподданнѣйше донесъ Государю Императору между прочимъ слѣдующее: „Легкость прорыва съ юга объясняется тѣмъ, что рѣка Хуньхэ, служившая надежнымъ прикрытіемъ нашей Мукденской позиціи, нынѣ замерзла".

Телеграмма эта не отличается точностью, ибо на самомъ дѣлѣ рѣка отошла и лишь въ нѣкорыхъ мѣстахъ было частью покрыта льдомъ. Если-бы послѣдовало общее распоряженіе объ уничтоженіи льда, что возможно было сдѣлать при наличіи саперъ и рабочихъ рукъ, то этимъ была-бы сильно затруднена противнику переправа черезъ рѣку.

Представляется, въ виду оцѣнки общихъ распоряженій по арміямъ, чрезвычайно важнымъ знать, когда получилъ бывшій главнокомандующій первое свѣдѣніе о происшедшемъ у Кіузана прорывѣ противникомъ расположенія 4-го Сибирскаго корпуса.

Для выясненія этого обстоятельства приведу нѣкоторыя справки, взятыя изъ дѣлъ 1-го армейскаго корпуса и реляціи командующаго 72 пѣх. дивизіи.

Изъ документовъ, которые я имѣлъ въ рукахъ, видно, что первое свѣдѣніе о прорывѣ японцевъ у Кіузана сообщено и. д. начальника штаба 1 армейскаго корпуса поручикомъ Овсянниковымъ въ донесеніи № 11, помѣченномъ 1 ч. 20 м. дня 24-го прошлаго февраля. Въ немъ говорится: „4 Сибирскій корпусъ обстрѣливается японцами. Деревня Кіузанъ, по свѣдѣніямъ охотниковъ, уже занята японцами. Большинство позицій 4-го корпуса еще не успѣли занять".

Полевою запискою № 9-й, помѣченной 4 ч. 20 м. дня, генералъ-маіоръ Шилейко донесъ командиру 1-го армейскаго корпуса слѣдующее: „Японцы противъ моего участка прекратили наступленіе. Съ лѣваго фланга приходятъ самыя неблагопріятныя извѣстія, а именно: вр. командующій 4-мъ корпусомъ отошелъ назадъ, японцы заняли дер. Кіузанъ, продвигаются впередъ и на мой лѣвый флангъ. Послалъ послѣднія три роты на мой лѣвый флангъ подъ начальствомъ офицера генеральнаго штаба. Обо всемъ донесу дополнительно, а пока прошу выслать обѣщанный полкъ".

Записка получена въ 5 ч. дня.

Генералъ-адъютантъ баронъ Мейендорфъ донесъ бывшему главнокомандующему полевою запискою за № 30, помѣченною 5 ч. 15 м. дня 24 февраля слѣдующее: „Доношу, что мною только что получено извѣстіе: Генералъ Засуличъ отступилъ. Генералъ Левестамъ сбитъ съ позиціи у Кіузана. Высылаю боковой заслонъ въ составѣ 20-го стрѣлковаго полка и 3-й Забайкальской казачьей батареи въ направленіе на селеніе Ментаигоу, съ тѣмъ, чтобы постараться составить боковой заслонъ на гребнѣ Кіузанской долины. Мнѣ были обѣщаны Царицынскій и Красноярскій полки, которые однако къ сел. Лямивоза до сихъ поръ не прибыли. Занимаю растянутую позицію, въ резервѣ всего 2 батал. Новочеркасскаго полка".

Дальнѣйшія донесенія о прорывѣ 4-го Сибирскаго корпуса заключаются въ слѣдующемъ.

Полевою запискою № 10, помѣченною 5 ч. 30 м. дня 24 февраля, генералъ-маіоръ Шилейко донесъ командиру 1-го армейскаго корпуса слѣдующее: „Доношу, на моемъ лѣвомъ флангѣ отрядъ генерала Левестама ушелъ отъ рѣки Хуньхэ; японцы

у Тидяфана переходятъ рѣку тремя колоннами, каждая не менѣе роты. Опасаюсь за свой лѣвый открытый флангъ. Чтобы миновать катастрофы, не найдете ли возможнымъ прислать на поддержку для закрѣпленія лѣваго фланга".

Записка эта получена въ 6 час. вечера.

Полевою запискою № 11, помѣченною въ 5 час. 50 мин. дня 24 февраля, генералъ-маіоръ Шилейко донесъ командиру 1-го армейскаго корпуса слѣдующее: „Генералъ Левестамъ, уходя съ позиціи, увелъ изъ окоповъ три роты Барнаульскаго полка изъ моего отряда безъ моего вѣдома. Несмотря на усиленную поддержку лѣваго фланга, занять укрѣпленія этихъ ротъ мнѣ не удалось. Лѣвый флангъ мой обходятъ. На фронтѣ позиціи только 3 роты. Въ резервѣ у меня только три роты со знаменемъ...".

Въ половой запискѣ за № 10, отъ 6 ч. 10 м. вечера 24 февраля, генералъ-маіоръ Шилейко доноситъ. „Доношу, что генералъ Левестамъ о своемъ отступленіи меня не извѣстилъ. Отступленіе, видимо, было спѣшное, потому что конные охотники мнѣ неоднократно докладывали о доказательствахъ этой спѣшности. Такъ у Кіузана охотники видѣли трупъ нашего артиллериста нижняго чина, лазаретную линейку, 3 зарядныхъ ящика, привезли сахаръ. По-видимому, около Тидяфана видѣли брошенные ящики съ патронами и теплыя вещи..."

Въ 1 ч. 40 м. ночи съ 23 на 24 февраля 72 пѣх. дивизія получила черезъ командира 3 Сибирскаго корпуса слѣдующее приказаніе бывшаго главнокомандующаго: „Дивизіи съ разсвѣтомъ перейти въ с. Пухэ, гдѣ и поступить въ распоряженіе генерала Зарубаева. Въ составъ дивизіи включается 146 Царицынскій полкъ.

Въ 8 ч. утра 24 февраля дивизія выступила изъ

с. Капукая черезъ с. Хушинпу въ с. Пухэ. Дивизіи пришлось исполнить фланговый маршъ до с. Сяофаншенъ. По лѣвую сторону рѣки двигались конно-охотничьи команды Тарусскаго и Кирсановскаго полковъ. Едва части дивизіи втянулись въ долину, идущую отъ р. Хуньхэ на сѣверъ къ с. Хушинпу, получены были свѣдѣнія отъ охотничьихъ командъ о появленіи передовыхъ японскихъ частей у рѣки. Команды на два часа задержали противника у сел. Бейсатунь (Вейситунь), что дало возможность частямъ дивизіи спокойно втянуться въ долину. Засимъ дивизія прослѣдовала черезъ сел. Хушинпу, причемъ хвостъ ея миновалъ селеніе около 3 часовъ дня. Между тѣмъ обозы 2 разряда 72 пѣх. дивизіи, ночевавшіе у сел. Минючжуанзы (Малинзуанзе), должны были присоединиться у с. Хушинпу къ дивизіи; но встрѣченныя у этого селенія и у с. Фыдятунь (Фындіатынъ) японскими разъѣздами, къ дивизіи не присоединились и уклонились къ с. Сандягоу, откуда достигли до г. Тѣлина.

Такъ что японцы около 3-4 ч. дня 24-го февраля уже имѣли свои разъѣзды на линіи Фыдіатунь—Хушинпу, причемъ движеніемъ противника отъ 1 арміи былъ отрѣзанъ 1 армейскій корпусъ, входившій въ составъ 1 арміи, а также всѣ три корпуса 3 арміи.

Замѣчу здѣсь, что 72 дивизія была двинута чрезвычайно неудачно. Двигалась она кружнымъ путемъ. Путь по правому берегу Хуньхэ, мимо позиціи 4 сибирскаго, 1 армейскаго и 6-го сибирскаго корпусовъ, былъ ближайшій къ фронту 2 арміи, и если-бы дивизія была двинута именно этою дорогою, то могла-бы уничтожить передовыя японскія силы, порывавшіяся у Кіузана на сѣверъ и сѣверо-западъ.

Тогда-бы исходъ операціи 25 февраля могъ бы быть иной.

Въ такомъ видѣ представляется прорывъ японцевъ у Кіузана по документамъ 1 армейскаго корпуса и 72 пѣх. дивизіи. Къ сожалѣнію, я не имѣю въ своемъ распоряженіи документовъ 4 сибирскаго корпуса и штаба 1 арміи.

Когда же могъ получить бывшій главнокомандующій первое достовѣрное свѣдѣніе объ этомъ прорывѣ?

Донесеніе командира 1 армейскаго корпуса послано ему въ началѣ 6-го часа вечера 24 февраля. Въ 6-мъ ч. вечера этого числа въ штабѣ 3 арміи было извѣстно объ этомъ прорывѣ. Надо думать, что генералъ-адъютантъ Куропаткинъ получилъ извѣстіе либо поздно вечеромъ, либо въ началѣ ночи; во всякомъ случаѣ ранѣе начала отхода 3 арміи отъ р. Хуньхэ.

Въ виду прорыва японцами расположенія 4-го сибирскаго корпуса обстановка совершенно измѣнилась и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали новыхъ приказаній, но генералъ-адъютантъ Куропаткинъ не счелъ нужнымъ измѣнить свои директивы и лишь днемъ 25 февраля принялъ рядъ частныхъ мѣръ, о которыхъ даже не сообщилъ кому слѣдовало-бы сообщить.

Драгоцѣнное время было потеряно.

Изъ вышеизложеннаго усматривается, что 3 арміи, по директивамъ бывшаго главнокомандующаго, была предоставлена чисто пассивная роль—отступить на линію Пухэ-Ленхуачи.

Мнѣ неизвѣстно, что было сообщено командовавшему 3 арміею по поводу прорыва японцевъ, но я, какъ командиръ корпуса, примыкавшаго къ правому флангу 1 арміи, не былъ никѣмъ увѣ-

домлешъ о томъ, какъ глубоко проникли японцы на сѣверъ и насколько это могло повліять на движеніе корпуса, а также я не получилъ никакого новаго распоряженія, сообразно съ новою грозною обстановкою; по смѣю думать, что это было бы возможно сдѣлать и было-бы во всякомъ случаѣ необходимо.

На 2 армію директивами бывшаго главнокомандующаго, отданными на 25 февраля, была возложена задача задерживать противника до отхода 3 арміи изъ предмостныхъ укрѣпленій, причемъ 2 армія должна была засимъ отходить вдоль желѣзно-дорожной линіи, прикрывая своимъ движеніемъ 3 армію отъ ударовъ съ запада.

Слѣдовательно, задача 2 арміи была активная.

Замѣчу, что движеніе 5 Спб. корпуса въ обходъ Мукдена съ западной стороны крайне затрудняло и стѣсняло движеніе 2 арміи, дѣйствовавшей почти у самаго Мукдена тоже по западную его сторону.

Такая же активная задача была дана 1 арміи, которая должна была прикрыть корпусами, занимавшими Фушунскую позицію, отходъ 3 арміи изъ укрѣпленій на р. Хуньхэ и затѣмъ огойти, прикрывая пути отъ линіи Фушунъ-Импань на Тѣлинъ.

Директивы эти, при безповоротномъ и, по моему мнѣнію, преждевременномъ рѣшеніи отступить къ Тѣлину во что бы то ни стало, даны правильно, хотя слѣдовало-бы предвидѣть и для 3 арміи активныя дѣйствія. Замѣчу, что изъ 421 баталіона, принимавшихъ участіе въ бояхъ подъ Мукденомъ, въ 3 арміи было всего 44 баталіона, а потому естественно ей была назначена пассивная задача.

Относительно прорыва японцевъ въ направленіи на с. Пухэ считаю не безполезнымъ замѣтить слѣ-

дующее. Выше было упомянуто, что около 3—4 часовъ дня 24 февраля японскія передовыя части уже занимали линію Фындіатынъ-Хушиппу т. е. были отъ с. Пухэ въ разстояніи приблизительно 13—15 верстъ.

Въ 7 ч. вечера 24 февраля 72 п. дивизія прибыла въ Пухэ, исполнивъ въ 11 часовъ времени маршъ въ 45 верстъ. На посланное донесеніе генералу Зарубаеву о прибытіи дивизіи генералъ прислалъ отвѣтъ, что дивизія болѣе уже не входитъ въ составъ его отряда. Въ виду важнаго значенія перевала у с. Ленхуачи и ближайшихъ высотъ у с. Пухэ, генералъ-маіоръ Радкевичъ направилъ на позицію 2 роты 285 Мценскаго полка и конно-охотничьи команды Кирсановскаго и Тарусскаго полковъ. Эти части оставались на позиціи до 11 ч. ночи 25 февраля.

Не получая никакихъ приказаній, генералъ-маіоръ Радкевичъ рѣшился лично представиться главнокомандующему, которому и явился утромъ 25 февраля и который сказалъ, что разсчитывалъ на прибытіе дивизіи лишь къ вечеру этого числа. „Доложивъ главнокомандующему о сдѣланныхъ распоряженіяхъ, пишетъ въ своей реляціи генералъ-маіоръ Радкевичъ, я получилъ отъ него приказаніе сейчасъ же передвинуться къ ст. Хушитай, куда части дивизіи и прибыли къ часу дня. Оборона же перевaловъ у Пухэ и Ленхуачи была возложена на генералъ-маіора Левестама. Причемъ для ближайшаго обезпеченія Мандарпнской дороги отъ попытокъ мелкихъ частей прорваться къ обозамъ былъ оставленъ главнокомандующимъ причисленный къ генеральному штабу штабсъ-ротмистръ Половцевъ, въ распоряженіе котораго приказано было дать отъ дивизіи одну роту. Командпрованныя же наканунѣ

объ роты и охотничьи команды были присоединены къ дивизіи".

Изъ этого видно, что бывшій главнокомандующій не оцѣнилъ достаточно стратегическое значеніе позиціи у Пухэ, хотя уже зналъ давно о движеніи къ Пухэ японцевъ, о занятіи ими перевала Ленхуачи и о постепенномъ накопленіи тамъ силъ противника. 25 февраля днемъ онъ послалъ къ с. Пухэ командовавшаго 17 корпусомъ генералъ-лейтенанта Селиванова, предложивъ ему предварительно передать свой корпусъ въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Дембовскаго.

Пухэ, расположенное въ тылу 3 арміи и на флангахъ тыловыхъ путей 2 арміи, должно было бы обратить на себя самое серьезное вниманіе.

Днемъ 25 февраля бывшій главнокомандующій безъ особаго труда могъ-бы сосредоточить въ раіонѣ Тава-Пухэ сильный отрядъ, для чего стоило лишь рѣшиться и отдать точныя приказанія.

Въ этотъ отрядъ могли бы быть назначены слѣдующія части:

22-й пѣхотной дивизіи	12	баталіоновъ
72-й „ „	10	„
37-й „ „	12	„
55-й „ „	14	„
61-й „ „	8	„
3-й „ „	12	„
35-й „ „	8	„
Бригада ген.-маіора Шилейко	6	„
9-й Стрѣлковый полкъ	2	„
6-й „ „	2	„
Итого	86	„

Кромѣ того сюда же могли быть притянуты части отряда генералъ-маіора Морозова, а также бригада генералъ-маіора Путилова и войска, бывшія подъ

командой генералъ-маіора Левестама; всего составилось-бы около 100 баталіоновъ.

Оставивъ 50 баталіоновъ для обороны раіона Тава—Пухэ, что было совершенно достаточно въ виду того, что днемъ 25 февраля японцы не имѣли достаточныхъ силъ, чтобы преодолѣть эти войска, остальные 50 баталіоновъ могли бы быть назначены въ подкрѣпленіе 2 арміи. Съ такими силами можно было бы перейти въ рѣшительное наступленіе и вырвать у японцевъ побѣду.

Стратегія учитъ насъ, что дѣйствія по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ приводятъ къ рѣшительнымъ результатамъ, когда расчетъ движенія соображенъ правильно. Мы въ тотъ день были въ такомъ именно положеніи, но не воспользовались выгодно сложившеюся для насъ обстановкою. Отсутствіе рѣшимости и оставленіе въ силѣ отступательныхъ директивъ, данныхъ бывшимъ главнокомандующимъ въ ночь съ 24 на 25 февраля, повели за собою самыя невыгодныя послѣдствія: войска, не получая точныхъ приказаній, потянулись къ Тѣлину.

Нужно имѣть въ виду, что въ половинѣ февраля обѣ стороны готовились къ рѣшительному наступленію на западномъ фронтѣ. Уступное расположеніе арміи Ноги за лѣвымъ крыломъ ясно указывало, куда готовился ударъ японцевъ.

Дабы развлечь вниманіе нашего бывшаго главнокомандующаго, японцы сдѣлали попытку нападенія на нашъ тылъ, а также намекнули на возможность нападенія на Владивостокъ. Это вызвало большую тревогу въ нашей главной квартирѣ. Посланы были спѣшно въ тылъ бригада 41 дивизіи и донскіе казачьи полки, а для усиленія полевой артиллеріи Владивостока отправлено нѣсколько батарей, снятыхъ съ позиціи р. Шахэ.

Дабы отвлечь наше вниманіе отъ дѣйствительнаго фронта наступленія, японцы предприняли усиленную демонстрацію противъ нашего лѣваго крыла, и бывшій главнокомандующій нашелъ нужнымъ передвинуть свой стратегическій резервъ въ расположеніе 1 арміи въ то самое время, когда должно было начаться рѣшительное наступленіе 2 нашей арміи. Наступленіе вслѣдствіе этого не состоялось.

Японцы еще разъ подчинили своей волѣ волю нашего вождя, а засимъ, когда окончательно въ этомъ убѣдились, привели въ исполненіе, безъ колебаній, задуманный ими планъ обхода нашего праваго фланга.

Планъ японцевъ былъ крайне рискованный и плохо обдуманный; но счастье непзмѣнно имъ покровительствовало. Если-бы бывшій главнокомандующій не поддался гипнозу, то японцы дорого бы заплатили за свое необдуманное предпріятіе.

Только что было сказано, что днемъ 25 февраля генералъ-адъютантъ Куропаткинъ могъ сосредоточить въ раіонѣ Пухэ—Тава до 100 баталіоновъ, изъ коихъ 50 можно было двинуть въ помощь праваго крыла.

Независимо этого, если бы бригада 41 п. дивизіи и донскіе казачьи полки, присутствіе коихъ въ тылу стало излишнимъ, были возвращены на театръ борьбы и были-бы кромѣ того своевременно перевезены изъ Владивостока двѣ восточно-стрѣлковыя дивизіи, что возможно было исполнить, ибо крѣпости никто не угрожалъ, то къ 21—22 февраля могъ быть образованъ свѣжій корпусъ силою въ 40 баталіоновъ съ артиллеріей и конницею, который, расположившись гдѣ либо на р. Ляохе, примѣрно около с. Шифусы, могъ-бы, двигаясь близъ рѣки, стать на коммуникаціонномъ пути арміи Ноги.

Во всякомъ случаѣ на главномъ театрѣ войны надлежало сосредоточить превосходныя силы.

Какъ только что было сказано, мы имѣли возможность 25 февраля вырвать побѣду изъ рукъ японцевъ. Я незнакомъ со всѣми обстоятельствами борьбы нашего праваго крыла съ обходившею насъ арміею Ноги; но, судя по отзывамъ участниковъ этой борьбы мысль о побѣдѣ ни на минуту не покидала ни нашихъ начальниковъ, ни войска. Вѣдь наше правое крыло по числу бойцовъ превосходило японцевъ; но, къ сожалѣнію, наши войска были страшно перепутаны, а многія части, бывшія въ личномъ распоряженіи бывшаго главнокомандующаго, оставались въ бездѣйствіи; многія были забыты. Если-бы онъ, собравъ въ раіонѣ Пухэ—Тава, какъ я объ этомъ уже говорилъ, 100 баталіоновъ, двинулъ-бы 50 изъ нихъ противъ арміи Ноги, то онъ имѣлъ бы въ своихъ рукахъ тотъ молотъ, который нанесъ бы пораженіе противнику.

Бывшій главнокомандующій, неся главную отвѣтственность за положеніе дѣлъ, рѣшился отвести армію въ раіонъ Тѣлинскихъ позицій.

Но почему генералъ-адъютантъ Куропаткинъ не остановился въ Тѣлинѣ и не занялъ заранѣе сооруженныя „грандіозныя“ позиціи? Смѣю думать, что это онъ могъ и долженъ былъ сдѣлать.

Войска наши были подъ впечатлѣніемъ понесенной ими крупной неудачи и были разстроены; но вѣдь и японцы были сильно разстроены. Мы понесли большія потери; но вѣдь и японцы понесли потери не меньшія нашихъ, что удостовѣряется тѣмъ, что они насъ крайне слабо преслѣдовали и то небольшими частями.

Въ Тѣлинѣ у насъ были сосредоточены огром-

ные запасы всякаго рода довольствія, что значительно облегчало удержаніе позиціи.

Не говоря о стратегическихъ выгодахъ занятія этихъ позицій, нравственное значеніе остановки нашего отступленія у Тѣлина было-бы огромное, а продолженіе борьбы, при условіи подхода пополненія и подкрѣпленій, могло-бы привести къ успѣху.— А какъ нуженъ былъ успѣхъ и Россіи и арміи!

Двѣ арміи могли-бы занять позиціи, а третья стоять въ резервѣ.

Къ 1-му марта на позиціяхъ могло быть сосредоточено:

	батал.	сот. и эск.	орудій.
1-я армія: (1, 2, 3 и 4 Сибирскіе и 1 арм. корп., отрядъ ген. Ренненкампфа и полк. Мадритова).	160	63	394
2-я армія: (8, 10, 16 и Сводн. стрѣлк. корпуса)	136	52	264
3-я армія: (5 и 6 Сиб. и 17 арм. корпуса)	90	21	216
Итого . .	386	136	884

Въ Тѣлинѣ уже 27 февраля были части въ полномъ составѣ (55 пѣх. див.). Армія быстро оправилась.

Первая статья Устава полевой службы говоритъ: „Войска, предназначенныя къ совокупному дѣйствію, формируются въ арміи, отдѣльные корпуса и отряды изъ разныхъ родовъ оружія, не нарушая по возможности существующей организаціи“.

Эта основная статья наиболѣе важнаго для насъ военнаго устава была въ полномъ пренебреженіи во время боевого періода настоящей войны. Въ ар-

міи, въ командномъ отношеніи, до смѣны въ мартѣ главнокомандующаго, господствовалъ полный безпорядокъ. И это мы должны ясно сознать, не скрывая истины, дабы принять самыя рѣшительныя мѣры къ недопущенію этого на будущее время.

Дѣло въ этомъ отношеніи дошло до того, что къ концу Мукденскихъ боевъ, какъ это усматривается изъ письма генерала барона Каульбарса къ генералу Куропаткину отъ 29-го прошлаго іюня за № 86, по особому распоряженію бывшаго главнокомандующаго, былъ сформированъ отрядъ генерала фонъ-деръ Лауница силою въ 51 баталіонъ, 21½ сотенъ и эскадроновъ и 132 орудія, взятыхъ:

Изъ 4 армій (считая тылъ 4-ю арміею).
„ 11 корпусовъ
„ 16 дивизій
„ 43 полковъ и 5 артиллерійскихъ бригадъ.

Относительно 6 Сибирскаго корпуса считаю нужнымъ привести слѣдующія свѣдѣнія:

7 августа прошлаго года, когда я имѣлъ счастье представиться Государю Императору въ Петергофѣ по случаю моего отъѣзда на войну, Его Императорское Величество изволилъ мнѣ сказать, что въ Маньчжурской арміи было замѣчено частое нарушеніе организаціи войскъ и что Онъ повелѣлъ избѣгать этого безъ крайней нужды.

14-го сентября прошлаго года, въ Харбинѣ, намѣстникъ Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ, пользовавшійся правами главнокомандующаго, сказалъ мнѣ, что онъ назначилъ мой корпусъ временно въ распоряженіе командующаго маньчжурской арміею, но при этомъ поставилъ условіемъ, чтобы корпусъ дѣйствовалъ совокупно и чтобы генералъ-адъютантъ Куропаткинъ отнюдь не

отдавалъ какія либо его части въ распоряженіе какого либо лица внѣ корпуса. Въ тотъ же день я получилъ секретный отзывъ отъ начальника штаба намѣстника за № 5084 слѣдующаго содержанія: „Въ виду ожидаемаго въ ближайшемъ будущемъ столкновенія маньчжурской арміи въ Мукденскомъ раіонѣ съ японскими арміями, намѣстникъ Его Императорскаго Величества призналъ необходимымъ оказать арміи содѣйствіе войсками ввѣреннаго Вамъ корпуса, съ подчиненіемъ временно генералъ-адъютанту Куропаткину, но безъ включенія въ составъ маньчжурской арміи, а также при условіи, что изъ корпуса не будутъ выдѣляться части на усиленіе другихъ корпусовъ и отрядовъ и что онъ будетъ дѣйствовать въ совокупности или опредѣленномъ раіонѣ. Во исполненіе вышеизложеннаго намѣстникъ предлагаетъ вашему высокопревосходительству принять непосредственное руководство дѣйствіями ввѣреннаго вамъ корпуса".

Считаю необходимымъ замѣтить, что мнѣ было обѣщано самостоятельное назначеніе съ предоставленіемъ правъ командира отдѣльнаго корпуса, дабы имѣть въ арміи двѣ самостоятельныя группы войскъ, а главное дабы придать арміямъ духъ наступательный, такъ какъ было усмотрѣно, что бывшій командующій маньчжурскою арміею придерживается исключительно оборонительно-отступательнаго направленія, что особенно ярко обнаружилось боями подъ Ляояномъ, чрезвычайно вредно дѣйствующее на духъ нашихъ войскъ и подымающее духъ войскъ противника.

Къ сожалѣнію этого не случилось; но я полагаю, что если-бы въ началѣ сентября прошлаго года была образована вторая самостоятельная группа подъ командою любого корпуснаго командира, хотя-бы даже

изъ двухъ корпусовъ и дивизіи конницы, и группѣ этой была-бы дана правильная директива, исходъ боевъ на Шахе былъ-бы иной. Впрочемъ исходъ этихъ боевъ тоже былъ-бы иной, если-бы бывшій командующій маньчжурскою арміею не отмѣнилъ приказаніе начальника западнаго отряда, генерала барона Бильдерлинга, отданное имъ для наступленія 3-го октября противъ лѣваго крыла противника, крайне истомленнаго и ослабленнаго предшествовавшими боями.

Что же произошло на самомъ дѣлѣ съ 6 сибирскимъ корпусомъ?

Съ самаго появленія этого корпуса на театрѣ войны изъ него была выдѣлена бригада пѣхоты съ артиллеріею, оставленная въ Тѣлинѣ и Мукденѣ, а засимъ корпусъ стали дробить и, наконецъ, его обратили въ рабочую команду, и вмѣсто того, чтобы производить строевыя занятія, а въ этихъ занятіяхъ онъ очень нуждался, такъ какъ былъ сформированъ почти исключительно изъ запасныхъ, его назначили на работы по проложенію колонныхъ дорогъ и постройкѣ землянокъ для ожидавшихся изъ Россіи войскъ. Онъ провелъ 85 верстъ колонныхъ путей и построилъ землянки на 20,000 людей, работая въ грунтѣ, промерзшемъ на полтора и два аршина. Въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ корпусъ выставилъ свыше 500,000 рабочихъ.—Точно нельзя было для этихъ тыловыхъ работъ нанять китайцевъ.

Вышло такъ, что за время войны я имѣлъ подъ своею непосредственною командою корпусъ въ полномъ его составѣ въ теченіе всего сорока пяти минутъ. Въ одинъ изъ октябрьскихъ дней прошлаго года, когда войска моего корпуса занимали правый флангъ нашей позиціи на Шахэ, прибыла наконецъ 1-я бригада 55 пѣх. дивизіи,

стоявшая до того времени въ Тѣлинѣ и Мукденѣ. Не успѣлъ я отойти отъ моей фанзы на полъ-версты, какъ меня нагналъ начальникъ штаба корпуса, доложивъ, что командующій маньчжурскою арміею экстренно потребовалъ одну изъ бригадъ моего корпуса для расположенія ея въ стратегическомъ резервѣ въ с. Хоашихэ.

За время Мукденскихъ боевъ, когда требовалось полное напряженіе силъ и всякій долженъ былъ проявить, въ сферѣ своей власти, полную энергію и знаніе, въ моемъ вѣдѣніи оставалось всего 13—14 баталіоновъ моего корпуса, т. е. менѣе дивизіи, но и изъ этихъ оставшихся баталіоновъ, по распоряженію бывшаго главнокомандующаго, безъ моего и начальника дивизіи вѣдома, на маршѣ брали баталіонъ за баталіономъ.

Впрочемъ въ такомъ же положеніи были почти всѣ корпусные командиры, а одинъ, именно генералъ-лейтенантъ Церпицкій, какъ онъ мнѣ о томъ самъ говорилъ, въ послѣдніе дни боевъ подъ Мукденомъ не имѣлъ подъ своею непосредственною командою ни одной отдѣльной части своего 10 корпуса.

Изъ письма бывшаго главнокомандующаго за № 165 видно, что онъ полагаетъ, что мое мѣстопребываніе ночью и утромъ 25 февраля, во время боя подъ Хоулиномъ, должно было быть въ первой линіи войскъ соединенныхъ отрядовъ. Значитъ, я долженъ былъ, какъ корпусный командиръ, находиться въ цѣпи или ея поддержкѣ, ибо цѣпь съ соотвѣтственными поддержками составляютъ первую линію боевого расположенія. Полагаю, что эта фраза должна быть отнесена къ числу неудачныхъ описокъ письма, такъ какъ нѣтъ никакой надобности командиру корпуса, безъ особой въ томъ нужды, находиться въ

цѣпи. Наши доблестныя войска смѣлы и храбры и для нихъ достаточно, если въ цѣпи находятся младшіе офицеры и ротные командиры, если вся рота разсыпана въ цѣпь, а въ поддержкѣ цѣпей—ротные командиры или, по обстоятельствамъ, и командиры баталіоновъ.

На самомъ дѣлѣ 25 февраля, во все время Хоулинскаго боя, генералъ-адъютантъ баронъ Мейендорфъ и я находились въ передовой линіи боевого расположенія войскъ, но это произошло совершенно случайно.

Высшіе начальники, конечно, имѣютъ право, а иногда и обязаны находиться, въ исключительныхъ случаяхъ, въ цѣпи, какъ это случилось 1 октября прошлаго года, когда начальникъ 55 п. дивизіи генералъ-лейтенантъ Лаймингъ, съ начальникомъ штаба дивизіи, подполковникомъ Бищютко, руководили, вслѣдствіе страшной убыли въ офицерахъ и происшедшаго замѣшательства, дѣйствіями ротъ въ бою.

Мнѣ извѣстенъ случай пребыванія 26 прошлаго февраля въ с. Илу командовавшаго 3 арміею, генерала барона Бильдерлинга, съ штабомъ арміи, когда впереди этого селенія не было нашихъ войскъ и японцы настолько приблизились къ селенію, что легко могли захватить штабъ.

Такіе примѣры составляютъ исключеніе и не должны быть общимъ правиломъ, такъ какъ пребываніе старшихъ начальниковъ въ передовыхъ линіяхъ боевого расположенія войскъ лишаетъ ихъ возможности правильно вести бой, а войска, расположенныя въ резервѣ, при такихъ условіяхъ, часто ускользаютъ изъ рукъ.

Съ увѣренностью можно полагать, что одной изъ причинъ нашей крупной неудачи подъ Мукденомъ слѣдуетъ считать то обстоятельство, что старшіе

войсковые начальники, начиная отъ бывшаго главнокомандующаго, слишкомъ близко находились отъ передовыхъ боевыхъ линій. Такая обстановка вызываетъ близкое расположеніе къ передовымъ линіямъ резервовъ, а при позиціонной войнѣ — совершенно неправильное употребленіе резервовъ и метаніе ихъ съ фланга на флангъ. Логическимъ послѣдствіемъ, слишкомъ близкаго расположенія къ передовымъ линіямъ старшаго начальника, является ослабленіе иниціативы подчиненныхъ начальниковъ.

На кордонной позиціи р. Шахэ, характеризовавшей собой новый періодъ паденія военнаго искусства, войска были вытянуты въ струнку и были расположены почти локоть къ локтю. Бывшій главнокомандующій размѣстился въ поѣздѣ, стоявшемъ у сел. Чансаматунь, въ 9—11 верстахъ отъ передовыхъ позицій войскъ центра, что повлекло за собою расположеніе резервовъ еще ближе къ позиціямъ. 72 пѣх. дивизія, входившая въ составъ стратегическаго резерва главнокомандующаго, расположена была отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ верстъ отъ боевыхъ позицій. Командующимъ арміями пришлось жить чуть ли не въ сферѣ артиллерійскихъ выстрѣловъ противника. Многіе корпусные командиры и почти всѣ начальники дивизій жили подъ выстрѣлами, жили по нѣсколько мѣсяцевъ при такой исключительно тяжелой обстановкѣ.

Мы всѣ пережили это время, тянувшееся слишкомъ долго; мы всѣ помнимъ наше сидѣнье на Шахэ. Каждый орудійный выстрѣлъ, раздававшійся на позиціи, а такихъ выстрѣловъ во время сидѣнья была не одна сотня тысячъ, вызывалъ вниманіе, а усиленная канонада, доходившая до слуха бывшаго

главнокомандующаго вызывала часто тревожный вопросъ о томъ, не начинается ли наступленіе.

Нервное напряженіе всякаго человѣка имѣетъ свои предѣлы, и, конечно, нервы бывшаго главнокомандующаго, да и у всѣхъ остальныхъ, какъ старшихъ, такъ и младшихъ начальниковъ, постоянно находились въ приподнятомъ состояніи. Всякая усиленная канонада, возбуждая тревогу въ ставкѣ бывшаго главнокомандующаго, влекла за собою десятки и сотни телефонныхъ запросовъ и множество телефонограммъ и телеграммъ, которыя облетали всѣхъ начальниковъ, часто вызывая перемѣщеніе резервовъ, усиленіе передовыхъ позицій и указаніе быть болѣе бдительными, особенно въ томъ случаѣ, если, по свѣдѣніямъ шпіоновъ, являлось предположеніе объ ожидаемомъ наступленіи японцевъ. Установлены наконецъ ежедневныя донесенія о положеніи дѣлъ на участкахъ позицій, о температурѣ, о числѣ обмороженныхъ, объ успѣхахъ работъ по усовершенствованію позиціи. Засимъ было приказано доносить по два раза, утромъ и вечеромъ, и даже по нѣсколько разъ въ день. Наконецъ приказано было доносить ежедневно о перемѣщеніи каждой роты, что поглощало много времени, страшно усложняло работы штабовъ дивизій, корпусовъ и арміи и въ сущности было совершенно безполезно. Словомъ, установленъ былъ самый строгій контроль.

Воля и самостоятельность начальниковъ постепенно сковывались самыми разнообразными приказаніями.

Дѣло дошло до того, что нашъ бывшій вождь распоряжался дѣйствіями охотничьихъ командъ. Въ 7 час. 5 мин. вечера 13 февраля я получилъ отъ начальника штаба 3 арміи записку за № 116, помѣченную 5 час. вечера, такого содержанія: „Глав-

нокомандующій выразилъ желаніе, чтобы сегодня на фронтѣ 3 арміи артиллерія обстрѣливала непріятельскія позиціи, если будутъ представляться цѣли и возможно будетъ наблюденіе. Расходъ пушечныхъ патроновъ опредѣляется не свыше 5 патроновъ на полевое орудіе! Осадной артиллеріи не дѣйствовать. Ночью произвести охотничьими командами поиски, но предпріятія въ 17 корпусѣ не начинать. То же будетъ во 2 арміи". Подписалъ генералъ-лейтенантъ Мартсонъ.

При такихъ условіяхъ всякое понятіе о починѣ начальниковъ исчезло и все подводилось подъ одну волю.

То сообщалось, что ночная артиллерійская стрѣльба безполезна и влечетъ за собою напрасную трату снарядовъ, то отдавалось приказаніе о ночной стрѣльбѣ, которая признавалась полезною.

Вдругъ возбуждался тревожный вопросъ о томъ, что не всѣ части кордонной линіи заполнены войсками, и для заполненія этого промежутка располагались спѣшенные казаки. Дѣло дошло до того, что боялись малѣйшаго свободнаго промежутка въ расположеніи войскъ, забывая, что такой промежутокъ съ двухъ сторонъ въ упоръ обстрѣливается ружейнымъ огнемъ. Спѣшно командировались главною квартирою инженеры, изъ коихъ мало кто понималъ полевую службу, не взирая на высказываемыя мнѣнія строевыхъ начальниковъ до командира корпуса включительно и офицеровъ генеральнаго штаба, предписывалось возводить въ „опасныхъ" мѣстахъ разнаго рода фортификаціонныя сооруженія. Начинались спѣшныя ночныя работы въ глубоко промерзшемъ грунтѣ, а засимъ дѣлались строгіе запросы, почему ночью два или три нижнихъ чина отморозили оконечности пальцевъ.

Боязнь прорыва постепенно переходила отъ бывшаго главнокомандующаго къ старшимъ и младшимъ начальникамъ и даже нижнимъ чинамъ, что, конечно, невыгодно дѣйствовало на состояніе духа войскъ.

Было усмотрѣно по планамъ, что между лѣвымъ флангомъ войскъ, занимавшихъ участокъ 6 сибирскаго корпуса, и правымъ флангомъ 1-го армейскаго корпуса оказался свободный промежутокъ въ 99 саженъ. Посланъ былъ довѣренный инженеръ. Я не находилъ нужнымъ заполнять этого промежутка войсками, доказывая, что и безъ того на кордонной позиціи расположено очень много войскъ и что слѣдуетъ оставить свободные промежутки для прохода войскъ въ случаѣ перехода нашего въ наступленіе. Мною предложено занять войсками 6 корпуса и позиціи 17 корпуса и отвести послѣдній корпусъ въ общій резервъ. который былъ несоразмѣрно малъ. Но воля вождя была непреклонна, и мои войска заставили по ночамъ усиленно строить траншеи, опорный пунктъ въ „опасномъ“ промежуткѣ, а также длинные ходы сообщеній. Тогда я выдвинулъ часть войскъ впередъ и занялъ новую передовую позицію, такъ называемые „Смоленскіе“ окопы и сосѣдніе. Мѣру эту одобрили, но приказали при началѣ наступленія противника немедленно очистить эти слишкомъ выдвинутые впередъ окопы.

Войска и начальники до крайности истомились, и, когда наступили тревожные дни Мукденскихъ боевъ, нервы у всѣхъ были переутомлены, а понятіе объ иниціативѣ начальниковъ почти совсѣмъ подавлено. Всѣ старались дѣлать лишь то, что имъ было приказываемо.

Готовилось наше второе наступленіе противъ лѣваго крыла японцевъ. Особенно озабочивались

подготовленіемъ бомбардировки позицій противника. Поставлена была на позиціи масса осадной артиллеріи, изъ которой запрещалось стрѣлять до особаго сигнала, а между тѣмъ японцы въ своемъ центрѣ возводили осадныя батареи, на которыя ставили 11 дюймовыя орудія. Запрещеніе стрѣлять по работамъ японцевъ кончилось тѣмъ, что послѣдніе спокойно возвели свои батареи, поставили на нихъ осадныя орудія и открыли по нашему центру страшную канонаду. И все же, не взирая и на это, было воспрещено стрѣлять нашимъ осаднымъ батареямъ. Наконецъ разрѣшеніе послѣдовало, но въ тотъ же вечеръ бывшій главнокомандующій приказалъ снять осадную артиллерію съ позиціи и направить ее въ тылъ. Изъ этого видно, что начальникамъ боевыхъ участковъ и даже корпуснымъ командирамъ воспрещалось употреблять въ дѣло артиллерію, поставленную въ боевую линію.

Мы готовились къ переходу въ рѣшительное наступленіе на нашемъ правомъ флангѣ, а резервы были двинуты къ лѣвому флангу, въ расположеніе 1 арміи, гдѣ японцы повели усиленную демонстрацію. Они начали эту демонстрацію съ очевидною цѣлью вырвать изъ нашихъ рукъ инпціативу и подчинить насъ своей волѣ. Это средство, уже ими испытанное, при колебаніи и нерѣшительности нашего бывшаго главнокомандующаго, всегда приводило къ побѣдѣ.

Резервы шли вдоль нашей кордонной линіи, почти на виду у японцевъ, а послѣдніе между тѣмъ рѣшились неуклонно провести задуманный ими планъ обхода праваго фланга нашего длиннаго и тонкаго расположенія.

Позволю себѣ высказать соображеніе о томъ, что если-бы нашъ бывшій главнокомандующій,

довѣряя больше своимъ подчиненнымъ, имѣлъ свое мѣстопребываніе не поблизости боевыхъ линій, а гдѣ-либо въ тылу, напримѣръ въ Тѣлинѣ, то мы не понесли бы пораженія подъ Мукденомъ. При такомъ условіи мѣстопребыванія вождя, стратегическіе резервы имѣли бы болѣе глубокое расположеніе, гдѣ-либо между Мукденомъ и Тѣлиномъ.

Само собою разумѣется, въ резервѣ надлежало поставить не менѣе 5—6 корпусовъ. Тогда всякій обходъ противника, направленный противъ войскъ нашей оборонительной линіи, былъ-бы парализованъ. Тогда сама собою явилась бы мысль о необходимости возвести укрѣпленныя позиціи уступомъ назадъ, одну, примѣрно, на линіи Шифусы—Шу, вторую гдѣ-либо за нашею 1-й арміею.

По поводу 33 вопроса генералъ-адъютанта Куропаткина, въ которомъ сказано, что я въ моемъ приказѣ № 33 въ „въ хвалебномъ духѣ“ описываю дѣятельность войскъ 6 Сибирскаго корпуса, въ дополненіе мною уже высказаннаго, считаю долгомъ сдѣлать слѣдующее поясненіе.

Бывшій главнокомандующій, не склонный вообще хвалить успѣшное окончаніе частныхъ операцій тѣхъ войскъ и начальниковъ, которые не были непосредственно въ его рукахъ, тѣмъ не менѣе одобрилъ операціи войскъ 6-го сиб. корпуса, исполненныя корпусомъ на правомъ флангѣ во время сентябрьскихъ и октябрьскихъ боевъ прошлаго года.

Неожиданно выдвинутыя изъ стратегическаго резерва три бригады 6 Сибирскаго корпуса съ артиллеріей были поставлены на правый флангъ западнаго отряда. 6 Сибирскій корпусъ былъ лишенъ конницы, такъ какъ 10 Оренбурскій казачій полкъ, назначенный приказомъ намѣстника въ составъ кор-

пуса, данъ лишь много спустя послѣ боя на Шахэ. Корпусъ двигался съ закрытыми глазами. Конно-охотничьи команды еще не могли быть сформированы.

29 сентября бригада корпуса оказала успѣшное содѣйствіе сосѣднему 17 корпусу. 1 октября готовилось рѣшительное наступленіе японцевъ по всему фронту, причемъ главныя силы арміи Оку направлялись противъ моего 6 Сибирскаго корпуса, что въ дѣйствительности и случилось. Оку имѣлъ цѣлью, разгромивъ нашъ правый флангъ, занять Мукденъ. Другія арміи японцевъ должны были сбить нашъ центръ и лѣвое крыло. Словомъ, японцы готовились къ рѣшительной побѣдѣ.

Еще 29 сентября въ 9 ч. у. я получилъ слѣдующую записку отъ начальника отряда: „Командующій арміею просилъ меня предупредить васъ о возможности обхода нашего праваго фланга арміей Оку, чтобъ ваше высокопревосходительство были готовы заблаговременно встрѣтить своими войсками этотъ ударъ“.

Одновременно съ этимъ я получилъ записку начальника штаба арміи, тоже предупреждавшую меня объ обходѣ нашего праваго фланга.

1-го октября произошелъ встрѣчный кровопролитный бой. Всѣ яростныя атаки Оку были блистательно отбиты войсками 6-го сиб. корпуса, и японцы не достигли своей цѣли. 3 октября части войскъ корпуса перешли въ наступленіе и заняли важную выдвинутую позицію у с. Вуджунинъ.

По поводу этихъ операцій войскъ 6 сибирскаго корпуса я получилъ отъ начальника западнаго отряда, генерала барона Бильдерлинга, двѣ записки.

Въ 1-й запискѣ, помѣченной 5 ч. по полудни 1 октября было сказано: „Благодаря вашему вы-

движенію впередъ мнѣ удалось удержаться на линіи Шахэ, несмотря на то, что въ 10 и 17 корпусахъ пришлось ввести въ дѣло всѣ резервы".

На слѣдующій день я получилъ вторую записку такого содержанія „Позволяю себѣ по долгу службы и по дружбѣ выразить вамъ мою глубокую признательность за своевременную и энергичную поддержку, оказанную намъ вчера ввѣреннымъ вамъ шестымъ корпусомъ, которая дала возможность западному отряду и въ особенности 17 корпусу выдержать горячій бой съ главными силами противника и удержаться на всѣхъ занятыхъ нами позиціяхъ".

Долженъ замѣтить, что если-бы 6 сибирскій корпусъ не дѣйствовалъ такъ счастливо и успѣшно, то не имѣло-бы мѣсто занятіе нами 3 октября сопки съ деревомъ и Путиловской. Этотъ единственный частичный успѣхъ нашего бывшаго главнокомандующаго сдѣлался возможнымъ, благодаря успѣху нашего праваго фланга 1 октября. Говорю это съ полнымъ сознаніемъ истины и вовсе не съ цѣлью восхвалять дѣйствія войскъ 6 спб. корпуса, хотя эти войска заслуживали похвалы, хотя бы въ виду того, что они были составлены почти исключительно изъ призванныхъ изъ запаса нижнихъ чиновъ, между которыми было много старшихъ возрастовъ, а также того, что корпусъ лишь къ 26 сентября высадился въ полномъ составѣ изъ вагоновъ. Конечно, успѣхъ былъ-бы еще полнѣе, если-бы корпусъ дѣйствовалъ въ полномъ составѣ и если бы къ нему была притянута 1-я бригада 55 п. дивизіи, оставшаяся безъ всякаго дѣла въ Тѣлинѣ и Мукденѣ.

Во время грозныхъ боевъ подъ Мукденомъ 6-й сибирскій корпусъ велъ себя доблестно и всѣ, отъ генерала до послѣдняго нижняго чина, отъ отдѣльныхъ частей войскъ до послѣднихъ командъ, ис-

полнили, по мѣрѣ своихъ силъ, воинскій долгъ. И это я утверждаю не для восхваленія дѣйствій войскъ корпуса, а потому, что это такъ было на самомъ дѣлѣ.

Командовавшій 3 арміею, генералъ баронъ Бильдерлингъ, счелъ нужнымъ особо отмѣтить защиту частями 6-го сибирскаго корпуса позиціи Шанланцза — Сахепу—Безымянная — Гуантунь, когда части корпуса были обойдены съ праваго фланга и когда пришлось вести жестокій бой на два фронта, подъ перекрестнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ противника, при чемъ позиція была осыпаема 11 дюймовыми снарядами, а японскіе стрѣлки заняли противъ сѣверной Безымянной позиціи, отстоявшія отъ нашей позиціи въ нѣсколькихъ десяткахъ шагахъ. Нужно замѣтить, что наши позиціи этого участка были расположены въ ямѣ и ими командовали сопки Слюсаренко и Хоутхайская, занятыя противникомъ. Войска 6-го корпуса не отступили послѣ двукратнаго приказанія отступить и отошли лишь въ ночь съ 22 на 23 февраля, когда бывшій главнокомандующій приказалъ отступить всѣмъ войскамъ 1 и 3 арміи.

Въ своемъ приказѣ отъ 22 февраля № 95 командовавшій 3 арміею между прочимъ говоритъ: „Не могу не отмѣтить слѣдующіе выдающіеся факты: 6 корпусъ отказался очистить свои наиболѣе выдающіяся передовыя позиціи, чтобы не поставить въ тяжелое положенія сосѣдній 1-й корпусъ 1-й арміи.....“

По этому именно поводу мною получена слѣдующая телеграмма отъ командира 1 армейскаго корпуса, генералъ-адъютанта барона Мейендорфа въ 8 ч. 35 м. вечера 20 прошлаго февраля: „Только что разговаривалъ съ главнокомандующимъ, увѣ-

рилъ меня, что вы останетесь на вашей позиціи и я также для обезпеченія успѣха на правомъ флангѣ, гдѣ дѣла идутъ успѣшно; непріятель утомленъ до крайности, отчего разсчитывается завтра нанести ему окончательный ударъ;разсчитываю на вашу стойкую поддержку и еще разъ благодарю за истинную боевую дружбу. № 746".

За содѣйствіе войскамъ отряда барона Мейендорфа, оказанное 55 дивизіею 25 февраля подъ Хоулиномъ, баронъ черезъ меня передалъ благодарность частямъ этой дивизіи.

Если начальники, которымъ я былъ подчиненъ, считаютъ нужнымъ благодарить войска моего корпуса, то весьма естественно и я, зная близко ихъ работу, ихъ благодарилъ.

Это не есть благодарность въ „хвалебномъ" духѣ, о которой говоритъ письмо № 165, а есть благодарность начальника, близко стоящаго къ войскамъ.

72 пѣх. дивизія, весьма успѣшно дѣйствовавшая въ періодъ осеннихъ боевъ прошлаго года, прекрасно дѣйствовала и въ періодъ боевъ подъ Мукденомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ высшіе начальники, въ распоряженіи коихъ она находилась.

25-го прошлаго марта я получилъ отъ вр. командовавшаго 17-мъ армейскимъ корпусомъ, генералъ-лейтенанта Селиванова, письмо за № 3292 слѣдующаго содержанія:

„При переходѣ временно-командуемаго мною корпуса отъ Мукдена 25 февраля, въ арріергардѣ 3 арміи, я былъ свидѣтелемъ геройскаго поведенія у дер. Эртайцзы сборной команды хлѣбопековъ отъ полковъ 72 пѣх. дивизіи, подъ начальствомъ офицера, фамилія котораго, къ глубокому сожалѣнію, осталась мнѣ неизвѣстной. Въ виду настойчиваго наступленія японцевъ въ обходъ лѣваго фланга мо-

ихъ войскъ, прикрывавшихъ отходъ арміи, я отдалъ приказаніе офицеру занять на этомъ флангѣ каменную кумирню, огражденную кирпичной стѣнкой и господствовавшую надъ Мандаринской дорогой. Команда хлѣбопековъ, предводимая смѣлымъ офицеромъ, бѣглымъ и мѣткимъ огнемъ не только прекратила наступленіе непріятельскихъ цѣпей, заставивъ ихъ остановиться, но затѣмъ, перейдя въ наступленіе, принудила ихъ податься назадъ. О такихъ выдающихся, по смѣлости и рѣшительности, дѣйствіяхъ команды хлѣбопековъ, подъ руководствомъ начальника сей команды, считаю своимъ нравственнымъ долгомъ сообщить Вашему Высокопревосходительству на благоусмотрѣніе, какъ заслуживающихъ особаго поощренія пожалованіемъ соотвѣтствующихъ наградъ, какъ офицеру, такъ и молодцамъ нижнимъ чинамъ..."

Начальникъ команды хлѣбопековъ 72 пѣх. див. былъ прапорщикъ Гарбузовъ.

Таковъ былъ духъ частей 6 сиб. корпуса, резервнаго, несмотря на то, что войскамъ постоянно твердили: отступать и отступать! Не для восхваленія войскъ моего корпуса я это говорю; я утверждаю, что таковъ былъ общій духъ въ арміяхъ, что могутъ подтвердить командующіе арміями, корпусные командиры и прочіе начальники. Съ такими войсками слѣдовало и можно было побѣждать, и мы, конечно, одержали-бы побѣду подъ Мукденомъ, если-бы общее руководство было въ болѣе твердыхъ и соотвѣтственныхъ рукахъ и если-бы общій руководитель вѣрилъ войскамъ и начальникамъ, не вмѣшиваясь въ распоряженіе ротъ и охотничьихъ командъ.

Лишь одно порицаніе было сдѣлано войскамъ 6 сибирскаго корпуса: бывшій главнокомандующій

обвинилъ, неизвѣстно съ какою цѣлью, 55 пѣхотную дивизію въ прорывѣ противникомъ нашего расположенія у Тавы, котораго на самомъ дѣлѣ вовсе не было, что установлено моею запискою отъ 31-го іюля и подтверждается настоящею запискою.

Война оканчивается. Армія была готова продолжать ее и, конечно, добилась-бы успѣха; но этому не суждено было исполниться. Мы не вышли побѣдителями изъ кровавой борьбы; но армія исполнила свой долгъ честно, и неправы тѣ, которые позволяютъ себѣ утверждать, что русскія войска, въ эту войну, не были на должной высотѣ.

Неимѣніе за все время войны хорошо обдуманнаго плана, полное пренебреженіе къ основнымъ началамъ организаціи войскъ, безпорядки въ командномъ отношеніи, слабое, несоотвѣтственное устройство тыла, строгое пріурочиваніе военныхъ операцій и особенно боевыхъ дѣйствій къ желѣзной дорогѣ, постоянная оборона и отступленіе, часто неоправдываемое обстановкою, неудачное использованіе конницы, нерѣшительность бывшаго главнокомандующаго, недовѣріе его къ своимъ сотрудникамъ, лишеніе старшихъ начальниковъ иниціативы и пренебреженіе къ вѣками установленнымъ принципамъ стратегіи—вотъ что привело насъ къ такому окончанію войны.

Вр. командующій 2-й маньчжурской арміей
генералъ-отъ-инфантеріи Соболевъ.

9-го сентября 1905 года.
г. Маймакай.

Приложеніе 5-е.

Приказъ войскамъ 6 сибирскаго армейскаго корпуса.
№ 33.

Дер. Яхунфао. 13 марта 1905 года.

Въ періодъ февральскихъ боевъ подъ Мукденомъ, части 55 пѣх. дивизіи, занимая укрѣпленныя позиціи въ раіонѣ Сахепу, начиная съ 18-го числа, выдержали 12 атакъ японцевъ, съ одинаковымъ мужествомъ и стойкостью, несмотря на сильное обстрѣливаніе противникомъ всѣхъ участковъ позиціи орудіями большого калибра до 11-дюймовыхъ включительно.

Сѣверная и южная Безымянныя почти были разрушены снарядами, но гарнизонъ ихъ держался такъ же стойко, отбивая тогда же и фланговыя атаки японцевъ, успѣвшихъ запять окопы сосѣдняго корпуса.

Въ ночь съ 22-го на 23-е февраля арміи приказано было отойти къ Мукдену, гдѣ занять новыя позиціи. Частямъ дивизіи предстояла трудная задача, въ виду уже обойденнаго противникомъ нашего праваго фланга, но была выполнена превосходно, благодаря распорядительности всѣхъ начальниковъ и стойкости частей и охотниковъ, занимавшихъ послѣдними окопы ближайшіе къ противнику.

Отходъ былъ не замѣченъ и вся дивизія въ полномъ порядкѣ и безъ потерь къ утру 23 февраля заняла уже новыя позиціи на р. Хуньхэ.

Въ ночь съ 24-го на 25-е февраля III армія получила приказаніе начать дальнѣйшій отходъ къ г. Тѣлину. 6-му сибирскому корпусу (55 пѣх. дивизіи) указанъ былъ путь на Хоулинъ, Куюфынъ, Шалинзу, причемъ на участкѣ до Хоулина движе-

ніе являлось фланговымъ по отношенію къ частямъ противника, насѣдавшимъ со стороны Гудзяцзы—Канхецзы.

Начавъ движеніе, согласно диспозиціи по арміи, въ 2 часа ночи, 55 пѣх. дивизія подошла къ Хоулину только въ началѣ 7-го часа, т. е. 5 верстъ прошла въ теченіе 5 часовъ. Въ продолженіе всего этого промежутка времени полки дивизіи отстаивали каждый шагъ земли у противника, прикрывая обозы, шедшіе по той же дорогѣ, тѣмъ же фланговымъ движеніемъ, и задержанные у Хоулина обозами 1-го армейскаго и частью 4-го сибирскихъ корпусовъ, въ виду того, что на пути отступленія только что названныхъ корпусовъ уже стоялъ противникъ.

Къ 7 часамъ утра снаряды противника стали падать и на дорогу на Куюфынъ, т. е. на единственный теперь путь для движенія обозовъ. — Вскорѣ обнаружился обходъ Хоулина съ востока пѣхотными частями противника. Подошедшая въ это время 55 пѣх. дивизія была передана мною въ распоряженіе командира 1-го армейскаго корпуса, генералъ-адъютанта барона Мейендорфа, какъ старшаго изъ распоряжавшихся здѣсь начальниковъ, и была направлена имъ частью на поддержку отряда генерала Шилейко, частью же на заслонъ къ востоку, дабы не дать возможности противнику отрѣзать совершенно части 6-го и 1-го армейскаго корпусовъ, ведущихъ бой фронтомъ на югъ и юго-западъ.

Только въ 9 час. утра, когда успѣла пройти на сѣверъ вся артиллерія обоихъ корпусовъ, пѣхота стала также отходить, измѣнивъ направленіе подъ давленіемъ отходящихъ превосходныхъ силъ противника болѣе къ западу, къ Мандаринской дорогѣ. — Во время этого движенія конная батарея противника по пятамъ слѣдовала за нашими ча-

стями, обстрѣливая ихъ и обозы. Тогда мощнъ распоряженіемъ у дер. „Иченза“ былъ выставленъ арріергардъ изъ частей 218 Борисоглѣбскаго полка съ одной батареей 43 артиллерійской бригады, огнемъ которой батарея противника была пріостановлена. Вмѣстѣ съ симъ этотъ арріергардъ обезпечилъ отходъ обоза, тянувшагося по дорогѣ на сѣверъ, и вывозъ серебра Мукденскаго отдѣленія Русско-Китайскаго банка.

Къ вечеру 26 февраля, полки дивизіи стали на биваки у г. Тѣлина.

Между тѣмъ, съ 12-го февраля, полки 72 пѣх. дивизіи были выдѣлены въ составъ 1-й маньчжурской арміи и находились въ непосредственномъ распоряженіи командира 3-го сибирскаго корпуса, занимая — 287 пѣх. Тарусскій полкъ Бейтулинскій перевалъ, а 288 пѣх. Куликовскій полкъ Сандулинскій перевалъ. Оба эти полка принимали участіе въ отбитіи атакъ японцевъ, переходили небольшими частями въ контръ-атаки и неоднократно работали штыками. Полки 1-й бригады были разбиты по-баталіонно по разнымъ отрядамъ и занимали частью боевые участки, частью же составляли внѣшніе резервы фортовъ. Принимая участіе въ различныхъ усиленныхъ рекогносцировкахъ, полки эти такъ же лихо работали штыками, какъ и полки 2-й бригады.

Такимъ образомъ, части ввѣреннаго мнѣ корпуса, состоя въ I-й и III-й Маньчжурскихъ арміяхъ, съ честью поддержали боевую славу корпуса.

И во II-й Маньчжурской арміи были части моего корпуса. Съ позиціи Сахепу-Шанландзы главнокомандующій потребовалъ два баталіона 217-го пѣх. Кромскаго полка на усиленіе II-й арміи. 22-го февраля части этого полка штурмомъ взяли сел.

Юхуантунь, а 25-го февраля отбивали японцевъ, атаковавшихъ сел. Ундятунь.

Въ ночь на 22-е февраля $2^1/_2$ полка 72 пѣх. дивизіи (Тарусскій, Кирсановскій и 2 баталіона Мценскаго) были направлены чрезъ Фушунъ къ д. Пухэ, сдѣлавъ почти 50 верстъ въ сутки. Въ день прибытія этотъ отрядъ былъ направленъ главнокомандующимъ на станъ. Хушитай, а 25-го, послѣ участія въ арріергардныхъ бояхъ, получилъ приказаніе отойти и двигался цѣлую ночь, прикрывая артиллерію и обозы разныхъ корпусовъ.

Утромъ 26-го, по приказанію командующаго II-й арміей, отрядъ этотъ былъ передвинутъ къ дер. Плу, гдѣ занялъ арріергардную позицію, удерживая насѣдавшія части противника; съ позиціи отошелъ послѣднимъ.

Съ 27-го по 1-е марта полки вошли въ составъ арріергарда на Тѣлинской позиціи у Суютуня и, послѣ боя, отошли къ Тѣлину, составляя тыльный отрядъ названнаго арріергарда. Въ Тѣлинѣ отрядъ этотъ оказался предоставленнымъ самому себѣ—и, идя вторую ночь, присоединился къ корпусу только на разсвѣтѣ 3-го марта. Того-же числа присоединился и Куликовскій полкъ, принимая участіе въ цѣломъ рядѣ арріергардныхъ боевъ.

Части ввѣреннаго мнѣ корпуса, выказавъ въ концѣ сентября и началѣ октября прошлаго года мужество и храбрость въ бояхъ на Шахэ, когда онѣ отразили армію Оку, которому велѣно было взять Мукденъ, выказали то же мужество и стойкость, занимая съ 5-го декабря прошлаго года по 22-е февраля участокъ укрѣпленной позиціи на р. Шахэ, а также и въ бояхъ подъ Мукденомъ.

Считаю долгомъ службы принести благодарность начальнику 55 пѣх. дивизіи, генералъ-лейтенанту

Лаймишгу, и командующему 72-й пѣх. дивизіей, генералъ-маіору Радкевичу, а также прочимъ старшимъ начальникамъ и гг. офицерамъ. Нижнихъ чиновъ благодарю за службу.

Въ настоящее время всѣ части корпуса, кромѣ двухъ батальоновъ Мценскаго полка, временно оставленныхъ въ особомъ боковомъ отрядѣ, поступили подъ мою непосредственную команду.

Я надѣюсь, что и въ будущихъ бояхъ части корпуса укрѣпятъ созданную себѣ боевую славу.

Вмѣстѣ съ симъ я не могу не обратить вниманіе начальниковъ частей и старшихъ надъ ними на сохраненіе болѣе прочнаго порядка въ движеніи обозовъ. Мы всѣ хорошо знаемъ свои недочеты и я прошу принять самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы при всѣхъ положеніяхъ частей, какъ бы ни было трудно это положеніе, всегда и вездѣ соблюдался бы строгій порядокъ.

Подписалъ: командиръ корпуса, генералъ отъ инфантеріи Соболевъ.

Приложеніе 6-е.

Приказъ войскамъ 6 сибирскаго армейскаго корпуса.
№ 36.

Дер. Улипудза. 3 апрѣля 1903 года.

30-го прошлаго марта Главнокомандующій всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, дѣйствующими противъ Японіи, произвелъ смотръ ввѣренному мнѣ корпусу.

Въ строю находились:

55 пѣх. дивизія.

Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Лаймингъ.

1-я бригада—командиръ бригады генералъ-маіоръ Франковскій.

4 баталіона 217 пѣх. Кромскаго полка полковникъ Львовъ.

4 баталіона 218 пѣх. Борисоглѣбскаго полка—вр. командующій полкомъ подполковникъ Эккерсдорфъ.

2-я бригада—вр. командующій бригадой полковникъ Пономаревъ.

4 баталіона 219 пѣх. Юхновскаго полка — вр. командующій полкомъ полковникъ Волковъ.

4 баталіона 220 пѣх. Епифанскаго полка—вр. командующій полкомъ подполковникъ Эфировъ.

6-я артиллерійская бригада—командующій бригадой полковникъ Сергѣевъ.

2-й дивизіонъ—командиръ дивизіона полковникъ Закутовскій.

3-й дивизіонъ — вр. командующій дивизіономъ подполковникъ Гуржинъ.

72 пѣх. дивизія.

Вр. командующій дивизіей — генералъ-маіоръ Радкевичъ.

1-я бригада—командиръ бригады генералъ-маіоръ Болотовъ.

2 баталіона 285 пѣх. Мценскаго полка—командующій полкомъ полковникъ Мухарскій.

4 баталіона 286 пѣх. Кирсановскаго полка — командиръ полка полковникъ Назарбеговъ.

2-я бригада—вр. командующій бригадой полковникъ Лаврентьевъ.

4 баталіона 287 Тарусскаго полка—вр. командующій полкомъ подполковникъ Грузинцевъ.

10-я артиллерійская бригада—вр. командующій бригадой полковникъ Баландовичъ.

2-й дивизіонъ—командиръ дивизіона полковникъ Гильфердингъ.

3-й дивизіонъ — вр. командующій дивизіономъ подполковникъ Манакинъ.

6 Восточно-Сибирскій саперный баталіонъ—командиръ баталіона полковникъ Малышевъ.

Объѣзжая войска, Главнокомандующій благодарилъ части за ихъ боевую службу.

По окончаніи смотра Главнокомандующій обратился къ собраннымъ начальникамъ со слѣдующими словами:

„Осмотрѣвъ молодецкій шестой Сибирскій корпусъ, я вынесъ самое отрадное впечатлѣніе изъ осмотра; видъ людей молодецкій, бодрый, выправка хороша, движенія отличны. Мнѣ хорошо извѣстны также и славныя боевыя дѣйствія шестого корпуса, когда, въ бытность мою командующимъ первою арміею, мы были боевыми сосѣдями на позиціи. Это короткое знакомство и сегодняшній осмотръ вселяютъ во мнѣ отрадную увѣренность, что и въ предстоящихъ нашихъ дѣйствіяхъ славный шестой корпусъ съ прежнею доблестью исполнитъ свой долгъ передъ Царемъ и Родиной и, въ своихъ завѣтныхъ стремленіяхъ одолѣть врага,—сольется воедино со всею остальною нашею арміею. Да поможетъ вамъ въ этомъ Богъ! О таковомъ отличномъ состояніи славнаго шестого Сибирскаго корпуса я почту обязанностью довести до свѣдѣнія Его Величества Государя Императора“.

„Благодарю Васъ, Ваше Высокопревосходительство, за Ваши труды и умѣлое руководство, благодаря

которымъ славный шестой корпусъ въ короткое время сталъ въ боевой линіи наравнѣ съ своими старшими товарищами; благодарю начальника артиллеріи, начальниковъ дивизій, командировъ бригадъ, полковъ и артиллерійскихъ дивизіоновъ за дружную, совмѣстную работу въ дѣлѣ воспитанія и подготовки ввѣренныхъ Вамъ частей; прошу Васъ передать также и всѣмъ офицерамъ славнаго шестого корпуса мою искреннюю благодарность за боевую службу и труды къ достиженію тѣхъ результатовъ, которые я видѣлъ, знаю и цѣню".

Эти многознаменательныя для корпуса слова Его Высокопревосходительства да поддержатъ въ насъ бодрость духа, смѣлость и увѣренность, что мы будемъ въ силахъ свято выполнить нашу общую цѣль— сокрушить врага.

Дадимъ себѣ клятву, что мы всѣ, начиная отъ меня и до послѣдняго солдата, сдѣлаемъ все, что зависитъ отъ нашихъ силъ, дабы наравнѣ со старыми боевыми войсками нашей арміи возвысить славу нашего обожаемаго Верховнаго Вождя, Государя Императора, и дорогой нашей Родины и поддержать боевую честь нашей доблестной арміи.

Подписалъ:

Командиръ корпуса,
генералъ отъ пнфантеріи Соболевъ.

Приложеніе 7-е.

Памятка 8-й роты 220-го пѣхотнаго Епифанскаго полка.

При мобилизаціи рота была сформирована частью изъ кадровыхъ нижнихъ чиновъ Оренбурской губерніи Челябинскаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи Стопницкаго уѣзда, въ возрастѣ отъ 23 до 25 лѣтъ, а главнымъ образомъ запасныхъ Тамбовской губерніи Моршанскаго, Стоцкаго уѣздовъ и Пензенской губерніи Керенскаго уѣзда въ возрастѣ отъ 28 до 41 года включительно. Выступила она 7-го августа 1904 г. подъ командой капитана Трошина при младшихъ офицерахъ подпоручикахъ Петряевскомъ и Сорокинѣ, 15-го сентября прибыла въ Мукденъ, откуда къ 29-му сентября подошла къ позиціи за р. Шахэ, западнѣе полотна желѣзной дороги, гдѣ и приняла свое боевое крещеніе, потерявъ изъ своего состава капитана Трошина раненымъ, прапорщика Карпова, недавно передъ тѣмъ переведеннаго въ роту, убитымъ и нижнихъ чиновъ: убитыхъ 4, ранеными 34 и безъ вѣсти пропавшими 31 человѣкъ.

На слѣдующій день, 30 сентября, полкъ былъ передвинутъ къ д. Чанлипу, гдѣ 1-го октября принялъ бой. 8-я рота, въ составѣ 2-го баталіона, была разсыпана въ цѣпь, гдѣ, наступая подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, приблизилась къ деревнѣ, занятой японцами, на нѣсколько сотенъ шаговъ. Потери этого 2-го боя выразились: раненъ вр. командующій ротой подпоручикъ Лукьянинъ, принявшій ее наканунѣ. Нижніе чины: ранены 73, убиты 5 и пропали безъ вѣсти 15 человѣкъ. Рота, по приказанію, отошла нѣсколько назадъ, гдѣ и окопалась. Укрѣпившись на этой позиціи, полкъ продержался подъ пролив-

нымъ дождемъ въ мелкихъ окопахъ, которые по мѣрѣ возможности были усилены, до 17 октября, когда, смѣненный, отошелъ на отдыхъ къ д. Юзантунь. Цѣль этихъ боевъ была достигнута. Непріятель, пораженный энергичнымъ наступленіемъ нашей 2-й бригады 55 дивизіи, пріостановилъ свое наступленіе, ожидая таковое съ нашей стороны, и тѣмъ далъ возможность приступить намъ къ усиленію нашихъ позицій и терпѣливо ожидать прихода изъ Россіи новыхъ полковъ.

Бои 29-го и 1-го сильно поубавили число чиновъ 8 роты, и потому она была пополнена нижними чинами 13, 14, 15 и 16 ротъ, какъ мало пострадавшихъ въ этихъ бояхъ.

Это пополненіе въ числѣ 100 человѣкъ дало возможность ротѣ исполнять очередные наряды и работы во время отдыха полка въ д. Юзантунь, куда рота съ полкомъ пришла 18 октября. Здѣсь рота построила себѣ землянки, въ которыхъ было хоть и тѣсновато, но тепло. Ввиду прибывавшихъ изъ Россіи подкрѣпленій, отдыхающіе полки начали строить у г. Бейтапу для нихъ обширныя землянки. Не легкая была работа! Почва глубоко промокла отъ недшихъ передъ тѣмъ дождей. Сразу ударившіе, хоть и не сильные морозы такъ сковали землю, что саперный инструментъ зачастую при работахъ ломался. Кромѣ устройства землянокъ, баталіоны по очереди ходили на передовыя позиціи для несенія сторожевой службы. Послѣ испытанныхъ тяжелыхъ дней боевъ эта служба нижнимъ чинамъ не казалась трудной, тѣмъ болѣе, что сильные морозы еще не наступали; лишь по ночамъ, въ особенности подъ утро, бывали крѣпкіе морозы, заставлявшіе согрѣваться борьбой и бѣгомъ. Отсутствіе въ это время теплой одежды давало себя знать,

а потому въ полку оказалось нѣсколько человѣкъ съ остуженными ногами. Въ 8 ротѣ такихъ случаевъ не было. Благодаря бывшему недостатку въ офицерахъ, командиры ротъ мѣнялись очень быстро. Капитана Трошина, выбывшаго раненымъ 29-го сентября 1904 года, замѣнилъ подпоручикъ Лукьянинъ, выбывшій раненымъ 1-го октября, т. е. прокомандовавъ всего 1 сутки.

Съ 1-го по 4-е октября всѣ роты 2-го баталіона, вслѣдствіе большихъ потерь, были сведены въ 1 роту; съ 5-го по 22-ое октября командовалъ подпоручикъ Петряевскій. Начавшіе прибывать изъ Россіи офицеры вывели полкъ изъ этого тяжелаго положенія и роту принялъ шт.-капитанъ Копаневичъ, прокомандовавъ ею съ 27 октября 1904 г. по 7 февраля 1905 г. Кромѣ офицеровъ на пополненіе убыли полка стали прибывать и нижніе чины. 10 декабря 1904 г. изъ числа прибывшихъ на укомплектованіе полка въ 8 роту было назначено 8 человѣкъ, а 29 декабря того-же года еще 38 человѣкъ. Этими пополненіями полкъ былъ доведенъ почти до штата военнаго времени, а потому, когда 2-го января полкъ выступилъ на боевыя позиціи къ дер. Сѣверная Безымянная, то 8 рота насчитывала въ своихъ рядахъ болѣе 200 человѣкъ. До 14-го февраля рота составляла гарнизонъ редутовъ №№ 12 и 14, гдѣ стояли болѣе или менѣе покойно, такъ какъ японцы не проявляли еще своей дѣятельности. Лишь ночныя развѣдки какъ съ нашей, такъ и со стороны японцевъ будили тишину ночи, вызывая людей къ брустверу, дабы въ случаѣ необходимости встрѣтить врага въ полной готовности. Дневная артиллерійская стрѣльба пѣхотѣ вреда не приносила, такъ какъ выстрѣлами старалась отыскать артиллерію противника. Лишь не-

большой ежедневный нарядъ бдительно охранялъ покой своихъ товарищей. А морозъ сталъ усиливаться, крѣпчать. Трудно становилось часовымъ безъ движенія сидѣть въ окопахъ. Но къ этому времени уже появилась теплая одежда и одѣяла, закутавшись въ которыя, люди могли исполнять свои обязанности. 12-го февраля роту принялъ шт.-капит. Сергѣевъ, а 14-го она была назначена въ люнетъ № 11 у д. Южная Безымянная. Тяжелое время начиналось! Даже самое заступленіе производилось подъ выстрѣлами японцевъ: въ этотъ вечеръ пѣшая охотничья команда производила усиленную развѣдку и время отхода охотничьей команды, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ противника, совпало со временемъ подхода роты къ люнету. Осторожно, по одному, проскальзывали люди съ рѣки Шахэ въ лѣвый усъ люнета, а потому потерь не было. Эта первая ночь прошла сравнительно спокойно. Лишь къ полуночи обнаружился подходъ къ люнету небольшой партіи японцевъ — вѣроятно развѣдчиковъ. Выдержанными залпами повзводно 3-хъ ротъ, составлявшихъ гарнизонъ люнета, наступленіе японцевъ было пріостановлено. Остальная часть ночи прошла спокойно. Лишь рѣдкіе одиночные выстрѣлы японцевъ нарушали наступившую тишину. Охотники отошли на хуторъ, а 8 рота заняла правый усъ люнета. Выставленное впереди проволочнаго загражденія сторожевое охраненіе давало возможность людямъ посмѣнно отдыхать въ землянкахъ и отогрѣвать застывшія на морозѣ ноги. Но землянокъ было мало и согрѣться могло не болѣе шестой части гарнизона люнета, а потому остальные люди борьбой и бѣгомъ вдоль окопа согрѣвали себя. Не всегда и это удавалось. Прожекторъ, расположенный на Хоутхайской сопкѣ,

бросивъ свой яркій свѣтъ на люнетъ, заставлялъ вышедшихъ изъ окоповъ людей моментально падать на землю и, не шевелясь, выжидать, когда предательскій лучъ минуетъ лежащихъ людей и дастъ имъ возможность быстро спрятаться въ окопъ. Передъ разсвѣтомъ командиръ 3 роты капитанъ Арнольдъ, бывшій комендантомъ люнета, сдалъ его командиру 8 роты шт.-капитану Сергѣеву, а самъ со своей ротой отошелъ на отдыхъ послѣ 10 сутокъ безсмѣннаго дежурства. Изъ лѣваго уса тоже рота ушла. 8-я рота осталась хозяйкой этого безпокойнаго мѣста позиціи. Съ утра 15-го февраля японцы стали проявлять усиленную дѣятельность, подвозя орудія и укрѣпляя позицію. Дабы помѣшать наблюденію за ихъ работами, они предприняли усиленную развѣдку по направленію люнета, а потому на усиленіе гарнизона его была вызвана сначала пѣшая охотничья команда, только что успѣвшая вернуться утромъ въ свои землянки на хуторъ, а потомъ и 6 рота. Одной ротѣ не только оборонять люнетъ, но и отражать демонстративныя развѣдки было невозможно, вслѣдствіе большой длины оборонительной линіи люнета, простиравшейся считая съ усами, на пятьсотъ шаговъ. Общія условія службы по приходѣ туда были таковы: рота съ командиромъ ея, назначеннымъ комендантомъ люнета, занимала его, выдѣляя днемъ, по уходѣ ротъ изъ усовъ, по одному взводу въ каждый; съ наступленіемъ темноты лѣвый усъ занимался ротой, а правый полуротой до разсвѣта, передъ которымъ онѣ уходили въ свои землянки на отдыхъ. Ночью роты люнета, кромѣ часовыхъ у бруствера, выставляли впереди проволочнаго загражденія сторожевое охраненіе. Рота лѣваго уса—4 поста по 4 человѣка каждый и 2 секрета № 2 и 3-й отъ 5 до 8

человѣкъ каждый. Рота люнета ночью—2 поста по 4 человѣка, а днемъ 2 секрета №№ 1 и 3. Полурота праваго уса—три поста по 4 человѣка. Бдительность постовъ повѣрялась дозорами, высылаемыми каждой ротой. Ввиду отдаленности люнета отъ оборонительной линіи полка, онъ сообщался съ начальникомъ обороны, находившимся въ Сѣверной Безымянной, телефономъ. Съ утра 15 февраля нормальный порядокъ службы люнета былъ нарушенъ. Ежедневно передъ разсвѣтомъ и передъ сумерками японцы стали производить демонстраціи, а потому роты усовъ, едва добравшись до своихъ землянокъ на хуторѣ, по вызову изъ люнета, принуждены бывали подъ ружейнымъ, а иногда и подъ артиллерійскимъ огнемъ, по одному перебѣгать по совершенно открытому мѣсту въ люнетъ, чтобы занять свои усы и тѣмъ, усиливъ гарнизонъ его, быть готовымъ отразить энергичныя попытки японцевъ овладѣть люнетомъ,—передовымъ опорнымъ пунктомъ позиціи полка. Во избѣжаніе лишнихъ потерь отъ перебѣганія въ люнетъ днемъ, а также ввиду участившихся со стороны японцевъ попытокъ атаковать люнетъ, роты съ 17 февраля стали занимать усы на цѣлыя сутки, смѣняясь въ сумерки. Лишь 8-я рота оставалась безсмѣнной до дня печальнаго приказанія—отступить. Съ 19 февраля, когда, за отступившимъ 17 армейскимъ корпусомъ, проникли японцы и охватили правый флангъ нашего полка, 6-я рота и пѣшая охотничья команда сдѣлались тоже безсмѣннымъ гарнизономъ усовъ, такъ какъ всѣ свободные роты полка были выдвинуты на правый флангъ для обезпеченія его. Дѣятельность противника по всему нашему фронту все усиливалась: артиллерійскій огонь, частыя наступленія не давали возможности людямъ отдохнуть.

Землянка—не защита отъ артиллеріи, а потому люди находились у бруствера и лишь частью въ блиндажахъ, способныхъ, по размѣрамъ своимъ, вмѣстить не болѣе полуроты. Люди, сознавая необходимость, держались молодцами: надежда на милость Божію не покидала ихъ. При обнаруживаніи наступленія японцевъ, всѣ безъ приказанія занимали свои мѣста у бруствера и выдержанными залпами по-взводно останавливали наступленіе врага. Наша артиллерія, батареи: мортирная и скорострѣльная, руководимыя своп опытными и мужественными начальниками, такъ удачно и мѣтко обстрѣливали противника, что защита люнета не представлялась такой трудной. Всегда бдительная и готовая къ дѣйствію она по первому извѣстію о наступленіи, передаваемому по телефону, открывала свой губительный огонь, жертвами котораго стало не мало враговъ. Но японцы съ каждымъ днемъ все болѣе усиливали свои позиціи какъ подвозомъ новыхъ батарей, такъ и укрѣпленіемъ окоповъ. У д. Ламатунь, передъ фронтомъ люнета не далѣе 1300 шаговъ, 19 февраля за ночь выросъ небольшой брустверъ, сложенный изъ мѣшковъ съ землею. Параллельно фронту люнета на разстояніи 800 шаговъ образовались окопы, замаскированные гаоляномъ такъ удачно, что даже въ бинокль не были замѣтны, а обнаружены лишь послѣ стрѣльбы изъ нихъ японцевъ. Въ этотъ день съ ранняго утра противникъ открылъ сильнѣйшій артиллерійскій огонь, направленный сначала на Южную Безымянную, а потомъ на Сѣверную. Отъ осадныхъ 11-дюймовыхъ снарядовъ укрытій не было: самые прочные блиндажи прошивались какъ иголкой и, разбросанные силою взрыва, заливали людей, находившихся тамъ. Это было въ редутѣ Юхновскаго полка

у Южной Безымянной. „Осадки“, „шимозы“ и шрапнель въ такомъ изобилiи осыпали позицiю нашего полка, что пылью и дымомъ заволакивало оборонительныя линiи на много десятковъ саженъ. Провода телефона изъ люнета въ Сѣверную Безымянную и въ Юхновскiй полкъ были порваны: сообщенiе прекратилось. Тогда донесенiя начальнику обороны и связь съ баталiономъ Юхновскаго полка доставляли охотники изъ роты, которые, пренебрегая опасностью, мужественно и самоотверженно, подъ градомъ снарядовъ, исполняли порученiя. Изъ нихъ младшiй унтеръ-офицеръ Матвѣй Лагутовъ ходилъ для связи въ Юхновскiй полкъ, старшiй унтеръ-офицеръ Прохоръ Трохинъ, рядовой Степанъ Ждакаевъ и ефрейторъ Иванъ Галушка съ донесенiями. Съ наступленiемъ темноты артиллерiйскiй огонь стихъ, но обнаружилось наступленiе японцевъ. Темнота не позволяла видѣть противника, осыпавшаго люнетъ роемъ пуль и наступавшаго преимущественно на лѣвый усъ, вдоль рѣки Шахэ. Однако, по приближенiи его къ люнету, выдержанными залпами ротъ онъ былъ пріостановленъ и повернулъ назадъ; лишь нѣсколько человѣкъ, двигавшихся по откосу берега, успѣли добѣжать до люнета и брошенными ручными гранатами вывели изъ строя 3 нижнихъ чиновъ 5 роты: одного убитымъ и двухъ ранеными. По отбитiи этой атаки, сторожевое охраненiе выставлять съ наружной стороны проволочнаго загражденiя стало невозможнымъ, ввиду не прекращавшагося ружейнаго огня японцевъ, а потому были высланы отъ ротъ лишь часовые, вызвавшiеся охотниками, которые, переползая черезъ брустверъ, ползкомъ приблизились къ проволочному загражденiю, гдѣ и залегли. Охотниками отъ 8 роты вызвались: рядовые Констан-

тинъ Леонтьевичъ Тущкій и Кузьма Петровичъ Козловъ.

Этотъ способъ охраненія былъ установленъ и дальше до дня отступленія, такъ какъ съ сумерекъ и до разсвѣта японцы каждую ночь производили или наступленіе, или демонстраціи съ сильнымъ обстрѣливаніемъ люнета.

Утромъ 19 февраля, когда обнаружилось наступленіе японцевъ, по распоряженію начальника обороны, открыла огонь поршневая батарея, командиръ которой, очевидно мало знакомый съ позиціей нашего полка, вмѣсто того, чтобы направить огонь на артиллерію противника, что съ той стороны рѣки Шахе, расположившуюся за тремя могилками, открыла шрапнельный огонь по тремъ могилкамъ, расположеннымъ у праваго фланга люнета. Ожидая поддержки своей артиллеріи, гарнизонъ люнета былъ приведенъ въ смятеніе шрапнелью, разорвавшейся надъ головой и осыпавшей проволочное загражденіе. Едва комендантъ люнета успѣлъ приказать ложиться во внутренній ровъ и спрятаться за траверсы, какъ слѣдомъ за первой полетѣли слѣдующія шрапнели, ударяя во внутреннюю крутость бруствера преимущественно правой половины люнета и въ 3 могилки. Пока по телефону было передано объ этомъ, въ люнетъ попало болѣе 20 шрапнелей, къ счастью никого не ранивъ, лишь попортивъ 3 ружья, такъ какъ люди успѣли спрятаться. Тяжелое впечатлѣніе производитъ подобная катастрофа. Не скоро люди успокоились, посылая по адресу командира батареи не мало укоровъ и крѣпкихъ словечекъ. Оборона съ каждымъ днемъ становилась все серьезнѣе. Да, неспокойно стало на душѣ послѣ прорыва японцевъ вдоль желѣзнодорожнаго полотна. Бой происходилъ у насъ прямо въ тылу. Очевидно, въ съ-

верномъ направленіи мы были отрѣзаны. А тутъ еще баталіонъ нашихъ сосѣдей юхновцевъ, оборонявшихъ Южную Безымянную, видимо выбившись изъ силъ, просилъ по телефону разрѣшенія отступить. Тогда лѣвый флангъ люнета дѣлался бы открытымъ и держаться въ немъ стало бы невозможнымъ. Но баталіонъ юхновцевъ былъ смѣненъ баталіономъ Кромскаго полка. Заступили люди свѣжіе, не издерганные, способные упорно обороняться, и на душѣ отлегло. Но наши артиллерійскіе выстрѣлы стали стихать. Узнали, что мортирная батарея отведена назадъ, да и скорострѣльная мало стрѣляла. Тяжело не слышать свою артиллерію: ея молчаніе угнетаетъ. Вечеромъ 22 февраля—вѣчно памятный день—получено приказаніе почью, въ $2^1/_2$ часа, тихо и незамѣтно отступить, присоединясь къ полку у д. Падавяза. Тоскливо сжалось сердце. Недобрымъ повѣяло... нервы напрягались до невѣроятія. Медленно, страшно медленно двигались стрѣлки часовъ. Казалось, что эти роковые $2^1/_2$ часа почи никогда не наступятъ. За часъ до срока приказано было понемногу надѣвать снаряженіе, забирать саперный инструментъ и оставшіеся патроны. Въ общемъ на каждаго нижняго чина приходилось, кромѣ полнаго снаряженія съ теплой одеждой, или одна кирка-мотыга, или коробка съ патронами. Въ $2^1/_2$ часа была отпущена 7-я рота, слѣдомъ за которой двинулась и 8-я, снявъ предварительно телефонный аппаратъ и перерѣзавъ провода фугасовъ. Осталась въ люнетѣ на $^1/_2$ часа пѣшая охотничья команда, предназначенная для того, чтобы не дать замѣтить японцамъ отступленія.

8-я рота, присоединившись къ полку въ д. Падавяза, двинулась за рѣку Хуньхэ, куда пришла и заняла редутъ около 12 час. дня. 23 февраля ре-

дутъ, построенный на песчаной почвѣ, въ оборонительномъ отношеніи представлялъ печальную картину: рвы осыпались, землянокъ не было. Благодаря сравнительно теплой погодѣ, люди, утомленные послѣдними безсонными ночами и походомъ, крѣпко уснули подъ охраной постовъ, выставленныхъ на берегу рѣки. Съ ночи поднялся вѣтеръ, а къ утру превратился въ сильнѣйшій тайфунъ съ такой страшной пылью, которая не давала возможности ничего видѣть далѣе 400 шаговъ. Отъ этого, хоть и теплаго вѣтра, но дувшаго съ юга, т. е. въ лицо, и несшаго массу пыли, не было укрытій: лежащій на землѣ, черезъ какіе-нибудь 1 — 2 часа, почти сплошь покрывался пескомъ. Къ ночи тайфунъ стихъ, а въ $12^1/_2$ час. приказано было отходить далѣе; опять всю ночь шли, а къ утру, подойдя къ д. Хоулину, стали въ лѣсу въ резервномъ порядкѣ въ ожиданіи своей очереди вступить въ бой. Здѣсь нижніе чины одѣли чистое бѣлье, побросали все лишнее изъ одежды и облегченные были введены въ бой, имѣвшій значеніе прикрывать отступленіе обоза.

8-я рота бюла разсыпана въ цѣпь на лѣвомъ флангѣ позиціи 2 баталіона. Только что рота поднялась на вершину сопки, какъ впереди, никакъ не далѣе 600 — 800 шаговъ, увидѣли цѣпи японцевъ, спѣшно наступавшихъ. Рота залегла и открыла огонь, заставившій противника наступать перебѣжками по одному. Подвигаясь такимъ образомъ, онъ старался охватить лѣвый флангъ роты. Когда рота допустила его шаговъ на 200—300, то, бросившись въ штыки совмѣстно съ 6-й ротой, заставили японцевъ обратиться въ поспѣшное отступленіе, оставивъ на мѣстѣ 3 пулемета. Роты, преслѣдуя японцевъ, наткнулись на сомкнутыя части ихъ резервовъ, встрѣтившихъ нашихъ сильнымъ ружейнымъ

огнемъ, наносившимъ большія потери; а потому роты повернули назадъ не успѣвъ захватить пулеметовъ ни даже испортить ихъ. Когда была занята прежняя позиція, было приказано встать въ резервъ 3-го баталіона. Роты стали отходить. При дальнѣйшемъ движеніи на сѣверъ, переходя изъ резерва въ боевую линію, занимали до 11 позицій. Выйдя изъ сферы огня у д. Санва, свернулись и двинулись вдоль полотна желѣзной дороги къ Тѣлину, куда прибыли 27 февраля. Въ этомъ бою былъ раненъ командиръ роты штабсъ-капитанъ Сергѣевъ, младшій офицеръ подпоручикъ Петряевскій. Ранено 45 и убито 20, и безъ вѣсти пропали 31 нижній чинъ.

Нельзя обойти молчаніемъ фельдфебеля Ивана Аносова, убитаго пулею въ лобъ, 25 февраля. Честный незабвенный служака! Съ какимъ хладнокровіемъ, съ какимъ равнодушіемъ къ смерти, находясь подъ градомъ пуль, онъ въ люнетѣ № 11, облокотившись на брустверъ локтями, наблюдалъ въ бинокль за наступающими японцами. Какая крѣпкая была у человѣка натура! Чуть не всѣ дни обороны люнета его нельзя было видѣть спящимъ! Всегда на ногахъ, всегда бодрый, спокойный, онъ однимъ видомъ своимъ ободрялъ подчиненныхъ. Строгій къ себѣ, онъ съ участіемъ и заботливостью относился къ другимъ. Всегда вызывавшагося на самыя опасныя и рискованныя предпріятія, его силой приказанія приходилось останавливать, какъ нужнаго и полезнаго помощника ротнаго командира въ будущемъ. Будущее его не пощадило: 25 февраля онъ палъ первой жертвой изъ роты. Міръ праху твоему, добрый, честный слуга Царя и Отечества! Нѣтъ мѣста укору и остальнымъ нижнимъ чинамъ роты. Послушные, терпѣливые, добросовѣстные въ исполненіи долга, не взирая ни на какую тяжелую об-

становку, они всегда готовы были грудью встрѣтить врага. Часто приходилось слышать срывавшіеся съ языка съ какимъ-то ожесточеніемъ слова: „Эхъ, только бы достать ихъ... да не даются—убѣгаютъ!“ Ни одинъ не издалъ звука жалобы или недовольства, когда въ люнетѣ по 2 дня оставались безъ пищи, когда могли утолить мучившую ихъ жажду лишь ночью, набравъ воды изъ рѣки Шахэ, когда утоляли голодъ тоже ночью, такъ какъ днемъ кухни не могли подъѣхать даже на версту. Да будетъ сознаніе честно исполненнаго долга нравственной поддержкой въ будущей Вашей жизни. Глубокій поклонъ Вамъ, добрые сыны отечества... и міръ праху и вѣчная память за Вѣру, Царя и Отечество на полѣ брани животъ свой положившимъ.

Подписалъ: Командиръ роты
капитанъ Сергѣевъ.

СПИСОКЪ

командирамъ ротъ и младшимъ офицерамъ.

Чинъ и фамилія.	Когда прибыли.	Когда убыли.	Отмѣтка.
Командиры ротъ.			
Капитанъ Трошинъ . .	5 Іюня 1904 г.	30 Сент. 1904 г.	Раненъ
Подпоруч. Лукьянинъ .	30 Сент. 1904 г.	2 Октяб. 1904 г.	Раненъ
Подпоруч. Петряевскій.	3 Октяб. 1904 г.	22 Октяб. 1904 г.	
Шт.-Кап. Капаневичъ .	22 Октяб. 1904 г.	7 Февр. 1905 г.	Перевед.
Подпоруч. Москалёвичъ	7 Февр. 1905 г.	13 Февр. 1905 г.	Перевед.
Шт.-Кап. Сергѣевъ . .	13 Февр. 1905 г.	26 Февр. 1905 г.	Раненъ
Подпоручикъ Покровскій	26 Февр. 1905 г.	29 Февр. 1905 г.	Перевед.
Поручикъ Олиференко .	29 Февр. 1905 г.	23 Апр. 1905 г.	Перевед.
Капитанъ Сергѣевъ . .	23 Апр. 1905 г.		
Младшіе офицера.			
Подпоруч. Петряевскій.	5 Іюня 1904 г.	26 Февр. 1905 г.	Раненъ
Подпоруч. Сорокинъ. .	5 Іюня 1904 г.	15 Сент. 1904 г.	Перевед.
Прапорщикъ Карповъ .	28 Сент. 1904 г.	30 Сент. 1904 г.	Убитъ
Подпоруч. Москалёвичъ	Декабря 1904 г.	13 Февр. 1905 г.	Перевед.
Заур.-прап. Соловьевъ.	29 Февр. 1905 г.	1 Іюля 1905 г.	Перевед.
Поручикъ Буслаевъ . .	11 Іюня 1905 г.	25 Іюня 1905 г.	Перевед.
Подпоруч. Малышевъ .	25 Апр. 1905 г.	10 Нояб. 1905 г.	Боленъ
Прапорщ. Лятальскій. .	1 Іюня 1905 г.		
Подпоруч. Петряевскій.	1 Нояб. 1905 г.	8 Нояб. 1905 г.	Боленъ

СПИСОКЪ

нижнимъ чинамъ 8-й роты 220-го пѣхотнаго Епифанскаго полка, награжденнымъ знаками отличія военнаго ордена 4-й степени.

№№ по порядку	Званіе, имена, отчества и фамиліи.	№№ крестовъ.	Отмѣтка.
1	Фельдф. Василій Ѳедоровъ Прохоровъ	109567	
2	Ст. ун.-оф. Ларіонъ Михайловъ Пучинъ		На излѣч. въ госп.
3	Ст. ун.-оф. Прохоръ Васильевъ Трохинъ	183791	
4	Ст. ун.-оф. Антонъ Ѳедоровъ Крендясьевъ	174364	
5	Ст. ун.-оф. Николай Ивановъ Сапожниковъ.	174365	
6	Мл. ун.-оф. Захаръ Тихоновъ Панькивъ	183792	
7	Мл. ун.-оф. Андрей Борисовъ Рудометкинъ	137007	
8	Мл. ун.-оф. Матвѣй Леонтьевъ Лагутовъ.	142641	
9	Ефр. Василій Никаноровъ Улановъ.	183793	
10	„ Лаврентій Ѳедоровъ Пудинъ .	142562	
11	„ Иванъ Николаевъ Турчинъ . .	174363	
12	„ Иванъ Фроловъ Смагинъ . . .	174369	
13	„ Петръ Прокофьевъ Панфиловъ	174350	
14	Ряд. Алексѣй Ивановъ Пчелинцевъ.		Убитъ 25 Февр.
15	„ Тарасъ Васильевъ Ивочкинъ .	137011	1905 г.
16	„ Варфоломей Дмитріевъ Атянинъ	142564	
17	„ Семенъ Яковлевъ Филатовъ .	137009	
18	„ Александръ Тихоновъ Кокаевъ	137008	
19	„ Никифоръ Тимофеевъ Ковальчукъ	137049	
20	„ Алексѣй Алексѣевъ Коровинъ.	98730	
21	„ Сергѣй Яковлевъ Киселевъ. .	183794	
22	„ Алексѣй Михайловъ Жучковъ.	183795	
23	„ Осипъ Филипповъ Якунинъ . .	174370	
24	„ Алексѣй Васильевъ Еграшкинъ.	109568	

СПИСОКЪ

нижнимъ чинамъ 8 роты 220-го пѣхотнаго Епифанскаго полка, убитымъ, раненымъ и безъ вѣсти пропавшимъ въ бояхъ 1904 и 1905 года.

№№ по порядку	Званіе, имя и фамилія.	Какой губерніи, уѣзда и волости.	Когда.	Какая судьба.	Когда вернулся въ строй.
1	Ефр. Андрей Прокофьевъ Ивановъ	Тамбовской губ. Спасскаго уѣзда.	29 Сен. 1904 г.	У б и т ы.	
2	Ряд. Максимъ Петровъ Склокинъ	Пензенской г. Керенск. уѣз. Знаменской волости.			
3	Ряд. Иванъ Леонтьевъ Ашунинъ	Тамбовск. г. Спасскаго у.			
4	Ряд. Сергѣй Григорьевъ Таушевъ	»			
5	Ст. ун.-офиц. Ѳедоръ Григорьевъ Венедиктовъ.	Оренбургск. г. Челябинск. уѣз. Сухоборск. вол. т. с.			
6	Ефр. Антонъ Ивановъ Дыринъ	Тамбовск. г. Моршанск. у. Никольско-Отромской в.			
7	Ефр. Терентій Тимофеевъ Шопѣлховъ	Пензенской губ. Керенскаго уѣзда.		Р а н е н ы.	
8	Ряд. Ѳедоръ Яковлевъ Сараевъ	Тамбовской. г. Спасскаго уѣзда.			
9	Ефр. Кирилъ Васильевъ Гурьевъ	Тамбовской г. Моршанскаго уѣзда.			
10	Ряд. Григорій Ивановъ Байковъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Ачадовск. в. дер. Крюковки			13 Дек. 1904 г.
11	Ефр. Василій Никаноровъ Улановъ	Пензенской г. Керенскаго у. Еганск. вол. д. Пиньковъ.			Дек. 1904 г.
12	Ряд. Филипъ Григорьевъ Савкинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Ачадовской вол. т. с.			Нояб. 1904 г.
13	Ряд. Ѳома Васильевъ Киселевъ	Пензенской г. Керенскаго уѣзда.			.
14	Ряд. Дмитрій Егоровъ Пчелинцевъ	Пензенской г. Керенск. у. Шеинской вол. т. с.			»
15	Ряд. Егоръ Ивановъ Семакинъ	»			Янв. 1905 г.
16	Ряд. Иванъ Устиновъ Траксовъ	Тамбовск. г. Спасскаго у. Дракинской вол. сел. Салагаря.			

17	Ряд. Еремей Алексѣевъ Бирюковъ	Тамбовской г. Моршанск. уѣзда.			
18	Ряд. Мартинъ Кузьминъ Ивашевъ	Пензенской г. Керенскаго уѣзда.			
19	Ряд. Петръ Матвѣевъ Иванищевъ	Тамбовск. г. Моршанск. у. Алгасовск. вол. с. Тимешев.	29 Сен. 1904 г.		Янв. 1905 г.
20	Ряд. Иванъ Ѳедоровъ Корягинъ	Тамбовск. г. Моршанск. у. Василевской вол. т. с.			Дек. 1904 г.
21	Ряд. Исай Титовъ Поповъ	Тамбовск. г. Моршанск. у. Алгасовской вол. т. с.			»
22	Ряд. Герасимъ Ивановъ Тюринъ	Пензенской г. Керенскаго уѣзда.			
23	Ряд. Дементій Алексѣевъ Казѣевъ	Тамбовской г. Спасскаго уѣзда.			
24	Ряд. Осипъ Викентьевъ Стоекъ	Келецк. г. Стопницк. у. Гротниковск. вол. д. Гурковоля.			Нояб. 1904 г.
25	Ряд. Гавріилъ Никитинъ Левакинъ	Пензенской г. Керенск. у. Знаменской вол. т. с.			Дек. 1904 г.
26	Ст. ун.-оф. Яковъ Петровъ Воловъ	Пензенской г. Керенск. у. Больше-Ижмерск. вол. т.с.			25 Мар. 1905 г.
27	Ефр. Кузьма Петровъ Катышкинъ	Тамбовск. г. Моршанскаго уѣзда.			
28	Ряд. Ѳедоръ Тимофеевъ Романовъ	Тамбовской г. Спасскаго у.			
29	Мл. ун.-оф. Илья Васильевъ Коровинъ	» » Кириловской вол. т. с.			Дек. 1904 г.
30	Ряд. Тарасъ Исаевъ Ежиковъ	Тамбовск. г. Моршанск. у. Троицкой вол. т. с.			Нояб. 1904 г.
31	Ряд. Николай Дементьевъ Чуркинъ	Пензенской г. Керенскаго у. Керенской в. д. Куриловки.			»
32	Ефр. Егоръ Даниловъ Зеляпугинъ	Пензенской г. Керенскаго у. Шеинской вол. т. с.			
33	Ряд. Иванъ Игнатьевъ Маеровъ	Пензенской г. Керенскаго у.			
34	Ряд. Иванъ Васильевъ Маеровъ	» » Ртищевской вол. с. Луки.			Янв. 1905 г.
35	Ряд. Петръ Васильевъ Бѣляевъ	Тамбовской г. Моршанск. у.			
36	Ряд. Василій Марковъ Абашевъ	Тамбовской г. Спасскаго у.			-
37	Ряд. Степанъ Михайловъ Деминъ	Пензенской г. Керенскаго у.			
38	Ряд. Ѳедоръ Устиновъ Кураповъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Никольско-Маловицк. вол.			Нояб. 1904 г.
39	Ст. ун.-оф. Михей Григорьевъ Воловъ	Пензенской г. Керенскаго у. Больше-Ижмарск. в. т. с.		безъ вѣс. пр.	
40	Ряд. Алексѣй Ивановъ Княжинъ	Пензенской г. Керенскаго у.			

Р а н ы:

41	Ряд. Емельянъ Герасимовъ Тюковъ	Пензенской г. Керенскаго у.	29 Сен. 1904 г.	безъ вѣс. пр.	
42	Ряд. Николай Ѳедоровъ Собачкинъ	„ „			
43	Ряд. Несторъ Яковлевъ Антоновъ	Тамбовской г. Спасскаго у.			
44	Ряд. Кузьма Яковлевъ Рябиковъ	„ „			
45	Ряд. Петръ Григорьевъ Барановъ	„ „			
46	Ст. ун.-оф. Ѳедоръ Даниловъ Афонинъ	Пензенской г. Керенскаго у. Больше-Ижмарской вол.		Въ плѣну.	
47	Ряд. Алексѣй Ивановъ Андрюшинъ	Тамбовской г. Спасскаго у.		безъ вѣс. пр.	
48	Ряд. Михаилъ Ивановъ Щушаринъ	Оренбургской г. Челябинскаго уѣзда.			
49	Ряд. Василій Степановъ Безпутинъ	Тамбовской г. Моршанск. у.			
50	Ряд. Савелій Леонтьевъ Бычковъ	Тамбовской г. Спасскаго у.			
51	Ряд. Севастьянъ Лукинъ Аксенюкъ	„ „			
52	Ряд. Никита Наумовъ Семаевъ	„ „			
53	Ряд. Иванъ Сергѣевъ Ивакинъ	„ „			
54	Ряд. Петръ Семеновъ Макѣйкинъ	„ „			
55	Ряд. Иванъ Ивановъ Селивановъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Никольско-Отромск. вол.			
56	Мл. ун.-оф. Иванъ Васильевъ Малышевъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Васильевской вол. т. с.			
57	Ст. ун.-оф. Петръ Яковлевъ Дунаевъ	Пензенской г. Керенск. у. Больше-Ижмарской вол.			
58	Ряд. Семенъ Николаевъ Кривошеевъ	Тамбовской г. Моршанск. у.			
59	Мл. ун.-оф. Семенъ Васильевъ Умновъ	Пензенской г. Керенскаго у.			
60	Ряд. Петръ Алексѣевъ Лазаревъ	Тамбовской г. Спасскаго у.			
61	Ряд. Илья Григорьевъ Козырьковъ	Пензенской г. Керенскаго у. Больше-Ижмарской вол.		Въ плѣну.	
62	Ряд. Янъ Муха	Кѣлецкой г. Пинчовск. у. Пеньчаевской вол. д. Градовицы.		безъ вѣс. пр.	Дек. 1904 г.
63	Ряд. Ѳедоръ Филипповъ Лунинъ	Тамбовской г. Моршанск. у.			
64	Мл. ун.-оф. Григорій Ефимовъ Чепаевъ	Тамбовской г. Спасскаго у.			

65	Ряд. Егоръ Ивановъ Котовъ	Тамбовской г. Спасскаго у.	29 Сен. 1904 г.	безъ вѣс. пр.	
66	Ряд. Павелъ Васильевъ Харповъ	„ „ Филковской вол.			
67	Ряд. Петръ Яковлевъ Дѣевъ	Тамбовской г. Моршанск. у.			
68	Ряд. Кузьма Афанасьевъ Кадашевъ	„ „			
69	Фельдшеръ Клементій Мясниковъ	Пензенской г. Керенскаго у. Котельской вол. т. с.			
70	Ст. ун.-оф. Яковъ Ѳедоровъ Арзамасцевъ	Пензенской г. Керенскаго у. Черкасской вол. т. с.	1 Окт. 1904 г.	Убитъ	
71	Мл. ун.-оф. Иванъ Николаевъ Томинкинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Кириловской вол. т. с.			
72	Бар. Степанъ Афанасьевъ Марковъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Анаевской вол.			
73	Ряд. Ѳедоръ Васильевъ Ножкинъ	Тамбовской г. Спасскаго у.			
74	Ряд. Абдулъ Бедредтиновъ Джемаевъ	Пензенской г. Керенскаго у.			
75	Ефр. Ѳедоръ Васильевъ Хотяковъ	„ „ Знаменской вол.		Ран.	
76	Ряд. Егоръ Ивановъ Червановъ	Пензенской г. Керенск. у. Архангельской вол.			
77	Ряд. Павелъ Максимовъ Коршуновъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Дракинской вол.			
78	Ряд. Ѳеофилъ Зайкинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Анаевской вол.			
79	Ряд. Никифоръ Ефимовъ Богдашкинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Анаевской вол.			Нояб. 1904 г.
80	Ряд. Иванъ Филипповъ Козюлинъ	Полтавской г. Полтавск. у.			
81	Ряд. Григорій Прокопьевъ Рышкинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Спаско-Кашминской вол.			Дек. 1904 г.
82	Ряд. Кузьма Петровъ Козловъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Дракинской вол.			
83	Ряд. Михаилъ Ивановъ Деряновъ	Пензенской г. Керенск. у. Больше-Ижмарской вол. с. Вяземки.			Нояб. 1904 г.
84	Ряд. Михаилъ Тимофеевъ Пиманъ	Тамбовской г. Спасскаго у.			
85	Ряд. Михаилъ Андреевъ Пчеливцевъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Конищевской вол. т. с.			Янв. 1905 г.
86	Ефр. Иванъ Леонтьевъ Рудомѣткинъ	Тамбовской г. Моршанск. у.			
87	Ряд. Григорій Ивановъ Ясинскій	Камен.-Под. г. Балтск. у. Великомченской вол.			
88	Ряд. Петръ Ивановъ Лелека	Города Полтавы.	10 Окт. 1904 г.		Февр. 1905 г.

89	Ряд. Михаилъ Наумовъ Трушинъ	Пензенской г. Керенскаго у.			
90	Ряд. Ѳедоръ Дмитріевъ Артаповъ	„ „ Кандевской вол.			Янв. 1905 г.
91	Ряд. Захаръ Алексѣевъ Гальнинъ	Пензенской г. Керенскаго у. Кандевской вол.			
92	Ряд. Тимофей Ѳомичъ Ивашковъ	Тамбовской г. Спасскаго у.			
93	Ряд. Василій Ивановъ Рыжковъ	Пензенской г. Керенскаго у.		Ни-	
94	Ефр. Яковъ Отводовъ	Тамбовской г. Спасскаго у.			
95	„ Сергѣй Михайловъ Тимаковъ	Тамбовской г. Моршанск. у.			
96	Ряд. Абдрафимъ Екшакѣевъ	Пензенской г. Керенск. у.			
97	Ряд. Сергѣй Павловъ Двойневъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Никольско-Отромск. вол.		ни	
98	Ст. ун.-оф. Василій Матвѣевъ Шлыковъ	Пензенской г. Керенскаго у. Троицкой вол. т. с.			
99	Фельд. Алексѣй Ивановъ Голоштановъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Раевской вол. т. с.			
100	Ефр. Мустадѣ Самойловъ Щуцкій	Виленской г. Ошмянскаго у. Евейской вол.		е	Дек. 1904 г.
101	Ст. ун.-оф. Артемъ Михайловъ Панженскій	Пензенской г. Керенскаго у. Рохманской вол. т. с.			Февр. 1905 г.
102	Ряд. Гавріилъ Яковлевъ Крючковъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Амасовской вол. т. с.			Дек. 1904 г.
103	Мл. ун.-оф. Василій Ермоловъ Заплетинъ	Пензенской г. Керенскаго у. Керенской в. д. Куриловки.		н	
104	Ефр. Андрей Александровъ Лузкинъ	Пензенской г. Керенскаго у. Кандевской вол.			
105	Ряд. Тимофей Васильевъ Колединъ	Пензенской г. Керенскаго у. Ртищевской вол.			
106	Ряд. Михаилъ Кирѣевъ Дунилинъ	Тамбовской г. Спасскаго у.		а	
107	Ст. ун.-оф. Сергѣй Егоровъ Сосовъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Салтыковской вол. т. с.			Дек. 1904 г.
108	Ряд. Евдокимъ Ивановъ Рузмановъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Зарубинской вол.			„
109	Ряд. Адамъ Казимировъ Саевичъ	Виленской г. Ошмянскаго у. Забретской вол.		Р	„
110	Ряд. Лука Сергѣевъ Горбоносъ	Города Полтавы.			„
111	Ряд. Василій Николаевъ Чувахинъ	Пензенской г. Керенск. у.	1 окт. 1904 г.	Раненъ	
112	Мл. унт.-оф. Захаръ Тихоновъ Панькинъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Никольско-Отромск. вол.			5 Дек. 1904 г.

113	Ряд. Данилъ Михайловъ Кузнецовъ	Пензенской г. Керенск. у.			
114	Мл. ун.-оф. Алексѣй Петровъ Хитровъ	„ „ Больше-Ижмарск. вол. т. с.			
115	Ст. ун.-оф. Иванъ Викторовъ Ястребовъ	Пензенской г. Керенск. у. Больше-Ижмарск. вол. т. с.			Марта 1905 г.
116	Ефр. Иннокентій Ивановъ Якунинъ	Тамбовской г. Спаскаго у.		Ы	2 Дек. 1905 г.
117	Ряд. Иванъ Ефимовъ Тепляковъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Куликовской вол.			Дек. 1904 г.
118	Ряд. Егоръ Ѳедоровъ Володинъ	Пензенской г. Керенск. у.			
119	Ст. ун.-оф. Василій Ѳедоровъ Лапшинъ	Тамбовской г. Спасскаго у.		Н	
120	Мл. ун.-оф. Семенъ Андреевъ Матюхинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Кириловской вол.			
121	Ряд. Петръ Ивановъ Твороговъ	Тамбовской г. Спасскаго у.			
122	Ряд. Яковъ Андреевъ Агаповъ	Тамбовской г. Моршанск. у.		Е	
123	Ст. ун.-оф. Андрей Ефимовъ Боронинъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Салтыковской вол.			Нояб. 1904 г.
124	Бар. Артемъ Григорьевъ Верясовъ	Тамбовской г. Спаоскаго у. Ачадовской вол.		Н	„
125	Ефр. Степанъ Яковлевъ Уткинъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Земетчинской вол.			„
126	Ряд. Петръ Ефимовъ Путимовъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Земетчинской вол.			5 Сен. 1905 г.
127	Ряд. Андрей Марковъ Козловъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Салтыковской вол.		А	Нояб. 1904 г.
128	Ряд. Кузьма Родіоновъ Снадинъ	Тамбовской г. Спасскаго у.			Нояб. 1904 г.
129	Ряд. Липатъ Степановъ Красиковъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Печаевской вол.			
130	Ефр. Ананій Григорьевъ Шѣенковъ	Тамбовской г. Моршанск. у.		Р	
131	Ряд. Егоръ Ивановъ Гласковъ	„ „			
132	Мл.у.-оф. Егоръ Ефремовъ Костиковъ	Пензенской г. Керенск. у.			
133	Ряд. Максимъ Петровъ Палаткинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Анаевской вол.			Нояб. 1904 г.
134	Ряд. Петръ Ѳедоровъ Кукушкинъ	Тамбовской г. Спасскаго у.	1 Окт 1905 г.	Ранены	
135	Ряд. Павелъ Максимовъ Коршуновъ	Тамбовской г. Моршанск. у.			
136	Ряд. Адисъ Ишкининъ	Пензенской г. Керенск. у.			
137	Ряд. Ѳедоръ Осиповъ Костылевъ	Оренбургск. г. Челябинск. у.			

138	Ряд. Филиппъ Васильевъ Данилковъ	Пензенской г. Керенск. у. Больше-Имжарской вол.			
139	Ряд. Никита Васюнинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Дракинской вол. с. Залазг.			
140	Ст. у.-оф. Савелій Яковлевъ Бейзиковъ	Пензенской г. Керенск. у. Кандиковск. вол. с. Колес.			
141	Ряд. Нефедъ Афанасьевъ Бѣгаевъ	Тамбовской г. Спасскаго у.			
142	Р. Прокофій Васильевъ Котельниковъ	Тамбовской г. Моршанск. у.			
143	Ряд. Павелъ Александровъ Крѣтовъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Пичаевской вол.			Нояб. 1904 г.
144	Ряд. Михаилъ Ивановъ Скакуновъ	Тамбовской г. Моршанск. у.			
145	Ряд. Кузьма Васильевъ Тазинъ	Тамбовской г. Спасскаго у.			Нояб. 1904 г.
146	Ст. ун.-оф. Ларіонъ Михайловъ Пучинъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Троицко-Рысалевск. вол.			»
147	Ряд. Владиміръ Степановъ Кузнецовъ	Пензенской г. Керенск. у. Ртищевской вол.			
148	Ряд. Иванъ Ивановъ Жякулаевъ	Пензенской г. Керенск. у. Сергѣево-Поливанск. вол.		безъ вѣс. пр.	Дек. 1904 г.
149	Ряд. Ѳедоръ Ивановъ Захаровъ	Пензенской г. Керенск. у.			»
150	Ряд. Ѳедоръ Пиняевъ	Тамбовской г. Спаскаго у.			
151	Ряд. Осипъ Ивановъ Пщакинъ	Пензенской г. Керенск. у. Знаменской вол.			Нояб. 1904 г.
152	Ряд. Герасимъ Степановъ Степановъ	Пензенской г. Керенск. у. Знаменской вол.			»
153	Ефр. Ефимъ Николаевъ Батяевъ	Пензенской г. Керенск. у.			
154	Ряд. Михаилъ Никифоровъ Нестеркинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Спаской вол. с. Хомутово.			Мар. 1905 г.
155	Ряд. Романъ Осиповъ Рушаковъ	Пензенской г. Керенск. у. Шеинской вол. т. с.			Нояб. 1904 г.
156	Ряд. Ѳедоръ Высоковъ	Тамбовской г. Спаскаго у.			
157	Рлд. Андрей Ивановъ Марковскій	Кѣлецкой г. Стопницк. у.			
158	Ряд. Павелъ Ивановъ Чельмановъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Анаевской вол.			
159	Ряд. Ефимъ Петровъ Чушкинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Анаевской вол.	1 Окт. 1904 г.	безъ вѣс. пр.	Дек. 1904 г.
160	Ряд. Андрей Зотовъ Тягловъ	Тамбовской г. Спасскаго у.			
161	Ряд. Алексѣй Яковлевъ Михалевъ	Пензенской г. Керенск. у. Кандевск. вол. с. Колес.			Янв. 1905 г.
162	Ряд. Тимофей Михайловъ Кадетовъ	Пензенской г. Керенск. у. Больше-Ижмарск. вол.			»

163	Ряд. Андрей Матвѣевъ Столяръ	Волынской г. Овручск. у. Олевской вол. д. Каменки.	17 фев. 1905 г.	Раненъ.	Мар. 1905 г.
164	Ряд. Ѳедоръ Дмитріевъ Артаповъ	Пензенской г. Керенск. у. Кандвеск. в. с. Колесовки.	19 фев. 1905 г.	"	8 Апр. 1905 г.
165	Ефр. Степанъ Яковлевъ Уткинъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Знаменской вол. т. с.	"	Убитъ.	
166	Ряд. Тимофей Филипповъ Железнякъ	Волынской г. Овручск. у. Лугиновск. в. д. Путиловки.	22 фев. 1905 г.	"	
167	Мл. ун.-оф. Мухаметъ Хамет. Мамиинъ	Пензенской г. Керенск. у. Выбранск. в. д. Кочетовки.	"	Раненъ	
168	Ефр. Матвѣй Леонтьевъ Лагутовъ	Пензенской г. Керенск. у. Ушинской вол.	"	"	10 Мая 1905 г.
169	Ряд. Павелъ Михайловъ Таекинъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Пичаевской вол.	"	"	
170	Фельд. Иванъ Корнѣевъ Аносовъ	Рязанской г. Пронск. у. Панкинской в. д. Егоровки.	25 фев. 1905 г.	Убитъ.	
171	Ст. ун.-оф. Андрей Ефимовъ Воронинъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Салтыковск. в. д. Сокровки.		"	
172	Ст. ун.-оф. Гавріилъ Яковлевъ Крючковъ.	Тамбовской г. Моршанск. у. Алгасовской вол. т. с.		"	
173	Ст. ун.-оф. Григорій Сергѣевъ Бѣлогривцевъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Петимской вол. т. с.		"	
174	Ст. ун.-оф. Петръ Тарасовъ Бондарь	Харьковск. г. Богодухов. у. Краснокутск. в. с. Качалова.	25 фев. 1905 г.	безъ вѣс. пр.	
175	Мл. ун.-оф. Александръ Павловъ Блащикъ	Петроковской г Новорад. у. Дмениниск. в. д. Владиславъ.			
176	Мл. ун.-оф. Николай Ивановъ Соколовъ	Вологодск. г. Кадниковск у. Манильск. в. д. Бережки.			
177	Мл. ун.-оф. Иванъ Николаевъ Филинъ	Пензенской г. Керенск. у. Шеинск. в. с. Александро.			
178	Ефр. Михаилъ Станиславовъ Вайчиковскій	Петроковск. г. Ченстохов. у. Кщепинской в. д. Сельца.			
179	Ефр. Егоръ Даниловъ Зеляпугинъ	Пензенской г. Керенск. у. Шеинской вол. т. с.			
180	Ефр. Иванъ Андреевъ Кочетовъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Алгасовск. вол. т. с.			
181	Ефр. Егоръ Прокофьевъ Мещеряковъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Майдановск. в. д. Айдаловы.			
182	Ефр. Семенъ Федоровъ Шачневъ	Пензенской г. Керенск. у. »			
183	Ряд. Иванъ Филипповъ Акинкинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Сядимской в. д. Рус. вол.			
184	Ряд. Тимофей Филипповъ Железникъ	Волынской г. Овручск. у. Лугинской в. д. Путиловки.	25 фев. 1905 г.		
185	Ряд. Иванъ Федоровъ Корягинъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Васильевской вол.			

Убитъ

				Раненъ:	Убитъ:	Безъ вѣсти пропалъ:	
186	Ряд. Алексѣй Ивановъ Пчелинцевъ	Пензенской г. Керенск. у. Шеинской вол. т. с.					
187	Ряд. Дмитрій Егоровъ Пчелинцевъ	Пензенской г. Керенск. у. Шеинской вол. т. с.					
188	Ряд. Петръ Афанасьевъ Чайкинъ	Курской г. Боярскаго у.					
189	Ряд. Матвѣй Андреевъ Ульяновъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Ачадовск. в. с. Булдыгина.					
190	Ряд. Прокофій Васильевъ Уваровъ	Пензенской г. Керенск. у. Знаменской вол. т. с.					
191	Ст. ун.-оф. Дмитрій Ивановъ Конкинъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Спасско-Кашмин. вол.	25 фев. 1905 г.				
192	Мл. ун.-оф. Илья Васильевъ Коровинъ	Тамбовск. г. Спасскаго у. Кириловской вол. т. с.					
193	Ефр. Андрей Никитинъ Грунинъ	Пензенской г. Керенск. у. Черкаской в. д. Ильинской.					
194	Ефр. Павелъ Леонтьевъ Кирѣевъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Ачадовск. вол. Тархан. пож.					
195	Ефр. Александръ Андреевъ Кравченко	Волынской г. Овручск. у. Народичевской вол. т. с.					
196	Бар. Артемъ Григорьевъ Верясовъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Ачадовской в. д. Глушовки.					
197	Бар. Алексѣй Филипповъ Ивасенко	Полтавской г. Лохвицк. у. Свиридовской в. с. Герошов.					
198	Бар. Илья Михайловъ Ожерчукъ	Волынской г. Овручск. у. Олевской в. д. Столпюки.					
199	Ряд. Алексѣй Михайловъ Акшатинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Мардовско-Пимборск. в.					
200	Ряд. Степанъ Ивановъ Болтышевъ	Пензенской г. Керенск. у. Черкаской в. д. Ильинской.					
201	Ст. ун.-оф. Сергѣй Егоровъ Сосовъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Салтыковской вол.	25 Фев. 1905 г.				
202	Ст. ун.-оф. Петръ Антоновъ Сѣрдаевъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Зарубинской в. с. Нов. выс.					2 Іюня 1905 г.
203	Ефр. Григорій Осиповъ Безкоровайный	Волынской г. Овручск. у. Народической вол.					
204	Ефр. Михаилъ Васильевъ Вичкаевъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Анаевской в. с. Шрамзина.					
205	Ефр. Михаилъ Самновъ Горшиничъ	Волынской г. Овручск. у. Олевской вол. с. Кишина.					
206	Ефр. Даніилъ Ѳедотовъ Ошкинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Спасской в. с. Кажловки.	23 Апр. 1905 г.				
207	Ряд. Иванъ Даніиловъ Бабаевъ	Пензенской г. Керенск. у. Знаменской вол. т. с.					
208	Ряд. Петръ Павловъ Виноградовъ	Пензенской г. Керенск. у. Еганской в. д. Ульяновки.					
209	Ряд. Ананій Несторовъ Горшковъ	Пензенской г. Керенск. у.					

210	Ряд. Яковъ Софроновъ Евдокименко	Волынской г. Овручск. у. Народичевск. в. д. Сельца.			
211	Ряд. Савелій Григорьевъ Жидяковъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Ачадовск. в. с. Пичпанда.			
212	Ряд. Иванъ Андреевъ Зуйкинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Анаевск. в. з. Порамзина.			
213	Ряд. Гавріилъ Ивановъ Карнауховъ	Пензен. г. Ниж.-Ломовск. у. Старо-Толковск. вол.			
214	Ряд. Иванъ Степановъ Корабенковъ	Пензенской г. Керенск. у. Шеинской вол. т. с.			
215	Ряд. Иванъ Ильичъ Киняевъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Зарубинск. в. д. Тен. Ст.			
216	Ряд. Федоръ Семеновъ Кувшиновъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Ачадовск. в. д. Тархпот.			
217	Ряд. Ефимъ Андреевъ Котовъ	Пензенской г. Керенск. у. Шеинск. в. д. Фулицатовк.			
218	Ряд. Илья Игнатьевъ Каструба	Волынской г. Овручск. у. Каредической в. д. Новой.	25 фев. 1905 г.		22 Ап. 1905 г.
219	Ряд. Андрей Филипповъ Каша	Келецкой г. Миховск. у. Медвѣдевской в. д. Чеха.			
220	Ряд. Тимофей Кузьмичъ Короваевъ	Пензенской г. Керенск. у. Больше-Буртаской вол.			4 Мая 1905 г.
221	Ряд. Сергѣй Яковлевъ Кисилевъ	Тамбовск. г. Моршан. у. Амасовской вол. т. с.			
222	Ряд. Григорій Николаевъ Люлинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Ачадовск. в. с. Булдыгина.			
223	Ряд. Яковъ Андреевъ Лисавинъ	Пензенской г. Керенск у. Шеинской вол. т. с.			
224	Ряд. Тимофей Лаврентьевъ Матвѣевъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Зарубинск. в. с. Стар. пот.			
225	Ряд. Каленилъ Максимовъ Михальченко	Волынской г. Овручск. у. Алевской в. с. Китинъ.			
226	Ряд. Егоръ Афанасьевъ Новичковъ	Тамбовск. г. Моршанск. у. Амасовск. в. с. Темемива.			
227	Ряд. Макаръ Афанасьевичъ Нечай	Волынской г. Овручск. у. Народичевск. в. д. Селецъ.			
228	Ряд. Василій Ивановъ Папинъ	Пензенской г. Керенск. у.			
229	Ряд. Дмитрій Алексѣевъ Павловъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Малышевской в. т. с.			25 Мар. 1905 г.
230	Ряд. Евграфъ Ѳедоровъ Разинъ	Пензенской г. Керенск. у. Еганской в. д. Пиньковъ.			
231	Ряд. Петръ Титовъ Ромашка	Волынской г. Овручск. у. Народичевск. в. д. Стовокъ.			
232	Ряд. Ѳома Игнатьевъ Ракъ	Петроковск. г. Новорад. у. Домбровск. в. д. Рацковицъ.			
233	Ряд. Адамъ Казимировъ Саевичъ	Виленской г. Ошмянск. у. Забрецкой в. д. Ясники.			16Нояб 1905 г.

234	Ряд. Павелъ Михайловъ Таекинъ	Тамбовск. г. Моршанск. у. Пичаевской вол. т. с.			
235	Ряд. Филиппъ Ивановъ Турукинъ	„ „	25 Фев. 1905 г.		
236	Ряд. Михаилъ Наумовъ Трушинъ	Пензенской г. Керенск. у. Кандевск. в. с. Колесовки.		Выбыли:	
237	Ряд. Андрей Осиповичъ Федяйкинъ	Пензенской г. Керенск. у. Черкаской в. с. Никольск.			
238	Ряд. Василій Евсѣевъ Фомушкинъ	Тамбовск. г. Моршанск. у. Отромской вол. т. с.			23 Ап. 1905 г.
239	Ряд. Ефимъ Яковлевъ Шестаковъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Ачадовск. в. с. Пичпанды.			4 Мая 1905 г.
240	Ряд. Иванъ Леонтьевъ Уваровъ	Пензенской г. г. Керенска.			9 Іюня 1909 г.
241	Ряд. Ѳедоръ Дмитріевъ Артаповъ	Пензенской г. Керенск. у. Кандевской вол.			8 Марта 1905 г.
242	Ряд. Ицка Лейбовъ Гришпанъ	Кѣлецкой г. Миховскаго у.			4 Іюня 1905 г.
243	Ряд. Алексѣй Васильевъ Егрешкинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Анаевской вол. д. Пичевки.			24 Іюн. 1905 г.
244	Ряд. Федоръ Терентьевъ Кошкинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Зарубинской в. д. Новой.			
245	Ряд. Аронъ Файфиловичъ Бирманъ	Волынской г. Овручск. у. Народической вол. т. с.		безъ вѣс. пр.	
246	Ряд. Иванъ Мироновъ Варфоломѣевъ	Пензенской г. Керенск. у. Каньдековской вол.			
247	Ряд. Онуфрій Лукьяновъ Васельчукъ	Волынской г. Овручск. у. Валевской в. с. Лопатихи.			
248	Ряд. Лука Сергѣевъ Горбаносъ	Города Полтавы.			
249	Ряд. Семенъ Кузьмичъ Кузюра	Черниговской г, Новгородъ-Сѣверскаго уѣз.			
250	Ряд. Игнатъ Ильичъ Макаровъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Слаимской вол. т. с.			
251	Ряд. Романъ Андреевъ Мамаевъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Зарубинской вол.	безъ вѣс. пр.		
252	Ряд. Александръ Ѳедоровъ Платицинъ	Тамбовской г. г. Моршанска.			
253	Ряд. Осипъ Ивановъ Пшакинъ	Пензенской г. Керенск. у. Знаменской вол. т. с.	25 Фев. 1905 г.		
254	Рад. Сергѣй Ивановъ Поляковъ	Тамбовск. г. Моршанск. у. Спасско-Кашминской вол.			
255	Ряд. Маркъ Назаровъ Познякъ	Черниговской г. Новгородъ-Сѣверск. у. Дмитровск. в.			
256	Ряд. Дмитрій Ивановъ Разволяевъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Рыбинск. в. с. Бутырокъ.			
257	Ряд. Мошка Нотовичъ Рейдманъ	Волынской г. Овручск. у. Олевской вол. т. с.			

258	Ряд. Осипъ Викентьевъ Стоекъ	Кѣлецкой г. Стопницк. у. Гротниковской вол.			
259	Ряд. Захаръ Васильевъ Стройковъ	Пензенской г. Керенск. у. Мало-Буртаской вол.			
260	Ряд. Василій Михайловъ Таекинъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Пичаевской вол. т. с.			
261	Ряд. Андрей Васильевъ Шаровъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Ачадовской в. с. Потьмы.			
262	Ряд. Михаилъ Александровъ Шустовъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Амасовской в. с. Тимешива.			
263	Ряд. Ефимъ Петровъ Чушкинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Анаевской вол. т. с.			
264	Ряд. Семенъ Петровъ Черный	Волынской г. Овручск. у. Алевской вол. с. Китинъ.			
265	Ряд. Петръ Матвѣевъ Иванищевъ	Тамбовской г. Моршанск. у. Амасовской в. с. Тимешива.			
266	Ряд. Сергѣй Михайловъ Иванушкинъ	Тамбовской г. Спасскаго у. Анаевской вол. т. с.			

Приложеніе 8-е.

Прощальное обращеніе генералъ-адъютанта Куропаткина къ офицерамъ 1-й Маньчжурской арміи.

Черезъ нѣсколько дней 1-я Маньчжурская армія расформировывается и я покидаю славныя войска, которыми имѣлъ высокую честь командовать два года.

На войска 1-й Маньчжурской арміи выпала, съ самыхъ первыхъ дней войны, тяжелая задача сдерживать напоръ превосходныхъ силъ противника, дабы дать время сосредоточиться прибывающимъ изъ Россіи подкрѣпленіямъ.

Бои подъ Тюренченомъ, Вафангоу, Ташичао, Янзелиномъ, Ляньдяньсянемъ и затѣмъ многодневныя сраженія подъ Ляояномъ, Шахэ и Мукденомъ выпали на долю войскъ 1-й арміи и заслужили имъ почетъ среди войскъ другихъ армій.

Во многихъ случаяхъ войска 1-й арміи твердо отстаивали ввѣренныя ихъ оборонѣ позиціи и отступали только по полученіи на то приказанія. Съ особою гордостью различныя части 1-й Маньчжурской арміи могутъ вспоминать участіе въ слѣдующихъ бояхъ: полки 11-й и 12-й Восточно-Сибирскіе стрѣлковые бой подъ Тюренченомъ, полки 1-го Сибирскаго корпуса подъ Вафангоу, полки 4-го Сибирскаго корпуса бои у Ташичао, полки 3-го Сибирскаго корпуса бой у Ляньдяньсяня, полки 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Сибирскихъ корпусовъ тяжелый бой подъ Ляояномъ, на лѣвомъ берегу Тайцзыхэ.

Полки: Томскій, Барнаульскій, Иркутскій, Выборгскій и 4-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый бой на Шахэ подъ Хамытаномъ. Отдѣльныя части 1-го и 3-го Сибирскихъ корпусовъ бой въ сентябрѣ въ горной мѣстности у Тайцзыхэ. Полки 19-й, 20-й и 36-й Восточно-Сибирскіе стрѣлковые, Семипалатинскій и три полка 22-й пѣхотной дивизіи: Вильманстрандскій, Нейшлотскій и Петровскій бои 3-го октября за сопки Новгородскую и Путиловскую. Полки 1-го Сибирскаго корпуса январьскіе бои у Сандэпу. Полки 71-й пѣхотной дивизіи февральскіе бои подъ Мацзюнданомъ. Вся 6-я Восточно-Сибирская стрѣлковая дивизія, 9-й Восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ, а также Выборгскій полкъ бой у д. Кудяза и Мацзюдана. 10-й, 11-й и 12-й Восточно-Сибирскіе стрѣлковые полки, Красноярскій, Енисейскій, Царицынскій полки бой у Гоутулина. Полки 2-го Сибирскаго корпуса бой съ японскою гвардіею у Кандолисана. Полки 1-го армейскаго корпуса бои у Люцзятуня, Новгородской сопки на позиціи у р. Хуньхэ и у Цуанванче. Полки 4-го Сибирскаго корпуса: Томскій, Самшалатинскій, Барнаульскій, части Омскаго и Тобольскаго полковъ бои на позиціи у р. Хуньхэ, а также у Цуэртуня

и у Тава. 1-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый и Самарскій полки бой у Цуанванче, 34-й и 35-й Восточно-Сибирскіе стрѣлковые полки бой у Юхуантуня. Сибирскіе и забайкальскіе казаки во многихъ случаяхъ, особенно подъ Ляояномъ и Мацзюнданомъ, самоотверженно помогали другимъ родамъ оружія. Артиллерія дружно помогала пѣхотѣ. Многіе полки постоянно дѣйствовали съ одною и тою-же батареею, взаимно выручали другъ друга и слились съ ними въ одну боевую семью. Саперы, не жалѣя себя, работали сами и учили пѣхоту работать.

При относительно слабомъ составѣ 5 $^{1}/_{2}$ корпусовъ (160 баталіоновъ), Маньчжурская армія, въ среднемъ боевомъ составѣ до 100,000 штыковъ, при 2,200 офицерахъ по 1-е марта 1905 года потеряла: офицеровъ убитыми 395, ранеными 1,733; нижнихъ чиновъ убито 10,435, ранено 56,350, что составляетъ убыль въ бояхъ убитыми и ранеными: офицеровъ 91 $^{0}/_{0}$ и нижнихъ чиновъ 67 $^{0}/_{0}$ средняго боевого состава. Въ отдѣльныхъ частяхъ потери убитыми и ранеными составили: въ 34-мъ Восточно-Сибирскимъ стрѣлковомъ полку офицеровъ 89, нижнихъ чиновъ 3,243; въ 36-мъ — офицеровъ 73, нижнихъ чиновъ 2521; въ 3-мъ Восточно-Сибирскомъ стрѣлковомъ офицеровъ 102, нижнихъ чиновъ 2244; въ 4-мъ Восточно-Сибирскомъ стрѣлковомъ офицеровъ 61, нижнихъ чиновъ 2,170; въ 23-мъ Восточно-Сибирскомъ стрѣлковомъ офицеровъ 50, нижнихъ чиновъ 2,290; въ 1-мъ Восточно-Сибирскомъ стрѣлковомъ Его Величества полку офицеровъ 71; нижнихъ чиновъ 1929.

Особо самоотверженное поведеніе офицеровъ въ бою видно изъ того, что процентъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ значительно выше, чѣмъ нижнихъ чиновъ.

Многія отдѣльныя части войскъ доказали, что

даже послѣ потери двухъ третей убитыми и ранеными въ одномъ бою русскій офицеръ и солдатъ еще могутъ продолжать бой.

И все-же, несмотря на такія жертвы, несмотря на геройскія усилія, мы не достигли побѣды надъ врагомъ.

Несомнѣнно, что мы имѣли очень храбраго, энергичнаго и въ высокой степени воинственно настроеннаго противника. Съ особымъ уваженіемъ къ японцамъ можно вспоминать, какъ они, не жалѣя жизни тысячъ людей, заполняя трупами своихъ товарищей устраняемыя нами препятствія, стремились достигать нашихъ позицій. Правда, долгое время по особымъ условіямъ японцы могли обрушиваться на насъ превосходными силами.

Но мы крѣпли въ неудачахъ, пріобрѣтали боевой опытъ, усиливались подходомъ подкрѣпленій и, наконецъ, лѣтомъ прошлаго года достигли такой силы, матеріальной и духовной, что побѣда, казалось, уже была намъ обезпечена.

Все относительно спокойное, между большими боями, время энергично употреблялось для усиленія арміи. Ея трудами укрѣплены многія позиціи до Мукдена и подъ Мукденомъ. Послѣ Мукденскаго боя войскамъ 1-й арміи была поручена оборона лѣваго фланга всѣхъ армій. До р. Сунгари трудами арміи сооружено три весьма сильныхъ оборонительныхъ линіи, такъ называемыя: Сыпингайская, Гунчжулинская и третья у Куанченцзы и Гирина. Всѣ эти линіи, особенно первая и вторая, по своимъ укрѣпленіямъ и мѣстности вполнѣ обезпечивали какъ самую упорную оборону, такъ и переходъ въ наступленіе. Не вполнѣ еще готовыя къ наступленію, войска уже съ мая прошлаго года радостно привѣтствовали-бы переходъ въ наступленіе противника. Но японцы, потрясенные потерями подъ Мукденомъ,

полгода оставались на мѣстѣ, ожидая нашего перехода въ наступленіе.

Перенесенный боевой опытъ положенъ былъ въ основаніе непрерывно производившихся въ войскахъ занятій. Тактическая подготовка войскъ очень подвинулась впередъ. Укомплектованія не только пополнили порѣдѣвшіе ряды, но дали возможность развернуть всѣ стрѣлковые полки въ четырехъ-батальонный составъ. Прибыло въ составъ 1-й арміи подкрѣпленій: 53-я пѣхотная дивизія, Пластунская бригада, Донская казачья дивизія.

Силы одной первой арміи къ августу мѣсяцу превзошли по числу штыковъ тѣ силы, съ которыми мы боролись съ начала войны до сентябрьскихъ боевъ на Шахэ включительно.

Санитарное состояніе арміи, благодаря усиленнымъ заботамъ всѣхъ начальствующихъ лицъ и самоотверженной работѣ врачей, было прекрасно за весь періодъ войны.

При недостаткѣ укомплектованій, если бы мы дали развиться въ арміи болѣзненности, у насъ остались бы для боя только слабые кадры. Поэтому настоятельно было необходимо, не жалѣя силъ и средствъ, бороться, дабы сохранить для строя здоровымъ каждаго человѣка. И я счастливъ признать, что наши общія усилія дали рѣдкій результатъ: наши потери заболѣвшими были меньше, чѣмъ убитыми и ранеными, а именно: пѣхота 1-й Маньчжурской арміи за все время войны по 1-е августа 1905 года потеряла:

	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.
Отъ боевъ (убитыми и ранеными)	2.128	66.785
Отъ болѣзней (разновременно поступившихъ въ госпитали)	2.390	58.093

Обращаю, однако, вниманіе, что офицеры, теряв-

шіе въ бою большій процентъ убитыми и ранеными чѣмъ нижніе чины, вслѣдствіе лучшихъ жизненныхъ удобствъ должны бы терять заболѣвшими меньше, чѣмъ нижніе чины. Вышло наоборотъ, что доказываетъ, что наши офицеры не обладаютъ достаточною физическою крѣпостью и не умѣютъ беречь себя внѣ боя. Необходимо обратить на это серьезное вниманіе.

Матеріальная часть арміи находилась къ августу въ полномъ порядкѣ. Обмундированіе, снабженіе всѣми видами довольствія было обезпечено. Техническія средства возросли. Никогда наша армія не представляла такой грозной силы въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи, какъ лѣтомъ 1905 года, когда, неожиданно для дѣйствующихъ войскъ, кои увѣрены были въ неудачѣ переговоровъ въ Портсмутѣ и горячо желали этой неудачи, былъ заключенъ миръ, необходимый для внутреннихъ дѣлъ Россіи, но тягостный для арміи.

Съ глубокимъ уваженіемъ къ чинамъ арміи вспоминаю, съ какою горестью была встрѣчена всѣми чинами вѣсть о мирѣ. Биваки войскъ какъ бы вымерли. У всѣхъ, отъ мала до велика, была одна тяжелая мысль: война кончена ранѣе достиженія побѣды надъ врагомъ.

Оглядываясь назадъ на недавнее боевое испытаніе, мы найдемъ утѣшеніе въ сознаніи исполненнаго долга передъ Государемъ и Родиной въ мѣрѣ силъ нашихъ. Но на срокъ, который былъ данъ намъ, этихъ силъ, по разнымъ сложнымъ причинамъ, оказалось недостаточно. Надо безбоязненно отдать себѣ отчетъ: какія же главныя причины, кромѣ недостаточной численности, препятствовали намъ быть побѣдителями ранѣе заключенія мира. Прежде всего виновенъ въ этомъ я, вашъ старшій начальникъ, ибо мнѣ не удалось исправить въ періоды боевъ

наши недочеты духовные и матеріальные и не удалось еще шире воспользоваться несравненными сильными сторонами нашихъ войскъ. Матеріальные недочеты всѣмъ извѣстны: малое число штыковъ въ ротахъ (вслѣдствіе отчасти малой заботливости о сохраненіи для боя возможно большаго числа рядовъ со стороны всѣхъ начальствующихъ лицъ), недостатокъ въ первое время горной артиллеріи, недостатокъ снарядовъ съ сильнымъ разрывнымъ дѣйствіемъ, недостатокъ пулеметовъ, недостатокъ техническихъ средствъ, средствъ передвиженія грузовъ и пр. Въ августѣ прошлаго года большая часть этихъ недочетовъ, чрезвычайными усиліями военнаго министерства, уже была пополнена. Къ недостаткамъ духовнымъ я отношу большое разнообразіе въ обученіи войскъ, недостаточную тактическую подготовку ихъ, вводъ въ бой войскъ слишкомъ малыми частями. Недостаточное выясненіе положенія противника передъ боемъ и потому недостаточно сознательное, особенно при наступленіи, веденіе боя и, главное, недостатокъ иниціативы, недостатокъ самостоятельности у частныхъ начальниковъ, недостатокъ боевого одушевленія у офицеровъ и нижнихъ чиновъ, малое стремленіе къ подвигу, недостаточная взаимная выручка сосѣдей, недостатокъ непреклонной воли, отъ нижняго чина до старшаго начальника, дабы доводить начатое дѣло до конца, несмотря ни на какія жертвы. Слишкомъ быстрый отказъ, послѣ неудачи иногда только передовыхъ войскъ, отъ стремленія къ побѣдѣ и вмѣсто повторенія атаки и подачи личнаго примѣра отходъ назадъ. Этотъ отходъ назадъ во многихъ случаяхъ вмѣсто того, чтобы вызывать у сосѣдей увеличеніе усилій къ возстановленію боя, служилъ сигналомъ для отступленія и сосѣднихъ частей, даже не атакованныхъ.

Въ общемъ, какъ среди младшихъ такъ и среди

старшихъ чиновъ не находилось достаточнаго числа лицъ съ крупнымъ военнымъ характеромъ, съ желѣзными, несмотря ни на какую обстановку, нервами, способными выдерживать безъ ослабленія почти непрерывный бой въ теченіе многихъ дней.

Очевидно ни школа, ни жизнь не способствовали подготовкѣ въ Великой Россіи, послѣднія 40—50 лѣтъ, сильныхъ, самостоятельныхъ характеровъ, иначе они были бы въ значительно большемъ числѣ и въ арміи, чѣмъ то оказалось въ дѣйствительности.

Нынѣ, непреклонною волею нашего Державнаго Вождя, Россіи даруются блага свободы. Съ народа снимается бюрократическая опека и ему предоставляется возможность свободнаго развитія и примѣненія своихъ силъ на пользу нашей Родинѣ. Будемъ вѣрить, что эти блага свободы, при хорошо поставленной школѣ, скоро отразятся благотворно на подъемѣ матеріальныхъ и духовныхъ силъ русскаго народа и дадутъ на Руси во всѣхъ сферахъ дѣятельности людей самостоятельныхъ, предпріимчивыхъ, обладающихъ широкою иниціативою, крѣпкимъ тѣломъ и духомъ. Тогда обогатится этими силами и армія.

Но нельзя арміи ждать результатовъ работы новаго поколѣнія. Зная свои сильныя и слабыя стороны, мы можемъ и должны сами, не теряя ни одного дня, помочь себѣ.

Война выдвинула особенно среди чиновъ первой арміи много лицъ, отъ скромныхъ ротныхъ командировъ до корпусныхъ командировъ включительно, на плодотворную энергичную работу которыхъ вся русская армія можетъ положиться.

Съ радостью отмѣчаю, что изъ среды чиновъ 1-й арміи уже не малое число лицъ получили выдающіяся назначенія на Дальнемъ Востокѣ и Европейской Россіи. Это служитъ новымъ доказатель-

ствомъ, что нашъ Верховный Вождь неустанно слѣдитъ за нами и не теряетъ времени, дабы отличать достойнѣйшихъ изъ васъ на пользу всей арміи.

Вы опытомъ убѣдились, въ какія трудныя условія нынѣ поставлено веденіе боя; какое напряженіе духовное и физическое требуется, чтобы вести бой почти непрерывно въ теченіе нѣсколькихъ дней. Вы убѣдились также на опытѣ, какую важность пріобрѣтаютъ въ бою самыя разнообразныя техническія средства. Все это обязываетъ васъ стремиться къ совершенствованію себя, и не только въ духовномъ, но и въ физическомъ отношеніи. Наша школа, за исключеніемъ кадетскихъ корпусовъ, не заботилась о физическомъ развитіи, какъ не заботилась и о воспитаніи ввѣренныхъ ея попеченію дѣтей. Въ результатѣ, многіе изъ нашихъ офицеровъ слабо развиты физически, что и сказалось во время войны, какъ выше было указано. Обратите вниманіе на гимнастику, на фехтованіе, особенно на рапирахъ. на стрѣльбу. Надо, чтобы офицеръ не былъ зрителемъ на физическихъ упражненіяхъ нижнихъ чиновъ, какъ-то замѣчалось во многихъ случаяхъ, а могъ-бы служить и въ этомъ отдѣлѣ примѣромъ своимъ подчиненнымъ.

Въ русской арміи наши офицеры всегда стояли близко къ нижнимъ чинамъ, отечески къ нимъ относились, любили ихъ и пользовались взаимно ихъ любовью. Помните, что для нашего солдата слова: „отецъ-командиръ“ не простой звукъ, а глубокое вѣрованіе; что каждый начальникъ только тогда найдетъ доступъ въ солдатское сердце, когда станетъ въ ихъ сознаніи отцомъ-командиромъ. Прибавлю, что можно быть очень строгимъ начальникомъ и въ то же время стать отцомъ-командиромъ. Нашъ простой человѣкъ не боится строгости и даже уважаетъ ее. Строгость въ большинствѣ случаевъ

въ арміи спасительна, ибо охраняетъ отъ проступковъ, а многихъ отъ преступленій, но простой человѣкъ особенно чутокъ къ несправедливости и вѣрно отличаетъ всякую фальшь въ отношеніяхъ къ нему. Вы, раздѣлявшіе съ нижними чинами всѣ труды и опасности боевой жизни, находитесь въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Нижніе чины, видѣвшіе своего офицера въ бою всегда на своемъ мѣстѣ, видѣвшіе его самоотверженный примѣръ, когда то требовалось, многое простятъ ему и пойдутъ за нимъ въ огонь и въ воду. Надо бережно и заботливо охранять эти связи, не переводя безъ крайней надобности боевыхъ офицеровъ изъ тѣхъ частей, съ которыми они были въ бою.

Крѣпко охраняйте боевыя традиціи, пріобрѣтенныя войсками. Не теряйте времени, чтобы въ каждой ротѣ, сотнѣ, батареѣ сохранить въ вѣчной памяти подвиги своей части и отдѣльныхъ лицъ.

Стойте возможно ближе къ солдату; добивайтесь его полнаго довѣрія. Заслуживайте такое довѣріе непрерывною заботою о немъ, любовью къ нему, строгимъ и въ то же время отеческимъ къ нему отношеніемъ, знаніемъ своего дѣла, примѣромъ своей жизни. Только при этомъ довѣріи вы будете въ силахъ использовать всѣ его хорошія качества, ослабить его недостатки и охранить отъ вредныхъ вліяній, которыя нынѣ будутъ болѣе опасны, чѣмъ ранѣе. Недавніе примѣры военныхъ бунтовъ должны быть у васъ постоянно въ памяти.

Обращаюсь и къ вамъ, командиры полковъ, въ частности. Вы убѣдились, какое огромное значеніе имѣетъ въ бою полковой командиръ. Во многихъ случаяхъ отъ того, какъ онъ велъ бой съ своимъ полкомъ, зависѣла участь всего боя. Во многихъ случаяхъ достаточно было, чтобы во главѣ полка явился энергичный, храбрый, знающій полковой

командиръ, какъ полкъ въ короткое время въ боевомъ отношеніи становился неузнаваемымъ. Такое значеніе вызываетъ необходимость не только тщательнаго выбора на должность командира полка, но и непрерывной работы командира полка къ совершенствованію всѣхъ подчиненныхъ ему чиновъ въ учебномъ и духовномъ отношеніяхъ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ наши полковые командиры были чрезмѣрно завалены заботами хозяйственными и перепиской и не могли удѣлять достаточно времени на строевую часть, на общеніе съ офицерами и нижними чинами, на воспитаніе ихъ. Командиръ полка, при нѣкоторыхъ военныхъ начальникахъ, являлся въ большей мѣрѣ отвѣтственнымъ за несвоевременную окраску обоза, чѣмъ за недостаточную тактическую подготовку полка. Вѣчная забота объ отысканіи источниковъ на покрытіе расходовъ по статьямъ, на которыя не было назначено отпусковъ отъ казны, забота о накопленіи мундирной одежды, о накопленіи разныхъ капиталовъ приводили къ тому, что нѣкоторые командиры полковъ плохо знали своихъ офицеровъ, а по отношенію къ нижнимъ чинамъ творили нехорошее дѣло, ибо за счетъ желудка и здоровья солдата образовывали экономическіе капиталы. Въ минувшую войну чины интендантства блестящимъ образомъ справились съ тяжелыми обязанностями, на нихъ возложенными въ военное время, и доказали, что они заслуживаютъ полнаго довѣрія и въ мирное время. Поэтому нынѣ безбоязненно можно передать интендантству въ значительной степени заботу о хозяйственной части войскъ (обмундированіе, снаряженіе, обозъ, продовольствіе). Тогда командиры полковъ и ротные командиры станутъ, прежде всего, начальниками живыхъ людей и перестанутъ быть чиновниками въ канцеляріяхъ и смотрителями въ раз-

личныхъ цейхгаузахъ. Тогда дѣло обученія и, главное, дѣло воспитанія войскъ выиграетъ.

Обращаю особенное вниманіе всѣхъ начальствующихъ лицъ на необходимость сознательнаго и самаго внимательнаго изученія характеровъ ввѣренныхъ ихъ попеченію подчиненныхъ. Мы бѣдны выдающимися самостоятельностью, энергіею, иниціативою людьми. Ищите ихъ, поощряйте, продвигайте впередъ. Вызывайте ростъ этихъ основныхъ для военнаго человѣка качествъ. Люди съ сильнымъ характеромъ, люди самостоятельные, къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ въ Россіи не только не выдвигались впередъ, а преслѣдовались: въ мирное время такіе люди для многихъ начальниковъ казались безпокойными, казались людьми съ тяжелымъ характеромъ и таковыми и аттестовывались. Въ результатѣ такіе люди часто оставляли службу. Наоборотъ, люди безъ характера, безъ убѣжденій, но покладистые, всегда готовые во всемъ соглашаться съ мнѣніями своихъ начальниковъ, выдвигались впередъ. Будемъ помнить, что за наше невниманіе къ аттестаціямъ ввѣренныхъ нашему командованію подчиненныхъ мы тяжело поплатились въ эту войну.

Большая часть войскъ 1-й арміи остается на Дальнемъ Востокѣ. Вполнѣ увѣренъ, что славныя Сибирскія войска, входившія въ составъ 1-й Маньчжурской арміи, составлявшія въ бою твердую основу нашихъ арміи, и нынѣ, въ мирное время, при новыхъ условіяхъ, дадутъ прочную охрану Россіи на Дальнемъ Востокѣ.

Прощаясь съ вами, мои дорогіе боевые товарищи, искренно желаю вамъ, чтобы пережитый вами боевой опытъ принесъ великую пользу арміи и нашей Родинѣ. Твердо преданные Престолу и Родинѣ, всегда готовые поддерживать порядокъ и правительственную власть, чуждые борьбѣ политиче-

ских партій, вы, въ сознаніи какъ своихъ сильныхъ, такъ и слабыхъ сторонъ, явленныхъ въ минувшую войну, вѣрю, быстро залечите свои раны и поведете армію къ совершенствованію.

Если въ нашей будущей работѣ, по совершенствованію самихъ себя и ввѣренныхъ вамъ нижнихъ чиновъ, вы и будете лишены сознанія одержанной побѣды въ минувшей войнѣ, то въ утѣшеніе и подкрѣпленіе вы можете смѣло вспоминать, что не жалѣя силъ и жизни были готовы продолжать борьбу съ храбрымъ врагомъ до полной надъ нимъ побѣды, вѣрили въ побѣду надъ нимъ сами и успѣли вселить эту вѣру въ нашего чуднаго солдата.

Богъ вамъ въ помощь въ предстоящей вамъ мирной, но важной для нашей дорогой родины, дѣятельности.

Низко кланяюсь вамъ и приношу искреннюю признательность за самоотверженную боевую службу. Прошу Васъ въ частяхъ войскъ передать всѣмъ нижнимъ чинамъ мою благодарность за боевую службу, низкій поклонъ за многократную ко мнѣ ласку и пожеланія неизмѣнно вѣрной службы Царю и Родинѣ.

Генералъ-адъютантъ Куропаткинъ.

5-го февраля 1906 года. г. Шуанченпу.

Труды того-же автора:

Страница изъ исторіи Восточнаго вопроса.

АНГЛО-АФГАНСКАЯ РАСПРЯ

(очеркъ войны 1879—1880 г. г.).

ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

Томъ I и II. Спб. 1882 г. . . . . **5** р.
Томъ III и IV. Спб. 1885 г. . . . . **6** р.

ВОЗМОЖЕНЪ ЛИ
ПОХОДЪ РУССКИХЪ ВЪ ИНДІЮ?

Москва, 1901 г. . . . . **30** к.

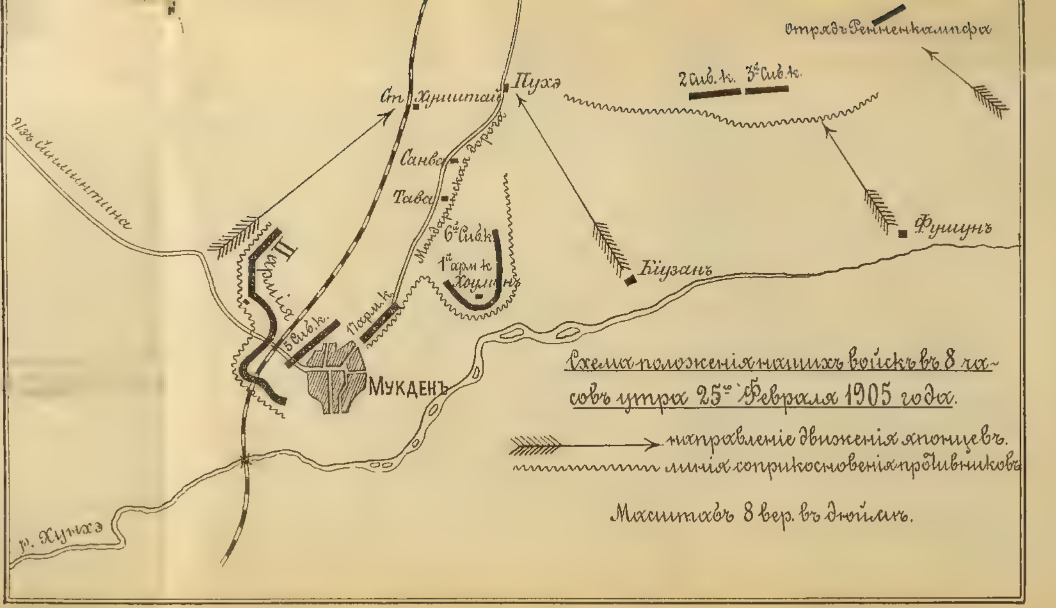
Готовится къ печати:

ПОХОДЫ въ ИНДІЮ

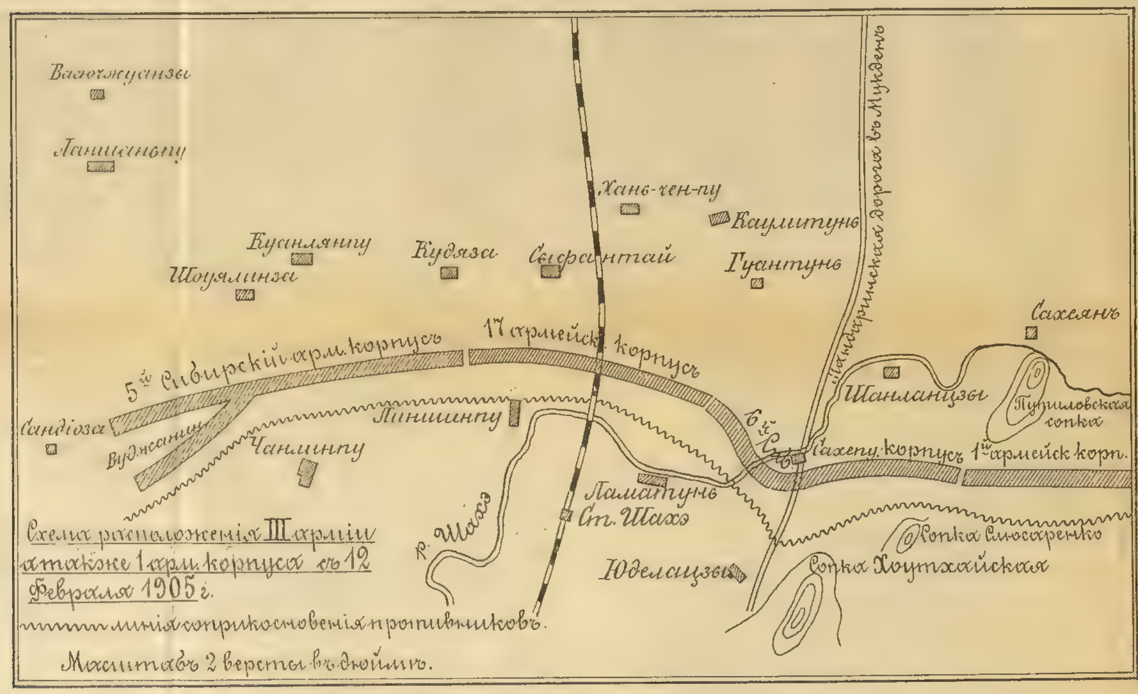
отъ Александра Македонскаго до завоеванія Индіи англичанами и краткая военная исторія индійскихъ имперій.

Продаются въ складѣ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО, Спб.

Тацзвинъ
Ванскжуанза
Цандяпуза
Табусянтунь
Тузльпу
Ланшанъпу
Пендіанза
Кудяза
Подавяза
Каулинпу
Ханченпу
Сыфантай
Кудяза
Шоуяминза
Дамантунь
Ингоа
Гуантунь
Штавная сопка
Фыньдятунь
Сохоянъ
Шанланцза
Чидяминза
Люфантунь
Сеховентай
Синтайзы
Сандіоза
Вугжининъ
Чанлинпу
Линшинпу
Кисяотунь
Ст. Шахэ
Р. Шахэ
Юделацза
Хунлентунь
Людятунь
Чансодоганза
(Наньганза)
Кудяза
Сичанлинза
Хоухуцзянъ
Ченцанлинза
Хоутхай
Путиава
Хуанхуадянъ
Шiесанза
Пхаоцзыянъ
Тиньяцзы
Холянтай
Татай
Хунлинпу
Падяза
Сандяза
Тунхеда
Люсандіаза
Хунченпу
Фудядуанза
Тхуньсанзы
Туньсаньхоу
Войсками не заняты
Сопки:
А правая или крайняя.
Б остроконечная или за деревней
В двугорбая
Д сахарная голова
Ж плоская высота восточнѣе д. Шiесанза
фугасы
провол. сѣть
волчьи ямы
линія соприкосновенія противниковъ


Отрядъ Ренненкампфа
2 Сиб. к.
3 Сиб. к.
Ст. Хушитай
Пухэ
Изъ Синминтина
Санва
Тава
Мандаринская дорога
6 Сиб. к.
1 арм. к.
Хоушнэ
Куизанъ
Фушунъ
II армія
5 Сиб. к.
17 арм. к.
МУКДЕНЪ
Схема положенія нашихъ войскъ въ 8 ча-
совъ утра 25 Февраля 1905 года.
направленіе движенія японцевъ.
линія соприкосновенія противниковъ
Масштабъ 8 вер. въ дюймѣ.
р. Хунхэ

Вазнчжуанзы
Ланшанвпу
17 арм. корпусъ
Мандаринская дорога въ Мукденъ
Ханьченпу
Каулитунь
Куанминпу
Шоуяминза
Кудяза
Сыфантай
Гуантунь
6 Сиб. корп.
Сахеянъ
Синтайцзы
Линшинпу
Шанланцзы
Путиловская сопка
Сандіоза
Вуджанинъ
Сахепу
Чанминпу
1 арм. корпусъ
Ламатунь
Ст. Шахэ
Юделацза
Сопка Слюсаренко
Хоутхайская сопка.
Схема расположенія 17 арм. корп.
6 Сиб. корпуса и 1 арм. корпусовъ
22 Февраля 1905 г.
5 Сиб. корпусъ отступилъ
Сѣвернѣе за Суятунь.
линія соприкосновенія противниковъ.
Масштабъ 2 вер. въ дюймѣ.


Ваночжуанзы
Ланшанпу
Мандаринская дорога въ Мукденъ
Хань-чен-пу
Каулитунь
Куанляпу
Кудяза
Сыфантай
Гуантунь
Шоуяминза
Сахеянъ
5 Сибирскій арм. корпусъ
17 армейск. корпусъ
Шанланцзы
Путиловская сопка
Сандіоза
Вуджанинъ
Линшинпу
Чанминпу
6 Сиб.
Сахепу. корпусъ
1 армейск. корп.
Ламатунь
Ст. Шахэ
р. Шахэ
Сопка Слюсаренко
Юделацзы
Сопка Хоутхайская
Схема расположенія III арміи
а также 1 арм. корпуса съ 12
Февраля 1905 г.
линія соприкосновенія противниковъ.
Масштабъ 2 версты въ дюймѣ.

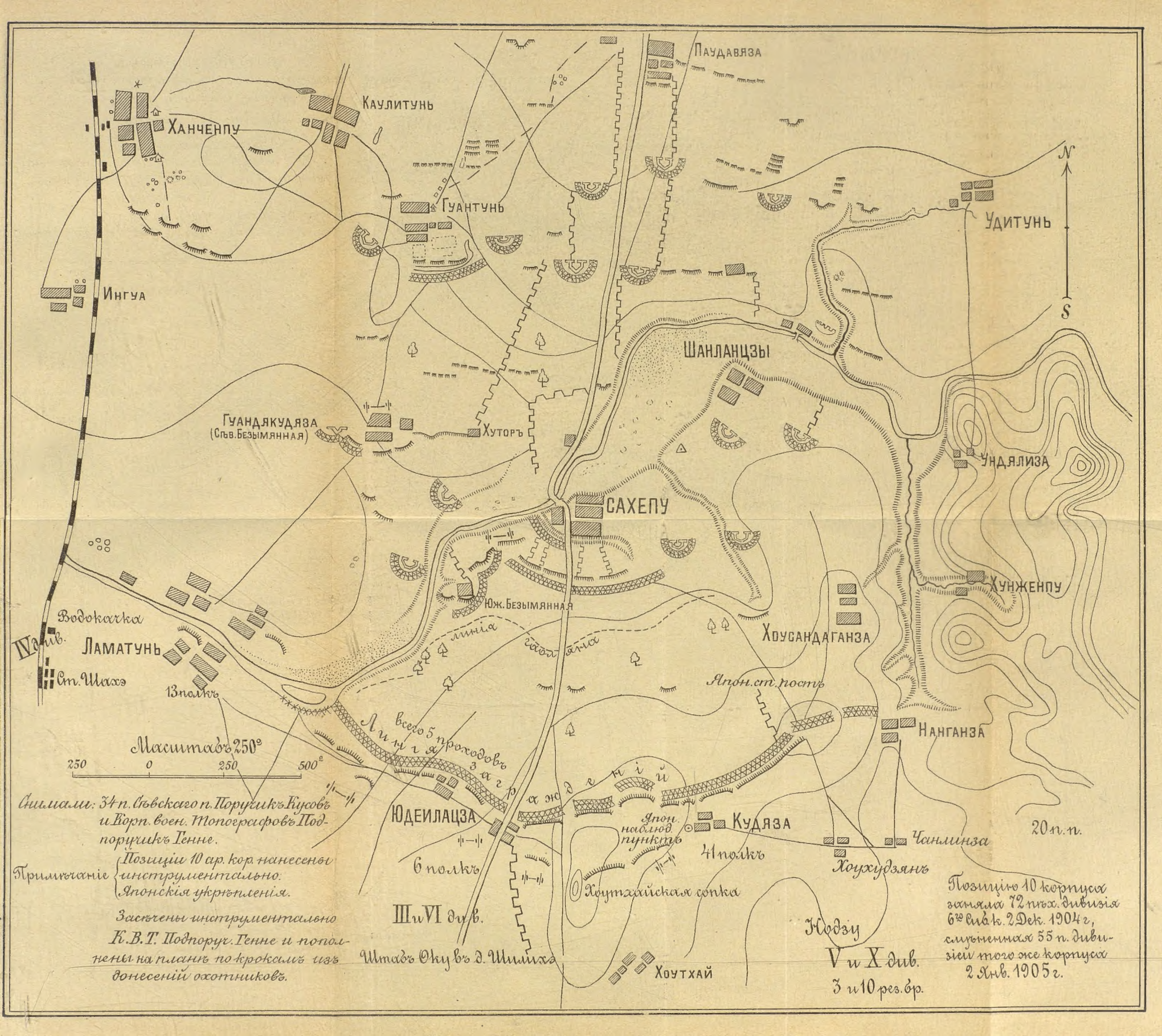
МУКДЕНЪ

ФУШУНЪ

Вторпе дополнен. и исправ. изданіе Управленія Генераль-Квартирмейстера Маньчжурской Арміи къ 9 Сентября 1904г

Печатано въ Типо-Литографіи Штаба Заамурскаго Округа Пограничной Стражи.

Снималъ копію поручикъ Пограничной Стражи Эдлихбенъ.



Снимали: 34 п. Съвскаго п. Поручикъ Куковъ и Корп. воен. Топографовъ Подпоручикъ Генне.

Примѣчаніе { Позиціи 10 ар. кор. нанесены инструментально. Японскія укрѣпленія.

Засѣчены инструментально К.В.Т. Подпорук. Генне и пополнены на планъ по кроскамъ изъ донесеній охотниковъ.

Позицію 10 корпуса занята 72 пѣх. дивизія 6го Сиб. к. 2 Дек. 1904 г, смѣненная 55 п. дивизіей того же корпуса 2 Янв. 1905 г.

Въ штабахъ и на поляхъ Дальняго Востока. Воспоминанія офицера Генер. Штаба и командира полка *М. Грулева*. Съ рисунками и картой Дальняго Востока Спб., 1908 г. Томъ. I. . . . . 2 р. 50 к.
Томъ II. . . . . 3 р.

Содержаніе книги М. Грулева чрезвычайно интересно, и это замѣчаніе относится въ равной степени къ обѣимъ частямъ.

Книга изложена популярно, прекраснымъ, вполнѣ литературнымъ и живымъ языкомъ, а отдѣльные, наиболѣе характерные эпизоды описаны чрезвычайно рельефно, увлекательно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просто. . .

. . . Считаю справедливымъ отмѣтить эти достоинства книги М. Грулева и рекомендовать ее вниманію какъ военнаго, такъ и не военнаго общества. *Д. Парскій. «Развѣдчикъ», № 902.*

Мукденское сраженіе. 20-дневный бой моего отряда отъ Цинхэчена до Мацзяндана. Составилъ генералъ-лейтенантъ *Ренненкампфъ*. Спб., 1908 г. Съ рисунками и схемами. . . . . 1 р. 25 к.

. . . Боевая доблесть автора извѣстна всей Россіи и несомнѣнно привлечетъ общее вниманіе къ этой книгѣ.

Въ книгѣ подробно выясняется работа управленія войсками въ бою, такъ какъ авторъ документально приводитъ всѣ приказанія и донесенія, которыя онъ получалъ и посылалъ главнокомандующему, командующему арміей, подчиненнымъ начальникамъ и сосѣднимъ участкамъ. Эта часть имѣетъ большое значеніе, и каждый изслѣдователь исторіи Мукденскаго боя долженъ ознакомиться съ нею. *М. Ковскій. Литер. прил. къ „Рус. Инв." 1909 г.*

Участіе Зарайцевъ въ бою при Ляньдянсанѣ и въ сраженіи на Шахе. Составилъ *Евг. Ив. Мартыновъ*. Со схемами. 1908 г. . . . . 1 р. 25 к.

„Въ виду того, что въ теченіе всей этой войны частная инициатива нашими войсками примѣнялась очень рѣдко, эти случаи заслуживаютъ самаго подробнаго изученія".

В. Н. „Брат. помощь" 1908 г. № 5.

Японцы о бояхъ у Сандепу. Съ 3 схемами. *В. Ѳ. Новицкій*. 1908 г. . . . . 50 к.

. . . Намъ эта брошюра В. Ѳ. Новицкаго вмѣстѣ съ приведеннымъ въ ней документомъ японскаго источника представляется важной не для одного только сраженія подъ Сандепу, а для характеристики нашихъ дѣйствій въ минувшую войну вообще.

Требованія адресовать

Въ складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

6329

Цѣна **3** р. **50** коп.

СКЛАДЪ
В. А. БЕРЕЗОВСКАГО
КОМИССІОНЕРА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

2007099574